

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Sciences
Scientific Council on the Fundamental Problems
of Russian and Foreign History
Section for the Problems of Agrarian History
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences
Voronezh State University

**THE AGRARIAN HISTORY
OF EASTERN EUROPE
YEARBOOK
2020**

Social organization of the rural communities,
X—XXI centuries:
landowners and peasants

Voronezh
Publishing and printing center
“Nauchnaya kniga”
2020

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет РАН по фундаментальным вопросам
российской и зарубежной истории
Секция по проблемам аграрной истории
Институт российской истории РАН
Институт славяноведения РАН
Воронежский государственный университет

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 2020 ГОД

Социальный мир деревни X—XXI вв.:
земельные собственники / землевладельцы и земледельцы

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2020

УДК 94(4):338.43.02
ББК 63.3(4)-21+65.32-18
Е36

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» — издание
Секции по проблемам аграрной истории Научного совета РАН
по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия
О. В. Горбачев, А. А. Горский (ответственный редактор), В. А. Ильиных,
М. Д. Карпачев, А. И. Комиссаренко, В. В. Кондрашин (ответственный редактор),
Л. Н. Мазур, В. Н. Никулин, В. Д. Назаров,
Н. В. Соколова (ответственный секретарь),
Д. А. Хитров, С. В. Черников, Е. Н. Швейковская

Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-22014

Е36

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год : Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы / Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории ; отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. — Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2020. — 260 с. — ISBN 978-5-4446-1506-5. — Текст : непосредственный.

ISSN: 2305-5057

В очередной том «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» включены статьи, написанные на основе докладов и сообщений, представленных на XXXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы».

УДК 94(4):338.43.02

ББК 63.3(4)-21+65.32-18

ISSN 2305-5057

© Коллектив авторов, 2020

© Секция по проблемам аграрной истории
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам
российской и зарубежной истории, 2020

ISBN 978-5-4446-1506-5

© Изд. оформление.

Издательско-полиграфический центр
«Научная книга», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9
<i>А. А. Горский</i> ВЕРВЬ И ПОГОСТ (XI—XIII ВВ.)	10
<i>Ю. В. Степанова, П. В. Гаврилов</i> ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ ТВЕРСКОЙ ПОЛОВИНЫ БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ ПО ДАННЫМ ПИСЦОВОЙ КНИГИ 1545 Г.	16
<i>Д. А. Хитров, А. В. Жиборкина</i> О РАЗМЕЩЕНИИ ПОМЕСТНОГО ФОНДА МОСКОВСКОГО УЕЗДА В 1620-Х ГГ.	26
<i>П. В. Чеченков</i> СВЕТСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА 1620-Х ГГ. В СВЕТЕ ИЕРАРХИИ СЛУЖИЛОГО «ГОРОДА»	33
<i>А. И. Папков</i> ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА	38
<i>Н. В. Соколова</i> СЕЛЬСКИЙ МИР МОНАСТЫРСКОЙ ВОТЧИНЫ В ДМИТРОВСКОМ У. НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII ВВ.: СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРА ОБЩИНЫ	46
<i>С. В. Черников</i> РОДОВОЙ СОСТАВ ДВОРЯН-СОБСТВЕННИКОВ НАСЕЛЕННЫХ ИМЕНЕЙ В УЕЗДАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.	59
<i>А. И. Комиссаренко</i> РОЛЬ ВЯТСКОГО КРАЯ В ПОСТАВКЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ В XVIII ВЕКЕ	66
<i>Л. Г. Степанова</i> ОСВОЕНИЕ ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: СТРУКТУРНО-ФОРМИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАССЕЛЕНИЯ	72
<i>Д. А. Черненко</i> ЗЕМЛИ ГОРОДОВ КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ	82
<i>Н. А. Жиров, В. В. Канищев</i> ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	91
<i>Д. В. Ковалев</i> ДИНАМИКА ПРОМЫСЛОВОЙ МИГРАЦИИ ПОДМОСКОВНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ	100
<i>М. Д. Книга</i> СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ	109

Т. Н. Сидоренко

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
В НАЧАЛЕ XX В. 116

Ю. Б. Будкина

КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ) 127

Е. А. Зверков

РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНОЕ НАСИЛИЕ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ:
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 Г. 134

А. Г. Галлямова

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ОТ ОТКРЫТОЙ
КОНФРОНТАЦИИ К СКРЫТОМУ ФРОНДЕРСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ АССР) ... 141

И. Е. Кознова

«ПРАЗДНИК УРОЖАЯ»: ДЕРЕВЕНСКАЯ ТЕМА В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК»
(1923—1991 ГГ.) 154

О. В. Бершадская

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА
В ЧЕРНОМОРСКОМ ОКРУГЕ В 1920-Е ГГ. 166

И. В. Гончарова, Г. С. Чувардин

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИРА ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНИ В ПРОЦЕССЕ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1930—1932 ГГ.) 172

В. В. Бабашкин

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1930-Х ГГ.
И «ВТОРОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ» 1950-Х ГГ. 179

В. А. Ильиных

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В СИБИРИ В 1930-Е ГГ. ... 186

О. Н. Аргунов

БОРЬБА С ГОЛОДОМ В КУРСКИХ КОЛХОЗАХ В 1946—1947 ГГ. 198

П. П. Полх

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1940 — НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ. 206

Е. Е. Темникова

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛИННОЙ КАМПАНИИ НА АГРАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
ТРАДИЦИОННЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАЙОНОВ СССР 214

В. Н. Томилин

ЭКСПЛУАТАЦИЯ МАШИН КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОТЕХНОЛОГИЙ
В СССР (1960—1970-Е ГГ.) 219

А. И. Шевельков

СОСТОЯНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ
НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР В 1960-Е ГГ. 232

Н. А. Серогодский

ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕ-
РИОД НА ЮГЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (1970—1990-Е ГГ.) 241

Summary 253

CONTENTS

Gorskii A. A. VERV' AND POGOST (XI—XIII CENTURIES)	10
Stepanova Y. V., Gavrilov P. V. LOCALIZATION OF THE LANDOWNING OF THE TVER HALF OF THE BEZHETSKAYA PYATINA ACCORDING TO THE SCRIBE BOOK OF 1545	16
Khitrov D. A., Zhiborkina A. V. THE LOCALIZATION OF THE POMESTIE ESTATES IN THE MOSCOW UEZD IN THE 1620S ...	26
Chechenkov P. V. SECULAR LAND TENURE AND PEASANTS OF THE NIZHNY NOVGOROD UEZD OF THE 1620S IN THE LIGHT OF THE HIERARCHY OF THE LANDOWNER'S LOCAL CORPORATION	33
Papkov A. I. THE CHURCH LAND OWNERSHIP IN THE VORONEZH UEZD IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY	38
Sokolova N. V. RURAL "MIR" OF THE MONASTERY VOTCHINA IN DMITROVSKY UEZD IN LATE XVII — EARLY VIII CENTURY: THE SETTLEMENT SYSTEM AND THE STRUCTURE OF THE COMMUNITY	46
Chernikov S. V. FAMILY COMPOSITION OF THE LANDED NOBILITY IN THE REGIONS OF EUROPEAN RUSSIA IN THE XVII AND EARLY XVIII CENTURIES	59
Komissarenko A. I. THE ROLE OF VJATKA REGION IN SUPPLY OF AGRARIAN PRODUCTION TO ALL-RUSSIAN AND EUROPEAN MARKETS IN XVIII CENTURY	66
Stepanova L. G. THE DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN TERRITORIES OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES: THE FACTORS OF THE FORMATION SETTLEMENT STRUCTURE	72
Chernenko D. A. LANDS OF THE CITIES OF THE KURSK PROVINCE IN THE MATERIALS OF THE GENERAL LAND SURVEY	82
Zhirov N. A., Kanishchev V. V. THE IMPACT OF THE MIGRATIONS ON THE EVERYDAY LIFE OF THE PEASANT POPULATION OF THE OREL AND TAMBOV GUBERNIAS IN THE EARLY XX CENTURY ...	91
Kovalev D. V. DYNAMICS OF LABOUR MIGRATIONS OF THE PEASANTRY OF MOSCOW REGION DURING THE PERIOD OF STOLYPIN REFORM	100
Kniga M. D. AGRICULTURAL EDUCATION AND CHANGES IN THE VORONEZH RURAL REGIONS DURING THE STOLYPIN REFORM	109
Sidorenko T. N. AGRICULTURAL CREDIT COOPERATION OF THE KUBAN COSSACKS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY	116

Budkina Yu. B. CREDIT COOPERATION IN THE RURAL REGIONS OF RUSSIA BEFORE THE WORLD WAR I (BASED ON THE MATERIALS OF THE PROVINCES OF CENTRAL RUSSIA)	127
Zverkov E. A. REVOLUTION AND AGRARIAN VIOLENCE IN THE VORONEZH GUBERNIA: FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917	134
Gallyamova A. G. SOCIAL PEACE IN THE SOVIET AND POST-SOVIET COUNTRYSIDE: FROM OPEN CONFRONTATION TO HIDDEN FRONTAGE IN TATAR ASSR	141
Koznova I. E. “HARVEST FESTIVAL”: VILLAGE THEME IN THE MAGAZINE “OGONYOK” (1923—1991)	154
Bershadskaya O. V. SPECIFICS OF LAND USE AND LAND MANAGEMENT IN THE BLACK SEA REGION IN THE 1920S	166
Goncharova I. V., Chuvardin G. S. EVOLUTION OF THE SOCIAL WORLD OF THE CHERNOZEM VILLAGE IN THE PROCESS OF COLLECTIVIZATION (1930—1932)	172
Babashkin V. V. SOCIAL ASPECTS OF COLLECTIVIZATION IN THE 1930S AND THE “SECOND COLLECTIVIZATION” OF THE 1950S	179
Ilyinykh V. A. STATISTICAL MONITORING OF SOWN AREAS IN SIBERIA IN THE 1930S	186
Argunov O. N. THE FIGHT AGAINST HUNGER IN THE COLLECTIVE FARMS IN KURSK REGION IN 1946—1947	198
Polkh P. P. FORMATION OF RURAL SOCIETY IN THE EASTERN REGIONS OF THE KALININGRAD REGION IN THE LATE 1940S AND EARLY 1950S	206
Temnikova E. E. INFLUENCE OF THE “VIRGIN LAND CAMPAIGN” ON THE AGRICULTURAL TECHNOLOGIES OF TRADITIONAL AGRICULTURAL REGIONS OF THE USSR	214
Tomilin V. N. MACHINE OPERATION AS A FACTOR OF EFFICIENCY OF AGROTECHNOLOGY IN THE USSR (1960S — 1970S)	219
Shevelkov A. I. THE STATE AND EFFICIENCY OF THE ECONOMY OF COLLECTIVE AND STATE FARMS IN THE NON-BLACK EARTH ZONE OF THE RSFSR IN THE 1960S	232
Serogodsky N. A. PERSONAL SUBSIDIARY FARMS OF THE POPULATION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD IN THE SOUTH OF RUSSIA: PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS (1970—1990S)	241
Summary	253

ПРЕДИСЛОВИЕ

В томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» публикуются статьи, написанные на основе докладов и сообщений XXXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, прошедшей в сентябре 2020 г. в г. Воронеже. Сессия была посвящена теме «Социальный мир деревни X—XXI вв.: земельные собственники / землевладельцы и земледельцы». Организаторами конференции выступили Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, Институт российской истории РАН, Институт славяноведения РАН и Воронежский государственный университет.

Статьи по периоду до середины XIX в. концентрируются вокруг трех крупных блоков проблем. Это история взаимодействия между государственной властью, общинами и крестьянскими хозяйствами, расселение, освоение территории и миграции эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, эволюция структур землевладения. Среди статей — работы о древнерусской верви, светском и церковном землевладении XVI—XVIII вв., родовом составе дворянства.

Работы по аграрной истории второй половины XIX — начала XX в., пореформенного периода сосредоточены на различных аспектах миграционных процессов в русской деревне, хозяйственной эволюции частновладельческих, главным образом, дворянских хозяйств. Изучаются проблемы истории крестьянства в условиях столыпинской реформы, развитие крестьянской кооперации в начале XX в.

В исследованиях по советскому и новейшему периоду основное внимание уделено отношениям сельского социума и власти, поведенческим стратегиям и тактикам крестьянства в условиях проводимых государством модернизационных реформ. Актуальные проблемы источниковедения аграрной истории затронуты в статье об организации статистического мониторинга в 1930-е гг. Историографическую значимость имеют работы, посвященные репрезентации образа советской деревни в журнале «Огонек»; клонированию сталинского колхозного строя на территорию присоединенной к СССР Восточной Пруссии. Также исследованы: региональные особенности землепользования; организация борьбы с голодом в послевоенный период; влияние агротехнологий на динамику сельского хозяйства; эффективность колхозного и совхозного производства; политика государства в отношении личных приусадебных хозяйств населения.

Редколлегия

ВЕРВЬ И ПОГОСТ (XI—XIII ВВ.)

В статье рассматривается соотношение терминов «вервь» и «погост». Автор приходит к выводу, что оба обозначали одно и то же — судебно-податной округ. Для традиционного мнения о верви как обозначении сельской общины оснований в источниках недостаточно.

Ключевые слова: вервь; погост; сельская община; административный округ.

Термин *вервь* в науке традиционно принято считать древнерусским обозначением «сельской общины». Термин *погост* для периода XI—XIII вв. трактуется как обозначение населенного пункта, являющегося центром судебно-податного округа [1; 9]. Ряд исследователей (В. Н. Лешков, М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. П. Павлов-Сильванский, Л. В. Черепнин) высказывали предположения о близости этих двух понятий², но такие суждения не подкреплялись аргументацией и развития в историографии не получили. Между тем имеющиеся данные источников дают основания полагать, что *вервь* и *погост* являлись понятиями не просто близкими, но фактически синонимическими.

Вервь упоминается только в Русской Правде — в одной статье Краткой редакции и в шести статьях Пространной.

Краткая редакция (в части, традиционно определяемой как «Правда Ярославичей» и датированной серединой — третьей четвертью XI в.³):

Ст. 20 — «А иже оубьютъ огнищанина в разбои, или убица не ишоуть, то вирное платити, в неи же вири (*вар.*: вѣрнѣи) голова начнетъ лежати»⁴ (Если убьют управляющего (княжеским) хозяйством в результате разбойного нападения, а убийцу (люди) не помогают искать, то виру платит вервь, в которой найден убитый). «Вири» и «вѣрнѣи» здесь — описки вместо «верви», о чем говорит чтение аналогичной по смыслу ст. 3 Пространной редакции: «Въ чьей же верви голова лежитъ»⁵.

---

¹ Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, gor-ks@yandex.ru, Россия, г. Москва.

² [6, с. 150]: вервь — древнейшее наименование, погост — более позднее; [2, с. 79—80]: термин «вервь» употреблялся и на юге, и на севере Руси, термин «погост» — только на севере; [8, с. 232—233]: вервь — южный термин, погост — новгородский; [15, с. 150—152]: погост-община — та же социальная организация, которую Русская Правда обозначает термином «вервь».

³ См.: [11, с. 21—30].

⁴ Правда Русская. Москва ; Ленинград, 1940. Т. 1. С. 71, 80.

⁵ Там же. С. 104.

Пространная редакция (наиболее вероятное время создания — начало XII в.¹):

Ст. 3 — «Аже кто оубиеть княжа мужа в разбой, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова лежить»² (Если кто убьет княжьего мужа в результате разбойного нападения, а убийцу (люди) не помогают искать, то виру платит вервь, в который найден убитый).

Ст. 4 — «Которая ли вервь начнет платити дикую вѣру (*вар.*: вироу), колико лѣтъ заплатит ту виру, зане же безъ головника имъ платити»³ (Если какая-то вервь начнет платити виру в складчину, то пусть платит ее столько лет, сколько сможет, поскольку платит без участия убийцы).

Ст. 5 — «Будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань к нимъ прикладываетъ, того же дѣля имъ помагати головнику, любо си дикую вѣру (*вар.*: вироу); но сплатити имъ во обчи 40 гривенъ, а головничество самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити ис дружины свою часть»⁴ (Если убийца находится в верви, то членам ее надо ему помогать, так как он сам присоединяется к платежам (в таких же случаях), или платити виру в складчину; заплатить им сообща 40 гривен, а головничество (плата родственникам убитого) самому убийце; а в 40 гривен он совместно с другими вкладывает свою часть).

Ст. 6 — «Но оже будетъ оубиль или въ свадѣ или в пиру явлено, то тако ему платити по верви нынѣ, иже ся прикладывають вироу»⁵ (Если кто-то убил открыто, в ссоре или на пиру, то платит вместе с вервью, так как сам участвует в таких платежах).

Ст. 19 — «А по костехъ и по мертвечи не платити верви, аже имене не вѣдають, ни знаютъ его»⁶ (А за кости и за мертвеца вервь не платит, так как имя его неизвестно).

Ст. 70 — «Аже будетъ росѣчена земля или знамение, им же ловлено, или сѣтъ, то по верви искати татя ли платити продажу»⁷ (Если будет разрыта земля или останутся следы ловли или сеть, то искать вора в верви или платити продажу (штраф)).

Из этих данных следует, что «вервью» назывался округ, жители которого несут коллективную ответственность в случае совершения преступлений на его территории: если преступник не найден, то они должны платити в складчину «дикую виру». При этом нет никаких указаний, что *вервь* — объединение исключительно сельских жителей. Преступления, о которых идет речь в статьях, могли произойти как в сельской местности, так и в городе и городской округе; по прямому смыслу статей вервью именовался судебный округ вообще. Термин *погост* в Русской Правде не фигурирует.

Система погостов начала создаваться, согласно Начальному летописанию, княгиней Ольгой в середине X в., причем в летописном рассказе об этом речь идет о погостах по всей Русской земле: «Иде Ольга к Новугороду, и устави по Мьстѣ погосты

¹ См.: [5, с. 217—254; 7].

² Правда Русская. Т. 1. С. 104.

³ Там же. С. 104, 123.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 105

⁷ Там же. С. 112, 128.

и дань и по Лузѣ погосты и дань и оброки, и ловища ея суть по всеи земли, и знаменія и мѣста и погосты, и сани ея стоятъ въ Плесѣковѣ и до сего дни, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Ольжичи и до сего дни»¹.

Последующих упоминаний погостов в источниках немного, но те, что имеются, говорят о широкой распространенности этого вида поселений. В церковном уставе Владимира Святославича (начало XI столетия) — говорится о десятинах от государственных доходов, пожалованной церкви; в качестве центров территориального деления указаны города, погосты и слободы: «По всѣм городомъ даль есмь и по погостомъ и по свободамъ»². Из погоста в погост перемещались повстанцы во главе с двумя волхвами на пути от Ярославля к Белоозеру согласно рассказу «Повести временных лет» под 1071 г.: «И пойдоста по Волзѣ, и кдѣ придоучи в погость...»³. Уставная грамота Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича (1136 г.) содержит роспись податей с территории Смоленской «волости», из которых выделяется церковная десятина. Пунктами, по которым расписаны повинности внутри волости, являются, во-первых, города, к которым относятся 12 поселений, во-вторых, погосты — все остальные населенные пункты, числом 35⁴. Каждый из них прямо не назван погостом, но первая упомянутая в грамоте территориальная единица — Вержавляне Великие с центром в городе Вержавск — состоит из девяти погостов, с которых в совокупности платится 800 гривен, т. е. около 100 гривен с каждого. «У Вержавлянех у Великих 9 погость, а в тех погостех платит кто же свою дань и передмѣръ истужниці по силѣ, кто что мога. А в тех погостех, а некоторые погосты, то тии десятины убудет. А в тых погостех во всех сходится дани есмь осмь сот гривен, а передмѣра сто гривен, а на истужницѣх сто гривен, то ти ис того взятіи епископу къ святѣи Богородици сто гривен»⁵. Отсюда ясно, что последующие пункты, не упомянутые как города в особой записи «О погородѣ»⁶ и платящие от 10 до 200 гривен, также являются погостами.

Имеются известия о погостах в Новгородской земле: по погостам ведется раскладка доходов в уставной грамоте князя Святослава Ольговича 1137 г. Новгородской епископии на поступления от прионежских и заволочских владений Новгорода⁷; «Терпужьскыи погость Ляховичи» является объектом пожалования князем Всеволодом

---

¹ ПСРЛ. Москва, 2001. Т. 2. Стб. 48—49; ср.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 113. Летописцы конца XI — начала XII в. под «землей» могли иметь в виду только «Русскую землю» — страну в целом, т. к. перенесение термина «земля» на отдельные части Руси (в т. ч. на Новгородскую волость) произошло только с середины XII столетия (см.: [3, с. 157—159]).

² Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 15.

³ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 175.

⁴ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 141—143, 146.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 146.

⁷ Там же. С. 148: «Въ Онѣгѣ на Волдоутовѣ погостѣ два сорочка, на Тудоровѣ погостѣ два сорочка, на Ивани погостѣ с даромъ 3 сорочькы...».

Мстиславичем новгородскому Юрьеву монастырю (между 1125 и 1136 гг.)¹; о присоединении полоцким князем Всеславом Брячиславичем в 1060-е гг. к своим владениям принадлежащего «Новгородской волости» погоста говорится в киевском летописании XII столетия²; упоминаются погосты и в новгородских берестяных грамотах³. Есть летописное упоминание о погостах в Суздальской земле в первой половине XIII столетия: «Татаровъ... взяша городовъ 14, опрочъ свободъ и погостовъ» (1238 г.)⁴. В договоре Новгорода с великим князем владимирским Ярославом Ярославичем (конец 1260-х гг.) погосты упоминаются как округа, к которым приписаны новгородские «смерды»: «А кто смердь, а тот потягнетъ в свои погостъ»⁵.

Погостом, следовательно, именуется центральное поселение территориально-административного (податного и судебного) округа, а в некоторых случаях и сам округ (грамота Ростислава Мстиславича, договор Новгорода с Ярославом Ярославичем), с которого поступают государственные подати: дань и судебные штрафы. Погосты отделены от городов с их округой и от слобод (освобожденных от податей поселений). Ни в одном из перечисленных источников нет упоминаний «верви».

Таким образом, оба термина — и *погост*, и *вервь* — выступают в одном значении — административный округ, с которого идут государственные повинности. При этом «погосты» упоминаются в источниках разных видов (летописи, акты, послания), в том числе относящихся и к Руси в целом (Устав Владимира), и к отдельным регионам: Северо-Восточная Русь (летописные известия 1071 и 1238 гг.), Смоленская земля (уставная грамота Ростислава), Новгородская земля (известия новгородских источников). «Вервь» же фигурирует только в двух связанных между собой правовых памятниках, созданных во второй половине XI — начале XII в. в Киеве — Правде Ярославичей и Пространной редакции Русской Правды. Скорее всего, речь идет о двух обозначениях одного и того же — судебно-податного округа. *Погост* было его общепринятым названием (по главному поселению, в котором концентрировались подати), а при составлении Правды Ярославичей и затем Пространной редакции Русской Правды для обозначения такого округа предпочтен был термин *вервь*. Возможно, это было сделано потому, что в нормах Правды подразумевались не только сельские, но и городские округа, а погосты были обозначением только сельских округов и их центров — города с прилегающей к ним территорией от «погостов» в источниках всегда отделяются.

В отношении этимологии слова *вервь* высказывались две версии: 1) оно связано с *вервь* — «веревка», что подразумевает исходное значение «территория, границы которой измерены веревкой»; 2) слово восходит к древнескандинавскому *hvarf* (*varf*),

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л., 1949. № 80. С. 139—140.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 608: «И погостъ одинъ завель за Полтескъ».

³ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1982. № 531. С. 130—134 ; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. № 800 (60-80 12), 806 (60-80 12), 834 (с 12). С. 29, 33, 53—54.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 3. С. 13.

которое могло иметь значение «круг», «округа» [13, с. 294]. Обе версии вполне подходят к значению «судебно-податной округ». При этом гипотезу о скандинавском заимствовании, возможно, преждевременно рассматривать как устаревшую¹. Древнейшее упоминание «верви» содержится в Правде Ярославичей, созданной в эпоху, когда в окружении русского княжеского семейства и в нем самом видную роль играли высокопоставленные скандинавы: среди них мать составителей памятника (Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей) Ингигерд, дочь конунга Швеции, и будущий конунг Норвегии Харальд Суровый (пребывавший на Руси при дворе Ярослава в 1030-е гг.)². В Правде Ярославичей встречаем древнейшие упоминания термина *тиун*, являющегося скандинавским по происхождению, а в относящейся к эпохе Ярослава Древнейшей Правде (первая часть Краткой редакции Русской Правды) — двух других восходящих к скандинавским словам терминов — *гридь* и *ябетник*³. Использование заимствования для обозначения административных округов, таким образом, выглядит вполне вероятным⁴.

Можно допустить, что при создании судебно-податных округов княжеская власть преимущественно ориентировалась на сложившиеся поземельные связи местного населения. Однако для установившейся в историографии точки зрения о «верви» как обозначении сельской общины имеющихся данных явно недостаточно. Скорее это термин, примененный специально как обобщающее название для административных единиц, и не прижившийся именно потому, что в общепринятом словоупотреблении города с их округой продолжали именоваться «городами», а погосты с их сельской округой — «погостами».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вервь // Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия. — Москва, 2014. — С. 113.
2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Изд. 5-е. — Санкт-Петербург ; Киев, 1907.
3. Горский А. А. Русское средневековое общество : историко-терминологический справочник / А. А. Горский. — Москва, 2019.

---

¹ Ср. такую ее характеристику: [10, с. 103, примеч. 51].

² В саге о Харальде термин *varf* упоминается в составе слова *polutasvarf* как обозначение обхода императорских палат в Константинополе после смерти императора с целью сбора добычи (см.: Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI — середина XIII в.): тексты, перевод, комментарий. М., 2000. С. 112, 115, 121, 126, 146—148).

³ Правда Русская. Т. 1. С. 70—71, 79—80; [3, с. 93—96, 340, 377].

⁴ Предпочтению славянской этимологии на первый взгляд способствует наличие слова *врвь* в значении общности людей в памятнике хорватского права XV—XVII вв. — Полицком статуте (см.: [12, с. 408—423]). Однако в данном источнике термин обозначает часть жителей села (скорее всего, круг дальних родственников), см.: [4, с. 32—34; 14]. Т. е. «полицкая вервь» не соответствует ни значению, которое присутствует в Русской Правде (судебно-административный округ), ни значению, которое утвердилось для «древнерусской верви» в историографии (община). Поэтому, учитывая отсутствие аналогий в других славянских странах, нельзя исключать совпадение разных по происхождению терминов.

4. Греков Б. Д. Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута / Б. Д. Греков // Вопросы истории. — 1951. — № 8.
5. Зимин А. А. Правда Русская / А. А. Зимин. — Москва, 1999.
6. Лешков В. Н. Русский народ и государство / В. Н. Лешков. — Москва, 2010 (1-е изд. — 1858 г.).
7. Милов Л. В. О происхождении Пространной Русской Правды / Л. В. Милов // Вестник Московского университета. Сер.: История. — 1989. — № 1.
8. Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в удельной Руси / Н. П. Павлов-Сильванский // Феодализм в России. — Москва, 1988 (1-е изд. — 1910 г.).
9. Погост // Древняя Русь в средневековом мире : энциклопедия. — Москва, 2014. — С. 627.
10. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М. Б. Свердлов. — Ленинград, 1983.
11. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде / М. Б. Свердлов. — Москва, 1988.
12. Топоров В. Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1 / В. Н. Топоров. — Москва, 2010.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / М. Фасмер. — Москва, 1964.
14. Фрейденберг М. М. «Вервь» в средневековой Хорватии / М. М. Фрейденберг // Уч. зап. Великолуцкого пед. ин-та. — 1961. — Вып. 15.
15. Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. / Л. В. Черепнин // А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин // Пути развития феодализма. — Москва, 1972.

**ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЙ ТВЕРСКОЙ ПОЛОВИНЫ
БЕЖЕЦКОЙ ПЯТИНЫ ПО ДАННЫМ ПИСЦОВОЙ КНИГИ 1545 Г.²**

В статье рассматриваются результаты локализации землевладений в Тверской половине Бежецкой пятины Новгородской земли по данным писцовой книги 1545 г. Основное внимание уделено землевладению накануне присоединения Новгородской земли к Московскому государству.

Ключевые слова: *землевладение; пятина; погост; Новгородская земля; Московское государство; писцовые книги.*

Территория Бежецкой пятины Новгородской земли в XV—XVII вв. занимает восточную и юго-восточную часть Новгородской земли и граничит на юге с Новоторжским и Тверским уездами, на востоке — с Бежецким Верхом, на севере — с Обонежской пятиной, и на западе — с Деревской пятиной. Историческая география Тверской половины Бежецкой пятины недостаточно изучена, в том числе особенности сельского расселения, размещения территорий погостов и землевладений в исторической динамике.

Наиболее полно территория Тверской половины Бежецкой пятины отражена в писцовой книге письма И. Д. Вельяминова и А. Г. Соловцова 1545 г. [5]. Книга характеризуется как подлинный источник, содержащий сведения о составе землевладельцев (новгородского и московского периодов), о расселении, характере и хозяйстве поселений [10, с. 132—133]. Книга включает описания только поместных земель. В писцовой книге 1545 г. характеризуются территории погостов, волостей в рамках погостов и поместий внутри волостей. В описаниях поместий включены данные о населенных пунктах и пустошах. В оглавлении источника в его издании выделено в общей сложности 49 разделов, в том числе 40 погостов. Анализ содержания позволяет говорить, что в книге описаны земли, входившие в 47 погостов, к территории которых относятся отдельные волости и слободки [5].

Особенностью источника является упоминание в нем землевладельцев, на разных этапах имевших владения в Тверской половине Бежецкой пятины. Выделяются три хронологические категории землевладельцев. К наиболее ранним относятся новгородские землевладельцы — бояре, житьи люди, своеземцы и духовенство, которым земли принадлежали накануне или вскоре после вхождения Новгородской республи-

---

¹ *Степанова Юлия Владимировна*, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, m000142@mail.ru, Россия, г. Тверь; *Гаврилов Павел Владимирович*, Тверской государственный университет, rashagavrilov98@mail.ru, Россия, г. Тверь.

² Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-09-00278.

ки в состав Московского государства. Им соответствуют территории крупных волостей. Следующими по хронологии являются служилые землевладельцы, получившие земли на поместном праве в результате конфискации их Иваном III у новгородских землевладельцев в период между 1478 г. и первыми десятилетиями XVI в. Писцовая книга также зафиксировала помещиков на момент составления писцового описания в начале 1540-х гг. Как правило, это потомки предшественников. В тексте писцовой книги динамика землевладения прослеживается в формуляре описания: владец волостки (домосковского периода) — последний владец — предшественник (или предшественники в период между 1478 г. — первыми десятилетиями XVI в.), например, «волость Коства Лукинская Федорова в Михайловском погосте за Федком за Ильиным сыном Юренева отцовское поместье» [5, стб. 384]; «волость Лощемля Ондреевская Посохнова в Михайловском погосте, что бывала за князем за Семеном да за князем за Васильем за княж Даниловыми детми Дмитреевича Холмского, а ныне за детми за боярскими в поместье, за Сапуном за Ивановым сыном Рострубаева да за его сыном за Васюком» [5, стб. 399—400].

Местонахождение, принадлежность землевладений и их размеры на различных этапах исследовал Г. В. Абрамович [1; 2]. Состав землевладельцев Бежецкой пятины периода самостоятельности Новгородской земли рассматривался В. Л. Яниным [11] и Л. А. Бассальго [3]. М. М. Бенцианов изучал включение новгородских детей боярских в состав служилого класса Московского государства и получение ими землевладений на территории Бежецкой пятины на поместном праве [4]. Детально размещение землевладений Тверской половины Бежецкой пятины в исторической динамике не исследовалось.

В задачи настоящего исследования входила локализация землевладений на территории Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г. Основное внимание в работе уделено землевладению домосковского периода, отраженному в источнике.

Работа была выполнена с применением геоинформационных технологий. В программе QGIS был создан точечный слой, отражающий размещение поселений и ненаселенных местностей. В атрибутивной таблице слоя были отражены сведения источника о землевладельцах выделенных периодов. Возможность программы отображать на карте различные атрибуты объектов позволила получить представление о размещении землевладений. Для отражения территорий землевладений в QGIS были использованы инструмент Полигоны Вороного и объединение полученных полигонов по признаку принадлежности к конкретному землевладельцу. В работе по локализации центров погостов Бежецкой пятины авторы настоящей работы опирались на географические данные, полученные К. А. Неволиным [6], А. А. Фроловым и И. Ю. Анкудиновым [8]. Авторами настоящей статьи была произведена локализация территорий погостов Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г. [9]. Методика локализации топонимики предполагала использование сведений более поздних источников, в том числе XVIII—XIX вв.¹

---

¹ Экономические примечания Бежецкого уезда // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1678/2, 1679/3; Экономические примечания Весьегонского уезда // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1684/8; Экономические примечания Вышневолоцкого уезда // РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1689/13.

Изучено размещение землевладений домосковского периода. В общей сложности насчитывается 100 персон — бояре, житьи люди и своеземцы, а также архиепископ новгородский, Аркажский и Спасский Хутынский монастыри, на которые приходилось более 80 земельных владений (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Новгородские землевладельцы в Тверской половине Бежецкой пятины накануне присоединения Новгородской земли к Московскому государству (по данным писцовой книги 1545 г.)

№	Погосты	Землевладельцы
1	2	3
1	Никольский на Вышнем Волочке у столпа	Василий Есипов; Лука Федоров; Иван Иванович Ящинский; Никита Бабкин; Никита Грузов; Семен Иванов сын Солонский; Матруна Кривого Есипова жена; архиепископ новгородский
2	Егорьевский Мокрыни	Степан Шалимов Купцев; Иван и Семен Лисичниковы; Марфа Васильева жена Розстригина; Миша Якимов; Тимофей и Кузьма Остафьевы дети Грузова
3	Егорьевский Чудины	Матвей Доможиров; Микита Дмитриев и Богдан Александров Кавские; Иван Александров Дурной Сорвиригов
4	Богородицкий в Доре	Григорий Овинов; Офросинья черница Иванова жена Лаврентьева; Анна Савельева жена, ее сын Ондрей
5	Богородицкий в Залазне	Спасский Хутынский монастырь; Василий Есипов; Григорий Тучин
6	Никольский в Дорке	Василий Кузмин; Захарий Овинов; Михаил Берденев
7	Воскресенский в Клину	Борис Иванов сын Морозов; Захарий Иванов сын Морозов; Александр Фатьянов; Иван Захарьин сын Овинов
8	Ивановский Заручек	Яков Федоров; Иван Захарьин сын Овинов
9	Михайловский Трестенский	Яков Федоров; Иван Лошинский; Роман Окинфов; Яков Родивонов сын Боетцкого
10	Никольский Толмачевский	Василий Есипов; Спасский Хутынский монастырь
11	Спасский в Клину	Василий Зайцов; Иван Зайцов; Богдан Перфуров
12	Богородицкий Плавский	Олександр Тимофеев
13	Богородицкий в Замутье	Офросинья черница Иванова жена Лаврентьева; Олександр Тимофеев
14	Петровский Тихвинский	Аркажский монастырь; Василий Кузмин; Никита Лаврентьев; Иван Захарьин сын Овинов; Олександр Тимофеев
15	Осеченский Воскресенский	Иван Кузмин; Василий Лукьянов; Богдан Есипов; Никита Лаврентьев, Григорий, Иван Михайловы «Казимеровы сестричичи»; Настасья Иванова жена Григорьева

Продолжение табл. 1

1	2	3
16	Осеченский Егорьевский	Василий Лукьянов
17	Никольский Быстрый	Иван Иванович Ящинский; Иван Олександров Дурной Сорвигогов
18	Дмитриевский из-за Мсты на виру	Кузьма Есипов
19	Спасский Млевский	Степура Романов, его дети Федка и Васюк; Василий Максимов; Марья Михайлова дочь Устимова
20	Егорьевский Млевский	Иван Олександров Дурной Сорвигогов; Кузьма Яковлев сын Вангин; Орина Федорова жена Иванова Хромого Падиногина; Никифор Хмелев; Ивашка Максимов Головков; Якушка Степанов; Иван Костянтинов; Марья Григорьева жена Тучина; Никита Грузов; Илья Иванов и Офоня Онанын Малой; Никита Степанов Головков; Константин Гребенский, его дети Тимошка и Офоня; Лука Клементьев; Марфа Васильева жена Розстригина; Василий Максимов; Марья Михайлова дочь Устимова
21	Никольский Молдинский	Иван Кузмин; Михаил Медведев; Василий Кузмин; Иван Иванович Ящинский
22	Покровский Полянский	Василий Кузмин
23	Васильевский Кострецкий	Олександр Тимофеев; Офросинья черница Иванова жена Лаврентьева; Ондрей Посохнов; Богдан Есипов; Григорий и Иван Михайловы «Казимеровы сестричичи»
24	Богородицкий Рыбенский	Тимофей Остафьев сын Грузова; Богдан Есипов; Анна Савельева жена, ее сын Ондрей; Михаил Тучин; Олферий Иванов сын Офонасов; Орина Федорова жена Иванова Хромого Падиногина
25	Никольский Ворожебский	Богдан Есипов; Настасья Иванова жена Григорьева; Яков Кирилов
26	Никольский Раевский	Иван Есипов Горошков
27	Никольский в Поддубье Удомельский	Иван Иванович Ящинский
28	Покровский в Поддубье Удомельский	Федор Юрьев; Лука Федоров
29	Богородицкий в Поддубье Удомельский	Федор Юрьев и Лука Федоров?
30	Никольский Удомельский	Федор Юрьев
31	Егорьевский Удомельский	Олферий, Иван, Марк новоторжцы; Михаил и Захарий Подсеченские; Кузьма Клементьев

Окончание табл. 1

1	2	3
32	Михайловский Костовский	Лука Федоров; Яков Федоров; Микита Грузов; Оксинья Микитина жена Есипова; Ондрей Посохнов; Лутоша Ползинский
33	Богородицкий Топалский	Олферий и Михаил Гагины (Ягановы)
34	Никольский Забережский	Иван, Федор, Захарий Марковы; Семен Медведев
35	Никольский Гостынич	Василий Онаньин
36	Никольский Добрынский	Михаил и Семен Медведевы
37	Покровский в Мирогожской Дуброве	Офонасий Грузов
38	Покровский в Сорогошине	Иван Есипов Горошков; Окинф Брюхатой; Яким Онаньин; Давид Филипов; Богдан Есипов; Иванец и Иванец же Онцыфоровы дети Опарина; Кирилл Босоволков; Июда Клементьев; Олешка, Куземка, Ивашка Митины дети Максимова; Иван Захарьин сын Овинов; Александр Фатьянов; Офонас Иванов; Андрей Посохнов
39	Егорьевский Удомельский в Илове	Василий Кузмин; Тимофей Остафьев сын Грузов; Григорий и Семен Подсеченские
40	Никольский Смердынский	Ондрей Посохнов; Богдан Есипов; Иван Есипов Горошков; Никита Грузов
41	Богородицкий в Волдомиче	Иван Лошинский
42	Богородицкий Павский	Иван Лошинский; Михаил и Семен Медведевы
43	Покровский в Слезкине	Иван Лошинский
44	Спасский в Слезкине	Иван Лошинский
45	Никольский в Слезкине	Иван Лошинский
46	Ильинский в Слезкине	Иван Лошинский
47	Воскресенский в Слезкине	Иван Лошинский

Точно определить число земельных владений не представляется возможным, так как в ряде случаев из текста писцовой книги неясно, имеются ли в виду совместные владения или просто перечисляются землевладельцы одного погоста, например, Василий Максимов и Марья Михайлова дочь Устимова; Иван Лошинский и Михаил и Семен Медведевы. Некоторые земли находились в совместном владении родственников, например, Тимофея и Кузьмы Остафьевых детей Грузова. Неясной остается принадлежность земель в Богородицком в Поддубье Удомельском погосте, предположительно это бояре Юрьевы. На рисунке 1 показаны наиболее крупные владения новгородцев (в пределах данного масштаба владения одного рода показаны одним цветом).

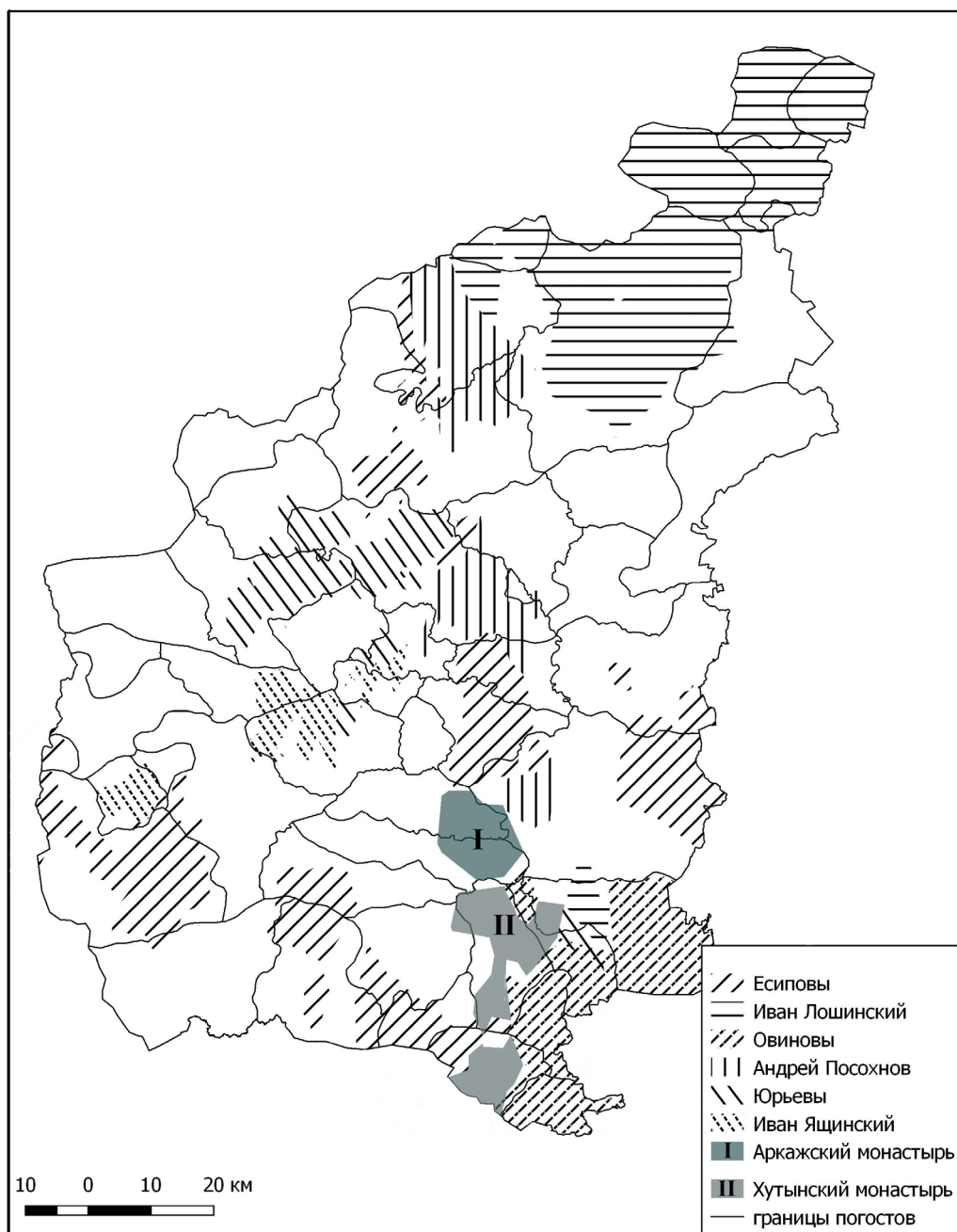

Рис. 1. Владения новгородских бояр и житых людей в Тверской половине Бежецкой пятины накануне присоединения Новгородской земли к Московскому государству по данным писцовой книги 1545 г.

Г. В. Абрамович отмечал, что владения новгородского боярства были расположены компактно на территории пятины [1, с. 230]. Однако произведенная локализация топонимики показывает, что большинство владений располагалось анклавами. Среди наиболее крупных по размерам выделяются владения бояр Есиповых, Андрея Посохнова и Ивана Лошинского (рис. 1). Владения Есиповых — Богдана, Василия, Кузьмы Есиповых, Ивана Есипова Горошкова, Матруны, жены Кривого Есипова и Оксиньи Микитиной жены Есипова, — размещались в южной и центральной частях Тверской половины. Выделяются четыре крупных владения Есиповых. Единственным относительно компактным анклавом можно считать обширную территорию Ивана Лошинского на севере Тверской половины в погостах в Слезкине. Однако описание этой части Тверской половины в писцовой книге сохранилось не полностью.

Меньшие по размерам владения принадлежали Григорию, Захарии и Ивану Захарьину сыну Овиновым; Афанасию, Никите, Тимофею и Кузьме Остафьевым Грузовым; Федору Юрьеву и его сыновьям Якову и Луке; Василию и Ивану Кузминым. Относительно небольшие компактные волости образовывали земли Спасского Хутынского монастыря в Забрусье (Никольский Толмачевский погост) и Аркажского — в Петровском Тихвинском погосте.

Средние и мелкие владения тоже располагались отдельными анклавами. Так, Ивану Ящинскому принадлежали земли в Никольском Быстром и Никольском Молдинском, Василию Кузьмину — в Покровском Полянском, Никольском Молдинском, Егорьевском Удомельском в Илове погостах.

Писцовая книга 1545 г., включающая описания только поместных земель 1540-х гг., лишь частично характеризует бывшие владения новгородского архиепископа — небольшой участок в погосте Никольском на Вышнем Волочке [5, стб. 40]. Заполняет лауну другой источник — писцовая книга Бежецкой пятины письма Василия Григорьевича Наумова и Семена Захарьина сына Дятлова 1498/99 г. [7]. Она содержит описание волости Удомля — владения новгородского архиепископа [7, с. 180—213]. В нее входили 542 деревни и 1502 двора по старому письму и 554 деревни и 1781 двор — по новому. Владычные деревни распределялись по десяткам и одновременно относились к Егорьевскому, Никольскому, Спасскому, Ильинскому, Никольскому в Дуброве удомельским погостам (табл. 2). В книге 1545 г. Спасский, Ильинский и Никольский в Дуброве погосты не упоминаются.

Топонимика волости Удомля достаточно хорошо локализуется — на 65 %. Результаты локализации волости показывают, что владения новгородского архиепископа располагались компактно и занимали значительную территорию (около 1150 кв. км) вокруг озер Удомля и Песьво (рис. 2).

Десяток Юрки Лихачева относился к Никольскому и Никольскому в Дуброве погостам. Здесь же находился центр Никольского Удомельского погоста. Деревни Кондрышева десятка располагались в Никольском и Егорьевском погостах. Населенные пункты десятка Федки Микулина относились к Спасскому, Ильинскому и Никольскому в Дуброве погостам. Неясно соотношение десятка Ивашки Сотонина с определенным погостом.

Таблица 2

Владычная волость Удомля по данным писцовой книги 1498/99 г.

№	Десяток	Погост	Населенные пункты, кол-во
1	Юркина десятка Лихачева	Никольский	140 деревень, 1 рядок, 1 центр погоста
		Никольский в Дуброве	4 деревни
2	Кондрышева десятка	Егорьевский	61 деревня
		Никольский	67 деревень
3	Федкова десятка Микулина	Спасский	48 деревень
		Ильинский	66 деревень
		Никольский в Дуброве	16 деревень, 1 рядок
4	Ивашкова десятка Сотонина	?	154 деревни
ИТОГО:			559

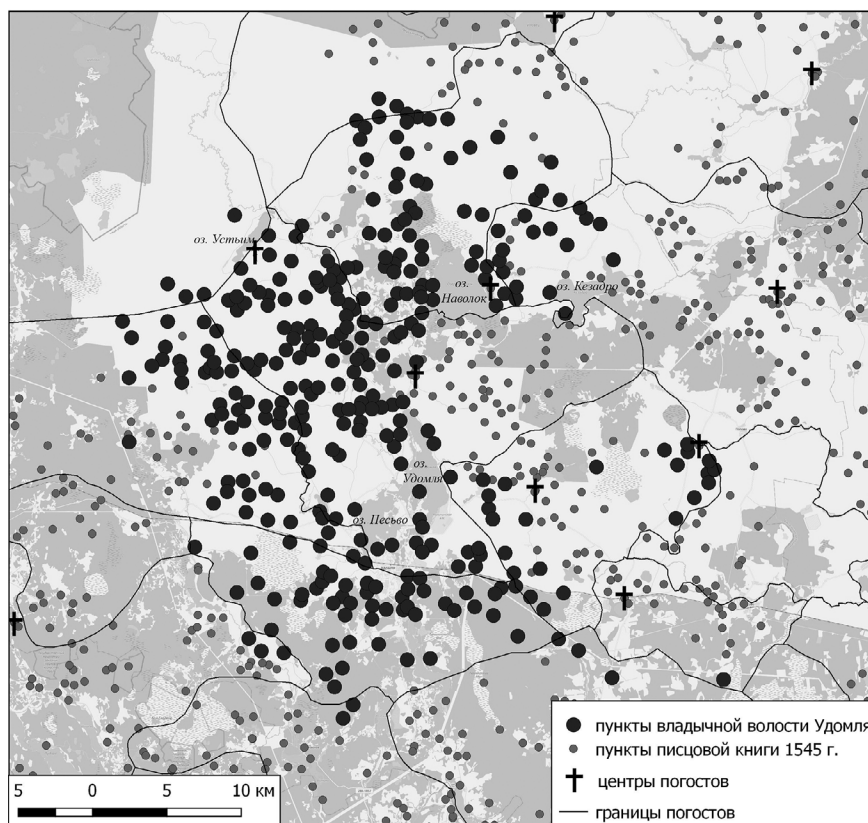

Рис. 2. Владычная волость Удомля по данным писцовой книги 1498/99 г.

Лишь деревни Никольского в Дуброве погоста располагалась в отрыве от основного массива земель и приходятся на территории Удомельских в Поддубье погостов, известных по писцовой книге 1545 г. Результаты локализации позволяют предположить, что центры Покровского и Богородицкого в Поддубье погостов, упоминаемых в книге 1545 г., могли появиться после письма 1498/99 г. На границах волости владичные деревни могли размещаться чересполосно с деревнями других землевладельцев. Общими с другими владельцами были угодья в озерах Кугуч, Маги, Масцо, Наволок, Молдино, Кезодро, Кжемле [7, с. 211].

В результате конфискаций земель у новгородских владельцев, занявших несколько десятилетий [4, с. 135], эти территории были распределены на поместном праве между служилыми людьми. Волость Удомля в писцовой книге 1498/99 г. характеризуется как кормленская [7, с. 180]. Отражение в ГИС принадлежности населенных пунктов к «московским» землевладельцам второго и третьего этапа (по данным книги 1545 г.) показывает значительное дробление крупных новгородских землевладений в результате поместных раздач XVI в. В общей сложности писцовая книга 1545 г. зафиксировала не менее 480 отдельных земельных владений на момент составления описания.

Среди землевладельцев второй и третьей групп — князя и дети боярские, служившие московскому великому князю: Мещерские, Пужбольские, Черкасские, Загряжские, Кутузовы, Кандауровы, Юреневы, Забелины, Родичевы и др. Среди них — перешедшие на службу в Москву представители аристократии из соседних бывшего Тверского княжества и Бежецкого Верха: Дорогобужские, Холмские, Оплечуевы, Волынцовы, Курцовы и др.

ГИС позволяет проследить динамику землевладения от конца XV в. до начала 1540-х гг. Так, волость Боярщина в Никольском Удомельском погосте, принадлежавшая Федору Юрьеву, была разделена между служилыми людьми Юреневыми, Посоховыми, Колачевыми. Земли волости Лощемля в Михайловском Костовском погосте Андрея Посохнова перешли князю Даниилу Дмитриевичу Холмскому, а затем его детям, а также Семенским и Черкасским. Волостью Малинец Никиты Грузова в 1540-х гг. владели Лаговчины и Лыковы. Волость Коства Федора и Луки Юрьевых была разделена между помещиками Оникеевыми, Юреневыми, Глозовыми; волость Леганец Ивана Ящинского — между Загряжскими, Лутовиниными, Лодыгинными, Ватуинными, Корсаковыми; волость Поляна Федора Юрьева — между Курцовыми, Паисовыми, Коротневыми. Практически везде наблюдается сильное дробление крупных волостей на относительно мелкие поместья.

В ряде случаев можно проследить процесс перехода владений и их дробления. Например, волость Перхово Михаила Медведева в Никольском Молдинском погосте, в соответствии с текстом книги 1545 г., была отдана в поместье Владимиру Паисову, а в дальнейшем разделена между его сыновьями. Волостка Микшино в Никольском в Дорке погосте, принадлежавшая Захарии Овинову, перешла к князю Осипу Дорогобужскому, а после его смерти в 1530 г. перешла в Б. Ф. Волынцову, а затем к представителям служилого рода Кандауровых.

В целом, приведенные количественные показатели и наблюдения над динамикой землевладения свидетельствуют о дроблении землевладений и уменьшении их размеров от последней четверти XV в. до 1540-х гг. Наиболее резкий рост числа поместных владений произошел, по-видимому, в 1530-х — начале 1540-х гг.

Дальнейшее исследование позволит более детально изучить сельское расселение и динамику землевладения на территории Тверской половины Бежецкой пятины в XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамович Г. В.* Бежецкая пятина / Г. В. Абрамович // Аграрная история Северо-Запада России. — Ленинград, 1971. — С. 227—250.
2. *Абрамович Г. В.* Бежецкая пятина / Г. В. Абрамович // Аграрная история Северо-Запада России XVI века. — Ленинград, 1974. — С. 184—240.
3. *Бассальго Л. А.* Перечень сведенных новгородских землевладельцев / Л. А. Бассальго // Писцовые книги Новгородской земли. — Москва, 2009. — Т. 6. — С. 204—340.
4. *Бенцианов М. М.* Новгородские бояре — новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности / М. М. Бенцианов // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. — 2015. — Вып. 8. — С. 133—146.
5. Книга 1545 г. : Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. — Санкт-Петербург, 1910. — Т. 6 : Книги Бежецкой пятины. — Стб. 35—564.
6. *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты / К. А. Неволин // Записки Императорского русского географического общества. Книжка VIII. — Санкт-Петербург, 1853.
7. Писцовая книга Бежецкой пятины письма Василия Григорьевича Наумова и Семена Захарьина сына Дятлова // Писцовые книги Новгородской земли. — Москва, 1999. — Т. 1. — С. 145—239.
8. Приходная книга новгородского Дома Святой Софии 1576/77 г. («Книга записи софийской пошлыны») / сост. И. Ю. Анкудинов, А. А. Фролов. — Москва ; Санкт-Петербург, 2011.
9. *Степанова Ю. В.* Локализация погостов Тверской половины Бежецкой пятины по данным писцовой книги 1545 г. / Ю. В. Степанова, П. В. Гаврилов // Новгородский архивный вестник. — 2019. — Вып. 15. — С. 79—85.
10. *Фролов А. А.* Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования / А. А. Фролов. — Москва ; Санкт-Петербург, 2017.
11. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина / В. Л. Янин. — Москва, 1981.

О РАЗМЕЩЕНИИ ПОМЕСТНОГО ФОНДА МОСКОВСКОГО УЕЗДА В 1620-Х ГГ.²

В статье рассматривается вопрос о степени компактности размещения поместного фонда в Московском уезде в начале XVII в. На основе анализа материалов валового писцового описания 1620-х гг. и с помощью методов пространственного анализа показано, что поместные земли уезда представляют собой слитные, охватывающие территории нескольких станом ареалы, четко отделенные от ареалов вотчинного, монастырского и дворцового землевладения.

Ключевые слова: поместье, Московский уезд, писцовые книги, историческая география, историческая картография.

Проблема того, как сосуществовали и взаимодействовали разные формы светского феодального землевладения в Московском государстве, поставлена в науке давно. С одной стороны, еще ученые XIX века обратили внимание на проницаемость границ между ними: поместья нередко, особенно в тяжелые годы после Смуты, жаловались в вотчину, а вотчины, при их конфискации в пользу государства, нередко впоследствии шли в поместную раздачу [1; 5].

С другой стороны, Л. В. Милов в работе 1978 г. на материалах валового письма 1620-х гг. показал, что различия между этими формами землевладения не были чисто юридическими, они касались самых основ их экономической жизни, поскольку на них по-разному действовали факторы общественного развития. По наблюдениям ученого, сделанным на основании корреляционного и факторного анализа данных книг валового письма 1620-х гг. по Воротынскому и Лихвинскому уездам, различия касались прежде всего степени и характера участия владельца в хозяйственной жизни. Если в поместье «наличие крестьянских дворов обуславливает существование усадьбы», а «феодал как организующее начало... себя не проявляет» [4, с. 251], то «в вотчинах... наличие усадьбы является причиной роста крестьянской пашни» [4, с. 253]. Анализируя факторы хозяйственного развития, Л. В. Милов показал, что «следы запустения гораздо слабее влияют на хозяйственную активность вотчин и существенно тормозят развитие поместий» [4, с. 253—254], а «темпы ликвидации запу-

---

¹ Хитров Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, dkh@bk.ru, Россия, г. Москва; Жиборкина Анастасия Владимировна, аспирант исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 20-09-00303.

стевших пашен гораздо выше в вотчинах» [4, с. 284]. Вопрос о причинах этих различий, однако, далек от окончательного разрешения.

Как известно, логика управления поместным фондом предполагала постоянное перераспределение земли между помещиками: смена поколений и, соответственно, изменение размера поместных окладов должны были приводить и к перераспределению земель. Соответственно, фонд поместных земель в каждом уезде, будучи разделен между множеством землевладельцев, в известной мере управлялся как единое целое — Поместный приказ рассматривал его как совокупность территорий, которые могут использоваться для обеспечения вполне определенных категорий служилых людей.

Наиболее зримое воплощение этот взгляд на вещи имеет в писцовых книгах. Как известно, писцовые бригады работали в уезде последовательно, описание обычно начиналось от города и затем двигалось постепенно расширяющимися кругами. Однако при составлении книги писцы организовывали свои данные в ином порядке, чем они собирались. Материалы раскладывались по станам и волостям, и описание каждой такой единицы становилось отдельным разделом книги. Затем внутри каждого из этих разделов вводились подразделы — описания поместий, вотчин (чаще всего вотчины различных типов описывались отдельно — родовые, выслуженные и купленные), владения церковных иерархов, монастырей, «черные» (государственные) земли и земли общин мелких служилых людей. Наконец, внутри каждого из подразделов описывались земли каждого из землевладельцев; если кто-то из них имел несколько имений в разных частях стана, и они были описаны в разное время, то на стадии создания книги они объединялись; если его владения были расположены в разных станах, писец делал отметку: «За ним же поместье в Каменском стану». На каждом уровне — по владению, по типу владения, по стану или волости, наконец, по уезду целиком — писцы подводили итоги. Таким образом, все поместные и порозжие земли в каждом стане оказывались собраны вместе, писец подводил общий итог по ним, и служащие Поместного приказа могли ясно видеть, какими земельными и людскими ресурсами располагает поместный фонд на данной территории.

Однако представляли ли поместные земли на самом деле слитные ареалы? Обычно считается, что поместные и вотчинные земли лежали исключительно чересполосно, и с этой точки зрения могут быть противопоставлены обширным дворцовым волостям и монастырским латифундиям. Это, несомненно, верно, когда речь идет о землях, недавно изменивших свой статус, особенно о массовых выслугах начала XVII в., при которых доли поместий жаловались в вотчину «за царя Василия московское осадное сиденье» и «за осадное сиденье королевичева приходу». Однако вопрос о компактности расположения основного поместного фонда имеет смысл дополнительно уточнить.

В настоящей работе рассматривается вопрос о его размещении на части территории Московского уезда.

Столичный уезд занимал особое положение в Московском государстве. Он был одним из крупнейших по территории и крупнейшим по численности населения среди уездов государства. Окружая столицу, он являлся центром хозяйственной и социальной жизни страны, здесь была расположена область наиболее привилегированного землевладения, находились подмосковные владения высшей аристократии, сходи-

лись основные транспортные артерии. Существенной особенностью уезда было наличие больших дворцовых владений, располагавшихся в различных его частях. Поскольку подмосковные земли в значительной степени контролировались дворцом и крупнейшими монастырями, относительно небольшой поместный фонд уезда был предметом острого соперничества при дворе. Изучение его, таким образом, представляет серьезный специальный интерес.

Для этого требуется локализовать основные топонимы, упоминаемые в определенной книге, и составить карты расположения поместного фонда на определенных территориях. В настоящей статье речь идет о материалах валового письма 1620-х гг. по нескольким станам Замосковной половины Московского уезда — Каменском, Доблинском, Рогожском, Почерневе и Обарниче. Эта обширная территория к востоку от современного города, начинающаяся от его восточных окраин и тянущаяся широкой полосой до современного Ногинска, представляет собой значительный и слитный массив поместных и вотчинных земель, не перемежающийся с дворцовыми волостями (Рис. 1).

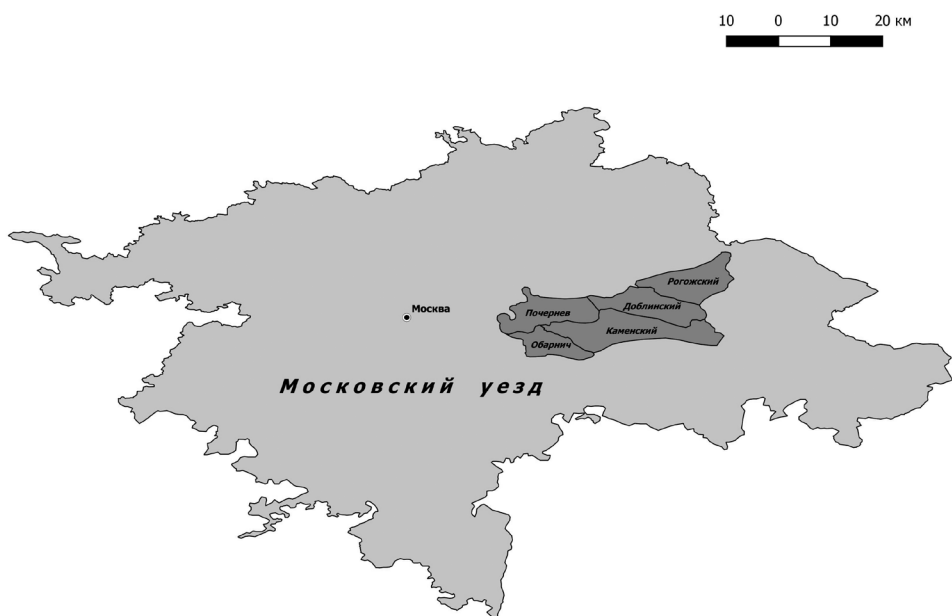

Рис. 1. Карта территориального охвата исследования

Наиболее раннее и, в сущности, единственное сохранившееся писцовое описание Московского уезда связано с валовым письмом 1620-х — 1630-х гг. Интересующие нас станы были описаны в самом начале работ, в 1622—1624 гг., писцом Семеном Колтовским и подьячим Анисимом Ильиным, книга которых сохранилась в подлиннике¹. На основании этих материалов была создана сплошная база данных, а затем произведена работа по их максимально полной локализации.

¹РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 261.

Задача локализации упоминаемых в писцовом делопроизводстве топонимов является, как известно, весьма непростой. Благодаря тому, что в Московской провинции Генеральное межевание было проведено очень рано, в 1760-х гг., мы располагаем превосходными и очень ранними материалами, позволяющими надежно локализовать большую часть упоминаемых в писцовых книгах топонимов. Во-первых, это детальные карты, сохранившие «старое», существовавшее до реформы 1775 г. и восходящее к Средневековью, административное деление¹. Во-вторых, это первичные материалы межевания, систематизированные, обработанные и картографированные В. С. Кусовым, который опубликовал по ним детальный справочник [3]. Наконец, длительная традиция изучения этих территорий позволяет в значительной степени опереться и на накопленный в историографии массив локализаций, прежде всего — на исследовательскую карту С. Б. Веселовского. Правда, эта карта составлена преимущественно на основе актовых материалов XV—XVI вв. и отражает поместное землевладение значительно хуже, чем вотчинное, но, тем не менее, она содержит большое число топонимов, которые соотносятся с писцовой книгой и сильно помогают при ее сопоставлении с картой Генерального межевания [2].

Наиболее серьезной сложностью, с которой приходится столкнуться при сопоставлении писцового описания и карты XVIII века, являются даже не перемены, произошедшие за полтора века (хотя в Подмосковье они не могли не быть значительными просто в связи с бурным развитием как самого города, так и сети подмосковных имений знати), а принципиальные различия систем описания. Писцы описывали территории как множество мелких локаций, среди которых было небольшое количество поселений, но преобладали пустоши, из множества которых и состояла альменда любого поселения. Напротив, Генеральное межевание систематически фиксировало только поселения, а их альменды обводились общей межей и составляли межевую дачу, внутренняя структура которой и, в частности, имена вошедших в нее локаций уже не представляли для землемера интереса.

Таким образом, писцовое описание зафиксировало на сопоставимой территории в несколько раз больше топонимов, чем межевое — 619 против 162. Соответственно, и их локализация не может быть полной — удалось определить положение 64 локаций, то есть чуть более 10 %. Формально это немного, однако при этом для 82 поселений, существовавших здесь в XVIII веке, в писцовых книгах найдено 59 соответствий. Еще более существенным является то, что из 73 поместных и вотчинных дач, принадлежавших к исследуемым станам в XVII веке, в 48 локализован хотя бы один топоним (правда, в порозжих землях степень локализации намного ниже). Таким образом, можно с осторожностью утверждать, что наша реконструкция, хотя и не отражает, разумеется, всей сложности реального землевладения XVII века, дает достаточно полное представление о взаимном расположении центров владений. Результаты работы по локализации представлены на рисунке 2.

---

¹ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 101; Географическая карта Московской провинции, сочиненная с генеральных уездных межевых планов попечением Межевой канцелярии... М., 1774.

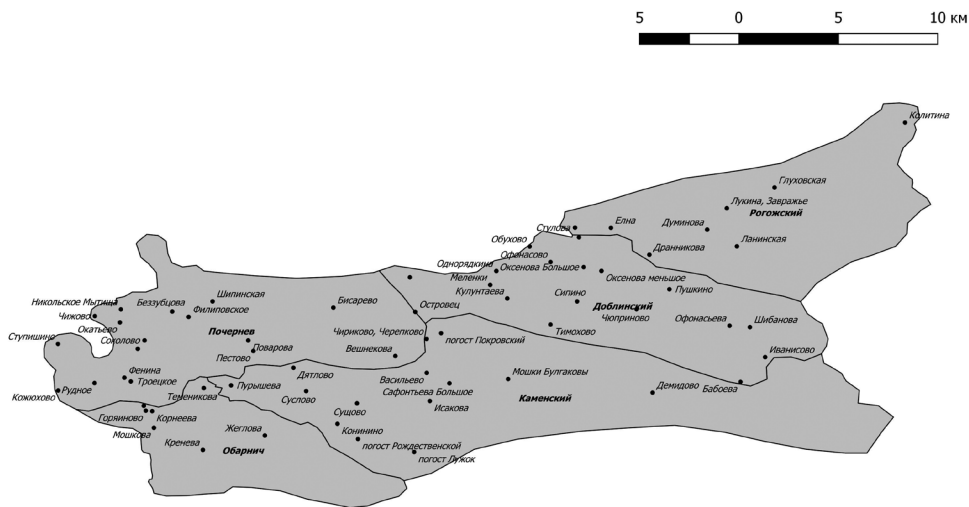

Рис. 2. Карта локализации топонимики писцово́й книги

Теперь рассмотрим территориальное расположение различных форм земельного владения. Среди найденных на карте локаций 16 относятся к светским вотчинам, 12 — к монастырским, 30 — к поместьям и 6 — к порозжим землям.

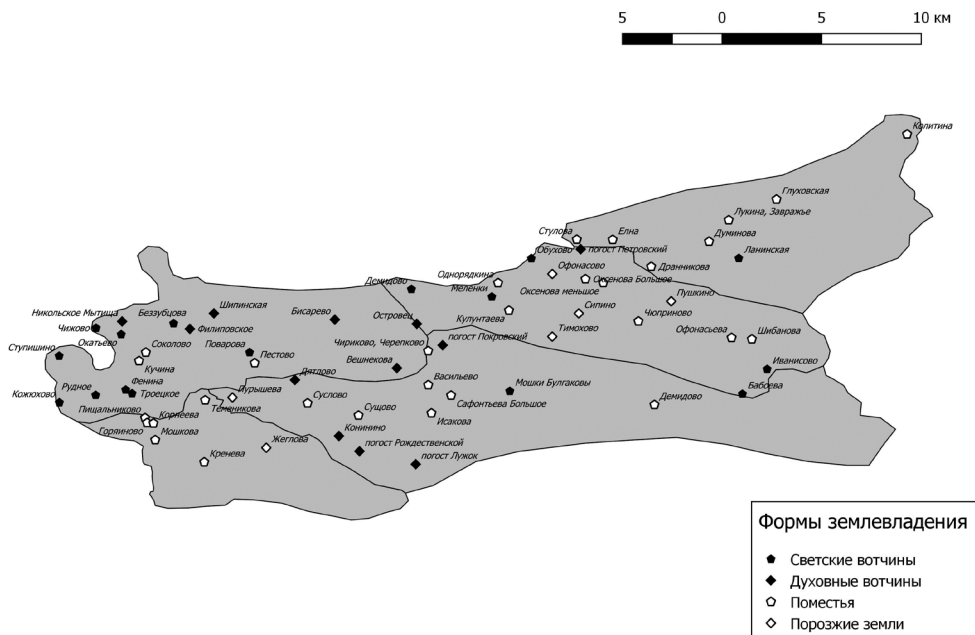

Рис. 3. Карта форм землевладения

На первый взгляд, получившаяся картина предстает довольно пестрой: на анализируемой территории близко соседствуют владения различных форм, причем на территории каждого из рассматриваемых станов присутствуют владения всех форм держания.

Более внимательное рассмотрение рисунку 3, однако, позволяет увидеть, что поместья и вотчины расположены не чересполосно, а составляют вполне определенно просматривающиеся ареалы. Эти ареалы не замкнуты границами отдельных станов и охватывают смежные части соседних; их приблизительные очертания, реконструированные на основе локализованных точек и с учетом границ дач Генерального межевания, показаны на рисунке 4.

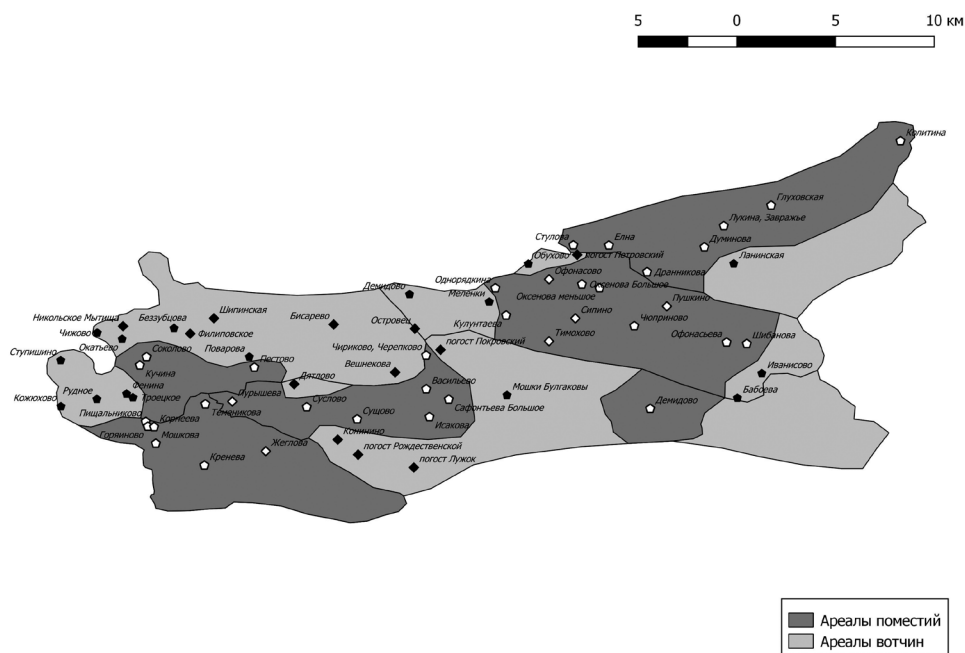

Рис. 4. Карта поместных и вотчинных ареалов

Мы видим, что поместные и вотчинные ареалы здесь довольно четко разграничены; первые, объединяющие в своем составе поместные и порозжие земли (что вполне логично), четко отделены от вторых и имеют ясно просматривающиеся общие границы.

Представляется, что наблюдаемое на этой карте явление заслуживает дальнейшего изучения. Является ли подобная компактность расположения поместного фонда локальной аномалией, связанной с особенностями развития землевладения в столичном уезде, или она окажется характерной и для других районов государства, в которых поместное землевладение сосуществовало с вотчинным? Во втором случае перед нами откроются новые возможности для объяснения глубинных различий между поместьями и вотчинами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Готье Ю. В.* Очерк истории землевладения в России / Ю. В. Готье. — Сергиев Посад, 1915.
2. Исторические карты Подмосковья / [Сост.] С. Б. Веселовский, В. Н. Перцов ; изд. подгот. К. А. Аверьянов, Л. Е. Додэ. — Москва, 1993.
3. *Кусов В. С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. Т. 1—3 / В. С. Кусов. — Москва, 2004.
4. *Милов Л. В.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Источник, компьютер и методы исследования / Л. В. Милов, М. Б. Булгаков, И. М. Гарскова. — Москва : Изд-во МГУ, 1986.
5. *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. / С. В. Рождественский. — Санкт-Петербург, 1897.

**СВЕТСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ НИЖЕГОРОДСКОГО
УЕЗДА 1620-Х ГГ. В СВЕТЕ ИЕРАРХИИ СЛУЖИЛОГО «ГОРОДА»**

В статье рассматриваются данные о состоянии светского служилого землевладения Нижегородского уезда на основе сопоставления данных Поместного и Разрядного приказов. Основные показатели устанавливаются для разных групп в составе дворянской корпорации.

Ключевые слова: аграрная история России, история дворянства, социально-экономическая история России, служилое землевладение, дворянство, Нижегородский уезд.

На предыдущих сессиях Симпозиума нам приходилось обращаться к анализу служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. Материалом для этого послужили писцовые книги, созданные в результате работы комиссии во главе с дьяком Дементием Образцовым с 1621/22 г. по 1623/24 г. Источник зафиксировал сведения о каждой даче, включающие в себя информацию о ее владельце, правовом обеспечении, экономическом состоянии, зависимом населении, пашне и других угодьях [1]. В результате был получен ряд общих количественных параметров.

Писцами было зафиксировано почти четыре с половиной сотни дач, в которых располагалось более 50 тыс. четей в поле. Анализ их размеров показал, что Нижегородский уезд был районом полного преобладания мелкого землевладения: каждая пятая дача была меньше 50 четей в поле, каждая вторая — менее 100 четей. Крупных дач, размером более 300 четей в поле, в уезде было только 20 (4,5 %).

Малые размеры четвертной пашни большинства владений дополнялись и слабой их заселенностью. Убыль населения зафиксирована самими писцами: в каждой третьей даче запустела половина всех крестьянских и бобыльских дворов или даже более, а каждая пятая дача запустела полностью. Примерно в половине дач было не более пяти крестьянских и бобыльских дворов. В среднем на одну дачу приходилось семь дворов.

Только в 49 дачах (11 %) была распахана половина и более четвертной земли, примерно столько же дач состояли целиком из поросшей лесом и перелогом пашни. Типичным для этого региона следует считать владение, в котором распахивалось 20—30 % четвертной пашни. Размеры крестьянской и владельческой запашки укла-

---

¹ Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, chechenkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород.

дываются в интервал 4—6 десятин в трех полях. При этом хорошо видно, что господская запашка в целом была больше по размеру и гораздо чаще достигала максимальных для этого периода значений в три и более четей в поле на двор.

В уезде наблюдалось абсолютное преобладание поместных дач над светской вотчиной (89,9 %). В поместьях находилась большая часть крестьянских дворов (82,3 %) и почти вся четвертная пашня (90,7 %). При этом в среднем вотчина была в несколько раз лучше обеспечена рабочими руками, что позволяло распахать гораздо больше земли [2, 3].

В то же время известно, что провинциальные дворяне и дети боярские были организованы в уездные корпорации — «города». Представляется перспективным рассмотреть особенности светского землевладения в уезде с точки зрения чиновно-окладной структуры, фиксируемой документами Разрядного приказа.

Обычно на пути такого анализа стоят два препятствия. Во-первых, несовпадение состава землевладельцев и состава «города». С одной стороны, члены корпорации могли иметь владения в иных уездах, с другой — на территории уезда могли быть значительные владения представителей иных корпораций, в том числе государева двора. Во-вторых, неполнота документального материала, асинхронность писцовых и разрядных данных.

В случае с Нижегородским уездом 1620-х гг. исследователь имеет редкую возможность избежать этих затруднений. Изучение нижегородского служилого «города» показало, что землевладение его членов было полностью локализовано в родном уезде, в котором к началу XVII в. доминировало. При этом одновременно с писцовым описанием князем Афанасием Васильевичем Лобановым-Ростовским и дьяком Воином Трескиным в Нижнем Новгороде был проведен смотр служилых людей и составлена информативная разборная десятина. В ней можно найти такие данные, как чин, земельный и денежный оклад, оценка годности к службе, конность, людность, оружность, вид службы (дальняя, ближняя, городская), оценка поместья, его размер, количество крестьян, бобылей, указание на родственников-совладельцев [1].

Исследование десятины, принятое параллельно с изучением писцовой книги, позволило узнать, что в ней зафиксировано 427 описаний служилых людей. Однако если исключить повторы, отставленных, недорослей, вдов, умерших, записанных без указания чина, служилых иноземцев, то основные категории в совокупности включали в себя 291 человека. Структура корпорации была традиционна. Она задавалась перечислением дворян и детей боярских по чиновным группам (дворяне выборные, дети боярские дворовые, дети боярские городские, новики), а внутри них по окладам [4].

Дальнейшее исследование может вестись путем более глубокого перекрестного анализа источников по каждой персоналии.

Ряд параметров дают нам оба источника. Прежде всего, это размер владения. У нас имеется возможность взаимопроверки, а также соотнесения оклада и дачи. Хорошо известно, что к данному времени эти два параметра не соответствовали друг другу. Однако каково было это несоответствие и было ли оно общим для всех — этот вопрос почти не ставится в литературе.

В ходе разбора служилых людей за данные о землевладении отвечали окладчики, поэтому возникает вопрос о точности подаваемых ими сведений. Сопоставление данных писцовой книги и десятины говорит о том, что данные, поступавшие в Разрядный

приказ, в основном отражали действительность. Хотя окладчики, по-видимому, пытались занижить этот показатель (на 5—10 четей).

Из таблицы 1 видно, что обеспечение земельными владениями не хаотично, а отражает внутреннюю структуру служилого «города». Средний размер владения, составляя три с лишним сотни четей у «выбора», стабильно снижается по мере уменьшения оклада до 60 с небольшим у новиков с низшими окладами.

Процент наполнения оклада, насчитывая в среднем по «городу» немногим более 40 %, также постепенно снижается. И если выборные дворяне в среднем имели половину от оклада, то новики с наименьшими окладами довольствовались лишь одной третью.

Таблица 1
Размер землевладения и наполняемость оклада

Чин, раздел десяти, оклад (четей)	Количество	Средний размер владения по десятне (четей)	Средний размер владения по писцовой книге (четей)	Средний процент от оклада по десятне	Средний процент от оклада по писцовой книге
Выбор 800—400	13	325	334	52	53
Дворовые 800—300	15	282,5	292	51	53
Городовые 900—400	28	216	216,5	47	46
Городовые 350—250	68	119,7	124,6	42	42
Городовые 200—100	35	60,3	66,7	43	46
Новики 450—250	31	126,2	133,7	41	42
Новики 200—100	101	61,6	67,5	36	31
ВСЕГО	291	120	133,5	41	45

Положение вотчинников отличалось наибольшей устойчивостью. Их было немного, не считая отставленных, вдов и недорослей — 18 человек: пять выборных, семь дворовых, двое городских, четыре новика. Наполнение оклада у вотчинников в среднем 55 % по писцовой и 60 % по десятне. В действительности этот показатель был еще выше. Почти все вотчинники во время разбора представили искаженные сведения о размере владений по сравнению с писцовой книгой. Они скрыли от 14 до 41 чети, и окладчики подтвердили их показания, что неудивительно, поскольку комиссия окладчиков находилась под контролем наиболее состоятельных членов корпорации.

Еще один общий показатель — населенность владения. В десятне указано количество крестьян и бобылей, имеющих у каждого члена корпорации. Однако ошибочно было бы считать их собственно населением владения. Из писцовой книги известно как количество дворов, так и проживающее в них население. Сопоставление данных позволяет с уверенностью говорить, что под крестьянами и бобылями в десятне подразумевались дворовладельцы.

Интересно определить населенность поместий и вотчин путем соотнесения количества дворов крестьян и бобылей с размером владения (в четях). Приведенные в таблице 2 данные показывают, что в наилучшем положении находились выборные дворяне и дворовые дети боярские (семь—восемь дворов на 100 четей), а в наихудшем — городовые и новики с низшими окладами (три двора на 100 четей). Неудивительно, что если рассмотреть вотчины отдельно, то для них этот показатель будет выше (девять дворов на 100 четей).

Таблица 2

Количество дворов и пашни паханой

Чин, раздел десятни, оклад (четей)	Количество	Крестьян и бобылей на 100 четей	Дворов на 100 четей	Пашня паханая (%)	Пашни на двор (четей)	Соотношение владельческой и крестьянской пашни
Выбор 800—400	13	8	7	33	5	1,3
Дворовые 800—300	15	7	7	29	5,4	1,2
Городовые 900—400	28	6	6	26,5	4,2	1
Городовые 350—250	68	5	5	22,5	5,4	1,5
Городовые 200—100	35	3	3	22,2	7,3	2
Новики 450—250	31	6	7	30,3	5,5	1,6
Новики 200—100	101	3	3	20,6	6,7	1,8
ВСЕГО	291	5	5	25	5,7	1,5

Рассмотрим данные о пашне, которые есть только в писцовой книге. Насколько позволяют судить результаты корреляционного анализа, земельная статистика писцовой книги Нижегородского уезда отличается очень высокой степенью точности. Сведения о «пашне паханой» четко согласуются с количеством дворов зависимого населения во владении. Коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских, бобыльских, людских и «приказчиковых» дворов, с одной стороны, и общей пло-

щадью «пашни паханой» (крестьянской и владельческой) — с другой, составил 0,92 (данные брались на уровне итогов по каждой даче). Коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских, бобыльских, людских и «приказчиковых» дворов, с одной стороны, и общей площадью «четвертной пашни» — с другой, также довольно высок и составил 0,71. Напротив, величина наезжей пашни не коррелирует ни с количеством крестьянских дворов, ни с количеством собственно пашни паханой.

Поэтому в контексте настоящей работы были проанализированы данные о пашне паханой по отдельным группам корпорации. Доля пашни во владении снижается от 33 до 20 %. В вотчинах этот показатель прогнозируемо выше (36 %).

Количество пашни паханой на двор колеблется, но у низших страт оно выше. При этом владельческая пашня у них превышает крестьянскую. Крестьянских и прочих дворов в этих владениях очень мало. Помещики «пашут пашню собою». Чем ниже группа, тем чаще в описании владения употребляется такая формула. При описании владений выборных дворян и дворовых детей боярских она не употребляется вообще.

Таким образом, даже такая слабоиерархизированная корпорация, как нижегородская, которая не обладала ярко выраженной элитой, имела сложную внутреннюю организацию. Возможности обеспечить себя и собраться на службу не были пропорциональны размеру оклада, но заметно ухудшались в зависимости от положения служилого человека на социальной лестнице.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века. — Москва, 2015. — Ч. 1, 2.

2. Черненко Д. А. Сведения о четвертной пашне писцовой книги Нижегородского уезда 1621/22 — 1623/24 гг. в свете изучения налогообложения в России первой половины XVII в. / Д. А. Черненко, П. В. Чеченков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год: Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X—XXI вв. — Москва ; Самара, 2015. — С. 47—53.

3. Черненко Д. А. Экономическое состояние служилого землевладения в Нижегородском уезде в 1620-е гг. / Д. А. Черненко, П. В. Чеченков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV — конца XX века: экономическое, социальное и культурное развитие. — Москва, 2014. — С. 71—80.

4. Чеченков П. В. Нижегородская уездная корпорация служилых людей «по отечеству» в первой четверти XVII в. (по данным десятиен): численность, структура, фамильный состав / П. В. Чеченков // История : электронный научно-образовательный журнал. — 2012. — Вып. 7 (15). — URL: <http://history.jes.su/s207987840000198-6-2>

ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА²

В статье характеризуются церковное землевладение в Воронежском уезде по данным кадастрового учета, деятельность государства по выделению земли храмам и монастырям, а также рассматривается вопрос о степени эксплуатации церковных земельных владений.

Ключевые слова: Российское царство; Юг России; Русская церковь; государство; вотчина; епархия; церковь; монастырь.

Церковь, как любой общественный институт, для осуществления своей деятельности нуждается в материальных средствах. В России XVII в. основным источником получения дохода была эксплуатация земли. Данное обстоятельство диктует необходимость изучения вопросов, связанных с церковным землевладением, т. к., не учитывая их, нельзя правильно понять многие аспекты существования церковной организации на южной окраине страны, активно осваивавшейся в ходе колонизации Поля в конце XVI — первой половине XVII в. Воронежский уезд является, пожалуй, самым крупным уездом на южной, «польской» окраине России первой половины XVII в., достаточно сказать, что к 20-м гг. XVII в. его площадь составляла порядка 40 тыс. кв. км. К этому времени территория уезда вполне сформировалась, он был разделен на четыре стана: Чертовицкий, Карачунский, Борщевский и Усманский, но еще земли уезда не стали передаваться в состав новых уездов, создававшихся в ходе дальнейшей колонизации, в связи со строительством Белгородской черты [3, с. 37—43].

Документы кадастрового учета, прежде всего материалы поземельных описаний, позволяют изучить не только вид и объем повинностей населения, но и проследить процесс наделения землей храмов и монастырей. Видовой состав источников данной группы применительно к территории Воронежского уезда первой половины XVII в. представлен тремя книгами. Первая — «Дозорная книга Воронежского уезда письма Григория Киреевского 7123 (1614/15) года (приправочный список 1626 г.)» [5, с. 1—141]. Вторая — является результатом широкомасштабных работ по описанию земель, которые были проведены во второй половине 20-х гг. XVII в., это «Писцовая и межевая книга Воронежского уезда письма Романа Киреевского и подьячего Леонтия Недовескова 1627—1629 гг.», частично опубликована [5, с. 189—261; 7].

---

¹Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, parkov@bsu.edu.ru, Россия, г. Белгород.

²Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00313 А.

Определенный объем дополнительных сведений содержится в материалах писцовых описаний 1646 г. Важной особенностью этой переписи было стремление максимально полно отобразить все наличное население, как крестьян и бобылей, так и свободных жителей посадов, к этой категории источников относится «Переписная книга Воронежского уезда письма Осипа Михайловича Юшкова и подьячего Григория Жданова 1646 г. (список 1669—1674 г.)» [6, с. 27—162]. В ней не указаны земельные владения храмов, но отмечены монастырские вотчины, существовавшие к этому времени в Воронежском уезде, и имеются сведения о крестьянских и бобыльских дворах, стоявших на церковной и монастырской земле.

Практически все церкви и духовенство Воронежского уезда обеспечивались земельными наделами. Им отводилось определенное количество сена (сенокосов), предоставлялось право пользования лесом и рыбными ловлями. Сравнение доли духовенства с аналогичными правами прихожан не свидетельствует о сословной привилегированности священнослужителей. Нередко попы имели наделы, значительно уступавшие размерам наделов их прихожан [4, с. 7].

В 1615 г. в Воронеже была соборная церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, шесть храмов в слободах и приходской храм в Успенском монастыре. Собору принадлежало 40 четвертей (из расчета по 20 четвертей на каждый престол) земли в поле, «а в дву по тому ж» (здесь и далее размеры земельных владений приводятся исходя из принятой в условиях трехпольного севооборота системы, когда измерялся один участок из трех, имевших одинаковую площадь) и сенокосов на 300 копен (10 копен приравнивались к 1 десятине сенокосной земли). Сенокосы были выделены совместно соборной церкви и Успенскому монастырю: луг у р. Дона и пойма в луке этой реки. Успенская монастырская церковь, вероятно, в связи с тем, что являлась для Воронежа приходским храмом, владела 60 четвертями земли в поле, при этом обрабатываемой пашни было 20 четвертей в поле (вместе с наделами пушкарей и затинщиков) и 40 четвертей — «дикого поля». Сенокосов этой церкви принадлежало на 150 копен. Земельные владения приходских храмов, стоявших в слободах Воронежа, распределялись следующим образом: 1) церковь царевича Дмитрия (Напрасная слобода) — 14 четей пашни в поле, сенокосов 150 копен; 2) церковь пророка Ильи с пределом Фрола и Лавра (на посаде в Старом городе) — 20 четвертей в поле (в этом случае не была учтена норма наделения исходя из количества престолов), один участок в 5 четвертей находился на Песковатой полянке, в районе устья Воронежа, там, где кончались поля казаков, а второй, размером в 15 четвертей, располагался вниз по Дону, напротив Червленого яра, сенокосов было выделено на 115 копен; 3) Никольская церковь (Стрелецкая слобода) — 20 четвертей пашни в поле (два участка: один — полянка у Чралеевского озера в 3 десятины (так в тексте. — А. П.), второй — 17 четвертей в поле на Крымском берегу Дона, это был участок, который пахали ранее стрельцы «без дач»). Следующие три храма находились в Казачьей слободе, поэтому сенокосами они были наделены совместно, однако в дозорной книге не указано их количество; 4) Рождественская церковь с приделом великомученика Георгия — 40 четвертей (из расчета по 20 четвертей на каждый престол) земли в поле; 5) церковь Покрова Пресвятой Богородицы — 20 четвертей в поле и 6) храм Парасковьи — 20 четвертей в поле [5, с. 23—24].

Дозорная книга Воронежского уезда указывает на наличие четырех сел на правом берегу Дона, но лишь в одном из них, с. Губарево, имелась церковь (Богоявленская, «строение попа Федора»), не пострадавшая от татарского набега 1613 г. Напротив, церковь св. Георгия в с. Гвоздевке, Богоявленская церковь в с. Большом Терновом и Архангельская в Малом Терновом запустели. В двух селах на р. Усмани в 1615 г. находились: в с. Собакино храм с двумя престолами — во имя Николая Чудотворца и во имя Дмитрия Солунского («строение попа Власа»); в с. Боровом церковь Введения Пресвятой Богородицы с приделом Живоначальной Троицы («строение мирское»). На левобережье Воронежа располагались две церкви: в с. Ступино (церковь во имя Дмитрия Солунского) и в с. Излегощи (храм во имя Рождества Христова). На территории будущего Чертовицкого стана, на правом берегу р. Воронеж, от с. Чертовицкого до Карачунского монастыря в 1615 г. было построено пять церквей и одна часовня. В с. Чертовицком — теплая церковь с трапезою во имя Михаила Архангела, в которой служил священник Матвей Федоров. В сельце Грязном имелась Пятницкая церковь («строение мирское», книги и ризы попа Василия Филипова). Храм Николая Чудотворца был в с. Рамонь, в с. Березово располагалась церковь Обновления храма Христа, а в с. Лопатки — Пятницкая церковь. Кроме того, в сельце Животинном находилась часовня «наречена церковь Архангела Михаила». На территории будущего Карачунского стана к 1615 г. возникли четыре церкви и одна часовня. В с. Сенном — церковь во имя Архангела Михаила, в с. Манино — храм Рождества Христова, в с. Курино — церковь Николая Чудотворца, в с. Белколодезь — Богоявленская церковь, а в сельце Вербилово — часовня во имя Козьмы и Демьяна. Всего в Воронежском уезде в 1615 г. находилось 17 церквей и две часовни [2, с. 60].

Земельные владения уездных храмов характеризуются следующими размерами. Богоявленская церковь (с. Губаево) — 15 четвертей, из них пашни паханные — 3 четверти, перелог — 2 четверти, а 10 четвертей — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 38]. Георгиевская церковь (с. Гвоздевка) — 10 четвертей, из них только осмина пашни, а 9,5 четверти — «дикое поле», сенокосы не указаны [5, с. 49]. Богоявленская церковь в с. Большом Терновом — 20 четвертей, перелог — 3 четверти, а 17 четвертей — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 44]. Архангельская церковь в с. Малом Терновом — 15 четвертей, из них перелог — 5 четвертей и 10 четвертей — «дикое поле», сена — 30 копен [5, с. 42]. Никольская церковь (с. Собакино) — 20 четвертей (но пашни только 6 четвертей, 14 четвертей — «дикое поле») [5, с. 30]. Введенская церковь (с. Боровое) — 15 четвертей, но из них только осмина пашни, а 14,5 четверти — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 32]. Церковь во имя Дмитрия Солунского в с. Ступино — 15 четвертей, из них 2 четверти с осминою пашни, а 12,5 четверти — «дикое поле», сена — 30 копен [5, с. 89]. Храм во имя Рождества Христова (с. Излегощи) — 15 четвертей, из них пашни паханные — 1 четверть, перелог — 1 четверть, а 13 четвертей — «дикое поле», сена — 30 копен [5, с. 126]. Пятницкая церковь (с. Грязное) — 10 четвертей (пашни паханные — 5 четвертей и 5 четвертей — «дикое поле»), сена — 20 копен [5, с. 68]. Николаевская церковь (с. Рамонь) — 10 четвертей (пашни паханные 5 четвертей и 5 четвертей — «дикое поле»), сена — 20 копен [5, с. 70]. Церковь Обновления храма Христа в с. Березово — 15 четвертей, из них пашни паханные — 1 четверть, перелог — 4 четверти, а 10 четвертей — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 76]. Пятницкая церковь (с. Лопатки) — 15 четвертей, из них пашни

паханные — 1 четверть, перелог — 4 четверти, а 10 четвертей — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 10]. Церковь во имя Архангела Михаила в с. Сенном — 15 четвертей, из них 2 четверти с осминою пашни, а 12,5 четверти — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 104—105]. Никольская церковь (с. Курино) — 15 четвертей, из них 2 четверти с осминою пашни, а 12,5 четверти — «дикое поле», сена — 50 копен [5, с. 115]. Богоявленская церковь с приделом Иоанна Предтечи (с. Белколодезь) — «пашни паханые добрые и дикого поля» — 30 четвертей, сена — 30 копен [5, с. 130]. Часовня во имя Козьмы и Демьяна в сельце Вербилово — 15 четвертей, из них пашни паханые — 1 четверть, 14 четвертей — «дикое поле», сенокосы были выделены совместно с помещиками д. Круглой, количество не указано [5, с. 124—125]. Можно отметить, что все уездные храмы имели земельные наделы сопоставимого размера — от 10 до 15 четвертей на один престол (за исключением одного храма, имевшего 20 четвертей). Однако основной массив этих земель оставался в «диком поле» — 77 %, еще 8,6 % земли пахалось перелогом и только 14,3 % отмечено в качестве «пашни паханой».

По подсчетам Э. В. Комоловой, в Воронеже в 1615 г. из 194 четвертей церковных земель в поле на каждого священника в среднем отводилось по 7,5—15 четвертей земли в поле, а на казака — по 20—30 четвертей. В селах нормой земельного надела для церквей было 15 четвертей в поле. Исключение составляли села Белколодезь (30 четвертей), Собакино (20 четвертей), Большое Терновое (20 четвертей), Чертовицкое (18 четвертей), Гвоздевка (10 четвертей), Животинное (10 четвертей), Грязное (10 четвертей) и Рамонь (10 четвертей), а сельские помещики обычно имели порядка 80 четвертей. В это же время воронежские церкви владели от 50 до 150 копен сена, а соборной — принадлежало 300. На сельские храмы приходилось, как правило, 20—30 копен, за исключением церкви с. Собакина (140 копен) и с. Белколодезя (60 копен) [4, с. 7].

К 1615 г. в Воронежском уезде находились земли трех воронежских монастырей: Успенского, Борщевского и Карачунского, «в них пашни паханой и монастырские и крестьянские сто четыре четверти без полуосьмины, а дикого поля и с наезжею пашнею семьсот девяносто шесть четвертей с полуосьминою в поле, «а в дву по тому ж» [5, с. 133]. Каждому монастырю, в пересчете на «добрую землю с наддачею», было выделено 300 четвертей в поле. Физические размеры земель были самыми большими у Успенского монастыря. За ним числилось: 50 четвертей пашни паханые худые (доброй землей — 30 четвертей), которую пахают монастырские работники; пашня монастырских крестьян — 60 четвертей худой земли (доброй землей — 36 четвертей); «дикого поля худые земли» — 390 четвертей (доброй землей с наддачей — 234 четверти). Сенокосов было выделено «меж поль и по заполью» на 600 копен [5, с. 131]. Борщевский монастырь имел 1,25 четверти пашни «худой земли» на Ногайской стороне Дона, которую монастырские работники пахали наездом, «дикого поля худые земли» — 162,75 четверти, в совокупности с доброй землей с наддачей — 100 четвертей, доброй пашни, которую обрабатывали монастырские работники на Крымской стороне Дона, — 4 четверти с осминою и «дикого поля» — 193 четверти с осминою в поле, всего 200 четвертей «пашни и дикого поля доброй земли». Сенокосов — на 700 копен [5, с. 132]. Карачунский монастырь владел 20 четвертями доброй земли, которую пахали монастырские «детеньши», крестьянской пашни — 10 четвертей, «дикого поля» — 160 четвертей, всего «пашни паханые мо-

настырские и крестьянские, и наезжею пашнею, и дикого поля добрые земли двесте четвертей в поле» (по подсчету документа получается 190 четвертей, вероятно, пропущено указание на 10 четвертей пашни, которую пахали наездом. — *А. П.*). Кроме того, Карачунскому монастырю принадлежала «поляна за рекою Воронежем», на которой наездом пахали 3 четверти в поле, и «дикого поля» 97 четвертей (в сумме — 100 четвертей). Сенокосов — на 850 копен [5, с. 133].

В 1629 г. за Успенским монастырем указано: «пашни паханые, перелог и дикого поля на пашню, худые земли» — 450 четвертей (доброю землею с наддачей — 300 четвертей в поле), сенокосов — на 800 копен [5, с. 222]. Владения Карачунского монастыря, как и в 1615 г., определены в 300 четвертей в поле, из которых 100 четвертей определены как «пашня паханая, и перелог, и дикого поля добрая земля», сенокосов указано на 850 копен [5, с. 226]. А вот размеры пашни Борщевского монастыря увеличились: на Ногайской стороне Дона указано «пашни паханые и перелогом и дикого поля... худые земли» — 150 четвертей (доброй землею с наддачею — 100 четвертей в поле), на Крымской стороне Дона «пашни паханые и перелогом и дикого поля, добрые земли» — 300 четвертей, всего 400 четвертей в поле, а сенокосов — 700 копен [5, с. 230].

В промежутке между 1617 и 1623 г. в Воронежском уезде были основаны еще три монастыря: Спасо-Преображенский Толшевский, Алексеевский Акатов, Семилукский Преображенский и женский Покровский. Спасо-Преображенский Толшевский и Семилукский Преображенский не имели вотчин и не упоминаются в писцовых и переписных книгах [1, с. 76—80]. В 1629 г. за Акатовым монастырем указаны «пашни паханые и перелогом и дикого поля, худые земли, а доброю землею, с наддачею, триста четвертей в поле, а в дву по тому ж». Размер угодий, выделенных для сенокоса, точно не определен: «Сена позади сенокосов атаманского рубежа села Собакина к речке, к переезду Тамлыцкому, что переезд через речку Тамлык, на Успенского монастыря луги, а полянка Скупуха от того же Тамлыцкого переезду к речке к Хаве, к зоголови, смежно Успенского монастыря с сенокосы» [5, с. 224—225]. Воронежский Покровский женский монастырь также не имел земельных владений, но для его содержания, «в руги место» был выделен Хворостянский ухожей с угодьями [1, с. 76—77; 5, с. 233—234].

К 1629 г. в Воронеже действовали соборная церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, девять храмов в слободах и приходской храм в Успенском монастыре. Собору принадлежало 40 четвертей доброй земли в поле (пашни паханой — 10 четвертей, перелогом и «дикого поля» — 30 четвертей) и сенокосов на 300 копен, как и ранее совместно с Успенским монастырем: луг у р. Дона и пойма в луке этой реки. Земельные владения приходских храмов, стоявших в слободах Воронежа, теперь распределялись следующим образом: 1) церковь во имя царевича Дмитрия, уже с престолом Михаила Малеина, ее владения существенно увеличились, при наделении была использована норма по 25 четвертей к престолу, таким образом: 50 четвертей пашни в поле (пашни паханой — 10 четвертей, остальное — «дикое поле» и перелог), сенокосов — 150 копен; 2) церковь пророка Ильи с приделом Фрола и Лавра — 20 четвертей доброй земли (пашни паханой — 5 четвертей и перелогом и «дикого поля» — 15 четвертей), размер сенокосов увеличился и составил 150 копен; 3) Никольская церковь (Стрелецкая слобода) — 20 четвертей доброй

земли в поле (пашни паханой — 5 четвертей и перелогом и «дикого поля» — 15 четвертей), сенокосов на 50 копен. Три храма Казачьей слободы, как и ранее, сенокосами были наделены совместно, однако в 1629 г. указаны их размеры — по 100 копен на каждый храм. Земельные владения этих церквей не изменились: 4) Рождественская церковь с приделом великомученика Георгия — 40 четвертей (пашни паханой — 10 четвертей, перелог и «дикого поля» — 30 четвертей) земли в поле; 5) церковь Покрова Пресвятой Богородицы — 20 четвертей в поле и 6) храм Прасковьи — 20 четвертей в поле. В период между дозором 1615 и описанием 1629 г. возникли три храма на посаде Воронежа. Это 7) церковь Живоначальной Троицы с приделом Усекновения главы Иоанна Предтечи в Чижовской слободе и 8) Никольская церковь. К этим церквям, с учетом наличия второго придела, было выделено «дикого поля на пашню» 55 четвертей и сенокосных угодий на 150 копен. В Чижовской слободе указана еще одна церковь — 9) храм во имя Рождества Христова с приделом во имя архидиакона Стефана, но церковной земли ей не было выделено [5, с. 231—236]. По 69,2 % владений городских храмов (225 четвертей из общего количества в 325 четвертей) имеются сведения об их обработке: 17,8 % — «пашня паханая», а остальные 82,2 % — перелог и «дикое поле».

В 1646 г. в Воронеже действовали: соборная церковь Благовещенья Пресвятой Богородицы с двумя приделами (Николая Чудотворца и Алексея человека Божия), храмы в слободах — Рождественский с приделом Зосимы и Савватия, Никольский с приделом великомученицы Екатерины, Троицкий с двумя приделами (пророка Ильи и мучеников Фрола и Лавра), Троицкий с приделом Иоанна Крестителя, в казачьей слободе на Чижовке: церковь Николы Чудотворца и Рождественская церковь с приделом архидьякона Стефана, в Казачьей слободе — Покровская церковь и Пятницкая церковь, в Напрасной слободе — церковь во имя страстотерпца царевича Дмитрия с двумя приделами (Никольским и преподобного Михаила Малеина), в Стрелецкой слободе — Никольский храм с приделом святого Тихона Омусискаго, в Ямской слободе — Воскресенская церковь с двумя приделами (явления иконы Казанской Богородицы и чудотворцев Козьмы и Дамиана). Кроме этого, указан Покровский храм (церковь Покровского женского монастыря) [6, с. 28—33], и, вероятно, продолжал действовать приходской храм в Успенском монастыре, известный ранее.

Количество храмов в уезде увеличилось. В Борщевском стане указаны: церковь Иоанна Богослова (с. Устье, Песковатая поляна тож), Богоявленская церковь (с. Губорево), церковь во имя Василия Кесарийского (с. Костенки). В Борщевском стане находился Троицкий Борщев монастырь, отмечено наличие под монастырем слободки, в которой, помимо дворов нищих, живших при монастыре, указаны 110 крестьянских дворов, 23 двора бобылей и вдов с детьми. В этом же стане располагалась вотчина Воронежского Покровского женского монастыря — сельцо Избыльское («на реке на Дону и на устье речки Форсани и на озере»), в нем находилась часовня, а также 40 дворов бобылей и вдов, в том числе четыре двора пустых. Указана единственная церковная вотчина — «вотчина церкви святославного пророка Илии и святых мучеников Фрола и Лавра, что внутри города Воронежа» — жеребей в с. Устье (Песковатая поляна), насчитывавший три крестьянских и два бобыльских двора [6, с. 51—56].

В Усманском стане: церковь во имя Дмитрия Солунского (с. Собакино, на церковной земле имелись два двора бобылей), Рождественская церковь (с. Бобяково),

Пятницкая церковь (с. Ямное), церковь во имя архидьякона Стефана (с. Телечино, на церковной земле имелись два двора бобылей, но один был пуст), Архангельская церковь (с. Песковатое), Троицкая церковь с приделом Пречистой Богородицы (с. Боровое), Архангельская церковь (с. Репное), Дмитровская церковь (с. Ступино), церковь во имя Рождества Христова с приделом пророка Ильи (с. Излегощи) [6, с. 56—92]. В этом же стане располагались две вотчины воронежских монастырей. Вотчина Алексеевского Акатова монастыря — деревня, «что был починок в Трегубовой поляне», в ней стоял монастырский двор, в котором жили трое монастырских детенышей, три крестьянских двора и восемь — бобыльских. Вотчина Успенского монастыря — слободка Климентьевская, насчитывавшая 16 крестьянских и четыре бобыльских двора [6, с. 96—97].

В Чертовицком стане значатся: Архангельская церковь (с. Чертовицкое, на церковной земле имелись два двора бобылей), Георгиевская церковь (с. Рядное), Архангельская церковь (с. Животинное), Пятницкая церковь (с. Грязное), Никольская церковь (с. Рамонь), церковь во имя Обновления храма Воскресения Христова (с. Березово) [6, с. 97—110].

В Карачунском стане указаны следующие церкви: храм во имя апостола Иоанна Богослова (с. Глушицы), Рождественская церковь (с. Манино), Богоявленская церковь (с. Белколодезь, на церковной земле имелись пять дворов бобылей и два двора вдов), в селце Двуручки отмечена часовня [6, с. 125—159]. Карачунский монастырь, располагавшийся в этом стане, имел церковь во имя Сретения иконы Владимирской Богородицы с приделом во имя Николая Чудотворца. Рядом с монастырем была его слобода, насчитывавшая пять крестьянских дворов, 18 бобыльских дворов и двор «старицы Катерины» [6, с. 160—161].

Всего по итоговому подсчету («выкладке»), проведенному думными дьяками Федором Елизаровым и Давыдом Дерябиным, за монастырями в Воронеже числилось 32 бобыльских двора, людей в них 37 чел., на церковных землях 38 дворов бобыльских, людей в них 54 чел. В Воронежском уезде за монастырями было 146 крестьянских дворов, людей в них 305 чел., 95 бобыльских дворов, людей в них 127 чел., и на церковных землях 15 дворов бобыльских, людей в них 22 чел. А в целом по Воронежу и уезду было записано 2408 дворов, с проживавшими в них 4143 людьми [6, с. 161—162].

Обобщая все вышеизложенное, можно утверждать, что государственная политика первой половины XVII в. на южной окраине России не имела цели ограничения церковного землевладения. Практически все церкви и духовенство обеспечивались землей, им отводилось определенное количество сена (сенокосов), предоставлялось право пользования лесом и рыбными ловлями. Подавляющее большинство церковных земель в рассматриваемое время практически не обрабатывалось, вероятно, у их владельцев не хватало соответствующих ресурсов. Сравнение размеров земельных владений духовенства и прихожан не свидетельствует о сословной привилегированности священнослужителей. Поскольку изначально в данном регионе церковные владения не составляли значительной части освоенной пашни, то правительственные меры были направлены на регламентацию, и их можно оценить как одно из проявлений стремления упорядочить сложившуюся аграрную систему в масштабах всего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI — XVII веке / В. Н. Глазьев. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. — 270 с.
2. Глазьев В. Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда / В. Н. Глазьев // Церковь и ее деятели в истории России. — Воронеж : Полиграф, 2001. — Вып. 2. — С. 46—64.
3. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1969. — 304 с.
4. Комолова Э. В. Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. / Э. В. Комолова // Из истории воронежского края. — Воронеж : МОУ ВЭПИ, 2002. — № 10. — С. 3—14.
5. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний: Воронежские писцовые книги. — Воронеж : Воронежский губ. стат. комитет, 1891. — Т. II. — 296 с.
6. Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / В. Н. Глазьев. — Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1998. — 208 с.
7. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 76. Ч. I. Л. 1—560; Ч. II. Л. 561—1104.

**СЕЛЬСКИЙ МИР МОНАСТЫРСКОЙ ВОТЧИНЫ В ДМИТРОВСКОМ У.
НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII ВВ.:
СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И СТРУКТУРА ОБЩИНЫ**

В статье представлены некоторые итоги исследования, выполненного на материалах архива Медведевой пустыни, целью которого было изучение взаимозависимости между историей аграрного заселения конкретной территории, изменениями в системе расселения, с одной стороны, и организацией сельского «мира», структурой общины — с другой.

Ключевые слова: аграрное расселение, Дмитровский уезд, монастырь, Медведева пустынь, община, «выть», монастырские крестьяне.

Медведева пустынь, располагавшаяся в Дмитровском у. на р. Сестре, была приписана к Московскому Донскому монастырю в 1684 г., что в значительной степени предопределило относительно неплохую (для такого рода небольших монастырей) сохранность ее архива конца XVII — первой половины XVIII в. Документы неоднократно использовались исследователями при изучении различных проблем аграрной истории России, в том числе сельского расселения, вотчинного хозяйства, общины и крестьянского самоуправления [3, 5—8, 10]. Попытка бинарного подхода к изучению аграрного заселения конкретной территории, изменений в системе расселения, с одной стороны, и принципов внутренней организации сельского «мира», структуры крестьянской общины — с другой, предпринимается впервые.

Известно, что в рассматриваемый период лексема «община» для обозначения крестьянского сообщества не употреблялась. В источниках из архива Медведевой пустыни в подобном контексте обычно используются лексема «мир» и ее производные. Так, в челобитной архимандриту Донского монастыря Антонию, поданной крестьянами Медведевой пустыни («села Раменья з деревнями староста мирской Сенка Титов да выборные крестьяне Гришка Афонасьев, Афонка Григорьев, Митка Фефилов, Макарка Федоров, Максимко Матфеив, Андрюшка Михайлов и все вотчинные крестьяне»), которая по имени старосты может быть датирована 1697/1698 г., сообщается: «А нам... вскоре денег взять негде, многия государь у нас в мире хлебом оскудали и скотинишкою опали, пить и есть нечего, хлеб покупаем дорогою ценою, а иныя государь едят без соли и купить не на что, а иныя бродят по миру кормятся христовым именем. И ныне мы... с великою чрезмерною нуждою собрали с миру сенные государевы ден-

---

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, natalia_sokolova@outlook.com, Россия, г. Москва.

ги 11 рублей 30 алтын 1 денгу и то государь с правежем и те денги послали»¹. Аналогичным образом обозначено сельское сообщество и в челобитной крестьянина Гордея Остафьева на бывшего старосту Григория Афонасьева (1695/1696 г.) и выборных, подрядивших его на поставку в Москву стрелецкого хлеба и не уплативших ему согласно подрядной записи: «И я сирота против своей записи устоял и убытков *в мир* никаких не доставил, хлеб заплатил купя и займаючи денги, и отписи *в мир* отдал. А они староста против своей записи не устояли, хлеба мне сироте не доплатили многое число, потому что, государь, желая он староста себе корысти, а мне сироте вашему разорения, со многих дворов собрал денгами и хлебом и взял себе, а иное *в мир* оставил»².

Источники, в которых нашла отражение история сельского расселения, общины и крестьянского самоуправления в вотчине Медведевой пустыни, отложились в фондах различных архивохранилищ и библиотечных коллекциях, что потребовало кропотливой работы по их поиску. Исследование стало возможно благодаря выявлению в ОПИ ГИМ («Архив и коллекция Забелина Ивана Егоровича») уникального комплекса документов крестьянского происхождения. Прежде всего речь идет об 11 приходо-расходных книгах мирских старост за 1686/1687 и 1695/1696—1704/1705 гг. и «росписях», фиксировавших передачу старостам денег, собранных выборными крестьянами в различных частях вотчины (63 документа за 1696—1702 гг.)³. В своей совокупности они создают редкую возможность углубленно изучать сельский мир, структуру общины и функции крестьянского самоуправления на протяжении непрерывного десятилетнего интервала.

Следует подчеркнуть, что данные источники впервые привлекли внимание исследователей еще в 1970-х гг. Так, Н. А. Горская в монографии о монастырских крестьянах (1977 г.) писала: «В архивах Покровского и Донского монастырей нам удалось обнаружить целый ряд этих новых для XVII в. источников». По ее мнению, изучение «записных книг мирских старост» приобретает особое значение «в связи с фискальной деятельностью общинной администрации» [3, с. 237]. В диссертации А. Е. Чекуновой (1979 г.), изучавшей вотчинное хозяйство и крестьян Донского монастыря [10], использованы сведения из приходо-расходных книг мирских старост Медведевой пустыни за 1686/1687, 1695/1696 и 1701/1702—1704/1705 гг., сохранившихся в одном конволюте. Еще пять приходо-расходных книг мирских старост той же монастырской вотчины, составленные в 1696—1701 гг., выявлены автором и введены в научный оборот в начале XXI столетия [5]. Удалось также увеличить количество включенных в анализ «росписей старост и десятских о сборе мирских денег». Была изучена история расследования монастырем внутриобщинного конфликта, в ходе которого эти документы были собраны [6, с. 167—170]. Установлено, что тезис А. Е. Чекуновой о том, что «они были составлены в связи с проверкой старост за эти годы» [10, л. 50], не соответствует действительности. Подобная практика документирования передачи денег волостному старосте не была уникальной, она существовала во многих общинах, где было в достаточной мере развито мирское делопроизводство. В исследовании

¹ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 448. Л. 8.

² Там же. Л. 9.

³ Там же. Д. 447, 451, 463.

были использованы крестьянские челобитные, порядные и поручные записи, а также вотчинная переписка.

В рамках заявленной темы особый интерес представляют описания монастырских вотчин, близкие по времени к упомянутой выше документации мирского самоуправления. В работе использовались «Книги переписные Дмитровского уезда монастыря Медведевой пустыни, что приписан к Донскому монастырю, переписи столника Луки Богданова сына Каблукова 1701 году и вотчинам того монастыря», созданные в рамках общего описания церковно-монастырских владений начала XVIII в. [1], подворное описание сел и деревень Медведевой пустыни, проведенное в сентябре-октябре 1709 г., а также роспись дворов и тягла (окладная книга), составленная в период с 29 июля по 3 августа 1718 г.¹ Ретроспективное изучение сельского расселения в монастырской вотчине потребовало обращения к писцовым и переписным книгам XVI—XVII вв. Наиболее раннее описание сохранилось в виде сотной грамоты от 1 июля 1562 г. с книг И. А. Звенигородского и Д. М. Пивова (1561/1562 г.) [2, с. 591]. В начале XX в. документ был опубликован С. А. Шумаковым²; сегодня он хранится в фонде «Грамоты Коллегии экономии» РГАДА³. В основу ретроспективного картографирования монастырской вотчины были положены материалы Генерального межевания, дополненные различными картами XIX—XX вв., а также сведениями о церквях Дмитровского у., собранными В. И. и Г. И. Холмогоровыми⁴.

***

Степень зрелости мирских институций, нашедшая отражение в источниках конца XVII — начала XVIII в., свидетельствует, что к этому времени крестьянская община в вотчине Медведевой пустыни не была новеллой. Во главе сельского мира стоял мирской сход. В сохранившихся источниках нашла отражение практика ежегодного переизбрания на сходе всевотчинных старост; первые записи их приходо-расходных книг, как правило, датированы началом марта. В рассматриваемое десятилетие повторного замещения этой мирской должности не выявлено, лишь половина из 12 установленных нами всевотчинных старост фигурирует в качестве выборных более низкого уровня. Сведения о существовании при старосте какого-то совещательного органа в источниках отсутствуют.

В документах монастырского архива встречаются также упоминания целовальника, гуменных (или житенных) старост, сотского, пятидесятских, десятских, «борщиков». Была создана база данных о мирских выборных за период 1695/1696—1705/1706 гг.⁵ Из 109 включенных в нее лиц более одного раза фиксируются как

---

¹ ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 60а. Л. 351—378; Д. 259; Д. 551.

² Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). С предисловием действит. члена С. А. Шумакова // Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. № 45. С. 138—147.

³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 10. Д. 3808.

⁴ Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. М., 1913. Вып. 11 : Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины (Московского уезда).

⁵ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 446, 447, 451, 457, 463; ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 129.

мирские выборные 23 (или 21 %). Отметим, что почти 40 % повторных избраний приходится на время после апреля 1704 г., когда деятельность десятских была ограничена чисто полицейскими функциями, а сбор денег в деревнях стали осуществлять специальные «сборщики», в результате чего количество выборных увеличилось. Для данной общины в целом можно констатировать высокую степень ротации кадров мирского самоуправления, что возможно лишь при привлечении на выборные должности значительной части дееспособного мужского населения. На мирские должности выбирались, как правило, дворовладельцы. Всего своих представителей для несения мирской службы выделили 42,5 % дворов; в ней участвовал приблизительно каждый пятый мужчина — полный работник¹.

На рубеже XVII—XVIII вв. источники фиксируют крестьянскую общину различной структуры. В зависимости от размеров и территориальной разбросанности монастырских владений сельские миры могли объединять как все зависимое население данного земельного собственника, так и его часть, когда в границах вотчины существовало несколько самостоятельных крестьянских обществ. Приходо-расходные денежные книги всеотчинных старост являются, на первый взгляд, наиболее очевидным источником для изучения структуры крестьянской общины в вотчине Медведевой пустыни в Дмитровском у., поскольку в них нашла отражение одна из функций мирского самоуправления — финансово-фискальная. В приходных книгах старост разных лет оказались зафиксированы различное количество сборов и отличающиеся суммы, но плательщиками (в широком смысле этого понятия) неизменно выступают семь «вытей» — Минеивская, Запазинская, Борцовская, Полуденная, Новосельская, Васневская, Чернеевская. Например, «Книги старосты мирского Семена Титова приемных мирским денгам, что с которой выти принято и то писано в сих книгах порознь» (1696/1697 г.) открывает следующая запись: «Перваго гривенаго збору принято: Минеивские выти у старосты Игнатия Фадеива с 32 полуосмаков 3 руб. 6 алт. 4 д., Новосельской выти у десяцкого Афонасия с 16 полуосмаков принято рубль 20 алт., Запазинские выти у десяцкого Федора Добычи с 18 полуосмаков с крошкой принято 1 руб. 31 алт. 4 д., Борцовской выти у десяцкого Гришки с 16 полуосмаков принято 1 руб. 20 алт., Полуденной выти у десяцкого Карпунки с 17 полуосмаков с четвертью принято 1 руб. 23 алт. 2 д., Васневские выти у старосты Тимофея с 12 полуосмаков принято 40 алт., Чернеевские выти у десяцкого Семенки Любимова с 14 полуосмаков с крошкой принято 1 руб. 15 алт.»². Формуляр записи остальных сборов в книгах этого старосты в целом идентичен, изменяется его фактическое содержание — число полуосмаков, сумма, имя плательщика (в узком смысле — староста, десятский). Отдельными статьями фиксировались деньги, которые платили выборные от двух поселений («Деревни Устья у Козмы с соседми с 2 осмаков принято 13 алт. 2 д. Деревни Косилова у Ларки с соседом с полуосмака принято 3 алт. 2 д.»)³. Расширение круга источников позволило установить, что некие старосты, которые в приведенном выше тексте фигурируют в качестве плательщиков с Минеивской и Вас-

¹ Расчет произведен по переписи 1701 г. (ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 60а. Л. 351—378).

² ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 447. Л. 18—19.

³ Там же. Л. 19.

невской вытей, — это старосты «гуменные» (или «житенные»), которые выбирались там, где существовала монастырская запашка. Таким образом, их основные функции, связанные с производством и хранением монастырского хлеба, были дополнены еще и финансово-фискальной, которую в прочих вытях исполняли десятские или сборщики. Иными словами, упоминания старост в подобном контексте не свидетельствуют о наличии в общине некоей внутренней структуры.

Отметим, что количество полуосмаков в выти не является величиной постоянной и в остальных мирских приходных книгах. Так, согласно приходным книгам старосты 1699/1700 г. Лазаря Олферьева (записи о семи сборах), Минеивская выть платила с 32—35 полуосмаков, Борцовская — с 14,8—16, Новосельская — с 10,0—15,7, Запазинская — с 19—20, Полуденная — с 16—19,4, Васневская — с 10—12,5, Черневская — с 10—14,5. По-видимому, максимальные цифры — наиболее близки к формальному совокупному тяглу крестьян данной выти. Очевидно, что для оценки размера выти надо учитывать данные за максимальное количество лет, а не по отдельному году. Колебания данного показателя могут быть обусловлены недоимками — при неизменном числе тяглецов в выти. Сведения о времени последнего поравнения тягла в данной общине не выявлены. Определенная аналогия напрашивается с колебанием количества съемных десятин, которое отмечено Н. А. Горской, изучавшей аренду земли крестьянами той же монастырской вотчины. Можно лишь присоединиться к ее замечанию об «изменчивости хозяйственной конъюнктуры крестьянского двора в условиях натурального хозяйства» [3, с. 186—187]. Соответственно, в случае существенных колебаний речь идет об изменениях в тяглоспособности данной выти *in corpore*, когда запустевшее тягло просто не на кого наложить. Однако нельзя исключать и другие факторы. Так, платеж с выти соответствующим образом уменьшался, если та или иная часть сбора была «заворочена» крестьянину-дворовладельцу, например, обеспечившему «подносы» и «почести» приехавшим в вотчину представителям власти или монастырским управителям, или за покупку на свои денежные средства чего-то необходимого для всего сельского мира или в монастырь, а также за работу (прежде всего — за выполнение «подводной повинности»). В отличие от статей расхода мирской казны, т. е. денег, ранее уже собранных с вытей, подобные записи, как правило, в денежные книги всевотчинных старост не включались.

В приходных книгах разных лет бросается в глаза существенно большее тягло крестьян Минеивской выти. Например, в 1700/1701 г., при старосте Ларионе Моисееве, тягло данной выти находилось в интервале 31,6—34 полуосмаков. Борцовская выть в этот же год фактически заплатила с 12,3—16 полуосмаков, Новосельская — с 11,0—18,9, Запазинская — с 16,9—19, Полуденная — с 12,5—14,4, Васневская — с 10,6—12,8, Черневская — с 11,2—14,5. Данное наблюдение косвенно подтверждают окладные книги 1718 г., согласно которым от деревень Минеивской выти было шесть окладчиков, в то время как от остальных вытей — по 1—3¹. Очевидно, что в тексте мирских приходо-расходных книг лексема «выть» не имела значения единицы поземельного тяглового обложения, состоящей из 8 осмаков или 16 полуосмаков. Для того чтобы установить содержание данного понятия, требуется изучение контекстно-зависимых значений данной лексемы в источниках XVII—XVIII вв.

---

¹ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 551. Л. 2.

Этимология названий пяти вытей вполне прозрачна и проясняется уже при обращении к описанию монастырской вотчины 1701 г., в котором зафиксированы ойконимы Васнево, Чернеево, Минеиво, Новая и Борцова. Установить происхождение еще двух — Запазинской и Полуденной — оказалось несколько сложнее. Однако топонимы, дающие основания для, как представляется, убедительной гипотезы, были выявлены в ходе ретроспективного картографирования.

Отметим, что попытка привязать топонимы описания вотчин Медведевой пустыни к карте впервые была предпринята в 1920-х гг. М. Н. Тихомировым. На III Всероссийской конференции по краеведению, проходившей в Москве 11—14 декабря 1927 г., была представлена составленная им историческая карта Дмитровского уезда, на которой, среди прочего, было нанесено около двух десятков ойконимов из сотной грамоты с писцовых книг князя И. А. Звенигородского и Д. М. Пивова (1562 г.) [9, с. 316]. Исходя из стоявших перед ним задач (дмитровское краеведение), историк опирался на номенклатуру названий существовавших на тот момент дмитровских поселений.

2 марта 1928 г. результаты исследования, посвященного исторической географии Дмитровского уезда, были представлены М. Н. Тихомировым в Культурно-историческом отделении (секции) Общества изучения Московской губернии (области)¹. Доклад «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв.» вызвал большой интерес участников заседания, на котором председательствовали И. И. Полосин и Б. Б. Кафенгауз. Опираясь на сохранившийся протокол, С. О. Шмидт пишет: «В прениях выступили С. В. Бахрушин, “признавший доклад образцом работ по историческому изучению деревни”, В. Н. Мордвинова, К. Сперанский, М. С. Померанцев, А. И. Воронков. И. И. Полосин, “резюмируя прения”, отметил, что “в задачи доклада входили широкое историческое введение, историко-географический словарь и карта. Доклад дает большие перспективы и затрагивает ряд соседних с историей дисциплин. Так, занимаясь изучением названий, нельзя не обратиться к лингвистике; при изучении карты сталкиваемся с проблемами антропогеографии. Спор о том, как шла колонизация, по рекам или по водоразделам, приводит нас к спорам Ключевского и Семёнова-Тян-Шанского. Таким образом, доклад связан с целым рядом крупных проблем не только исторической науки, но и соседних с ней дисциплин”» [11, с. 169].

Статья под тем же названием была опубликована в 1928 г. в сборнике трудов Общества изучения Московской губернии, изданном под редакцией С. В. Бахрушина, а затем перепечатана в 1973 г. [7—8]. В качестве важнейшей составной части этой публикации выступает рукописная карта Дмитровского у. с датой «XII—1927» [7, между с. 34 и 35]. Небольшое предисловие «От редакции», подписанное С. В. Бахрушиным, имеет дату 28 мая 1928 г. Следовательно, статья была сдана М. Н. Тихомировым до начала летней экспедиции, в ходе которой он предполагал изучить и ряд поселений Медведевой пустыни. В частности, в «План экспедиционного исторического исследования селений Московского края», датированный 14 мая 1928 г., были включены

---

¹ В ее работе принимали участие А. В. Арциховский, С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, В. Н. Бочкарев, Ю. В. Готье, Е. А. Звягинцев, Б. Б. Кафенгауз, М. К. Любавский, И. И. Полосин, К. В. Сивков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин и др. См.: Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии (подготовил С. Б. Филимонов) // Археологический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 298.

ны следующие пункты: «6) Село Раменье — монастырское землевладение в пределах густых лесов Раменского лесничества. 7) Район селений по р. Дубне — пример заселения в болотистых местах уезда»¹. Из отчета М. Н. Тихомирова «О летней экспедиции для изучения исторического прошлого сел и деревень Дмитровского края в июне-июле 1928 г.» следует, что «изучение села Рогачево и Медведевой пустыни ставило своей задачей знакомство с водным, торговым причем, путем по реке Сестре и Дубне до Рогачева, вернее, до села Усть-Пристань». Завершилась экспедиция также во владениях Медведевой пустыни: «Последний пункт, который я посетил, с. Чернеево, дал лишь незначительный археологический материал»². Таким образом, С. О. Шмидт ошибался, когда писал о составлении карты Дмитровского у. в ходе летней экспедиции 1928 г.: «М. Н. Тихомиров визуально обследовал местность, составив карту селений и урочищ конца XVI в., расспрашивал местных жителей, прежде всего старожилов, особое внимание обращал на памятники старинного искусства» [11, с. 171].

В 2004 г. была опубликована историческая карта «Дмитровский уезд в 1766—1770 гг.», составленная В. С. Кусовым на материалах Генерального межевания [4]. Среди прочего на нее оказались нанесены 29 поселений и границы дач, в рамках которых отмежеваны земли, ранее принадлежавшие Медведевой пустыни и Донскому монастырю³. В части атрибуции поселений как ранее принадлежавших к монастырской вотчине издание имеет ряд упущений. Например, в нем отсутствует соответствующая информация о поселениях северо-западной части вотчины в Повельском стане, даже тех из них, что нанесены на карту как часть дачи с. Раменье (по перечню В. С. Кусова — № 374). Минеев погост (№ 275) внесен в алфавит землевладений Дмитровского уезда как церковная земля [4, т. 1, с. 208, 214].

В рамках предлагаемого читателю исследования ретроспективное картографирование преследовало цель выяснить, что представляла собой система расселения в вотчине Медведевой пустыни на рубеже XVII—XVIII вв., т. е. в то время, к которому относятся сведения документов мирского делопроизводства об общине. Оно было осуществлено на основе более широкого круга источников, что позволило картографировать большую часть известных топонимов. Прежде всего речь идет о 35 поселениях (из 39), зафиксированных описанием вотчины Медведевой пустыни 1701 г. На основе планов Генерального межевания и различных картографических материалов XIX—XX вв. также была осуществлена привязка к местности, с различной степенью точности, встречающихся в письменных источниках гидронимов. Последние играют порой ключевую роль при идентификации поселений вотчин, принадлежавших Медведевой пустыни согласно сотной грамоте с писцовых книг князя И. А. Звенигородского и Д. М. Пивова (1562 г.).

Об обращении М. Н. Тихомирова к данному источнику при составлении исторической карты Дмитровского у. свидетельствует дата, проставленная на ней около монастырских сел и деревень. Они были включены в историко-географический словарь, который является важнейшей составляющей публикации 1928 г. На основе наблю-

---

¹ Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии (подготовил С. Б. Филимонов) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 301.

² Там же. С. 303.

³ См. № 71, 140—141, 212, 275, 374, 392, 486.

дений над текстом описания вотчин Медведевой пустыни XVI в. сделан ряд выводов в предпосланном словарию введении. К значимым для нашего исследования относятся, например, следующее замечание историка: «Характерно, что местом главного сосредоточения монастырских вотчин являлся Повельский стан и северо-западный угол Каменского, тогда как остальная часть Каменского и почти весь Вышегородский стан оставались преимущественно областями частного землевладения» [7, с. 16].

Ретроспективное картографирование показало, что описанные в сотной 1562 г. село Чернеево и сельцо Васнево, к которым тянуло 22 деревни, действительно находятся на западе Каменского стана (ПГМ, Дмитровский у., дачи 452 и 462¹). К концу XVII в. число монастырских деревень, расположенных в междуречье Яхромы и Сестры, заметно сократилось. Можно высказать предположение, что выделение этих частей в отдельные выты объясняется их географическим положением и — как следствие — некоторой территориальной обособленностью от основного массива монастырских владений.

Характеризуя последний, М. Н. Тихомиров констатирует: «Около монастыря были сосредоточены и владения Медведевой пустыни, которой достались села и деревни по реке Сестре, а также владения в центре больших лесов, занимающих излучину Дубны и Сестры» [7, с. 16]. Этот тезис ученого представлялся верным, пока нам не удалось установить местоположение зафиксированного в сотной 1562 г. монастырского села Долматовское Федоровское с тянувшими к нему деревнями. Данная вотчина находилась на юго-востоке Повельского стана, практически на его границе с Вышегородским станом². На карте 1927 г. эти территории — белое пятно. Однако в документации сельского мира на рубеже XVII—XVIII вв. эти земли не фигурируют.

Поскольку в XVI в. погосты нередко являлись административными и общественными центрами сельских миров, в сотной 1562 г. наше внимание привлёк погост Володиславль с церковью Вознесения Господня. По соседству находилось монастырское село Новое (без храма), к которому, по подсчету писцов, тянули 51 деревня и 13 починков. Позднее в источниках они встречаются как соответственно деревня Новая и село Раменье (на речке Володиславке). В описи 1709 г. записаны как «деревня Новое село» и «село Вознесенское, Раменье тож»³. Таким образом, происхождение зафиксированного в источниках XVII в. названия выты — Новосельская — с высокой вероятностью относится к тому времени, когда еще существовало село Новое. Достоверно известно, что в конце XVII — начале XVIII в. в данную выть входили деревни Кузнечиха, Меленки, Дутьшева. Местоположение всех этих объектов легко устанавливается не только по планам Генерального межевания, но и по более поздним картам. Следует подчеркнуть, что в ходе Генерального межевания все земли между Яхромой, Сестрой и Дубной, ранее принадлежавшие монастырю, а после секуляризации перешедшие в ведение Коллегии экономии, были отмежеваны вместе (ПГМ, Дмитровский у., дача 446)⁴. Соответственно, последняя включала не только Ново-

¹РГАДА. Ф. 1354. Оп. 251. Ед. хр. В-22 (синее); Ч-3 (синее).

²Там же. Ед. хр. Ф-1 (синее); Д-108 (синее); С-7 (синее).

³ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 259. Л. 4 об., 10 об.

⁴РГАДА. Ф. 1354. Оп. 251. Ед. хр. Р-7 (красное).

сельскую выть, но и другие. В частности, уже согласно сотной 1562 г. к селу Новое тянула д. Борцова (10 дворов), давшая название еще одной выти мирских приходо-расходных книг.

В сотной грамоте 1562 г. также описан и другой погост на землях монастырской вотчины: «Того ж сельца Пантелеева погост на реке на Сестре, а на погосте церковь Воскресение Христова»¹. Согласно итогам писцов, к сельцу и погосту тянули 35 деревень и девять починков. В писцовом описании 1620-х гг. зафиксировано «место церковное Воскресения Христова в пустоши, что был погост на реке на Сестре». Согласно переписным книгам 1646 г., в монастырской вотчине существовало «село Минеево, Пантелеево тож»². В ряде подворных описаний последней четверти XVII — первой четверти XVIII в. зафиксировано сельцо Пантелеево³. На планах Генерального межевания рядом с ним отмечен Погост Минаев (ПГМ, Дмитровский у., дача 448). Он продолжал существовать и в XIX в., например, отмечен на Генеральной карте Московской губернии в атласе В. П. Пядышева (1821 г.). На современных картах можно обнаружить урочище Минеево, с храмом, неподалеку от села Пантелеево. Нет никаких сомнений, что Минеевская выть получила свое название от погоста как религиозного и общинного центра сельского мира. По-видимому, община исторически объединяла селения, располагавшиеся выше погоста по правому берегу Сестры — до впадения в нее правого же притока р. Дятловки. Ее размер в большой степени определялся привлекательностью для новопоселенцев данной территории (берега Сестры как транспортная и торговая артерии) и ее «емкостью» с точки зрения аграрного расселения.

Достоверно установлено, что к Полуденной выти относились деревни Карамышева и Куменова. На планах Генерального межевания обе они расположены южнее деревни Новое сельцо и села Раменье, среди деревень последнего они и фигурируют в различных описаниях монастырской вотчины. На плане казенных дач Раменского лесничества 1898 г., карте Дмитровского у. 1913 г. и «Карте района строительства канала Москва—Волга» (1934 г.) был обнаружен топоним «Полуденная сторожка». На современной карте на том же месте, на восточном берегу «Канала имени Москвы», отмечена деревня Полудённая. Топоним нельзя отнести к широко распространенным, потому существование тут некоей связи сомнений не вызывает. Безусловно, вопрос о том, что в данном случае первично — название выти или ойконим, требует дальнейшего изучения. Можно высказать гипотезу, что выть была названа по ее положению относительно других, уже существовавших к моменту заселения этой территории деревень, для жителей которых она находилась в том направлении, где солнце бывает в полдень, или на юг⁴.

---

¹ Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.). С. 144.

² Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. С. 155—157.

³ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 463. Л. 14—30 об.; ЦГА Москвы. Ф. 421. Оп. 1. Д. 259. Л. 15; Д. 551. Л. 7 об.

⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. Л — П. М., 2003. Стб. 1140.

Этимология названия Запазинская выть, по-видимому, связана — прямо или опосредованно — с гидронимом. На планах Генерального межевания, на карте 1810 г., а также геометрическом плане 1817 г. обозначена речка Пазья, впадающая в р. Дубну около д. Веретя. На гидрологической карте 1926 г. отмечена «Канавы Пазинская», которая возникла, вероятно, в результате мелиоративных работ, нашедших отражение, например, на «Карте осушительных работ Московско-Тверского района» (1898 г.). Форма образования топонима широко распространена (Заволжье, Замоскворечье, Заузолы и др.). Картографические материалы периода Генерального межевания зафиксировали резкое, на 90 градусов изменение направления течения реки у деревни Ольховка — с восточного на северное, причем сама речка протекает вне земель, ранее входивших в вотчину Медведевой пустыни. Расположение известных деревень Запазинской выти в XVII — начале XVIII в. позволяет высказать гипотезу о том, что новопоселенцы, для которых эти земли находились за рекой Пазья, пришли в междуречье Сестры и Дубны, двигаясь вверх по течению притока Волги.

Границы Новосельской, Запазинской, Борцовой и Полуденной вытей могут быть нанесены на карту лишь достаточно условно. Мирские приходо-расходные книги не дают исчерпывающих перечней поселений, входящих в ту или иную выть, а в подворных описаниях отсутствует деление на выти. Некоторая информация может быть получена из упоминаний в документах мирских выборных, когда названа деревня и выть (например, в сообщениях приходных книг и «рописей» о том, кто платил за ту или иную выть). Во многих случаях удается идентифицировать выборного (старосту или десятского) как дворовладельца определенного поселения в описании 1701 г. В целом можно констатировать, что в результате процессов аграрного расселения несколько потоков крестьянской колонизации «сошлись» вблизи погоста Володиславль, ставшего их общим общественным и религиозным центром.

Исследование позволило установить причину, по которой крестьяне деревень Устье и Косилова платили денежные сборы непосредственно всеотчинному старосте. Они находились в непосредственной близости от Медведевой пустыни, одна — выше монастыря по течению р. Сестры, на устье Яхромы, другая — ниже его. В сотной 1562 г. обе они входили в группу из 12 поселений (девять деревень и три починка, 19 дворов), которая писцами названа «Котелнич деревни». По-видимому, исторически они составляли небольшую самостоятельную волостку (дворцовую?), религиозным и общественным центром которой был погост, который позднее, как это нередко бывало, превратился в мужской монастырь — Рождества Богородицы Медведеву пустынь. Можно думать, что именно поэтому в рассматриваемый период жители этих малодворных деревень не входили в какую-либо из известных нам семи вытей, самостоятельно собирали деньги и даже становились всеотчинными старостами.

Ретроспективное картографирование свидетельствует, что значительные пространства, где отсутствуют живущие поселения, которые хорошо видны на планах Генерального межевания и более поздних картах, существовали в вотчине Медведевой пустыни уже на рубеже XVII—XVIII вв. Изменения системы сельского расселения в монастырской вотчине наглядно выявляются при сравнении с данными писцовых книг князя И. А. Звенигородского и Д. М. Пивова (1562 г.). На сопоставимых территориях число жилых поселений существенно сократилось, а их дворность возросла. Немалая часть земель, в середине XVI в. вовлеченных в активное сельскохозяйственное освоение,

в том числе новопоселенцами, о которых писал М. Н. Тихомиров¹, к концу следующего столетия превратилась в пустоши, обрабатываемые наездом или арендуемые под сенокос. Очевидно, что именно в результате перевода части тяглой земли в оброчный фонд и возникла как массовое явление аренда пустошей крестьянами данной монастырской вотчины. Н. А. Горская считала, что распространенность такой аренды (по ее подсчетам, 152 пустоши) позволяет сделать вывод о наличии земельного резерва [3, с. 199]. Однако, как нам удалось установить, как минимум часть из них в 1562 г. являлась деревнями и починками. Например, отметим ставшие к концу XVII в. пустошами деревни Охлопково, Тимоново, Каменик, Носовскую, Круглую, Ильино, Юрино, ранее тянувшие к селу Новому. Пустошами стали тянувшая к селу Чернеево деревня Харланово, к селу Тавлеево — деревни Шелимовская, Оринкина, Болотовская, Илмово, починки Киреев, Букин, Тимошин. Другие, будучи пустошами уже в 1562 г., как, например, Сайгатово (альменда села Долматовское Федоровское с деревнями), оставались за монастырем вплоть до секуляризации. Причины подобных процессов могут быть предметом особого исследования. Но следует подчеркнуть, что переход от эксплуатации земель запустевшей деревни (пустоши) как части альменды соседних села/деревень к практике индивидуальной или групповой аренды таких «свободных» земель внутри вотчины, в свою очередь, не мог не дать новый толчок к изменениям в системе расселения и опосредовано повлиять на организацию сельского мира и структуру общины.

Анализ источников конца XVII — начала XVIII в. из архива Медведевой пустыни показал, что община имеет черты всеотчинного крестьянского сообщества. Очевидно, что она объединяла в себе как некие исторически сложившиеся в ходе аграрного расселения сельские миры, формировавшиеся вокруг погостов, которые в той или иной мере трансформировались уже в рамках монастырской вотчины, так и крестьян с. Чернеево и сц. Васнево. Как представляется, последние оказались включены в общину уже в «монастырский» период.

Важными аргументами в пользу такой характеристики данного сельского мира являются наши наблюдения над организацией мирского самоуправления. Следует отметить, что при ротации всеотчинных старост какая-либо закономерность в представительстве частей сельского мира не прослеживается. Так, в рассматриваемые годы сельский сход избирал крестьян из деревень Липина и Ступина (Минеивская выть); Кузнечиха, Меленки и Дутьшева (Новосельская выть); Быкова (Запазнинская выть); Карамышева и Куменова (Полуденная выть); Чернеево (Чернеевская выть). На протяжении рассматриваемого десятилетия нет ни одного мирского старосты от Васневской выти, тогда как, например, Новосельская выть была представлена трижды. Можно предположить, что это связано с удаленностью и некоторой изолирован-

---

¹ Исследователь считал, что «колонизация этой части Дмитровского уезда не закончилась еще и к 1562 г., к которому относится выпись». По его мнению, об этом свидетельствует наличие поселений, которые возникли недавно, поскольку на момент писцового описания в них проживают крестьяне, по имени которых они названы: «Таковы например, названия: д. Окулово (в ней 1 двор, живет Окул Овинов), Онтропово (1 двор, живет Онтропко Некрасов), Тимоново (в ней 2 двора, живут Ивашко Тимонов и Куземко Плохое), Макаров починок (1 двор, живет Макар Карпов) и т. д.». «К началу XVI века, — заключает ученый, — вся южная и восточная часть (Дмитровского у. — Н. С.) уже была относительно густо заселена, тогда как излучина между Дубной и Сестрой продолжала еще заселяться в половине XVI века» [7, с. 14].

ностью или демографическим фактором (по переписи 1701 г. в селе Васнево 13 дворов и нет тянувших к нему деревень).

Отсутствует и какая-то очередность избрания из разных вытей. При этом имеют место повторные избрания крестьян из одной деревни. Так, оба всеотчинных старосты, представлявшие Запазинскую выть, жили в д. Быкова. В 1696/1697 г. старостой был Иван Андреев сын Полтинки¹. В марте 1701 г. на мирском сходе был избран Герасим Федоров сын Морозова. Поскольку беловики мирских приходо-расходных книг писали, как правило, монастырские слуги, в преамбуле указана принадлежность деревни в соответствии с последними переписными книгами: «Лета 1701 года марта с первого числа... Медведевской пустыни вотчины села Раменья деревни Быкова старосты мирскова Герасима Федорова сына Морозова книги приемные денежные всяким приходным мирским денгам, что в кое выти принято и которого збору и то писано ниже сего порознь статьями»². Размеры поселения, где жили старосты, самые разные — от однодворной деревни (например, Кузнечиха или Дутьшева, обе — Новосельская выть) до большого села Чернеева. Отметим, что обе однодворные деревни были таковыми и в 1685, и в 1678—1679 гг., что означает, что это определенный уклад жизни, эти старосты, конечно, не являлись «новоприходцами».

Как представляется, результаты исследования верифицируют гипотезу о том, что нашедшее отражение в мирской документации «вытное» деление было обусловлено историей аграрного расселения на данной территории. В конце XVII — начале XVIII в. выть может рассматриваться как структурная часть сельского мира лишь условно (ретроспективно). Подтверждением последнего вывода может служить поручная запись от 9 марта 1698 г., которую дали минеивские крестьяне Васька Захаров (д. Русанова) и Митька Вавилов (д. Назарова) по Савелию Сергееву, пришедшему жить в одну из деревень, тянувших к селу Раменье: «Ему Савелию жить в деревне Дюкине на доле своей как и протчия люди живут смирно, дом ему строить, и пашню пахать, и тягло монастырское тянуть и подати всякие с миром тянуть, и по сторонам и по заволостью не ходить, и никаких слов пустых не говорить, и боярским крестьянином не называться»³. Иными словами, по представлениям крестьян, принадлежность «новоприходца» и поручителей к разным вытям — обстоятельство несущественное, «мир» — это все сообщество, вне зависимости от вытного деления, а «волость» — это территория, на которой оно (сообщество) живет, в данном случае, вероятно, монастырская вотчина.

О том, что в рассматриваемое время эта лексема в куда большей мере означает административно-территориальную единицу внутри монастырской вотчины, свидетельствует монастырская переписка 1690-х гг. Так, в письме настоятеля Медведевой пустыни Льва от 9 ноября 1694 г., адресованном архимандриту Донского монастыря Антонию, читаем: «Да по твоему государь указу даю Ивану Олферову приказ Чернеевскую выть з деревнями и он Иван тех вытей не берет, просит Минеевскую выть, а Минеевскую вытью по твоему указу пожаловал на приказ Иван Карпов... 202 году сентября с 1 числа»⁴. При

¹ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 447. Л. 1 об.

² Там же. Д. 463. Л. 363.

³ Там же. Д. 446. Л. 9.

⁴ Там же. Д. 442. Л. 5.

достаточно высокой степени развития в данном «волостном мире» крестьянского самоуправления «традиционное» вытное деление, трансформировавшись, тем не менее выступало в качестве инструмента осуществления общиной финансово-фискальной и административно-хозяйственной функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. / И. А. Булыгин. — Москва, 1977.
2. Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посочного обложения Московского государства. Т. II / С. Б. Веселовский. — Москва, 1916.
3. Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений / Н. А. Горская. — Москва, 1977.
4. Кусов В. С. Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описание землевладений / В. С. Кусов. — Москва, 2004. — Т. 1: Дмитровский уезд. — С. 191—224; «Дмитровский уезд в 1766—1770 гг.». — Лист 6 картографической части данного издания.
5. Соколова Н. В. Имущественное расслоение и мирское самоуправление в Центральной России в XVII — первой четверти XVIII в. / Н. В. Соколова // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе : Мат. XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — Вологда, 2001. — С. 86—100.
6. Соколова Н. В. Русская деревня: между конфликтом и консенсусом (на материалах монастырских вотчин Центральной России XVII — середины XVIII в.) / Н. В. Соколова // Образы аграрной России IX—XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. — Москва, 2013. — С. 152—180.
7. Тихомиров М. Н. Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI веках / М. Н. Тихомиров // Московский край в его прошлом. Очерки по социальной и экономической истории XVI—XIX веков / Под ред. проф. С. В. Бахрушина. — Москва, 1928. — С. 5—34. — (Труды Общества изучения Московской губернии. Вып. 1)
8. Тихомиров М. Н. Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI веках / М. Н. Тихомиров // Российское государство XV—XVII веков. — Москва, 1973. — С. 217—258.
9. Хохлов Р. Ф. М. Н. Тихомиров и Дмитровский музей / Р. Ф. Хохлов // Археографический ежегодник за 1968 год. — Москва, 1970. — С. 315—318.
10. Чекунова А. Е. Вотчинное хозяйство и крестьяне в конце XVII — первой половине XVIII в. (по материалам Донского монастыря) : дисс. ... канд. ист. наук / А. Е. Чекунова. — Москва, 1979.
11. Шмидт С. О. Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению Московского края (Новые материалы) / С. О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1973 год. — Москва, 1974. — С. 167—172.

**РОДОВОЙ СОСТАВ ДВОРЯН-СОБСТВЕННИКОВ
НАСЕЛЕННЫХ ИМЕНЕЙ
В УЕЗДАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
В XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.²**

Анализ писцовых и ревизских материалов позволяет не согласиться с распространенной точкой зрения об отсутствии у российского дворянства привязанности к своим регионам и уездным землям. Устойчивость родового состава владельцев от уезда к уезду сильно различалась, а в ряде районов страны, несмотря на мобилизацию имений, являлась весьма высокой.

Ключевые слова: дворянство; землевладение; родовая собственность; фамильный состав.

В литературе сложилось прочное и аргументированное мнение о высокой мобильности земельных владений служилого класса. Как писал Ю. В. Готье, дворянин, постоянно занятый на службе, «не был особенно привязан» к своей собственности, и «между ними не было связи, которая заставляла человека дорожить этим клочком [земли], переходящим из поколения в поколение» [3, с. 415—422]. Тезис о «неукорененности» русского дворянства, отсутствию у него привязанности к своим уездным землям неоднократно высказывался и в более современной литературе. Лишь в отдельных случаях авторы приходили к выводу, что, несмотря на активную мобилизацию имений, родовой состав владельцев того или иного уезда оставался относительно устойчивым. Так, В. М. Воробьев и А. Я. Дегтярев убедительно показали, что состав новгородского дворянства XVII в. был весьма стабилен [2, с. 125—128]. К схожим выводам на материалах Владимиро-Суздальского региона пришла В. Кивельсон [16, с. 58—100].

Обратим внимание, что задача оценки устойчивости фамильного состава владельцев во всех или, по крайней мере, в основной массе уездов Европейской России даже не ставилась в литературе. Поэтому остается догадываться, насколько ситуация в Новгородском или любом другом регионе типична для страны в целом. Настоящая работа призвана восполнить существующий пробел и посвящена анализу тех изменений, которые произошли в фамильном составе дворянства в уездах Европейской Рос-

---

¹ Черников Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, Липецкий государственный технический университет, zserg72@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00002 (а).

сии XVII — начала XVIII в.¹ Так как выявление родственных связей у всех представителей российского дворянства невозможно (например, по I ревизии это более 5 тысяч фамилий и несколько десятков тысяч лиц), в статье используется весьма распространенный компромиссный подход: однофамильцы рассматриваются как представители одного рода.

Для начала определимся с показателями, на основе которых мы будем оценивать устойчивость родового состава владельцев. В следующей таблице приводится сравнение фамильного состава собственников по I ревизии с писцовыми книгами 1620-х гг. и 1570—90-х гг. по ряду уездов Центра и Северо-Запада².

Т а б л и ц а

Сравнение родового состава владельцев в уездах по I ревизии с писцовыми книгами 1620-х гг. и 1570—90-х гг.

Уезд	фамилий по I ревизии			у старых родов, по I ревизии, %		владений на фамилию (среднее), по I ревизии		
	всего	найдено в ПК *		крестьян	владений	старые роды	новые роды	все роды
		абс.	%					
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>сравнение с писцовыми книгами 1620-х гг.:</i>								
Тульский	191	91	48	67	78	5,53	1,40	3,37
Рязанский (1 стан)	156	92	59	67	81	4,48	1,55	3,28
Алексинский	204	67	33	54	60	5,46	1,78	2,99
Суздальский	399	162	41	62	63	4,28	1,75	2,77
Угличский	246	82	33	45	56	3,46	1,38	2,07
Новоторжский	41	22	54	64	72	2,73	1,21	2,02
Нижегородский	338	123	36	41	51	2,59	1,40	1,83
Серпуховской	69	23	33	43	50	2,43	1,22	1,62
Дмитровский	264	81	31	50	42	2,12	1,32	1,57
Можайский	162	44	27	38	41	2,34	1,25	1,54
Гороховецкий	58	23	40	54	53	1,83	1,06	1,36
Верейский	77	14	18	16	26	1,86	1,19	1,31

¹ Основные источники: ведомости рекрутского набора 1737—38 гг. (Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Кн. 1159—1161, 1163, 3519), материалы подворных переписей в Ингерманландии и Слобжанщине начала 1730-х гг. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 1110. Л. 1865—1952; Ф. 248. Кн. 1106. Л. 147—238).

² О родовом составе владельцев по уездам в конце XVI — начале XVII в. см.: [1, 5, 7—15]. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 11432, 11833.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>сравнение с писцовыми книгами 1570—90-х гг.:</i>								
Новгородский	533	189	35	54	60	14,35	5,34	8,54
Каширский	327	110	34	63	66	8,00	2,10	4,08
Тульский	191	88	46	64	76	5,53	1,51	3,37
Коломенский	286	93	33	47	56	5,16	1,97	3,01
Московский (часть)	258	44	17	31	23	2,84	2,01	2,15
Звенигородский	76	4	5	16	6	1,50	1,31	1,32

Примечание: *Найдено родов в писцовых книгах (без учета бывших владельцев «пустых и порожжих» поместий и вотчин).

Сначала обратимся к верхней части таблицы. Как видим, в 11 из 12 уездов доля фамилий, сохранивших свою собственность со времени описания начала XVII в. (условно назовем их «старыми»), составляла от 27 до 59 %. По I ревизии им принадлежали 41—81 % имений и 38—67 % крепостных. Иными словами, спустя три поколения (90 лет) родовой состав существенно изменился, но старые фамилии, по их численности и, особенно, по владельческим позициям, по-прежнему играли в уездах заметную роль. Верейский уезд резко отличался от остальных: у 18 % старых фамилий осталось лишь 26 % имений и 16 % крепостных.

Теперь рассмотрим данные в нижней части таблицы, где сравнивается фамильный состав владельцев по I ревизии и в конце XVI в. По утверждению Ю. В. Готье, в период Смуты в Замосковном крае произошла «почти полная перемена всего служилого дворянства» [4, с. 61]. Однако ситуация была не столь однозначна. Так, по подсчетам А. П. Павлова, с конца XVI в. до 1620-х гг. в ряде уездов к востоку от Москвы (Костромском, Нижегородском, Коломенском) имения сохранили от 60 до 75 % фамилий [6, с. 99]. Исходя из моих данных, положение в Новгородском, Каширском, Тульском и Коломенском уездах резко отличалось от Московского или Звенигородского. В первой группе уездов доля фамилий, сохранивших собственность с конца XVI в. (т. е. на протяжении 130—150 лет), составляла от 33 до 46 %. По I ревизии им принадлежало 56—76 % вотчин и 47—64 % крестьян. Устойчивость родového состава новгородских помещиков XVII в. уже отмечалась в литературе, но, как видим, высокие показатели наблюдались не только на Северо-Западе, но и в ряде центральных уездов страны. Во второй группе показатели гораздо ниже. Так, в разоренном в Смуту Московском уезде 17 % старых фамилий сохранили за собой только 23 % вотчин и 31 % крестьян, а в Звенигородском, к западу от столицы, почти все имения перешли к «новичкам».

Обратим внимание на три последних столбца таблицы, где представлены данные о среднем числе имений, приходившихся на один дворянский род. У старых фамилий этот показатель всегда выше, нежели у новых, иногда очень существенно. Так, в Тульском и Алексинском уездах старые фамилии, сохранившие собственность с 1620-х гг., в среднем имели более пяти вотчин, а новые — лишь одну-две. Показатели в последнем

столбце, относящиеся ко всем родам, находятся почти в прямой зависимости от показателей по старым фамилиям. Очевидно, что значительное число вотчин, приходившихся на один род, — это следствие устойчивого роста дворянских семейств, длительной, на протяжении нескольких поколений, практики наследования и дробления имений между родственниками, а также приобретения новых поместий и вотчин, включая «прииск» и освоение «порозжих» земель. Низкие показатели, напротив, отражают «подвижность» владельческого состава, которую вызывали две основные причины: приобретение собственности представителями все новых и новых фамилий (в окраинных заселяемых уездах) и ускоренная мобилизация дворянских имений, их частый переход к инородцам (в староосвоенных районах). Также заметим, что у фамилий, появившихся в уездах после составления писцовых книг 1620-х гг., на один род, в среднем, приходилось менее двух вотчин (как правило, этот показатель даже не достигает 1,5). Следовательно, при столь же низком общем показателе (по всем родам) мы можем обоснованно предположить, что фамильная владельческая структура в данном уезде сформировалась, главным образом, в послесмутное время. Подчеркну, что размеры вотчин, в отличие от их количества, мало что говорят о длительности и прочности связей дворянского рода с уездом, так как даже самые крупные имения могли быть приобретены недавно.

Возникает вопрос, какие показатели более предпочтительны для оценки устойчивости поуездного родового состава владельцев: сведения о количестве вотчин, приходившихся в среднем на один род, или же процентные данные о числе старых фамилий и принадлежавшей им собственности? Для примера сравним данные по Тульскому и Новоторжскому уездам из верхней части таблицы. Как видим, с 1620-х гг. до I ревизии собственность сохранили соответственно 48 и 54 % фамилий, за ними числилось 78 и 72 % владений, в которых проживало 67 и 64 % крестьян. Но, несмотря на близость цифр, было бы ошибкой утверждать, что родовая структура собственности в этих уездах обладала одинаковой устойчивостью. В Смуту Новоторжский уезд пострадал намного сильнее Тульского [3, с. 226—227; 14, с. 92—93]. То есть восстановление, как хозяйственное, так и фамильной владельческой структуры, в Новоторжском уезде началось с гораздо более низкого уровня, нежели в Тульском. Это подтверждается данными о среднем числе вотчин, приходившемся на один род: у старых фамилий в Тульском уезде показатели вдвое выше, чем в Новоторжском (5,5 и 2,7), а по всем родам — в 1,7 раза (3,4 и 2,0 соответственно). Вывод очевиден: тульское дворянство было более тесно связано со своим уездом. Таким образом, для оценки устойчивости фамильной структуры лучше других подходит последний показатель: количество вотчин, в среднем, приходившихся на один род.

Важным вопросом является сопоставимость данного показателя по «крупным» и «мелким» уездам. Иными словами, мы должны быть уверены, что его значения обусловлены не «размерами» уезда, а структурой собственности. На время I ревизии в уездах Европейской России на один род в среднем приходилось две вотчины. Выделим две группы уездов: те, где данный показатель не превышал общероссийского, и те, в которых он был выше. Рассчитаем коэффициент линейной корреляции этого показателя с численностью помещичьих крестьян в уездах¹. По первой группе уездов

---

¹ Для расчетов вариационные ряды были «очищены» от нехарактерных значений («выбросов»); использовался критерий «трех сигм».

корреляция низкая ($r = 0,41$; $p\text{-level} < 0,01$), по второй группе коэффициент статистически незначимый ($r = 0,19$; $p\text{-level} = 0,15$). Таким образом, низкие значения показателя обусловлены «размерами» уезда лишь в незначительной степени, а высокие — не обусловлены вовсе. Отсутствие этой взаимосвязи хорошо заметно на примере двух самых «крупных» уездов России, Новгородского и Нижегородского, где численность помещичьих крестьян превышала 100 тыс. душ. В первом на один род приходилось 8,5 вотчины, а во втором — лишь 1,8.

Теперь рассмотрим данные I ревизии о количестве имений, приходившихся по уездам Европейской России на одну дворянскую фамилию. Как указывалось выше, это позволит представить общую картину устойчивости владельческого состава на данной территории. Поскольку по девяти уездам Орловской, Севской и Пензенской провинций нет сведений, для них использовались расчеты по III ревизии¹. В общей сложности, данные имеются по 182 уездам.

Среди всех уездов резко выделяется Новгородский, на одну фамилию здесь приходилось 8,5 владения. По пятинам: в Деревской — 4,1, Водской — 4,5, Обонежской — 4,6, Шелонской — 4,7, а в Бежецкой — 5,6. Относительно высокие показатели были в соседних Пусторжевском (4,3), Великолуцком (3,9) и Островском (3,1) уездах. Напротив, в заселяемой Ингерманландии, на возвращенных после вековой шведской оккупации землях Водской пятины, вошедших в состав Санкт-Петербургской губернии, по данным начала 1730-х гг., на один дворянский род приходилось лишь 1—1,4 имения.

Уезды к западу от Москвы, как и новгородские земли, сильно пострадали во время Смуты. Но если на северо-западе в XVII в. шло постепенное восстановление фамильного состава владельцев конца XVI в. (чему в немалой степени способствовала «закрытость» региона от проникновения московских чинов), то вблизи старой столицы ситуация была противоположной. Здесь в подавляющем большинстве уездов по I ревизии на один род приходилось менее двух вотчин. Самые низкие показатели, на уровне Ингерманландии, отмечались в Тверском, Старицком, Волоколамском, Рузском, Звенигородском и Верейском уездах — до 1,5 владения на фамилию. Лишь в Малоярославецком уезде (2,3) показатели были немногим выше среднероссийских. Ю. В. Готье, рассматривая хозяйственное состояние Замосковского края во второй половине XVII в., отмечал, что на западе «больше и долее» помнили разорение начала века [3, с. 444]. Как видим, структура собственности отражала последствия Смуты даже столетие спустя, а родовой состав дворянства в некоторых уездах, как мы отметили на примере Верейского и Звенигородского, практически полностью сменился.

Утрата на полвека Смоленщины также привела к смене фамильного состава владельцев на этой территории. Как известно, в период владычества Речи Посполитой здесь были сформированы служилые корпорации, по преимуществу состоявшие из польско-литовской шляхты. Большинство русских служилых людей покинули этот регион, получив поместья в Белозерском, Вологодском и других уездах. То, что родовая структура собственности на Смоленщине сложилась относительно недавно, подтверждают следующие расчеты: в Рославльском уезде на одну фамилию, в среднем, при-

¹ Это Белевский, Мценский, Брянский, Карачевский, Кромский, Трубчевский, Рыльский, Путивльский и Пензенский уезды.

ходило 1,6 владения, в Дорогобужском — 1,8, в Бельском — 1,9, и лишь в Смоленском уезде этот показатель был выше общероссийского — 2,5.

Вернемся к центру страны. К востоку от Твери, Клина, Дмитрова, Рузы и Звенигорода располагались уезды с более устойчивым семейным составом. Так, в Московском и Кашинском уездах на один род приходилось 2,7 вотчины, в Переяславль-Залесском — 2,3, во Владимирском — 2,5. Самые высокие показатели (от 2,75 до 4,1) наблюдались в двух группах уездов, сравнительно мало пострадавших в период Смуты. Первая группа протянулась из Замосковского края на север за Волгу. В нее входили Суздальский, Ярославский, Романовский, Пошехонский, Костромской, Галичский, Кадынский, Вологодский и Белозерский уезды. Вторая группа располагалась по реке Оке (включая верховья) и к югу от нее: Карачевский, Болховский, Мценский, Лихвинский, Алексинский, Тульский, Крапивинский, Каширский, Коломенский, Зарайский, Рязанский, Михайловский, Пронский, Ряжский, Шацкий и Кадомский уезды. Обращает на себя внимание, что на территории заокских уездов (в среднем и нижнем течении реки) находилась Большая засечная черта, построенная для защиты от татарских набегов в середине XVI в. Вероятно, по этой причине южные пограничные уезды в 1560—70-х гг. не вошли в состав «государева удела» (за исключением западных Козельского, Белевского, Лихвинского, Перемышльского) и, как следствие, в меньшей степени, нежели опричные, пострадали от переселений землевладельцев. Так, по подсчетам А. П. Павлова, в земском Каширском уезде семейный состав дворянства за период опричнины изменился менее чем на 30 % [6, с. 98]. Заметим, что по I ревизии в Каширском уезде на один род, в среднем, приходилось более четырех вотчин (показатель, сравнимый с Деревской пятиной).

В восточной части Замосковского края и прилегающих к нему поволжских уездах владельческая структура являлась менее устойчивой. Например, в Лушском, Гороховецком уездах на один род приходилось 1,4—1,5 вотчины, в Юрьевецком и Балахнинском — 1,1—1,2, а в Нижегородском — 1,8. В последнем уезде в результате раздач представителям элиты в XVII в. дворцовый фонд был почти полностью ликвидирован. пожалования продолжались и при Петре I. По I ревизии самыми значительными имениями в уезде владели царевичи Имеретинские (около 22 тыс. душ), кн. Черкасские (11 тыс.), Головины (8 тыс.), кн. Кантемиры и Шереметевы (по 6 тыс.). От двух до четырех тысяч душ имели Демидовы, кн. Голицыны, кн. Долгоруковы, кн. Лобановы-Ростовские, кн. Троекуровы, кн. Прозоровские. Заметим, что вотчины в Нижегородском уезде активно приобретала не только элита, но рядовое дворянство. Ко времени I ревизии новыми, по сравнению с писцовыми книгами 1620-х гг., являлись 64 % нижегородских фамилий, им принадлежала примерно половина вотчин и около 60 % крестьян (см. табл.). В большинстве заволжских уездов владельческая структура также не отличалась устойчивостью: здесь на одну фамилию, как правило, приходилось менее двух вотчин. Более высокие показатели (от 2,25 и выше) наблюдались на юго-востоке Европейской России: в Симбирском (2,8), Пензенском (2,6), Темниковском (2,4), Арзамасском (2,4) и Свияжском (2,3) уездах. На юге Центрального Черноземья аналогичные показатели мы видим в Рыльском (3,3), Путивльском (3,0), Курском (2,6) уездах, а также в Сумском (2,6) и Харьковском (2,3) слободских полках. В основной массе уездов по Белгородской черте и вблизи нее показатели были ниже среднероссийских.

Подведем основные итоги. Анализ писцовых и ревизских материалов позволяет не согласиться с распространенной точкой зрения об отсутствии у российского дво-

рянства привязанности к своим регионам и уездным землям. Как показали расчеты, устойчивость родового состава владельцев от уезда к уезду сильно различалась, а в некоторых районах страны, несмотря на мобилизацию собственности, являлась весьма высокой. Прочность владельческой структуры зависела от ряда факторов: освоенности уезда, интенсивности переселений в опричный период (например, в пограничных уездах по реке Оке, оставшихся в земщине, «перетасовок» служилых людей было меньше), степени разорения уезда во время Смуты, массовости поместно-вотчинных раздач на его территории, наличия ограничительных мер для предотвращения распространения землевладения московских чинов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоцерковский Г. М. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках / Г. М. Белоцерковский. — Киев, 1915.
2. Воробьев В. М. Русское феодальное землевладение от «Смутного времени» до кануна Петровских реформ / В. М. Воробьев, А. Я. Дегтярев. — Ленинград, 1986.
3. Готье Ю. В. Замосковский край в XVII веке: опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси / Ю. В. Готье. — Москва, 1906.
4. Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России / Ю. В. Готье. — Сергиев Посад, 1915.
5. Иванов П. И. Обзорение писцовых книг по Московской губернии / П. И. Иванов. — Москва, 1840.
6. Павлов А. П. Земельные переселения в годы опричнины (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1665 г.) / А. П. Павлов // История СССР. — 1990. — № 5. — С. 89—104.
7. Писцовые книги Московского государства / под ред. Н. В. Калачова. — Санкт-Петербург, 1872—1877. — Ч. 1. Отд. 1—2.
8. Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв. / под ред. В. Н. Сторожева. — Рязань, 1900. — Т. I. Вып. 2.
9. Садовский А. Я. К материалам по исследованию Нижегородского уезда в Смутное время и вскоре после него (1613—1629 гг.) / А. Я. Садовский // Труды Ярославского областного съезда. — Москва, 1902. — С. 34—57.
10. Сташевский Е. Д. Московский уезд по писцовым книгам XVI в. / Е. Д. Сташевский. — Киев, 1907.
11. Угличские писцовые книги XVII века / под ред. М. А. Липинского // Временник Демидовского юридического лицея. — Ярославль, 1886—1888. — Т. 41—46.
12. Хитров Д. А. Базы данных по Дмитровскому и Гороховецкому уездам (писцовые книги 1620-х гг.) / Д. А. Хитров. — URL: <http://soshnoepismo.ru/>
13. Черненко Д. А. Базы данных по Суздальскому и Алексинскому уездам (писцовые книги 1620-х гг.) / Д. А. Черненко. — URL: <http://soshnoepismo.ru/>
14. Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке: его вид и население по писцовым и переписным книгам / Е. Н. Щепкина. — Москва, 1892.
15. Яницкий Н. Ф. Экономический кризис в Новгородской области XVI века (по писцовым книгам) / Н. Ф. Яницкий. — Киев, 1915.
16. Kivelson V. Autocracy in the Provinces: the Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century / V. Kivelson. — Stanford, 1996.

**РОЛЬ ВЯТСКОГО КРАЯ В ПОСТАВКЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
НА ВСЕРОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЕ РЫНКИ В XVIII ВЕКЕ**

Анализируется роль Вятского края в развитии торговли сельскохозяйственной продукцией в Архангельске и поставках ее в скандинавские и балтийские порты европейских стран, прежде всего Нидерландов, Англии, германских городов-государств. Выявляется участие вятского населения в скупке у крестьян хлеба и иных товаров на волостных торгах в уездах Вятской провинции в XVIII веке и в вывозе их на экспорт в Европу.

Ключевые слова: *Вятский край, торговля, крестьяне, купцы, скупщики, Ношульская пристань, вывоз зерна, Архангельский порт, иностранные коммерсанты.*

Вятская провинция, входившая в 20—70-е гг. XVIII века в состав Казанской губернии, являлась частью обширного Поморского региона наряду с северными территориями Европейской России по побережью Белого, Баренцева морей. Реки бассейна Северной Двины — Онега, Мезень, Юг, притоки реки Вятки — Великая, Молома, Кобра, Сысола и другие — связывали регион с портовыми городами на Беломорье — Холмогорами, Архангельском, Колой, в которых с середины XVI века существовал международный торг [1, с. 10, 72—82]. Сюда стекались грузопотоки из различных российских поморских территорий — Вятского края, Вологодчины, Северного и Центрального Приуралья, Западной Сибири [11, с. 72—82]. Вятские города Хлынов (с 1780 г. Вятка), Котельнич, Слободской, Шестаков, Орлов характеризовались отличием разнообразных экономических, социальных, культурных традиций [6, с. 178—177]. В XVII—XVIII веках в связи с налаженностью морской торговли России со странами Западной Европы Вятский край стал крупным поставщиком продукции земледелия, скотоводства и домашней крестьянской промышленности. Этот период можно считать эпохой расцвета архангельского торгового дела. К тому же с началом Северной войны иностранные коммерсанты, прежде всего голландские, активно торговавшие и на Балтике, стремясь возместить потери из-за военных действий, переносили свои торговые операции в североморские порты [2, с. 186—187]. Если в начале XVIII века ежегодно из Амстердама к устью Северной Двины направлялось 30—35 торговых судов, то к середине второго десятилетия века их число стало приближаться к 50. Тогда же наблюдалась и активизация английской торговли на Архан-

---

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, arkadiy109@rambler.ru, Россия, г. Москва.

гельском рынке. Так, в 1725 г. из Лондона и английских городов, расположенных на восточном британском побережье — Ньюкасла, Линна, Маргэйта, отправились 68 кораблей маршрутом через Амстердам к русским портам Архангельску и Коле. Исключительным правом на торг с Россией владела английская компания, с которой пытались конкурировать, помимо голландцев, торговые объединения Норвегии, Дании, северогерманских ганзейских городов — Гамбург, Бремен, Любек [2, с. 188].

После основания Петербурга правительство Петра I стремилось привязать к нему товарооборот между Россией и странами Европы. В 1721 г. был запрещен привоз товаров в Архангельск из внутренних и южных районов России, за исключением территорий бассейна Северной Двины, причем пошлины с экспортных товаров повышались на 25 % по сравнению с Петербургом [5, с. 286—308]. Значение Архангельского порта во внешнеторговом обороте в связи с этим заметно упало. Как отметил Г. А. Некрасов, в Петербург могли прибывать корабли из Голландии и Англии два раза в год, в другие балтийские порты (например, в Ригу, Ревель) — еще чаще, в то время как в Архангельск, Колу и Холмогоры — только один раз [14, с. 70]. Только в 1727 г. был снят запрет на экспорт хлеба из Архангельска и была разрешена доставка товаров, привезенных иностранными судами, хотя и сохранялась некоторая разница в пошлинных сборах в пользу Петербургского порта [13, с. 236—237; 12а, с. 502, табл. 1].

Петербург продолжал сохранять льготы по сравнению с Архангельском и дальше. Проведенная в 1753—1757 гг. таможенная реформа утвердила размер внутренней пошлины в Архангельске на 2 % выше, чем в других российских портах, что удорожало провоз экспортных товаров [3, с. 153]. Тем не менее с 1724 г. обозначился рост товарооборота Архангельского порта. Например, если в этот год к Архангельскому порту пришвартовалось 23 корабля с импортным грузом и отплыли 22 корабля с экспортными товарами стоимостью в 164 116 рублей, то в 1740 г. — соответственно 115 и 120 кораблей при импорте в 94 704 рубля и экспорте в 570 955 рублей, в 1760 г. — 32 и 37 кораблей, импорт составил 117 325 рублей, экспорт — 53 660 рублей, в 1770 г. — 68 и 72 корабля при импорте 336 420 рублей, экспорте 878 779 рублей [11, с. 252]. Конечно, Архангельск, как указывалось, с развитием столицы — Петербурга и его порта, и особенно с окончанием Северной войны, утратил статус главного международного коммерческого торга в контактах с европейскими странами, но по-прежнему притягивал к себе купцов, покупавших товары в близких к городу районах Поморья. По данным голландского историка Я. В. Велувелкампа, в начале 40-х гг. XVIII века экспортное зерно составляло 43 % товарооборота, льняное семя — 17 %, говяжье сало — 26 %. Но смола, пенька, выделанные кожи (юфть) почти перестали значиться в ассортименте архангельского экспорта, они чаще вывозились из балтийских портовых городов России [2, с. 217—239]. Среди иностранных коммерсантов в этот период выделялись голландцы Хендрик ван Йевер и его брат Волкерт ван Йевер, Бекман, Болтакхаген, а также англичане А. Кейли, Ч. Лепертон, гамбургцы Бекер, Оверман, Берент Розен, испанцы Йозеф Иолина, Кристоаль Демедан, Антонио Бонавентура [4, с. 360—387; 4а, с. 286—308]

Роль Вятского края в архангельском товаропотоке весьма заметна. Например, в 1741 г. к Ношульской пристани хлыновские и слободские купцы поставили 26 526 четвертей ржи, 9580 четвертей семени льняного, 572 куля муки ржаной и других продуктов вятского земледелия общей стоимостью 60 000 рублей. В следу-

ющем 1742 г. туда же было поставлено 644 четвертей ржи, 4039 четвертей семени льняного, 40 кулей овсяной крупы, 2497 кулей ржаной муки, 656 лагунов говяжьего сала¹. По наблюдениям С. М. Троицкого, вятские хлебопродукты и другие сельскохозяйственные товары нередко по водному пути направлялись к Устью Великому, а затем вместе с закупками на местном рынке дощаниками по реке Северная Двина вывозились к Холмогорам и Архангельску для погрузки на прибывшие иностранные суда. В 40-е годы XVIII века такие грузы были зафиксированы в 2000 случаях [14, с. 236—237; 15, с. 183].

Почти 46 % товарной стоимости грузов приходилось на долю вятских купцов — Ивана Толмачева, Алексея и Ивана Дьяконовых, Федора, Герасима и Антона Хоряковых, Ивана Лянгусова, Филиппа Калинина, Михаила Злыгостева, Савватия и Никиты Репиных, Платунова, Роготнева, Шмелева, Балезина. Они активно вели торг не только в Поморье, но и Северном Приуралье, Западной Сибири, Поволжье и Центральной России [7, с. 92—112]. Ассортимент продаваемых ими товаров на Архангельском рынке был достаточно велик. Помимо продовольственных, среди которых преобладали рожь, ячмень, льняное семя, сало, масло коровье и постное, солонина, значились и продукты домашнего производства (главным образом крестьянского) — пенька, пеньковая пряжа, пакля, смола, свечи, деготь, воск. К тому же для оснастки своих торговых судов и военных кораблей голландцы и англичане скупали парусину, холсты, канаты и прочие необходимые товары. В 1779 г., например, в Архангельском порту этими товарами загружались 74 корабля, из них 13 английских, 8 датских, 24 нидерландских, 28 из северных германских городов — Гамбурга, Бремена, Любека.

Подавляющая часть вывозных грузов из Архангельского порта² на европейские рынки приобретались у местных вятских крестьян скупщиками в Хлыновском, Слободском, Котельническом и других уездах, как правило, в станах и волостях. Используя удобные водные пути в Поморье к Устью Великому, Архангельску и сухопутные тракты из Хлынова к Казани, Ярославлю, Тобольску и другим городам, вятские купцы скупали хлеб, рыбу, продукцию крестьянских промыслов. Эти закупки втягивали в товарно-денежные отношения основное население Вятского края — крестьян и городских жителей [9, с. 446—451]. Данные волостных таможенных караулов подтверждают, что Вятский край в середине XVIII века оставался крупным поставщиком хлеба в Поморье [8, с. 271]. Стоимость вывозимых к Архангельску продуктов сельского хозяйства в 2,5 раза превышала годовой товарооборот городского хлыновского рынка (42—60 тысяч рублей против 16—21 тысячи). Состав вывоза представлен тремя группами товаров: 1) земледельческие и животноводческие продукты; 2) продукция крестьянской домашней промышленности — холсты, сукна, кожа; 3) пушнина, добытая крестьянами на охоте в вятских лесах³.

Скупнические операции на вятских городских рынках достигали значительного размаха, что видно из устойчивых контактов со многими регионами страны. Это сви-

---

¹РГАДА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 320. Л. 1—30; Д. 390. Л. 1—308; Д. 208. Л. 1—213 об.

²Амстердамский городской архив (Gemeente — Archief Amsterdam).

³РГАДА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 234. Л. 1—38; Д. 370. Л. 1—17 об.

детельствовало об их вхождении во всероссийский товарооборот. Волостная торговля велась в 21 волостях и станах Вятской провинции. Городские купцы и «домовитые» крестьяне были постоянными участниками коммерческих сделок на таких торжках, особенно в зимнее время. В 1747 г., к примеру, из 1498 четвертей ржи, проданных крестьянами и закупленными скупщиками (которые, как правило, являлись приказчиками городских купцов) — 1382 четверти предназначались к вывозу к Ношульской пристани, а затем к Архангельскому порту. Показателен и факт, что в 1752 г., например, более четверти рыночных операций находилось в руках купцов, плативших особую «перекупную» пошлину. Широкий размах приобрела практика скупки продуктов земледелия и животноводства у сельских жителей. Так, в 1740 г. в селе Кырмыжском (волостном центре), находившемся на притоке Вятки — реке Быстрице, было совершено, по нашим подсчетам, 177 торговых сделок при продаже 687 четвертей ржи, 86 четвертей пшеницы, 53 четвертей овса, 94 четвертей семени льняного, 32 четвертей ячменя, 31 четверти гороха, 13 туш говяжьего мяса, 2046 рогож, всего на 501 рубль 22 копейки. Следует также отметить, что ведущая роль принадлежала при торге приезжим скупщикам, сами же кырмыжцы приобрели товаров только на 9 рублей 39 копеек — 1,83 % от общей суммы закупок.

Подобная картина наблюдалась и на других волостных рынках. По документам местных таможенных «караулов» видно, что, например, в Березовском стане в 1747 г. приказчиками вятских купцов было закуплено у крестьян хлеба и других сельскохозяйственных товаров на 72 рубля, в Воздвиженском стане — на 18 рублей, в Ильганском — на 5 рублей, в Куменском — на 2 рубля 50 копеек, в Кырчанском — на 31 рубль 40 копеек, в Летском — на 1087 рублей, в Нолинском (вместе с продажей рыбы) — на 225 рублей 33 копейки, в Ошланском — на 49 рублей 52 копейки, в Сунском — на 30 рублей 75 копеек, в Чепецком — на 8 рублей 82 копейки. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что объемы операций в своем большинстве складывались из мелких закупок. Так, на Курчумском торжке 88 % скупщиков приобретали товары стоимостью от 1 до 10 рублей. Участников закупок, потративших более 10 рублей, всего 8,6 %. На местных рынках цены на основные товары оказывались ниже, чем на хлыновском городском рынке. Например, стоимость одной четверти ржи в Хлынове в 40-е годы XVIII века держалась на уровне 60 копеек, а на волостных она продавалась за 30 копеек. Таким образом, даже с учетом неизбежных транспортных издержек возможность неэквивалентного обмена оставалась весьма большой¹.

Роль Поморья в системе торговых связей России с северными государствами Европы прослеживается по материалам фонда Нидерландской Дирекции Московской и Восточной торговли (Directie van de Moscovische en Oostersche Handel) и состоявшей при ней Комиссии о хлебном торге (Commissie voor de Jaaanhandel). Эта Комиссия успешно функционировала с 1718 по 1748 г. при директорах Яне Тиммермане, с 1749 по 1776 г. — Питере Фрие, с 1781 по 1797 г. — Питере де Смета, Виллеме Видлинке и Виллеме Иозефе ван Бриененне. В их функцию входило контролировать поставки зерновых продуктов, доставленных из Архангельска, а также и балтийских портовых городов — Петербурга, Ревеля, Риги — на рынки Нидерландов, Дании, Швеции, Пруссии, ганзейских германских городов Любека, Гамбурга, Бремена [17, с. 10—34].

¹ РГАДА. Ф. 834. Оп. 1. Д. 329. Л. 1—10; Д. 347. Л. 1—97; Д. 36. Л. 53—56 об.

Среди многочисленных нотариальных и таможенных актов регистрации коммерческих операций хранятся документы, отражающие торговые связи голландских коммерсантов с российским поморским рынком¹. Источники дают возможность проследить историю политики нидерландских властей и купечества в период утверждения России в ранге великой державы и интеграции ее в европейскую торговлю. Важное место в этом занимают донесения торговых агентов Дирекции, находившихся в России: Марселеса де Шварта — в 1731—1741 гг., Майнерцхагена — в 1763—1734 гг., ван Хоггуера — в 1791—1793 гг. Интерес представляют письма нидерландских консулов, бывших в Архангельске в конце XVIII века. Наряду с комплексом консульской документации в фонде Дирекции имеется немало материалов, освещающих практическую деятельность амстердамской администрации по организации регулярных и безопасных связей с торговыми пунктами Русского Поморья, например росписи конвоев военных кораблей, обеспечивавших охрану купеческих судов, шедших к Архангельскому порту и обратно в период с 1719 по 1765 г. [16, с. 224].

Все вышеприведенное свидетельствует о значительной роли Русского Поморья в развитии экономических контактов с рынком стран Северной Европы. В них важное место занимает Вятский регион, сложившийся еще в конце XVII — начале XVIII века в многоотраслевой рынок. Его поддерживали вятские городские купцы и крестьяне. Систематически к Архангельскому порту, а затем в Европу через Ношульскую пристань и Летский таможенный караул вывозились закупленные в уездах на волостных торгах зерно, мука, масло, кожа и другая сельскохозяйственная продукция. Несмотря на жесткие меры правительства Петра I по переориентации внешнего торгового оборота из Архангельска в Петербург, роль Севера России оставалась значимой как для Русского государства, так и для скандинавских и балтийских стран. Нидерланды обеспечивали транзит вывозимых товаров через Архангельский порт и способствовали включению России в систему европейской торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере. Т. 1 / М. М. Богословский. — Москва, 1909.
2. *Велувекамп Я. В.* Нидерландские предприниматели в России. 1550—1785 / Я. В. Велувекамп. — Москва, 2006.
3. *Волков М. Я.* Таможенная реформа в России. 1753—1757 / М. Я. Волков // Исторические записки. — Москва, 1961. — Т. 71. — С. 153.
4. *Захаров В. Н.* Иностранцы купцы в Архангельске / В. Н. Захаров // Русский Север и Западная Европа. — Санкт-Петербург, 1999.
5. *Захаров В. Н.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII в. / В. Н. Захаров. — Москва, 2005.
6. *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начала XIX вв. / Э. Г. Истомина. — Москва, 1982.
7. *Кафенгауз Б. Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половине XVIII века / Б. Б. Кафенгауз. — Москва, 1958.

---

¹ *Algemene Geschiedenis der Nederlanden*. Bd. 8. Haarlem, 1979. S. 224. Noord-Rusland.

8. Комиссаренко А. И. Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII века / А. И. Комиссаренко // Труды Московского государственного историко-архивного института. — Москва, 1965. — Т. 21.

9. Комиссаренко А. И. Хлыновский городской рынок в 30—40-х годах XVIII века / А. И. Комиссаренко // Города феодальной России. — Москва, 1966.

10. Комиссаренко А. И. Европейский Север в системе русско-нидерландских торговых связей в XVIII веке (обзор документов городского архива г. Амстердама) / А. И. Комиссаренко // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и археографии. — Вологда, 1995.

11. Кошелева Е. А. Вятка — город Поморский / Е. А. Кошелева // Шведы и Русский Север. — Киров, 1992.

12. Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском / В. В. Крестинин. — Санкт-Петербург, 1791.

13. Некрасов Г. А. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721—1756 гг. / Г. А. Некрасов. — Ленинград, 1984.

14. Репин Н. Н. От дискриминации к фритредерству: правительственная регламентация торговли через Архангельск в XVIII веке / Н. Н. Репин. — Санкт-Петербург, 1997.

15. Репин Н. Н. Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х годов XVIII века / Н. Н. Репин. — Москва, 1986.

16. Троицкий С. М. Хлебный рынок Архангельска в первой четверти XVIII века / С. М. Троицкий // Труды Московского государственного историко-архивного института. — Москва, 1957. — Т. IX.

17. Boschen P. Die Nederlands — Russische handelsrelaties in de 18-e 19 eeeu / P. Boschen. — Amsterdam, 1987.

**ОСВОЕНИЕ ЮЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.:
СТРУКТУРНО-ФОРМИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ РАССЕЛЕНИЯ²**

На основании данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию проводится анализ структурно-формирующих факторов расселения, сыгравших важную роль при освоении территории Новороссии и Крыма в конце XVIII — первой половине XIX века.

Ключевые слова. Экономические примечания; Генеральное межевание Российской империи; Новороссия; Крым; освоение территории.

Во второй половине XVIII в., после присоединения в результате русско-турецких войн к Российской империи Северного Причерноморья, Крымского полуострова и Тамани, встал вопрос о хозяйственном освоении южных территорий. В течение предшествующих столетий территория Дикого поля, служившего своеобразным буфером между Крымским ханством и Российским государством, оставалась неосвоенной. Несмотря на более раннюю колонизацию этих земель, ко второй половине XVIII в. они оставались малозаселенными. После присоединения в конце XVIII в. Крыма к России значительно сократилось число местного населения за счет миграции крымских татар в Османскую империю. Неосвоенные степные просторы и плодородные почвы были пригодны для развития скотоводства и земледелия, разведения огородов, садов, виноградников и привлекали переселенцев из других регионов России.

Однако, как отмечал один из первых историков Новороссийского края Аполлон Скальковский, долгие годы эта плодоносная земля, «лежащая в прекраснейшем климате, прорезанная множеством больших и малых рек, близкая к двум морям, способная к производству всех богатств земледелия и промышленности, оставалась в пусте» [4, с. 3]. Побывавший в 1799 г. в Новороссии Павел Иванович Сумароков, описывая эту территорию, обращал внимание на пространные степи, где по имевшимся дорогам, кроме построенных для почт землянок и двух небольших слободок, не было никаких селений. Его поражали необъятные просторы необработанной зем-

---

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, Кубанский государственный университет, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

² Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект «Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX века» (№ 19-09-00236 А).

ли и полное отсутствие деревьев [6, с. 5]. В свою очередь, восхищаясь природой Крыма и называя его частичкой рая, П. И. Сумароков описывал царившую повсюду разруху, превращение пашни в степь и недостаток населения [5, с. 158, 161, 165].

Южные территории, образовавшие новый регион Российской империи — Новороссию, нуждались в объективной оценке и, как и земли многих других российских территорий, в конце XVIII — первой половине XIX в. были охвачены процессом Генерального межевания. В Новороссийской губернии Генеральное межевание началось в 1797 г. На этой территории, разделенной впоследствии на Таврическую, Екатеринославскую и Херсонскую губернии, межевание затянулось на долгие десятилетия. Генеральное межевание Крыма началось в 1798 г., но через несколько лет было отложено и возобновилось только в 1829 г. При проведении межевых работ землемерам приходилось учитывать особенности колонизации земель, связанные с наблюдавшимися здесь одновременными процессами формирования дворянского землевладения, заселением региона и его хозяйственным освоением.

Массовые сведения Экономических примечаний к Генеральному межеванию и полевые записки землемеров, составленные по различным уездам Новороссии и Крыма, позволяют оценить не только хозяйственное положение отдельных земельных владений, но и имевшиеся демографические ресурсы, складывающуюся структуру землепользования. Это в свою очередь предоставляет нам возможность выявить степень освоенности территории и структурно-формирующие факторы — устойчивые условия, влияющие на саму систему расселения на конкретной территории.

Система расселения на определенной территории формируется под влиянием множества разнообразных факторов. Причем на первоначальных порах расселения огромную роль играют природные факторы. Особенно велика роль этих факторов в традиционном аграрном обществе. От климата, ландшафта, рельефа, почвы, наличия воды и различных природных ресурсов зависят основание на территории новых поселений как мест постоянного жительства, виды хозяйственной деятельности населения, источники основных и дополнительных доходов и в целом его благосостояние. На процесс расселения влияет и состав населения, его миграции, естественный прирост и убыль, уровень доходов.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились Экономические примечания по двум крымским уездам — Перекопскому и Феодосийскому, относящиеся к Камеральным и Полным экономическим примечаниям, предоставляющим сведения о природных условиях региона. Экономические примечания по Перекопскому уезду составлялись на протяжении 1798—1804 гг. и отразили первый этап Генерального межевания Крыма, проходивший с большим трудом из-за местных особенностей землевладения, нехватки переводчиков, а также в условиях изменявшихся административных границ губерний и уездов¹. Экономические примечания по Феодосийскому уезду были составлены в 1830—1833 гг.² после утверждения специальных правил и отражают второй этап межевания полуострова [7, с. 72—74]. Экономические примечания по Мелитопольскому уезду Таврической губернии относятся

¹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1 Ед. хр. 1559.

²Там же. Ед. хр. 1560—1564.

к 1834 гг.¹, Экономические примечания по Днепровскому уезду — к 1833—1834 гг.² Однако эта материковая территория, примыкающая к Перекопскому перешейку, расположенная между Азовским морем и Днепром и ограниченная с севера рекой Конской (Конскими Водами), в конце XVIII в. межевалась в составе Перекопского уезда.

В свою очередь, Экономические примечания на обмежеванные дачи Верхнеднепровского, Екатеринославского и Новороссийского уездов, территории которых относились к Екатеринославской губернии, составлялись в 1798—1818 гг.³, Экономические примечания на дачи Бахмутского уезда Екатеринославской губернии — в 1798—1806 гг.⁴ Особенностью этих примечаний является их составление по годам межевания, как и на Крымском полуострове. Однако в них представлено описание гораздо большего количества дач.

Были составлены электронные базы данных для изучения процесса освоения территории южных губерний России в конце XVIII — первой половине XIX в., содержащие сведения о количестве и качестве различных категорий земельных угодий, грунте земли и его плодородии, составе леса, животного мира, рыбных ресурсов, количестве поселений, дворов, мужских и женских душ. Методика составления подобных баз данных была апробирована автором на материалах Экономических примечаний по северо-западным губерниям Российской империи [8, с. 72—82]. Сведения баз данных предоставили возможность оценить имеющиеся демографические ресурсы и состояние землепользования на изучаемой территории, уровень распаханности земли, ее лесистости, степень преемственности землепользования и вовлечения в сельскохозяйственный оборот новых земель.

В базу данных по Перекопскому уезду вошли 102 дачи из 105 (98,1 %), описанных в Камеральных экономических примечаниях. На территории этих дач находилось 4262 двора, в них по ревизии числились 14 531 м. д. и 10 675 ж. д. Землемеры зафиксировали во время межевания 15 065 м. д. и 10 913 ж. д. Грунт земли был описан у 97 дач (95,1 %). Как выяснилось, в общем массиве размежеванных земель преобладал сероглинистый грунт, имевшийся на 61 даче уезда (62,9 %). По своим природным характеристикам он относится к суглинистым почвам, плохо высыхающим после дождей и трескающимся при повышении температуры и отсутствии воды. При наличии в составе грунта не только глины, но и определенного количества песка, и благоприятных природных условиях такой грунт может быть плодородным. Достоинством грунта является его способность длительное время хранить в себе влагу и удерживать питательные вещества от вносимых удобрений.

Земля 18 размежеванных дач Перекопского уезда (18,6 %) была причислена к серопесчаному грунту, относящемуся к супесям, характеризующимся достаточной рыхлостью, поскольку в их состав входит достаточное количество песчаных частиц. Серопесчаный грунт оказывался более легким в обработке, чем сероглинистый, в отличие от песчаного грунта в нем содержалось определенное количество глины, позво-

---

¹РГАДА. Ед. хр. 1558.

²Там же. Ед. хр. 1551—1553.

³Там же. Ед. хр. 360.

⁴Там же. Ед. хр. 372.

ляющей удерживать минеральные и органические вещества, тепло и воду. Чисто песчаный грунт в Перекопском уезде был описан на 11 дачах (11,3 %). Песчаный грунт отличался большой рыхлостью, хорошо пропускал воду и плохо удерживал питательные вещества, требовал постоянного внесения удобрений и фактически мало подходил для земледелия.

Грунт трех дач уезда (3,1 %) был причислен к глинистому. Глинистая почва относится к тяжелым почвам, она отличается высокой плотностью, вязкостью, почти не впитывает воду, не пропускает воздух, трескается при засухе, покрывается сухой коркой после обильных дождей. В неблагоприятных природных условиях ведение земледелия на таких почвах крайне затруднено.

При описании грунта еще на трех дачах уезда землемеры указали несколько его видов. На двух дачах присутствовал местами чернозем, но грунт в основном был песчаный и иловатый солонцеватый, на одной даче — местами солонцеватый, иловатый и песчаный. На одной даче грунт был обозначен как чисто солонцеватый. В целом по Перекопскому уезду солонцеватый грунт присутствовал в описании земли 10 дач (10,3 %). Солонцеватые почвы характеризуются большим накоплением солей, плотной поверхностной коркой, сильно уплотненным подпахотным горизонтом. Они непригодны для выращивания растений.

Проведенное картографирование позволило визуализировать распространение определенных видов грунтов на территории Перекопского уезда в конце XVIII — начале XIX в. Как выяснилось, сероглинистый грунт фиксировался на землях татарских поселений, располагавшихся на полуострове Крым недалеко от озера Сиваш (Гнилого моря). В местностях, прилегавших непосредственно к озеру, земля была солонцеватой, часто не способной к плодородию. Худыми на ней были и сенные покосы. Отдаляясь от Перекопского перешейка, качество земли улучшалось. Среди занятий местного населения называлось хлебопашество, основной выращиваемой культурой, дающей наибольшие урожаи, было просо, нередко также называлась рожь, реже — ячмень и пшеница. В меньшей степени на территории размежеванных дач Перекопского уезда, расположенных на Крымском полуострове, в татарских поселениях был отмечен серопесчаный грунт. В большинстве случаев он имелся в степной части полуострова. Землемеры при его описании нередко подчеркивали способность степи к хлебопашеству и скотоводству, не указывая произрастающие культуры. В тех местах, где земля с серопесчаным грунтом возделывалась, отмечались хорошие урожаи ячменя, проса и пшеницы. Вместе с тем почти все земли с песчаным грунтом на размежеванных дачах Перекопского уезда считались непригодными для земледелия.

О том, насколько не благоприятствовала природная среда ведению определенных видов хозяйственной деятельности, свидетельствуют данные о наиболее распространенных на территории видах флоры и фауны. В базе данных по Перекопскому уезду среди самых распространенных видов животных оказались волки, лисицы и зайцы. Встречались также хорьки, суслики и ежи. Однако в местностях поблизости от озера Сиваш и его протоков звери, птицы и растения не назывались. Землемеры отмечали отсутствие воды в жаркое время года и пересыхание протоков и самого озера. Никакой рыбы в озерах и протоках не водилось. В степной местности ближе к середине полуострова среди птиц назывались дрофы, стрепеты и куропатки. На дачах, находившихся уже на юго-западе Перекопского уезда, имевших выход к морю или неболь-

шие речки и озера на своей территории, с серопесчаным или сероглинистым грунтом, природная среда оказывалась более благоприятной для обитания различных птиц, в водоемах налетом бывали дикие утки, гуси, кулики. Но нередко реки и в этой местности пересыхали, поэтому в них рыбы не имелось.

В 1802 г. из материковой части Перекопского уезда были образованы два уезда — Днепровский и Мелитопольский. Первый уезд получил свое название от реки Днепр, служащей его границей на западе. Земли уезда начинались от Перекопского перешейка и с юга были ограничены Черным морем. Близость к Днепровскому лиману и Днепру обусловила особый микроклимат этой местности, где вдоль водных артерий и других небольших речек произрастал дровяной лес, в составе которого можно было встретить дуб, березу, осину, иву, терн, мелкий кустарник вербовый, ольховый, бузиновый, лозовый. В днепровских плавнях встречались дикие кабаны, выдры, в лимане и реке имелись дикие гуси, утки, лебеди, журавли, пеликаны. В Днепре и Днепровском лимане водились осетры, белуги, сомы, стерляди, карпы, сула, тарань, щуки, окуни, лини и другие, более мелкие рыбы. В степной зоне часто встречались дрофы, орлы, стрепеты, перепелки, куропатки, в мелком кустарнике и в лесу — соловьи, жаворонки. Однако по направлению к границе Днепровского уезда с Мелитопольским природная среда менялась до неузнаваемости. Бескрайние степи не имели водоемов, растительность на местности отсутствовала. Среди зверей набегами упоминались волки или лисицы, но чаще всего обитали дикие лошади и верблюды. В степях этой территории в XVIII в. кочевали ногайцы. Ближе к Перекопскому перешейку и озеру Сиваш располагались татарские поселения. Территория вдоль Днепровского лимана и Днепра осваивалась переселенцами из Российской империи.

В Экономических примечаниях по Днепровскому уезду, составленных уже в 1833—1834 гг., на разные дачи, в том числе и на «поселенные на прежде бывшей казенной пустопорожней земле, именуемой Перекопской степью», содержались сведения о 61 поселении, в которых имелось 6289 дворов. Общее число населения на размежеванных дачах составляло 32 152 человека, в том числе 16 897 м. д. и 15 255 ж. д.

Почвенные условия Днепровского уезда оказались более разнообразными, чем на крымской части Перекопского уезда. В базу данных по Днепровскому уезду из 54 земельных дач были включены 47 (87 %), на которых был охарактеризован грунт. На 17 дачах он причислялся к сероиловатому грунту (36,2 %), еще на 17 дачах (36,2 %) — к чернозему. На пяти дачах (10,6 %) грунт признавался иловатым, на четырех дачах (8,5 %) — песчаным, на трех дачах (6,4 %) — серопесчаным, на одной даче (2,1 %) — сероглинистым. Только на трех дачах были отмечены солонцы.

Как показало картографирование полученных данных, грунт с солонцами фиксировался в местности поблизости от озера Сиваш и Перекопского перешейка. Вдоль Днепровского лимана и на Кинбурнской косе располагались песчаные грунты, малопригодные для земледелия. Между тем землемеры зафиксировали в этих местах посеvy зерновых, среди которых лучшие урожаи давали рожь и ячмень. В противоположную сторону от лимана были распространены сероглинистые почвы, ближе к Перекопскому перешейку встречался чисто глинистый грунт. В то же время дальше от Перекопа, в сторону протекавшего Днепра вплоть до местечка Никополь и ближе к границе с Мелитопольским уездом, были распространены черноземы, на которых без всякого удобрения все посеянные семена давали хорошие урожаи.

Освоенность территории характеризуют количественные данные о наличии на момент проведения межевых работ различных категорий земель. В Экономических примечаниях приводятся данные о 703 486 дес. 2365 саж. размежеванной земли. Под поселениями на этой территории находились 2073 дес. 315 саж. (0,3 %), под пашней — 81 773 дес. 1112 саж. (11,6 %), под сенокосами — 389 102 дес. 870 саж. (55,3 %), под степью — 32 107 дес. 800 саж. (4,6 %), под лесом — 2746 дес. 2383 саж., под неудобными местами — 103 278 дес. 708 саж. (14,7 %). Однако, к сожалению, в Экономических примечаниях уезда не имеются сведения о категориях 13 % размежеванных земель уезда.

Территория Мелитопольского уезда располагалась в степной зоне, с востока она была ограничена берегом Азовского моря, на северо-востоке в качестве естественной границы уезда выступала река Конка, на востоке — река Берда. В базе данных о природной среде Мелитопольского уезда, составленной на основании Экономических примечаний 1834 г., зафиксированы представители степной фауны. Среди зверей называются волки, лисицы и зайцы, среди птиц — дрофы, стрепеты, куропатки, орлы, ястребы, аисты, коростели. В водных водоемах Мелитопольского уезда встречались лебеди, дикие гуси, утки, журавли, цапли, пеликаны, бакланы, гагары, кулики, бекасы. В реке Молочной и других речках водились караси, гольцы, лини, щуки, окуни, плотва, в лиманах — тарань, сула, судаки, сазаны, карпы, лещи, белуга, осетры, камбала.

До конца XVIII в. на этой территории кочевали ногайцы. В 1795 г. Екатериной II им была выделена восточная часть Мелитопольского уезда от реки Молочной до реки Берды [3]. В начале XIX в. по указанию Александра I «на молочные воды» — правый берег реки Молочной — были переселены общины духоборцев из Новороссийской, Екатеринославской, Тамбовской, Воронежской губерний, Слободской Украины, а также из Финляндии и Кавказа [1]. С 1803 г. в Мелитопольском уезде на льготных условиях переселения начали основываться поселения иностранных колонистов — меннонитов, прибывающих из Пруссии, образовавших Молочанский меннонитский округ. За ними в Мелитопольский уезд стали переезжать немецкие лютеране и католики, обосновывавшиеся в отдельных поселениях¹. Левый берег реки Молочной начал осваиваться с 1820 г. молоканами из Екатеринославской губернии [2, с. 27—29].

В базу данных по Мелитопольскому уезду вошли сведения о грунте земли на 27 дачах. В большинстве дач (20, или 74,1 %) грунт относился к серопесчаному. На нем без удабривания хорошие урожаи давали рожь, ячмень и пшеница. В одной даче грунт был песчаным, на другой песчаный грунт сочетался с мелкими ракушками и был совсем непригодным для земледелия. Эти дачи располагались на берегу Азовского моря. На трех дачах (11,1 %) фиксировался чернозем, на котором хорошо родился всякий хлеб. Еще в одной даче грунт характеризовался как черноглинистый, на нем без внесения удобрений все посеянные семена давали хорошие урожаи и хорошим

---

¹ Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / Сост. под ред. К. В. Ханацкого. Симферополь: типография Таврического губернского правления, 1867. Вып. 1. С. 145—247.

качеством отличалась сенокосная трава. В эту дачу был включен Молочанский меннонитский округ, в состав которого вошла 41 колония немцев-переселенцев.

При картографировании данных Экономических примечаний о природной среде и грунте земли в Мелитопольском уезде выяснилось, что земли в районе реки Молочной выделялись на фоне остальных по своему плодородию. Здесь имелись черноземные и черноглинистые почвы, а также серопесчаные грунты. Ближе к Молочному лиману и Азовскому морю распространялся серопесчаный грунт. Однако бескрайние неосвоенные просторы предоставляли возможности не только для распашки земель и выращивания зерновых культур, но и для занятия скотоводством. В Экономических примечаниях Мелитопольского уезда скотоводство как важный промысел в этой местности отмечается не только у ногайцев, но и у новых переселенцев — духоборцев, меннонитов. Причем нередко оно играло большую роль в хозяйстве, чем хлебопашество.

Учитывая, что в Экономических примечаниях по Мелитопольскому уезду, сочиненных в 1834 г., не всегда были указаны категории земель и количество населения, мы располагаем неполными сведениями о землепользовании на этой территории. Так, при описании сел Михайловка и Балка количество и категории земель нигде не обозначены, поскольку не написаны на плане¹. Более того, при составлении первоначальных документов землемеры отмечали: «Сколько в даче земли, по неимению на одну плану неизвестно»².

В Экономических примечаниях имеются ссылки на недостающие сведения по Мелитопольскому уезду, содержащиеся в сочиненном в 1832 г. бесспорном плане с книгою³. Между тем имеются записи землемеров по отдельным поселениям уезда, представленные не в привычной табличной форме, а в виде связного текста, описывающего отдельные поселения⁴. В них встречаются недостающие данные, касающиеся земельных угодий Молочанского меннонитского округа, в который входила 41 колония переселенцев⁵. Выясняется, что в этих колониях по ревизии числилось 2930 м. д. и 2721 ж. д., во время межевания в них насчитывалось 4212 м. д. и 4010 ж. д. Под пашнями и сенокосами в округе находилось 60 190 дес. удобной земли. К неудобной земле было отнесено 7247 дес. 1013 саж. Под общественной овчарней числилось 3000 дес. удобной земли и 190 дес. 100 саж. неудобной, при суконной фабрике — 3000 дес. удобной земли, во владении наследников одного из умерших меннонитов находилось 362 дес. удобной земли и 23 дес. 1754 саж. неудобной. Под двумя большими чумацкими дорогами числились 10 325 дес. 1550 саж.

Таким образом, без учета двух сел и Молочанского меннонитского округа, на основании Экономических примечаний мы располагаем сведениями о 251 931 дес. 1691 саж. земли Мелитопольского уезда, из которой 2077 дес. 1308 саж. (0,82 %) на-

---

¹РГАДА. Ед. хр. 1558. Л. 30 об.—31.

²Там же. Ед. хр. 1557. Л. 7 об.—8.

³Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 1558. Л. 26 об.—27.

⁴Там же. Ед. хр. 1557. Л. 1—21 об.

⁵Там же. Л. 19—21.

ходилось под поселениями, 28 038 дес. 2067 саж. (11,13 %) — под пашней, 205 877 дес. 1566 саж. (81,72 %) — под сенокосами, 31 дес. 645 саж. (0,01 %) — под лесами, 15 917 дес. 905 саж. (6,32 %) — под неудобными местами. В поселениях насчитывалось 2066 дворов, в которых, по данным ревизии, числились 9974 души обоего пола, в том числе 5150 м. д. и 4824 ж. д.

Екатеринославская губерния, образованная в 1802 г. из части земель Новороссийской губернии, располагалась в основном на равнинной территории. Екатеринославский уезд находился на юго-западе губернии. Его естественными границами на севере, востоке и юге выступала река Днепр. Западной границей уезда с Херсонской губернией служила река Базавлук. На территории уезда располагались знаменитые днепровские пороги, но в целом местность была равнинной. В нижнем течении Днепра находились плавни и было достаточно много болотистых мест. На основании Экономических примечаний в базу данных о природной среде Екатеринославского уезда вошли сведения о 364 дачах. Как выяснилось, лес на территории уезда имелся только на 126 дачах (34,6 %), в основном он относился к дровяному, который фиксировался на 95 дачах (26,1 %). Мелкий лес описан на 36 дачах (9,9 %). На четырех дачах имелся только мелкий кустарник, на одной даче в плавнях описывались верба, осокорь (черный тополь) и лозник, на двух — мелкий терновник. Только на трех дачах имелся строевой лес лозовый, вербовый и осокоровый, достигавший толщиной в трубе от трех до пяти вершков, вышиной от пяти до семи сажений, между которым рос дровяной лес¹.

Среди зверей на территории Екатеринославского уезда чаще всего встречались волки, лисицы и зайцы. В уезде водились дикие козы, горностаи, упоминались хорьки, суслики, оврашки, хомяки, ежи. Среди птиц были распространены рябчики, куropатки, тетерева, перепелки, при водах имелись дикие утки, бекасы, кулики, рыболовы. В Днепре водились рыбы ценных пород, в том числе стерлядь, осетры, а также сомы, судаки, сазаны, лещи, щуки, маринки, голавли, язи, в протекавших по территории уезда речках среди распространенных видов рыб назывались пескари, караси, лини, плотва, ерши, щуки, окуни.

В базу данных о качестве грунта на территории Екатеринославского уезда вошли данные по 377 дачам. На большей части дач имелся серопесчаный грунт. Он был зафиксирован землемерами на 246 дачах (65,3 %). Чернозем имелся на 157 дачах (41,6 %), причем на 27 дачах (7,2 %) встречался чистый чернозем. В основном черноземные земли с вкраплениями других видов (серопесчаного, глинистого, хрящева-того) грунта имелись на 30 дачах (8 %). На 34 дачах (9 %) чернозем отмечен на половине земель в основном в сочетании с серопесчаным грунтом. На 31 даче (8,25 %) черноземный грунт был местами, встречаясь среди преобладающего серопесчаного или сероглинистого грунта. Еще на 35 дачах (9,3 %) чернозем имелся в весьма сложном сочетании видов грунтов на одной территории, в том числе с солонцеватыми, иловатыми и каменистыми.

Различные категории земель в Екатеринославском уезде представлены в базе данных, в которую вошли сведения о 392 дачах. В целом в нее включены данные о 1619144 дес. 733 саж. земли. Пашенные угодья занимали только 387544 дес.

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. хр. 360. Л. 173 об.

1980 саж. (23,9 %). При описании земель, кроме мелкого и дровяного леса, мелкого кустарника, земли под поселениями, сенокосных угодий и неудобных мест, землемеры выделяли и степь, годную к хлебопашеству и скотоводству, которая являлась потенциальным земельным фондом для освоения новых территорий. К неудобным местам относились песчаный берег, солонцы, болотистые места, горная местность.

Таким образом, при освоении новых территорий на юге Российской империи выбор конкретного места поселения зависел от природных особенностей местности, для развития земледелия большую роль играл состав земельного грунта и его потенциальное плодородие, для развития скотоводства — богатый растительный покров. Большую роль для занятия земледелием и скотоводством играли наличие пресных источников воды, непересыхающих рек и других водных источников, локальные климатические особенности. Однако, кроме местных природных особенностей, влиявших на выбор места поселения, важными факторами стали исторические особенности хозяйствования, как бытовавшие ранее на данной территории, так и более привычные для переселенцев.

Особенностью хозяйственного освоения новых южных территорий России в конце XVIII — первой половине XIX в. стало также влияние этнического фактора и связанные с ним национально-бытовые особенности хозяйствования. Так, на территории Крымского полуострова в поселениях крымских татар нередко значилась только степь, пригодная для развития скотоводства, пашни не фиксировались. В немецких колониях на территории Мелитопольского уезда Таврической губернии помимо достаточно большого количества сенокосных угодий, необходимых для разведения скота, уже в 30-е гг. XIX в. имелись большие площади пашенных угодий с плодородными черноземными почвами. Экономические примечания к материалам Генерального межевания и полевые записки землемеров фиксировали и неудачные случаи освоения новых территорий, земля которых не давала хороших урожаев, и переселенцы обращались с просьбой о разрешении вернуться на прежнее место жительства.

Структура расселения в новых южных губерниях Российской империи формировалась постепенно с учетом уже имевшихся ранее на этой территории поселений и освоенной земли. Поселенцам приходилось адаптироваться к природным условиям, влиявшим на их условия хозяйствования, учитывать рельеф местности, состав грунта, растительный покров. С увеличением количества населения стала наблюдаться распашка земель, не освоенных на более ранних этапах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воловник С. В.* Степь да степь кругом... / С. В. Воловник, Н. В. Крылов, А. Н. Крылова // Мелитопольский район: прошлое и настоящее. — Мелитополь : Мелитополь, 2000. — 40 с. — URL: <http://vmelitopole.ru/stati/melitopolskij-rajon/selamelitopolskogo-rajona-v-gody-rossijskoj-imperii> (дата обращения: 20.12.2019)

2. *Гузилов И. В.* Ново-Васильевка (молоканская) / И. В. Гузилов // Мелитопольский краеведческий журнал. — 2013. — № 1. — С. 27—29.

3. *Скальковский А.* О ногайских колониях Таврической губернии / А. Скальковский // Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским

статистическим комитетом / Сост. под ред. К. В. Ханацкого. — Симферополь : типография Таврического губернского правления, 1867. — Вып. 1. — С. 358—415.

4. Скальковский А. Хронологическое обозрение история Новороссийского края. 1731—1823. Ч. 1 / А. Скальковский. — Одесса : печатано в Городской типографии, 1836. — 288 с.

5. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / П. И. Сумароков. — Санкт-Петербург : печатано в Императорской типографии, 1803. — Ч. 1. — 226 с.

6. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. И. Сумароков. — Москва : печатано в Университетской типографии, 1800. — 258 с.

7. Степанова Л. Г. Проекты и правила Генерального межевания Таврической губернии в конце XVIII — первой половине XIX века / Л. Г. Степанова // Северо-Запад в аграрной истории России. — 2019. — № 25. — С. 72—82.

8. Степанова Л. Г. Природная среда Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии по сведениям Камеральных экономических примечаний к Генеральному межеванию Российской империи / Л. Г. Степанова // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 64. — С. 65—71.

**ЗЕМЛИ ГОРОДОВ КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА
ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ²**

В статье рассматриваются сведения Экономических примечаний к Генеральному межеванию о размерах, типах и собственниках городских земель Курского наместничества. Результатом исследования является вывод о связи между длительностью существования города и структурой его пригородных земель.

Ключевые слова: аграрная история России; история городов; социально-экономическая история России; историческая география; Курская губерния.

Данное исследование является продолжением исследования городского хозяйства Российской империи на материалах Экономических примечаний к Генеральному межеванию, создававшихся преимущественно в последней четверти XVIII — начале XIX в. [1, 5]. Главное преимущество этих материалов заключается в подробной фиксации ими городских земель. Как известно, в законодательстве этого периода их состав определялся достаточно широко: это могли быть «земли, сады, поля, пастбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустыя места, мельницы водяные или ветряные» [2, с. 359]. Таким образом, городские земли с точки зрения Жалованной грамоты городам — это конгломерат разнотипных земельных угодий. Практическое отображение реального состава и количества городских земель осуществлено, в первую очередь, в примечаниях и других материалах Генерального межевания.

В данном исследовании анализируются сведения примечаний по Курской губернии, фактически — Курскому наместничеству (1779—1796 гг.)³. Время проведения Генерального межевания здесь — 1782—1797 гг. (по П. И. Иванову и В. И. Семевскому) или 1781—1785 гг. (по «Таблице 1787 года», являющейся отчетом Межевой канцелярии перед Межевой экспедицией), датировка завершения составления Экономических примечаний к Генеральному межеванию Курской губернии (наместничества)

---

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, dmitcher@mail.ru, Россия, г. Москва.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00462 А.

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 561. Л. 1—3 об., 21 об.—23 об.; Кн. 566. Л. 1—2 об., 16 об.—21 об.; Кн. 570. Л. 1 об.; Кн. 576. Л. 1 об., 8 об.—14 об.; Кн. 589. Л. 1—12 об.; Кн. 605. Л. 11—14 об., 178 об.; Кн. 618. Л. 1—3 об., 9 об.—11 об.; Кн. 622. Л. 9—11 об., 167 об.—168 об.; Кн. 634. Л. 1—3 об., 31 об.—34 об.; Кн. 641. Л. 25—29 об.; Кн. 657. Л. 1—6 об., 20 об.—22 об.; Кн. 662. Л. 1—6; Кн. 667. Л. 1—7 об., 15 об.—17 об.; Кн. 675. Л. 1 об., 14 об.—15 об.; Кн. 696. Л. 1 об., 13 об.—19 об., 193 об.—198 об.

в двух вариантах по Л. В. Милову — 1788 г. и 1791 г. [3, с. 130]. Последняя датировка подтверждается наличием в описаниях городов Курского наместничества сведений о населении по III и IV ревизиям. При этом сохранившиеся в фонде № 1355 Российского государственного архива древних актов материалы по 15 городам региона могут иметь и более позднее происхождение.

Важнейший показатель, характеризующий городскую сеть, — населенность городов.

Таблица 1

*Численность и сословный состав населения
городов Курского наместничества¹*

Город	Купцы	Мещане	Однودворцы, солдаты	Крестьяне	Прочие	Всего
Белгород	628	1474	1127	204	125	3558
Богатый	0	17	395	25	0	437
Дмитриев	0	173	0	548	0	721
Короча	0	0	3787	61	6	3854
Курск	1919	2303	873	15	19	5129
Льгов	0	0	0	702	0	702
Новый Оскол	0	38	1266	30	24	1358
Обоянь	233	706	0	0	0	939
Путивль	245	689	1528	8	0	2470
Рыльск	268	825	629	0	126	1848
Старый Оскол	1	0	299	0	0	300
Суджа	0	24	2488	0	0	2512
Тим	0	0	348	78	0	426
Фатеж	0	0	285	0	0	285
Щигры	0	0	560	405	0	965

В целом городское население составляло в конце XVIII в. менее 7 % от населения Курского наместничества, наибольшей доля городского населения была в Курском (18,5 %), Корочанском (16,1 %), Белгородском (15,7 %) и Путивльском (11,4 %) уездах. В регионе преобладали небольшие города: в половине из них (8 из 15) зафиксировано менее 1 тыс. человек, наиболее крупными были Курск, Белгород и Короча. Очевидно, что специфика процесса формирования в этом приграничном (для конца XVI — XVII в.) регионе сети городов как опорных военных пунктов и крепостей наложила огромный отпечаток на состав городского населения, ясно проявляющийся и в конце XVIII в. Так, однودворцы составляли 53 % всего населения городов

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 554, 555.

наместничества, мещане — 25 %, купцы — 13 %. В девяти городах наместничества однодворцы составляли более половины всего населения, а в шести (Фатеж, Старый Оскол, Суджа, Короча, Новый Оскол, Богатый) — более 90 % населения. Лишь в четырех городах наместничества купцы и мещане составляли более половины населения: Курск (82 %), Белгород (59 %), Рыльск (59 %), а население Обояни вообще целиком показано как состоящее из купцов и мещан. Таким образом, типичный город Курского наместничества — небольшое поселение, населенное преимущественно однодворцами.

К большинству городов Курского наместничества были примезеваны довольно обширные земельные массивы, распределенные по пригородным дачам. Это могли быть как поселения (села, слободы, сельца, деревни), так и ненаселенные дачи (пустоши, луга, выгоны и т. п.). Общий состав этих дач представлен в следующих таблицах.

Таблица 2

*Количество и соотношение населенных и ненаселенных дач
«в городской меже» городов Курского наместничества¹*

Город	Населенных дач	Ненаселенных дач	Всего примезеванных к городу дач
Белгород	0	1	1
Богатый	1	0	1
Дмитриев	1	0	1
Короча	42	6	48
Курск	(нет данных)	(нет данных)	(нет данных)
Льгов	3	1	4
Новый Оскол	0	1	1
Обоянь	0	2	2
Путивль	0	0	0
Рыльск	0	1	1
Старый Оскол	0	0	0
Суджа	0	2	2
Тим	0	0	0
Фатеж	0	1	1
Щигры	21	4	25

¹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 561. Л. 1—3 об., 21 об.—23 об.; Кн. 566. Л. 1—2 об., 16 об.—21 об.; Кн. 570. Л. 1 об.; Кн. 576. Л. 1 об., 8 об.—14 об.; Кн. 589. Л. 1—12 об.; Кн. 605. Л. 11—14 об., 178 об.; Кн. 618. Л. 1—3 об., 9 об.—11 об.; Кн. 622. Л. 9—11 об., 167 об.—168 об.; Кн. 634. Л. 1—3 об., 31 об.—34 об.; Кн. 641. Л. 25—29 об.; Кн. 657. Л. 1—6 об., 20 об.—22 об.; Кн. 662. Л. 1—6; Кн. 667. Л. 1—7 об., 15 об.—17 об.; Кн. 675. Л. 1 об., 14 об.—15 об.; Кн. 696. Л. 1 об., 13 об.—19 об., 193 об.—198 об.

Таблица 3
Количество и типы сельских поселений «в городской меже»
городов Курского наместничества¹

Город	Слобод	Сел	Селец	Деревень	Хуторов
Богатый	1				
Дмитриев		1		1	
Короча	3				40
Льгов		1		2	
Щигры			7	4	2

Таблица 4
Площадь пригородных земель Курского наместничества²

Город	Под поселением	Пашня	Сенокос	Лес	Неудобья	Всего
Белгород	319	0	446	0	39	804
Богатый	78	3097	552	287	196	4210
Дмитриев	162	3989	52	973	427	5603
Короча	450	9275	16319	47	354	26445
Курск	–	–	–	–	–	–
Льгов	137	2496	270	1430	536	4869
Новый Оскол	158	0	1713	0	486	2357
Обоянь	79	0	356	3	165	603
Путивль	150	0	0	0	70	220
Рыльск	79	0	92	654	128	953
Старый Оскол	41	0	17	0	50	108
Суджа	371	0	91	0	43	505
Тим	186	5540	255	70	107	6158
Фатеж	64	1438	56	62	120	1740
Щигры	279	8714	422	389	483	10287

¹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 554, 555.

²РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 561. Л. 1—3 об., 21 об.—23 об.; Кн. 566. Л. 1—2 об., 16 об.—21 об.; Кн. 570. Л. 1 об.; Кн. 576. Л. 1 об., 8 об.—14 об.; Кн. 589. Л. 1—12 об.; Кн. 605. Л. 11—14 об., 178 об.; Кн. 618. Л. 1—3 об., 9 об.—11 об.; Кн. 622. Л. 9—11 об., 167 об.—168 об.; Кн. 634. Л. 1—3 об., 31 об.—34 об.; Кн. 641. Л. 25—29 об.; Кн. 657. Л. 1—6 об., 20 об.—22 об.; Кн. 662. Л. 1—6; Кн. 667. Л. 1—7 об., 15 об.—17 об.; Кн. 675. Л. 1 об., 14 об.—15 об.; Кн. 696. Л. 1 об., 13 об.—19 об., 193 об.—198 об.

Площадь массивов пригородных земельных угодий могла быть различной — от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч десятин. Сведения Экономических примечаний позволяют распределить города Курского наместничества конца XVIII в. по критериям населенности, размера и состава пригородных земель на две группы.

Группа 1. Старые города, населенные как однодворцами, так и (в большинстве, хотя и не во всех случаях) мещанами и купцами. Как правило, к этим городам не были примежеваны населенные дачи (слободы, села, деревни), за счет которых увеличивалось население и земельные угодья городов. Размер пригородных земель относительно небольшой (по меркам региона) — до 1 тыс. десятин, причем далеко не всегда это пашня. Наиболее очевидными являются следующие примеры.

Белгород. Население города составляло 3,6 тыс., из них только 32 % — однодворцы и отставные солдаты, 41 % — мещане, 18 % — купцы. Городские земли насчитывали 804 десятины, из них половину (446 десятин) составили сенные покосы, остальное почти все — «заселенная городская земля», пашни нет совсем.

Путивль. Население города составляло 2,5 тыс., почти 40 % населения — купцы и мещане, остальные — однодворцы и отставные солдаты. Городские земли насчитывали всего 220 десятин, которые за вычетом неудобий целиком состояли из усадебных земель без пашен или сенокосов.

Такому городу был свойственен и более «урбанизированный» вариант экономического развития. Так, в Путивле показано наличие купоросной фабрики, двух «селитерных заводов», небольшой ярмарки, а также «художество и ремесло граждан... а именно: серебрянников — 6, медников и оловянишников — 3, портных — 35, сапожников — 50, кузнецов — 15, плотников — 35 человек»¹.

Группа 2. Новообразованные города, населенные в основном однодворцами и крестьянами примежеванных к городу сельских населенных пунктов. За счет этой меры население этих, как правило, небольших городов могло быть увеличено в несколько раз. К ним также были примежеваны значительные массивы пашенных земель, в основном находившихся в сложном совладении. При этом большую часть примежеванной пашни пахали на себя именно жившие в городской меже однодворцы, а не крепостные помещиков.

Наиболее показательным примером такого варианта развития города является новообразованный город Шигры («Село Троицкое, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелению учрежден вновь в прошлом в 780-м году»). Совокупное население этого города составляло 2,8 тыс. человек, однако в самом городе жили лишь около 40 % (преимущественно однодворцы), остальные относились к конгломерату неразмежеванных поселений, состоявшему из семи селец, четырех деревень и двух хуторов, «общаго владения» 16 помещиков и однодворцев соседних поселений. Даже непосредственно в самом городе располагались маленькие земельные дачи. Количество примежеванных земель — 10,2 тыс. десятин, при этом около 85 % этой площади — пашня. При этом весьма значительное количество городской земли (781 десятина) было «спором отведено из градской округи города

---

¹РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 634. Л. 33 об.—34.

Щигра» в пользу двух офицеров двумя отдельно зафиксированными в Экономических примечаниях участками.

С точки зрения пространственной организации данный комплекс городских земель представляется достаточно примечательным.

При всех условностях и относительно невысоком качестве Генерального уездного плана Щигровского уезда все же понятно, что городская дача г. Щигры занимала довольно заметную часть его территории.

Рис. 1. Размер и расположение дачи г. Щигры на плане Щигровского уезда (показана пунктирной линией)

Примежеванные к городу сельские поселения различных типов и размеров располагались на территории этой городской дачи двумя «кустами»: вокруг самого города, показанного на следующем рисунке более светлым цветом, и в западной части.

Фактически новообразованный город Щигры представлял собой всего лишь одну из составных частей плотно прижатых друг к другу сельских поселений вдоль реки Щигор. В состав этого комплекса входили собственно территория города, в первую очередь «кремль» («крепость, вновь зделанная земляная небольшая четвероугольная насыпную землю вышиною от гаризонта в два аршина, шириною — в аршин, около ее со всех четырех сторон вырыт ров глубиною в два аршина, шириною — в аршин с половиною»¹), расположенный на левом берегу

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 696. Л. 13—13 об.

реки, дома и земли однодворцев, расположенные на правом, а также вплотную примыкавшие к ним селца Афанасьевское, Васильевское, Баранцево и Александровское (см. рисунок 3). При таком расположении граница города и пригородных поселений оказывалась достаточно условной, а дальнейшее расширение территории городской застройки закономерно предполагалось производить в северном направлении, где не было столь плотно прилегающих к ней селец и деревень.

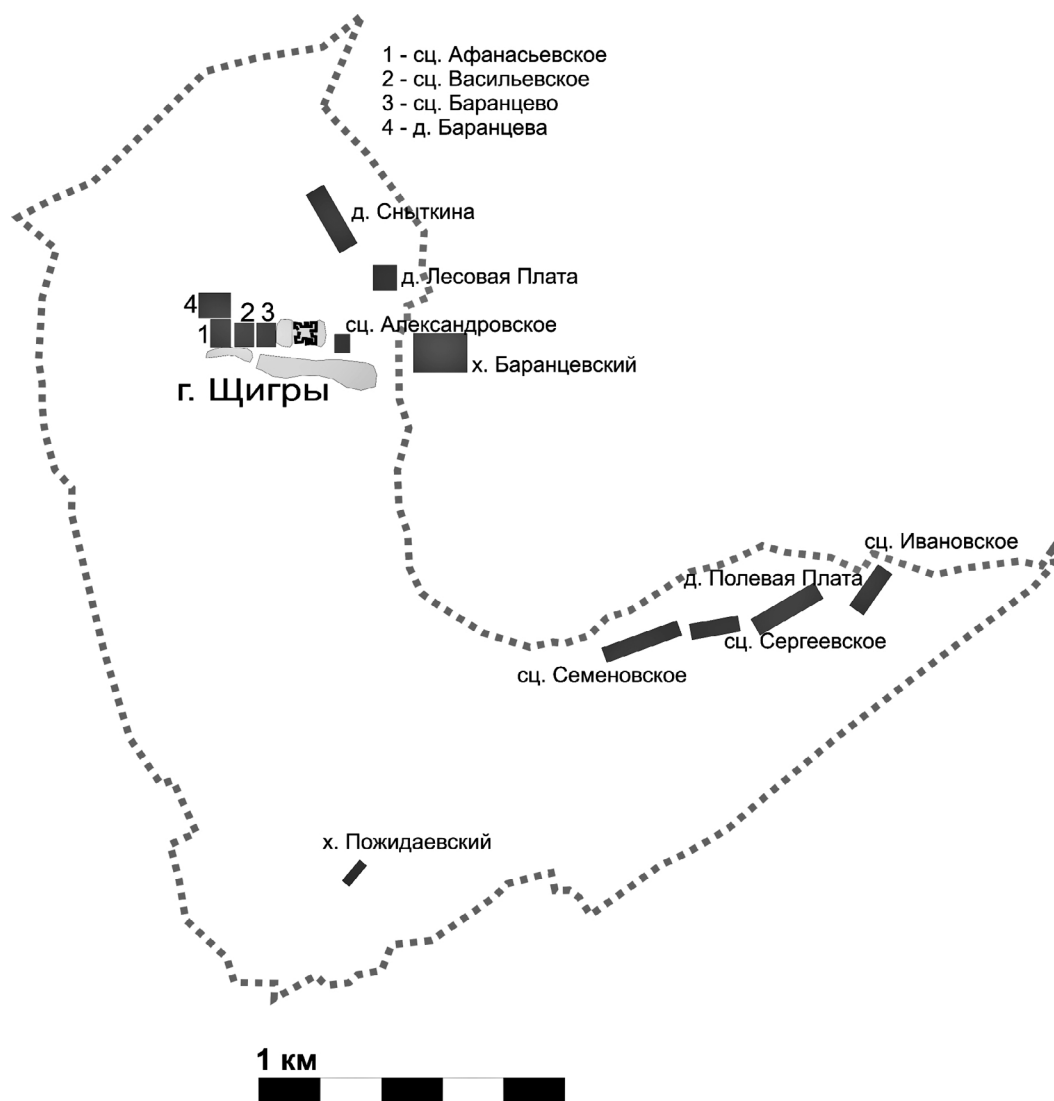

Рис. 2. Состав городской дачи г. Щигры

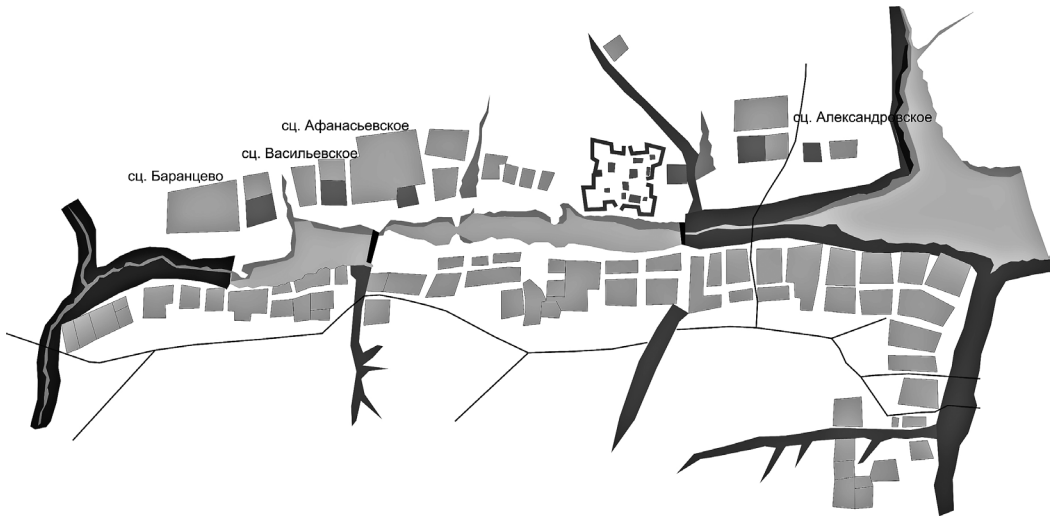

Рис. 3. Город Шигры с ближайшими примежеванными к нему поселениями¹

Еще один пример этой группы городов — город Богатый. К городу была примежевана слобода Венгеровка, находившаяся в совладении четырех помещиков, включая князя Д. Ю. Трубецкого, причем, как следует из перечня дворян, владевших собственными домами в данном городе, как раз у него в Богатом своего дома не было. Зато в пределах общей городской межи у него было классическое барщинное хозяйство: «Крестьяне князя Трубецкаго, живущия в слободе Венгеровке, состоят на господском изделе, земли пашут на помещика дватцать две десятины, на себя — тритцать пять десятин, а поданные ево ж князя Трубецкаго малороссияне — на оброке, платеж имеют не с числа душ, а с числа земли всего суммою ежегодно двести рублей, котория на себя земли запахивают до четырех сот десятин»². При этом большая часть городских земель (3,1 тыс. десятин) представляла собой массив пашни, которая «обрабатывается обще онаго города однодворцами вся на себя».

К этой же группе можно отнести и некоторые дореформенные административные центры, сформировавшиеся вокруг крепостей. К таковым, например, относится город Короча. Здесь население составляло 5,6 тыс. человек, но население собственно города — лишь 45 % от этого числа. Остальное — население группы неразмежеванных поселений, в которую входили три слободы и 37 хуторов «общаго владения» большой группы из одиннадцати поименованных владельцев, диапазон чинов в которой располагался от прапорщика до секунд-майора, а также из не названного количества «войсковых обывателей» «с выделенною землею церковною землею».

В итоге к городу были примежеваны почти 25 тыс. десятин земли, а еще почти 28 тыс. десятин находились в шести спорных с соседними владениями участках, т. е.

¹РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Кн. 2081.

²Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Кн. 566. Л. 21—21 об.

общая площадь земель этого города (53 тыс. десятин) составляла 18 % от площади всего уезда. В сущности, перед нами огромная неразмежеванная дача разнофамильного и разностатусного совладения, в которой в виде крошечного островка, занимавшего 0,7 % ее территории, располагался город Короча. Впрочем, это обстоятельство не мешало ему жить полноценной жизнью уездного русского города конца XVIII в.: Экономические примечания зафиксировали в нем наличие восьми торговых лавок, четырех питейных домов, а также проведение шести ярмарок ежегодно и двух базарных дней еженедельно.

Подведем предварительные итоги. Известно, что по своей пространственной организации значительная часть земельных владений в Центральной России, по крайней мере, со второй половины XVIII в. — это сложные совладения [4, с. 205]. Такое владение нередко состояло из множества «жребиев», в составе его владельцев широко представлены лица разной фамильной или сословно-статусной принадлежности. На момент екатерининского межевания «развести» эти владения на отдельные «дачи» было уже практически невозможно, что и показывали его нормы и практика [3, с. 21].

Возможно, именно межевые материалы по южным губерниям позволяют взглянуть на русский город конца XVIII в. как своеобразный вариант сложного земельного совладения. В этой комплексной земельной даче могли оказаться разнотипные земельные угодья и целые группы поселений, при этом все они находились внутри «градской окружной межи», зафиксированной на межевых планах и юридически отделявшей город от уезда. Однако это общее формальное противопоставление комплекса городских земель уездным не делало его чем-то внутренне целостным с точки зрения владельческой принадлежности или права распоряжения. На примере городов Курского наместничества хорошо видно, что в этом конгломерате находилось место для совершенно разных типов землевладения и землепользования, будь то общегородской выгон, вспахиваемая «собой и на себя» однодворческая пашня или господское поле, обрабатываемое крепостными. Состав и удельный вес этих пригородных дач в хозяйственно-демографическом развитии городов региона во многом определялся давностью существования города в своем административном статусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / Сост. : Д. А. Черненко, А. А. Голубинский, Д. А. Хитров. — Тула, 2016.
2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. — Санкт-Петербург, 1830. — Т. XXII, № 16187.
3. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.) / Л. В. Милов. — Москва, 1965.
4. Черненко Д. А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII—XVIII вв. (опыт региональной типологии) / Д. А. Черненко. — Вологда, 2008.
5. Черненко Д. А. Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в. / Д. А. Черненко, Д. А. Хитров // Историческая информатика. — 2019. — № 4. — С. 1—11.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЛОВСКОЙ И ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья посвящена изучению воздействия миграционного процесса на повседневную жизнь крестьян Орловской и Тамбовской губерний в начале XX в. Особое внимание уделяется влиянию демографических аспектов крестьянского переселения на развитие сельского хозяйства региона.

Ключевые слова: миграции; Орловская губерния; Тамбовская губерния; крестьянство; аграрная политика.

Миграции являются естественной частью демографического поведения населения, и в основе этого процесса лежит потребность человека, отдельных групп или целых сообществ в освоении новых, как правило, более комфортных для проживания территорий. Для традиционных или находящихся на этапе формирования индустриальных обществ наиболее характерно аграрное переселение. Промышленный переворот, стремительный рост сельского населения России в конце XIX — начале XX в. способствовал усилению процесса миграционного движения крестьянства.

Трудовая миграция, в которой, как правило, были задействованы мужчины трудоспособного возраста, была свойственна промышленным неземледельческим областям и со временем стала проникать в аграрные губернии России. Для Орловской и Тамбовской губерний, экотонных по своему характеру, к началу XX в. были свойственны все основные типы миграций населения, хотя наиболее массовым продолжало оставаться аграрное переселение.

В отечественной историографии изучение миграционных процессов, протекавших в Российской империи, в значительной степени связано с темой аграрного переселения [12, 18, 19, 23]. В настоящее время заметно увеличение исследований, рассматривающих различные виды миграций населения, а в трудах, посвященных аграрному переселению, наметилась регионализация, микроисторический подход, позволяющий увидеть не только количество мигрантов, но и их повседневную жизнь в местах выхода и вселения [8, 13, 16, 17, 21]. Авторы решили по-новому взглянуть на свои прежние исследования [1—7, 9—11].

---

¹ Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, zhirov-nikolai@mail.ru, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Россия, г. Елец; Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, valcan@mail.ru, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия, г. Тамбов.

Основными источниками для определения последствий миграций послужили статистические и описательные материалы губернских официальных¹ и земских учреждений (обзоры губерний², документы подворных переписей), сибирских народников, а также отдельные архивные документы, отражавшие по-житейски интересные эпизоды процесса переселений, единичные воспоминания и этнографические материалы [6, 13, 15, 20, 22].

Имперская статистика не дает комплексного представления о миграционном потоке в Орловской и Тамбовской губерниях в начале XX в. Точные сведения имеются только по аграрным переселенцам, но не за весь исследуемый период. Стоит учесть отсутствие конкретных цифр о числе обратных переселенцев, довольно приблизительно данные о самовольных выселенцах. Еще более сложная ситуация с неземледельческой миграцией в промышленные зоны России, которая зачастую оставалась отходничеством и формально не приводила к смене места жительства. Для Орловской и в меньшей мере для Тамбовской губерний это был отход на шахты Донбасса, главным образом на осенне-зимний период. Тамбовские и частично орловские (из юго-восточной части губерний) крестьяне часто уходили на временные заработки в зажиточные земледельческие хозяйства юга России и Украины, а также на рыбные промыслы Астрахани.

Вследствие неполных данных о миграционном потоке с территории изучаемых губерний нами были использованы математические подсчеты разницы между суммированным естественным приростом за все годы (1900—1914) и численностью жителей за тот же период. Данный подход имеет свои принципиальные недостатки, но только поиск и привлечение новых источников по миграции помогут избежать лишних погрешностей, на что будут нацелены последующие исследования. Предлагаемый метод мы продемонстрируем на примере Орловской губернии.

Естественный прирост населения в губернии за исследуемый период (1900—1914 гг.) составил 556 582 человека, при этом численность жителей выросла на 354 447 человек. Разница между приростом и численностью орловцев (202 135 человек) может быть предполагаемой миграцией за пределы исследуемого региона. Такие же подсчеты по Тамбовской губернии дали примерную цифру мигрантов этого периода в 100 тыс. чел.

На уездном уровне ситуация с миграционным оттоком существенно различалась. Наибольшая степень миграции была зафиксирована в Кромском уезде, предположительно его покинуло 25 000, или 22,1 %, жителей. Благодаря высокому естественному приросту населения численность жителей все-таки увеличилась на 2421 человека. К территориям с высокой степенью миграции необходимо отнести Дмитровский, Ливенский и Малоархангельский уезды. Все перечисленные уезды были чисто сельскохозяйственными, промысловая деятельность встречалась лишь в отдельных населенных пунктах и не составляла существенной роли в экономической жизни населения.

---

¹ Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 1—24. Тамбов, 1880—1900.

² Обзоры Орловской губернии. Орел, 1901—1914; обзоры Тамбовской губернии. Тамбов, 1901—1912.

К территориям с умеренной миграцией можно отнести Севский (10,3 %) и Карачевский (9,1 %) уезды. Отток населения мог служить свидетельством нехватки земельных ресурсов у крестьянства, а также отсутствия других видов хозяйственной деятельности, которые бы поглотили избыток рабочих рук. Невысокая степень переселенческого движения была зафиксирована в Орловском (4,9 %), Елецком (4,8 %), Мценском (4,3 %) и Брянском уездах (3,5 %). Минимальный отток населения (всего 2219 человек, или 1,4 %) был зафиксирован в Болховском уезде.

Возможная причина слабой вовлеченности местного крестьянства в переселенческое движение — широкое распространение промыслов, а также занятость сельских жителей в промышленном и кустарном производстве, что особенно было характерно для Брянского уезда.

Общий миграционный отток жителей Орловской губернии в исследуемый период равнялся 8,8 %, что составляло около 36 % от уровня естественного прироста населения. Процесс урбанизации и промышленного развития региона оставался на низком уровне и не мог поглотить избыточное количество рабочей силы, особенно занятых в сельском хозяйстве. Миграция являлась вынужденной мерой трудоустройства, которая была необходима для жизнеобеспечения быстрорастущего населения губернии. Города губерний, имевшие сотни тысяч жителей и по максимуму десятки тысяч рабочих мест, не могли обеспечить неземледельческой работой избыток сельской рабочей силы уже как минимум по 1 млн на губернию [1].

Миграция за пределы родных регионов становилась вынужденной мерой трудоустройства и вела к заметным переменам в повседневной жизни.

В первые годы XX в. (до начала мировой войны) непосредственное механическое движение крестьян (миграции) начало влиять на естественное движение сельского населения.

Влияние оттока молодых крестьян в заводские местности внутри губерний и соседние промышленные регионы уже заметно сказывалось на сокращении рождаемости среди селян в западных уездах Орловской губернии и северных уездах Тамбовской губернии.

В 1900-е г. в северных уездах Тамбовской губернии (Елатомском, Спасском, Темниковском, Шацком) вследствие массового отхода крестьян в пограничные торгово-промышленные районы Владимирской, Московской, Нижегородской губерний проявились черты демографического перехода в показателе рождаемости от высоких к средним коэффициентам [3].

В Брянском уезде Орловской губернии разница между суммированным естественным приростом за все годы начала XX в. и численностью жителей в 1914 г. показала, что за пределы уезда мигрировало всего около 8 тыс. чел. Жители уезда могли успешно трудоустроиться в данной местности. А вот в Мценском и Болховском уездах отъезд мигрантов за их пределы был уже заметнее, рождаемость в этих уездах пошла на убыль [4, 5].

При этом нужно учитывать неоднозначность миграционных процессов и соответственно их последствий. В частности, заметным явлением периода Первой мировой войны стало возвращение на родину крестьян, мигрировавших в довоенный период в промышленные регионы, но в период войны в условиях хозяйственного кризиса потерявших работу. В названных выше северных уездах Тамбовской губернии вслед-

ствие этого в 1916 г. показатели рождаемости вновь выросли и даже превысили значения 1910 г. [3].

На поселенном уровне для периода конца XIX — начала XX в. мы выявили несколько фактов влияния крупного миграционного оттока на сокращение рождаемости. Например, из с. Шаблыкино Карачевского уезда Орловской губернии в 1895 г. из 2300 жителей в Сибирь выехало 1200 человек. Через несколько лет число рождений и смертей, зафиксированных в сельском приходе, сократилось¹. Через несколько лет большая группа переселенцев вернулась в родное село. Однако показатели рождаемости и смертности на прежнем уровне не восстановились. Очевидно, что миграция в данном случае сбивала традиционный ритм демографических процессов.

Несколько обратный феномен явила демографическая ситуация в селе Знаменка Тамбовского уезда, где в 1860—1880-е гг. после предоставления владельцами графами Строгоновыми всего лишь дарственных наделов своим крепостным начался заметный отток молодежи и соответственно снижение рождаемости. Однако в начале XX в. отток стал менее заметным (вероятнее всего, в связи с развитием рационального хозяйства). Коэффициенты рождаемости этого периода вновь приобрели высокие значения, характерные для традиционного общества [3].

В с. Атманов Угол Моршанского уезда Тамбовской губернии в результате миграции на Алтай около 200 дворов средний размер семьи в 1850—1880-е гг. снизился с 10,4 чел. до 6,1 чел. В с. Вторые Левые Ламки того же уезда после миграции 70 с лишним дворов средний размер оставшихся дворов в тот же отрезок времени уменьшился с 14,2 чел. до 8 чел. [19]. Конечно, это могло быть не результатом сокращения рождаемости, а следствием измельчания дворохозяйств, что также можно признать крупным демографическим изменением в результате миграции наиболее крупных дворов.

Заметным было влияние миграций на состояние деревенского «брачного рынка». С одной стороны, рынок невест разрежался в процессе земледельческих переселений в Сибирь, в рамках которых ощущался характерный для орловских и тамбовских крестьянских семей избыток мужчин с большой долей девочек предбрачного возраста. Другой способ разрежения заключался в переезде девушек брачного возраста в города своих и других губерний Европейской России. Особенно часто это происходило вследствие так называемых «женских атак» (повышенной доли в рождениях девочек в данный период — в конце 1870-х гг.). Конкретные проявления решения брачного вопроса путем переселения в алтайские селения с достатком женихов еще в начале 2000-х гг. были подробно раскрыты барнаульскими и тамбовскими историками главным образом на материалах Центрально-Черноземных губерний [2, 9, 11].

Возможно, упомянутая «женская атака» и ее последствия сказались и на миграции крестьян Тамбовской губернии в города. По переписи 1897 г. в сельской местности губернии жило на 80 тыс. женщин больше, чем мужчин. В городах женщин оказалось больше всего на 3 тыс., они преобладали в семи из 13 городов региона [1].

С другой стороны, в отдельных промышленных местностях наблюдался большой приток мужчин, соответственно, потенциальных женихов. Это сказывалось на росте брачности, а вслед за ней рождаемости. Так, в промышленном с. Бондари Тамбовского уезда в начале XX в. постоянно фиксировались сверхвысокие показатели рож-

---

¹ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 1461—1478.

даемости и смертности. Это было связано с большой долей пришлого населения, которое не входило в состав прихожан местной церкви, но совершало здесь крещение своих детей, обряды венчания и отпевания. Все эти факты, попадая в метрический учет, формально становились основой очень высоких демографических коэффициентов [3].

Необычно высокий показатель рождаемости в 1916 г. отмечен в приходе с. Кузьмино-Гать Тамбовского уезда. В годы Первой мировой войны рядом с селом развернулось строительство порохового завода, на которое съехалось много молодых мужчин из разных регионов России. Естественно, что это вызвало всплеск брачности, а затем числа рождений в конкретном приходе [3].

Совершенно необычными были последствия уже упоминавшейся миграции в Сибирь крестьян с. Атманов Угол. Известно, что в первой половине XIX в. из села было выслано какое-то количество семей секты скопцов. Но у них в алтайском с. Ярки, где они поселились в 1880-х гг., оказались очень большие семьи [20]. Понятно, что такие факты указывают на отказ переехавших в Сибирь скопцов от изуверской практики ограничения рождаемости. Вряд ли продолжали скопческую практику и оставшиеся на родине жители Атманова Угла — в 1880—1910-е гг. число жителей поселка выросло в 1,5 раза — до трех с лишним тысяч человек.

Однако ни усиленная женская миграция, ни приток «чужих» мужчин практически никак не сказывались на земельной обеспеченности крестьян, которая в Орловской и Тамбовской губерниях, как и во многих других аграрных регионах, всецело зависела от числа мужчин-общинников. Даже если предположить, что все уехавшие в начале XX в. крестьяне-мужчины (максимум 50 тыс. чел. в Тамбовской губернии и 100 тыс. чел. в Орловской) сдавали в общину наделы, это вряд ли могло дать большую прибавку земли оставшемуся как минимум 1 миллиону сельских мужчин на губернию.

В упомянутых селах наглядно проявилось влияние массовой миграции населения на изменения социально-экономического состояния крестьян. Выходя на волю, крепостные крестьяне села Шаблыкино Карачевского уезда Орловской губернии отказались получить от помещика Киреевского полный земельный подушный надел, и подавляющее большинство согласилось взять лишь по 0,5 десятины на тягло дарственной земли. Накануне переселения их имущественное положение было описано местными властями: «Положение крестьян с. Шаблыкино, действительно, весьма трудное: на 545 ревизских душ, ныне равняющихся 875 наличным душам мужского пола, отведен надел земли по 3/4 десятины на ревизскую душу, всего 450 десятин. Если при таком нищенском наделе крестьяне не дошли до полного обнищания, то это лишь благодаря отдаче им местным землевладельцем в аренду на 115 тягл, по 9 десятин на тягло, итого 1000 с небольшим десятин... крестьяне платят за аренду 9 десятин (3 яровых, 3 озимых и 3 паровых) приблизительно 40 рублей»¹.

В 1887 г. губернатору Орловской губернии было подано прошение 66 семейств с. Шаблыкино Карачевского уезда о переселении в Томскую губернию вследствие малоземелья и бедности. Было установлено, что эти крестьяне по выходе на волю получили только усадьбы, и их желание переселиться по экономическому положению было основательно. По итогам проверки имущественного положения шаблы-

¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 5. Л. 22—22 об.

кинских крестьян было решено переселить только 13 семей, имеющих средства для переселения¹.

В 1895 г. из с. Шаблыкино в Ишимский уезд Тобольской губернии уехало 1236 человек обоого пола, а их надельная земля была передана оставшимся 1120 жителям. Их земельные наделы выросли до трех десятин на душу, т. е. примерно в два раза. Как выяснилось, такое стало возможным в результате фактического жульничества группы ходоков, заманивших большую часть односельчан в Сибирь.

В целом миграции в губерниях на начало XX в. даже с учетом выезда до 100 тыс. чел. из Тамбовской губернии и 200 тыс. чел. из Орловской губернии еще не превышали естественный прирост населения, который в отдельные годы составлял более сотни тысяч человек.

Несколько интересных проявлений влияния миграций на повседневную жизнь было выявлено в ходе исследования переселения крестьян двух тамбовских сел в два населенных пункта Алтайского округа Томской губернии.

Переселившиеся на Алтай крестьяне села Атманов Угол передали 200 душевых наделов в распоряжение общества. Поэтому к 1880-м гг. размер земельного надела на родине вырос с 1,5 до 4 дес. Переселенцы в с. Ярки на Алтае стали самыми богатыми, создали зажиточные домохозяйства с большими посевами зерна, огромными урожаями пшеницы, большим количеством скота и пчел. Крестьяне Атманова Угла, оставшиеся на родине, стали заниматься неземледельческими профессиями. Многие из них были пильщиками, работали в окрестных селах и городах, а в своем селе продолжали вести сельское хозяйство. Их суммарные доходы превышали доход от сельского хозяйства односельчан, уехавших на Алтай [21].

Особые последствия миграция вызвала в тамбовском селе Вторые Левые Ламки, часть крестьян которого во второй половине XIX в. в условиях обмельчания старинного подворного наследственного землевладения переселилась в алтайское с. Смоленское. На новом месте переселенцы существенно улучшили свои социально-экономические показатели. Но и крестьяне, оставшиеся на родине и скупившие землю односельчан-мигрантов, имели хозяйственные показатели не хуже, чем у земляков, обосновавшихся на новых местах [21].

В конце XIX в. миграционный приток населения пришел в село Вторые Левые Ламки. Рядом с ним в 1890-е гг. строилась железнодорожная ветка, что требовало немало работников. Здесь возникла ж. д. станция, давшая местному населению сравнительно близкий по российским меркам выход через ЮВЖД на Москву (менее 10 часов). В 1920—1930-е гг. стало районным центром, было эталонным поселением демографического типа, развивавшимся благодаря и положительному естественному приросту, и миграционному притоку из окрестных населенных пунктов.

Но подобные явления, в принципе, не могли получить широкого распространения в перенаселенной крестьянской среде.

Много интересных наблюдений о ходе переселенческого процесса и его непосредственных последствиях содержится в отчете уполномоченного Орловского губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь (затяжки с выделением участков, чисто физические трудности ходоков — вплоть до обмороживания

---

¹РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 18. Л. 78—78 об.

конечностей, захват лучшей земли самовольцами, особенности освоения подтаежных участков и т. п. [6].

К сожалению, предреволюционная статистика не позволяет точно определить количество переселений бывших общинников на хутора. В Тамбовской губернии к 1917 г. числилось ок. 1 тыс. хуторов, в Орловской — в несколько раз больше. Но мы не знаем, сколько крестьян реально переселилось за пределы своих родных сел. Предполагаем, что это были десятки тысяч людей на несколько миллионов жителей каждой губернии, т. е. единичные проценты. Более того, переезд на хутора создавал не только хозяйственные преимущества, но и житейские проблемы для их населения (расположение на дальноземелье, удаленность от волостных учреждений, школ, земских медицинских учреждений, отход от привычного круга общения — «бабе на улице поговорить не с кем» и т. п.) [14]. Тем не менее стремление к выселению из переполненных сел оставалось устойчивым и особенно проявилось в 1920-е гг., когда десятки тысяч крестьян устремились в мелкие поселки, создававшиеся в рамках советской политики землеустройства [11, 14].

Казалось бы, последствия переселения крестьян в города являются хорошо известными. Но изучение конкретики если не разрушает стереотипы, то существенно их конкретизирует. Мы имеем в виду давно утвердившийся тезис о пополнении выходцами из деревни рядов городского рабочего класса, в первую очередь промышленного пролетариата. Но при этом часто не учитывается, что во многих губернских городах типа Орла и Тамбова (не говоря уже о большинстве уездных центров) рабочие места в промышленности и на транспорте исчислялись всего несколькими тысячами при отмеченном выше аграрном перенаселении в более чем 1 млн человек на губернию. Шансы устроиться были крайне невелики.

Недавно в Тамбове были опубликованы воспоминания уроженца города начала XX в. М. И. Шепелева, чей отец перебрался в город из села Ламки (возможно, из уже упомянутого или из его окружи). Мемуарист сообщал, что отец «лет десять скитался по хозяевам, нигде подолгу не уживаясь». Жизнь Ивана Шепелева стала налаживаться только после поступления на должность кондуктора товарных поездов казенной железной дороги [22]. «Скитание по хозяевам», работа в качестве мелкой прислуги и чернорабочих были обычным явлением и для крестьянских переселенцев в Москву во второй половине XIX в. О. С. Зарянская, изучившая московские паспортные книги того времени, показала, что из ста с лишним тамбовских крестьян, поселившихся в Москве, чьи профессии удалось выяснить, более трех десятков насчитывала прислуга вообще, по десятку числились горничными, кухарками, дворниками, чернорабочими. Только одного можно четко отнести к промышленным рабочим. С другой стороны, один крестьянин Тамбовской губернии, торговавший лесом, сумел записаться в Москве в купцы II гильдии [22].

Влияние городской культуры, приносимой крестьянами-переселенцами в родные села, является общеизвестным фактом, но, как правило, оно носит косвенный характер. Это влияние специально не фиксировалось официальными документами начала XX в., поэтому особое значение приобретают нарративные источники, исходящие из самой крестьянской среды. В частности, таковыми являются материалы известного этнографического исследования тамбовского села Вирятино, проведенного московскими специалистами в 1950-е гг., когда еще были живы многие крестьяне, бывшие

взрослыми в начале XX в. В их рассказах содержались примеры конкретных семей переселенцев или отходников, которые непосредственно знакомили деревенских односельчан с образцами городской одежды и обуви, мебели, способами приготовления пищи и т. д. [15].

Наиболее важной перспективой дальнейшей конкретизации полученных нами наблюдений мы считаем поиск насыщенных фактами и яркими описаниями первичных материалов, воспоминаний, писем крестьян, записок земских деятелей, художественной литературы и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акользина М. К.* Урбанизация и втягивание крестьян в неземледельческие занятия. Тамбовская губерния, конец XVIII — начало XX в. / М. К. Акользина, В. В. Канищев, Н. В. Стрекалова // Неземледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума: XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — Москва, 2006. — С. 112—114.

2. *Владимиров В. Н.* Проект «Микромиграционные процессы в Российской Евразии второй половины XIX — начала XX в. (Тамбовская губерния — Алтайский округ)»: первые итоги реализации / В. Н. Владимиров, В. В. Канищев // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». — 2002. — № 30. — С. 193—195.

3. *Дьячков В. Л.* Уровни применения демографических коэффициентов: от микро до мезо. Тамбовская губерния, начало XX в. / В. Л. Дьячков, В. В. Канищев // Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке : сб. науч. ст. [отв. ред. : В. Б. Жиромская, В. В. Канищев]. — Москва ; Тамбов : Изд-во ТГУ имени Г. Р. Державина, 2010. — С. 71—90.

4. *Жиров Н. А.* Демографические процессы в Орловской губернии в начале XX в. / Н. А. Жиров // Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке : сб. науч. ст. — Москва ; Тамбов : Издательский дом ТГУ имени Г. Р. Державина, 2010. — С. 91—106.

5. *Жиров Н. А.* Естественный прирост крестьянского населения в Орловской губернии в начале XX в. / Н. А. Жиров // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. — 2012. — № 4 (108). — С. 317—322.

6. *Жиров Н. А.* Отчет уполномоченного губернского земства Позднякова Н. Н. о поездке в Западную Сибирь для ознакомления с землями колонизационного фонда как источник по изучению столыпинской переселенческой политики в начале XX в. / Н. А. Жиров // История: факты и символы. — 2016. — № 4 (9). — С. 141—146.

7. *Жиров Н. А.* Переселенческое движение крестьянства аграрного центра России в конце XIX — начале XX в. (по материалам Орловской губернии) / Н. А. Жиров // Вопросы истории. — 2018. — № 10. — С. 130—137.

8. *Зарянская О. С.* Миграция тамбовских крестьян по данным паспортных книг г. Москвы / О. С. Зарянская // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. — 2007. — № 2. — С. 145—149.

9. *Канищев В. В.* Демографические и социально-экономические последствия переселения тамбовских крестьян на Алтай в 1880-е — 1910-е гг. (Поселенный и волостной уровни) / В. В. Канищев // Российское крестьянство в XIX—XX вв. — Тамбов, 2004. — С. 80—102.

10. Канищев В. В. Изменения парадигмы миграционного поведения тамбовского крестьянства в XX в. / В. В. Канищев, Д. П. Иванов // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. — 2011. — № 1 (93). — С. 309—319.

11. Канищев В. В. База данных о переселенцах из Тамбовской губернии в Алтайский округ / В. В. Канищев, О. В. Лазарева // VIII Державинские чтения. Экономика. Юриспруденция. История. Социальная работа. Социология : мат. науч. конф. преподавателей и аспирантов. — Тамбов, 2003. — С. 130—131.

12. Курцев А. Н. Особенности переселений российского крестьянства за 1861—1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона / А. Н. Курцев // Вестник Тамбовского университета. Сер. : Гуманитарные науки. — 2008. — № 10 (66). — С. 303—309.

13. Пожарская К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / К. А. Пожарская. — Барнаул, 2009. — 24 с.

14. Сафонов А. А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917—1928 гг.: Социальные аспекты проблемы : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / А. А. Сафонов. — Воронеж, 1997. — 22 с.

15. Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. — Москва, 1958. — 283 с.

16. Скляров Л. В. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. В. Скляров. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. — 586 с.

17. Смурова О. В. Демографические аспекты отхода крестьян на заработки в столицу (XIX — начало XX в.) / О. В. Смурова // Аграрное освоение и демографические процессы в России X—XXI вв. — С. 142—144.

18. Тюкавкин В. Г. Переселение крестьян в Сибирь в период столыпинской реформы : автореф. дмс. ... канд. ист. наук / В. Г. Тюкавкин. — Иркутск, 1958. — 16 с.

19. Хромых А. В. Крестьянская переселенческая политика в России на рубеже XIX—XX вв.: по материалам Тульской губернии : автореф. дисс. ... канд. ист. наук / А. В. Хромых. — Тула, 2006. — 18 с.

20. Чудновский С. Л. Переселенческое дело на Алтае: статистико-экономический очерк / С. Л. Чудновский. — Иркутск : тип. газеты «Восточное обозрение», 1889. — 154 с.

21. Чуркин М. К. Переселенческие крестьянские хозяйства черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX — начала XX в.): экономическое состояние и адаптивные возможности / М. К. Чуркин // Вестник Томского гос. ун-та. — 2018. — № 429. — С. 175—183. — DOI: 10.17223/15617793/429/22

22. Шепелев М. С Тамбовом не расстался я... / М. Шепелев. — Тамбов, 2008. — Ч. 1. — 374 с.

23. Якименко Н. А. Аграрные миграции в России (1861—1917 гг.) / Н. А. Якименко // Вопросы истории. — 1983. — № 3. — С. 17—31.

ДИНАМИКА ПРОМЫСЛОВОЙ МИГРАЦИИ ПОДМОСКОВНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ

В статье рассмотрены тенденции развития промысловой миграции подмосковного крестьянства в условиях столыпинского аграрного реформирования. Выявлен рост долгосрочного отхода на фоне сокращения общей численности крестьян-отходников. Дана оценка дифференциации промысловых и земледельческих слоев деревни в начале XX в.

Ключевые слова: *крестьянство, община, отходничество, промыслы, миграция, столыпинская реформа, Московская губерния.*

Столыпинская аграрная реформа существенно изменила характер крестьянской миграции вообще и промысловой — в частности. Последствия экономического кризиса начала века и революционные события 1905 г., обусловившие упадок фабрично-заводской промышленности и вздорожание жизни в городах, а также отмена с 1907 г. выкупных платежей и возможность укрепления надела в собственность заметно усилили интерес подмосковного крестьянства к земле. Начался беспрецедентный отток его промысловой части из городов, и главным образом — из Москвы, в деревню. Однако уже с 1909 г. московская и губернская промышленность вступила в фазу нового подъема, и, несмотря на возвращение части крестьян к земледельческому труду, все же в целом преобладающей тенденцией в годы столыпинской реформы оставалось увеличение промыслового отхода в город вообще и Москву — в особенности. Этому в огромной степени способствовали также законодательные и административные меры властей по освобождению крестьянина от сословно-правовых пут, искусственно привязывавших его к общине, в первую очередь — указ от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний». Отныне для поступления на государственную службу, в учебные заведения, принятия духовного сана или пострижения в монахи, а также перехода в другое общество не требовалось добиваться от общины увольнительного приговора и получать разрешение администрации. При этом общественные повинности на время службы и учебы слагались, а выбывший не исключался из общества и не терял права на земельный надел, как было прежде. Вместе с тем отказавшийся от на-

---

¹ Ковалев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет (Московская область, г. Коломна); Московский педагогический государственный университет, dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, г. Коломна.

дельной земли крестьянин мог выйти из общины и вовсе без согласия последней при условии обязательного причисления его к своей волости, также не связанного с решением волостного схода. Обязательного мирского одобрения теперь не требовалось и в случае раздела крестьянской семьи. Кроме того, власть уравнивала крестьян с другими сословиями в праве свободно избирать место постоянного жительства — вне зависимости от пункта приписки, а там, где они «по службе, занятиям, промыслам, или недвижимому имуществу имеют оседлость, либо домашнее обзаведение». Указом также предусматривалась не связанная согласием общины и земского начальника выдача бессрочных паспортов, которая спустя несколько лет сделалась общим правилом, а предоставление паспортных документов с ограниченным сроком действия стало допускаться лишь по требованию самого просителя¹.

Тем самым возможности для промысловой миграции кардинально расширились, и она значительно активизировалась. Об этом со всей определенностью свидетельствовали показания местных корреспондентов с мест, собиравшиеся статистическим комитетом губернского земства².

Таблица 1

Годы	Всего показаний	% показаний об увеличении отхода	% показаний об уменьшении отхода	% показаний о сохранении отхода на прежнем уровне
1904	178	24,7	32,6	42,7
1905	146	22,6	26,7	50,7
1906	279	19,7	21,5	58,8
1907	146	34,3	16,4	49,3
1908	131	45,8	20,7	33,5
1909	195	33,8	20,5	45,7

Относительное уменьшение показаний о возросшем отходе в 1909 г., как видно из таблицы, произошло не вследствие его общего спада, а за счет увеличившегося числа корреспондентов, заявивших о сохранении отходничества на уровне предыдущего года, когда был отмечен весьма значительный рост. К тому же сильнейшее наводнение 1908 г. и последующий неурожай поставили тысячи домохозяев в экстремаль-

¹ Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии. Общее положение о крестьянах. СПб., 1914. С. 483—495, 765.

² Составлено по: Статистический ежегодник Московской губернии за 1904 год. Разд. II. Промыслы и внеземледельческие заработки крестьян в 1903—1904 гг. М., 1905. С. 21 ; Статистический ежегодник Московской губернии за 1905 год. Ч. I. Разд. II. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1904—1905 гг. М., 1906. С. 4 ; Статистический ежегодник Московской губернии за 1906 год. Ч. I. Разд. II. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1905—1906 гг. М., 1907. С. 5 ; Статистический ежегодник Московской губернии за 1907 год. Ч. I. Разд. II. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1906—1907 гг. М., 1908. С. 7 ; Статистический ежегодник Московской губернии за 1908 год. Ч. I. Разд. II. Промыслы и неземледельческие заработки крестьян в 1907—1908 гг. М., 1909. С. 1 ; Статистический ежегодник Московской губернии за 1909 год. М., 1910. С. 197.

ные условия, вынуждая крестьянское население наиболее пострадавших местностей в массовом порядке покидать деревню¹. В поисках средств к существованию оно потянулось в города, хотя фабричное производство еще не оправилось от кризиса, и на предприятиях продолжались массовые увольнения².

С 1910 г. земская статистика вообще отказалась от рубрик об уменьшении и увеличении отхожих промыслов, заменив их новыми — о наличии и отсутствии отхода как такового. С. П. Антонова объясняет эту перемену значительным преобладанием сообщений о росте отходничества над корреспонденцией противоположного содержания [1, с. 96]. Однако подобная аргументация представляется весьма спорной. Безусловно, в рассматриваемые годы промысловая миграция крестьянства резко усилилась. Но маловероятно, чтобы за год количество показаний одной рубрики выросло в разы, чего не происходило за весь предшествующий период наблюдений. Даже зафиксировать такое скачкообразное увеличение и затем изменить методику опроса в течение года было крайне сложно технически. Но ведь утвердительный ответ на вопрос о посторонних неземледельческих занятиях не исключал их уменьшения в принципе. Поэтому суммарное значение должно было оказаться еще выше, нежели в прежнем варианте. По всей видимости, коррективы потребовались для большей определенности и объективности показаний (как это, кстати, и следовало из редакторских объяснений непосредственно в тексте ежегодника)³, поскольку визуальные впечатления местного корреспондента о динамике отхода вполне могли разойтись с действительностью. В то же время сам факт отходничества либо его отсутствия был в принципе абсолютно очевиден.

Представляется излишне категоричным и мнение исследовательницы, согласно которому рост отхожих промыслов являлся прямым следствием социального разложения крестьянства как класса. Ведь уход на фабрики далеко не всегда означал полное прекращение сельскохозяйственного производства или служил однозначным признаком его упадка. Лишнее подтверждение тому — пример отрубных и хуторских хозяйств, образовавшихся в ходе столыпинской реформы. Последние, как правило, принадлежали к хозяйствам земледельческого типа. Но, тем не менее, и для них отходничество во многих случаях оставалось одним из главных источников дохода. Согласно обследованию агрономической организации — губернской землеустроительной комиссии, в 1912 г. три четверти хуторских и отрубных дворов имели в своем составе «промышленников»⁴.

Как и в предшествующие десятилетия, в годы столыпинской реформы быстро растущий спрос на наемный труд в заводской промышленности, строительстве, коммерции, на транспорте Москвы и Московской губернии целиком поглощал избыток

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 107. Л. 34 об.—35.

² За 1908 г. в Московской губернии закрылось более 80 фабрик и было уволено до 7,5 тыс. рабочих (ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 107. Л. 33 об.).

³ Статистический ежегодник Московской губернии за 1910 год. Ч. II. Разд. II. Промыслы. М., 1911. С. 1.

⁴ ЦГА г. Москвы. Ф. 369. Оп. 8. Д. 38. Л. 88 об., 104 об.; Личное крестьянское землевладение в Московской губернии в 1907—1912 гг. М., 1913. С. 80.

рабочей силы в подмосковной деревне, оставаясь прочной, а зачастую и главной опорой крестьянского бюджета.

Преимущественно промысловый характер сельской экономики, обеспеченной сравнительно стабильными неземледельческими доходами, несмотря на высокую плотность населения и малоземелье, препятствовал широкому развитию переселенческого движения среди подмосковного крестьянства. С 1905 по 1914 г. ради получения земель за Уралом родные места покинули всего лишь несколько сотен семей (менее 0,2 %), из которых две трети — только в 1909 году [6, с. 155].

Таблица 2

*Число крестьянских семей,
переселившихся из Московской губернии на Урал и в Сибирь*

1885—1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1905—1914
102	2	19	18	4	266	15	5	26	23	2	380

Неурожаем на протяжении нескольких лет подряд (1906—1909 гг.), усугубившиеся разорительными последствиями наводнения 1908 г., по-видимому, сыграли не последнюю роль в том, что какая-то часть подмосковных крестьян сочла оправданным воспользоваться содействием правительства для переезда в Сибирь. Как следствие, масштабы крестьянского переселения на восток за один только 1909 г. возросли в десятки раз. Однако подавляющее большинство деревенских жителей, пострадавших от недородов и природного катаклизма, как и прежде, стремились улучшить свое положение благодаря промысловым заработкам в городе¹, где в это время уже наметились явные признаки промышленного подъема, обещавшего отходникам хороший заработок.

Улучшение оплаты труда на фабрике неизменно оборачивалось приливом большого числа новых кадров из деревни независимо от положения в сельском хозяйстве или изменений в сфере землепользования. Достаточно благополучный в сельскохозяйственном отношении период 1910—1912 гг., отмеченный также значительным увеличением заработков в московской и губернской промышленности, стал временем быстро растущего крестьянского отхода. Напротив, в 1913 г., когда в большинстве районов констатировали понижение выручки промышленных рабочих, во многих случаях последовало возвращение большей части отходников к земледельческим занятиям. Причем этот процесс наблюдался даже в таких уездах, как Богородский, Бронницкий и Коломенский, где фабричный отход традиционно являлся доминирующим видом хозяйственной деятельности сельского населения².

Наряду с некоторым количественным спадом краткосрочного отходничества в период столыпинской реформы резко возросло число крестьян, покидавших деревню на год и более. В составе приписного сельского населения упомянутого выше травопольного района, обследованного П. А. Вихляевым, доля мужчин-отходников по-

¹ Статистический ежегодник Московской губернии за 1909 г. С. 187.

² Обзор Московской губернии за 1913 год. М., 1914. С. 17—18.

низилась с 45,2 % в 1898—1900 гг. до 41,7 % в 1910 г., среди женщин соответственно с 7 до 6,7 %. Вместе с тем среди мужской части крестьянства удельный вес работающих на отхожих промыслах круглый год увеличился с 41 до 48,5 %, а среди женской — с 58,1 до 59,5 % [3, с. 11—13]. Таким образом, даже в уездах с наиболее земледельческим населением почти каждый второй работник постоянно находился на посторонних заработках. В целом же по губернии, учитывая отмеченную тенденцию, число таковых, по-видимому, уже значительно превзошло уровень в две трети, зафиксированный к началу XX века.

С распространением бессрочных паспортов увеличилось количество не просто отсутствовавших, но и выселившихся, то есть окончательно порвавших связь с деревней крестьянских семейств. На это обстоятельство уже указывала Н. А. Иванова, исследовавшая социально-экономическое положение губерний промышленного центра России в период столыпинской реформы [2, с. 247]. Подобная ситуация во многом была характерной и для Подмосковья. Поэтому, несмотря на рост долгосрочного отходничества, количество «отсутствующих» крестьянских семей в губернии сократилось с 47 376 в начале XX в. до 39 231 в 1917 г., а их удельный вес соответственно упал с 19,2 до 15,4 %¹. Постоянно проживая в городе, они, тем не менее, платили налоги со своего надела, хотя его доходность обычно не оправдывала размера причитающихся платежей. Разумеется, на начальном этапе столыпинской реформы «горожане» составляли одну из наиболее многочисленных категорий новых земельных собственников. «Первые, кто начал укреплять за собою землю или выделять ее к одному месту, — сообщали из землеустроительной комиссии Рузского уезда, — были крестьяне-москвичи или же вообще живущие „на стороне“². По наблюдениям земских статистиков, значительная площадь земель, сдаваемых в аренду полными душевыми наделами, принадлежала отсутствующим домохозяевам, которые использовали новое земельное законодательство для окончательной ликвидации своих отношений с деревней, продавая укрепленные угодья³.

Все это, разумеется, вызывало весьма болезненную реакцию у оседлой, преимущественно земледельческой части крестьянства, вследствие чего социальная напряженность в деревне обострялась. По мнению идейных оппонентов Столыпина, переход в собственность «отсутствующих» членов общества наделных земель, впоследствии ставших объектом коммерческой сделки, по сути, являлся расхищением крестьянского земельного фонда. Тем самым реформа якобы полностью игнорировала фундаментальные принципы, лежавшие в основе нормативного регулирования крестьянского землевладения. С подобной логикой трудно согласиться, зная, что столыпинское правительство, приступая к реформе, одну из главных своих целей видело в сохранении наделных земель за крестьянским сословием и после изменения формы собственности, о чем справедливо пишет В. Г. Тюкавкин [7, с. 192]. Ведь до при-

---

¹ Подсчитано по: Московская губерния по местному обследованию 1898—1900 гг. Т. I. Поселенные таблицы и поездные итоги. М., 1904. Вып. III. С. 470—471; Вестник сельского хозяйства. 1924. № 1. С. 9.

² ЦГА г. Москвы. Ф. 369. Оп. 4. Д. 362. Л. 172.

³ Статистический ежегодник Московской губернии за 1914 год. М., 1915. Ч. II. С. 44.

хода П. А. Столыпина вопрос о правовом статусе укрепленных наделов оставался открытым, и окончательно позиция кабинета определилась лишь накануне реформы, когда в проекте будущего указа 9 ноября 1906 г. укрепленная земля была признана личной собственностью. Благодаря этому обеспечивалось сохранение сельхозугодий за земледельческим населением: укрепленную землю допускалось продавать только лицам крестьянского сословия, а закладывать исключительно в Крестьянском поземельном банке. Позже в законе 14 июня 1910 г. указанные правила дополнило ограничение покупки и получения земли в дар одним крестьянином шестью душевыми наделами в пределах одного уезда. Таким образом, столыпинское земельное законодательство воздвигало серьезные барьеры на пути к спекуляциям укрепленной наделной землей и ее чрезмерной мобилизации в одних руках. В данной связи категоричное суждение о продаже укрепленного надела, в особенности «горожанами», как о «расхищении наделных земель», по нашему мнению, явно искажает реальную картину. Тем более что подобный вердикт должен опираться на весьма солидную фактологическую базу, прежде всего, в части статистики. Сообщения же прессы (главным образом, оппозиционной и потому тенденциозной), хотя и не единичны, но никак не могут служить основанием для широких обобщений.

Позиция общины в отношении землепользования отсутствующих членов также не была однозначна. Если они оставались не менее добросовестными налогоплательщиками, нежели остальные домохозяева, то их права на наделную землю, как правило, не ставились под сомнение. Да и в принципе разрешение на длительное удаление из деревни мог получить лишь «исправный» крестьянин, за коим не числилось недоимок или других провинностей. Отсюда вносимые им подати, размер которых, прежде всего, обуславливался величиной надела, таким образом, оправдывали претензии на землю даже в случае постоянного проживания вдали от родины. В то же время лиц, не исполнявших свои фискальные обязательства перед «миром», не обновлявших паспортов и не поддерживавших связей с родной деревней, сход обычно стремился исключить из земельного передела. Утрачивая право пользования наделной землей, общинник соответственно лишался оснований для заявления требований об укреплении ее в собственность¹. Соответствующие указания были даны Министерством внутренних дел уже 7 июля 1907 г.: «Отсутствующие домохозяева, которые не сохранили в своем пользовании наделов, или не получили таковых при последнем общем переделе, приобретают право на укрепление за ними части общинной земли в личную собственность только тогда, когда они вновь будут наделены землею обществом»². Тем же принципом, кстати, руководствовался и Сенат в своем, хорошо известном среди историков, разъяснении от 28 сентября 1910 г. о земельных правах «отсутствующих» общинников, где подтверждалась возможность укрепления ими земли, хотя бы сдаваемой в аренду или передаваемой на иных условиях прочим лицам. Этот документ вовсе не вносил, как принято считать, запоздалые коррективы в порядок укрепления наделных земель, а лишь уточнял отдельные правовые казу-

¹ ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 107. Л. 9 об.

² Сборник узаконений и распоряжений по землеустройству и землевладению крестьян. СПб., 1912. С. 513—514.

сы, вслед за предшествующими толкованиями Сената и МВД. Таким образом, вопрос о земельных правах не проживавших в деревне членов общины в правовом отношении был урегулирован именно на начальном этапе столыпинских земельных преобразований, причем с беспрецедентными уступками в пользу общества (подробнее об этом см.: [5, с. 43—49]).

Если «мир» сохранял землю за проживающими на стороне общинниками, то и закон, который открывал им путь к утверждению собственности на свой надел, можно признать достаточно адекватным и последовательным. Хотя, крестьянство в массе своей считало главным (а часто и единственным) основанием права на землю ее производительное использование. Не составляли исключения и земледельцы, порвавшие с общиной. Так, крестьянин-писатель из Волоколамского уезда С. Т. Семенов, являвшийся убежденным сторонником указа 9 ноября и разделявший его основополагающую идею — о праве личной собственности крестьянина на свой надел, все же не одобрял возможности укрепления сельхозугодий «нехозяйственными крестьянами», когда «ни за что ни про что награждаются люди, ничего не сделавшие для этой земли»¹.

Конечно, мнение крестьян о правомерности тех или иных действий власти отнюдь не всегда совпадало с логикой действующего законодательства. По обоснованной оценке М. Д. Карпачева, общегражданское право оставалось для деревни «чужим, часто даже враждебным» [4, с. 181]. Но в ходе разрешения подобного рода противоречий власти не только соотносили свои действия со сложившейся традицией, но и в значительной степени опирались на нее. Так, при разбирательстве жалоб «отсутствующего» домохозяина на отказ общества вернуть ему надел учитывались условия, на которых земля была передана общине жалобщиком (срок, добровольность и проч.)². Не случайно и указ 9 ноября 1906 г., и последующие нормативно-правовые акты (прежде всего, подзаконные) в урегулировании земельных прав делают акцент именно на «фактическом пользовании», а не на формально-правовых аспектах.

К тому же неверно считать, что возвращение в деревню «отсутствующих» крестьян после указа 9 ноября 1906 г. диктовалось исключительно стремлением заработать на продаже укрепленных участков. В годы столыпинской реформы существовала и другая тенденция — возобновление сельхозпроизводства общинниками, которые прежде оставили его ради посторонних заработков. Упоминания об этом в показаниях местных корреспондентов статистического комитета губернского земства на протяжении предвоенного десятилетия заметно учащались. Причем сельское хозяйство в указанных случаях, как правило, возобновлялось уже не в прежнем виде, а переориентировалось на рыночную конъюнктуру³. Хотя по своим масштабам указанные процессы были, конечно, несопоставимы с ростом долгосрочного отхода и неземледельческой деятельности крестьянского населения.

Стабилизирующее влияние на динамику промысловой миграции оказывало и расширение крупного промышленного производства в уездах и волостях губернии.

---

¹ Семенов С. Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. С. 241.

² Личное крестьянское землевладение в Московской губернии. С. 38.

³ Обзор Московской губернии за 1913 год. С. 19; Статистический ежегодник Московской губернии за 1914 год. М., 1915. Ч. II. С. 12.

По выражению одного из земских статистиков, фабрика как бы сама шла навстречу деревне, находя там «целый кадр готовых рабочих»¹. Соответствующим образом менялось и распределение уходившего на заработки крестьянства по направлениям отхода. Процент показаний об отхожих промыслах внутри своего уезда, в отличие от прочих (в другие уезды, губернии или Москву), систематически рос и за 1910—1913 гг. повысился с 16,1 до 28,4 %. В то же время Москва оставалась главным центром притяжения для промыслового крестьянства (от 56,7 до 66,9 % показаний), хотя ее роль в этом качестве относительно уездов определенно снижалась².

Охватывая все новые и новые районы, крупная машинная промышленность, с одной стороны, вытесняла крестьянское кустарное производство, а с другой — интегрировала его в качестве определенного технологического звена. Значительное сокращение категории отсутствующих хозяйств и общей численности крестьян-отходников при одновременном возрастании долгосрочного отхода указывают на усилившуюся дифференциацию промысловых и земледельческих слоев сельского населения. Значительная часть урбанизированных крестьянских семей, воспользовавшись новым законодательством, ликвидировали формальную принадлежность к прежнему сословию. Тем самым разрешалось давно назревшее противоречие между социальным положением и сословным статусом крестьян, окончательно бросивших сельское хозяйство и переселившихся в места своих промысловых заработков. Неземледельческие промыслы на протяжении всего пореформенного периода продолжали играть ключевую роль в крестьянской экономике Московской губернии. Это объективно обуславливалось, с одной стороны, нараставшим кризисом традиционного сельского хозяйства, с другой — резким расширением спроса на рабочую силу в промышленном производстве, на транспорте и в сфере обслуживания мегаполиса, что в условиях усилившегося взаимодействия сельского населения с городом привело к мощному всплеску промысловой миграции крестьянства. «Посторонние» и местные неземледельческие заработки становились определяющими для благосостояния крестьянской семьи, о чем убедительно свидетельствовало усиление промысловой активности крестьян на фоне явно снижавшегося интереса к аграрному производству. Быстрый рост долгосрочного отхода и ослабление связи отсутствовавших сельских промышленников с деревней, неисполнение ими во многих случаях своих корпоративных обязательств перед оседлыми членами общины подрывали традиционную систему организации крестьянского хозяйства в регионе. Неземледельческий промысел начинал превращаться в самостоятельный и самодостаточный вид экономической деятельности, не предполагавший прежней внутрисемейной кооперации по межотраслевому принципу. Однако сословные ограничения и сохранявшаяся зависимость промыслового крестьянства от своего общества тормозили этот естественный процесс. Столыпинские преобразования во многом способствовали разрешению такого рода противоречий, хотя их запоздалость была более чем очевидной.

---

¹ Статистический ежегодник Московской губернии за 1914 год. Ч. II. С. 12.

² См.: Статистический ежегодник Московской губернии за 1910 год. Ч. II. Разд. II. С. 2 ; Статистический ежегодник Московской губернии за 1911 год. Ч. II. Разд. II. Промыслы и внеземледельческие заработки крестьян Московской губернии в 1910—1911 гг. С. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова С. П. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса / С. П. Антонова. — Москва, 1951.
2. Антонова Н. А. Промышленный центр России 1907—1914 гг. Статистико-экономическое исследование / Н. А. Антонова. — Москва, 1995.
3. Вихляев П. А. Влияние травосеяния на отдельные стороны крестьянского хозяйства. Вып. 9. Население и промыслы травопольного района / П. А. Вихляев. — Москва, 1915.
4. Карпачев М. Д. Правосознание крестьянства накануне и в годы столыпинских аграрных реформ / М. Д. Карпачев // Северо-Запад в аграрной истории России. — Калининград, 2012.
5. Ковалев Д. В. Правовые компромиссы в земельной политике П. А. Столыпина / Д. В. Ковалев // Вопросы истории. — 2018. — № 7.
6. Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Складов. — Ленинград, 1962.
7. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — Москва, 2001.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЯ В ВОРОНЕЖСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ

В статье рассмотрено воздействие сельскохозяйственного просвещения на воронежскую деревню в годы Столыпинской реформы. Анализируется изменение отношения крестьян к аграрным новациям. Рассматриваются динамика численности агрономического персонала, сельскохозяйственных обществ, аграрных школ, роста финансирования аграрно-просветительной деятельности, а также формы распространения рациональных знаний.

Ключевые слова: *сельскохозяйственное просвещение; Столыпинская реформа; агрономический персонал.*

В начале XX в. государственная власть в Российской империи провозгласила курс на модернизацию сельскохозяйственного производства, технически и технологически не соответствовавшего запросам индустриального общества. Для характеристики сельского хозяйства Центральной России в литературе того времени использовался термин «оскудение», что означало депрессивное состояние помещичьего и крестьянского хозяйства, требовавшего срочных перемен [1, с. 129—130]. Правительство было обеспокоено не только низким уровнем развития аграрного сектора, но и негативной реакцией сельского населения на натиск промышленной цивилизации. Члены воронежских губернских и уездных земских собраний констатировали, что «воронежское крестьянство фактически несло на своих плечах тяжкий груз промышленной и транспортной модернизации России» [2, с. 184]. В конце XIX — начале XX в. обеспокоенность вызывали крестьянские выступления, цели которых можно сформулировать следующим образом: «Земля и право свободного хозяйствования на ней» [4, с. 85—86]. По замыслу П. А. Столыпина, улучшение ситуации в деревне должно было урегулировать аграрный вопрос и снять социальное напряжение.

Задачи модернизации нельзя было решить в условиях крестьянского традиционного типа мышления. Важнейшим направлением Столыпинской реформы, с помощью которого планировалось внедрить в крестьянскую среду новые способы хозяйствования, стало распространение научно-аграрных знаний. Оно должно было изменить менталитет земледельцев. Столыпинское переустройство было нацелено на крепкого трезвого крестьянина, энергичного и смелого. Однако быстрое внедрение новаций было

---

¹ Книга Марина Давидовна, доктор исторических наук, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, marinakniga@mail.ru, Россия, г. Воронеж.

невозможно из-за малограмотности и приверженности архаичным традициям сельского населения. Основными организаторами аграрно-просветительной деятельности стали правительственные структуры, земства и общества сельского хозяйства.

В Воронежской губернии переход на научные принципы хозяйствования поддерживали, прежде всего, практики сельского хозяйства. Об этом говорил правительственный агроном Воронежской губернии К. К. Фохт. Сравнивая урожайность в России (40—50 пуд. зерна) и за рубежом (120—150 пуд.), он утверждал, что «все зло заключается в том, что крестьянин не умеет или не может обработать землю так, как требуется»¹.

С началом реформ неторопливое течение сельской жизни было нарушено, в воронежскую деревню приехали агрономы и другие специалисты сельского хозяйства. Новые лица были встречены населением без энтузиазма, более того, как отмечал агроном Нижнедевицкого района И. Е. Дмитренко, «хозяев, вошедших в сношение с агрономом, считают продавшимися казне»². Все предлагаемые нововведения крестьяне встречали с сомнением и недоверием. Консервативный менталитет сельского населения отвергал рискованные эксперименты, не дающие гарантированного успеха и грозящие потерями заработанного тяжким, надрывным трудом. Когда агроном предложил новым собственникам организовать показательное хозяйство и прокатный пункт, ни один из 100 человек не согласился. Однако уже осенью 1911 г., увидев результаты правильного хозяйствования, 35 единоличников предложили в следующем году создать в своих хозяйствах показательные участки³.

Показательные поля и участки оказались эффективным способом донести до непосредственного производителя мысль о необходимости перехода к рациональному земледелию. В Валуйском уезде в 1909 г. показательный участок крестьянина У. Чурая (с. Казначеевка Валуйского уезда) с использованием органического удобрения дал урожай 141 пуд. 10 фунт., а контрольная делянка — всего 51 пуд. 30 фунт. На хуторе Яковка этого же уезда крестьянин И. Лебедев, используя золу, собрал 167 пуд. пшеницы с десятины, обычное поле дало 76 пуд. Внедрив ранний пар и внося суперфосфат, хорошие результаты получили земледельцы А. Посохов, В. Павлюков, И. Болдырев, Ф. Колубелов⁴.

По сообщениям Департамента земледелия в 1909 г., крестьянам успешно демонстрировали способы очистки и сортировки семян, машинный рядовой посев, технологии посева кормовых растений, способы ведения лугопастбищного хозяйства, техническую переработку плодов и овощей, применение удобрений⁵.

Крестьяне, вышедшие из общины, были заинтересованы в получении новых знаний, ибо главной их целью было увеличение доходности своих хозяйств. Если вна-

---

¹ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. Период II. 1908—1910 г. Воронеж, 1910. С. 67.

² Отчет о деятельности правительственной агрономической организации при землеустройстве в Воронежской губернии за 1911 год. Воронеж, 1912. С. 131.

³ Там же. С. 27.

⁴ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-21. Оп. 1. Д. 1682. Л. 66—67.

⁵ Ежегодник Главного управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. 1909. Год третий. СПб., 1910. С. LI.

чале земледельцы опасались использовать рекомендации агрономов, то постепенно их настроение менялось, о чем свидетельствуют отчеты агрономического персонала о ситуации в уездах. По словам старшего правительственного инструктора по полеводству в Воронежской губернии С. Л. Сурмилова, в Землянском уезде после демонстрации на показательных участках новых технологий «население поняло, что более совершенная обработка земли плугами, апрельский или майский взмет пара, содержание такого пара в рыхлом и чистом от сорных трав состоянии в течение всего лета до озимого посева, посев лучшими отсортированными семенами при помощи рядовых сеялок и проч. приносят громадную пользу и значительно увеличивают урожай... Благодаря удачному посеву яровых хлебов на показательных полях рядовыми сеялками многие соседние крестьяне начали в большом размере готовить свои паровые поля к предстоящему озимому посеву»¹.

В Богучарском уезде успехи хозяев показательных участков были настолько убедительны, что собственники стали советовать «отрубщикам и хуторянам, если они еще хозяйствуют по старинке, переходить скорее к четырехполью, и они получат благие урожаи»².

Беседы со специалистами помогали крестьянам повысить эффективность хозяйствования. Агрономы Р. Ф. Вагнер, А. М. Черненко, правительственный инструктор по полеводству И. Ф. Переплетчиков подобрали среди грамотных хуторян и отрубников слободы Калач 38 человек и в ноябре 1912 г. пригласили их на сельскохозяйственные курсы³. «Молчаливые, недоверчивые и плохо понимающие при начале занятий, слушатели с каждым днем оживлялись», причем наибольший интерес проявили земледельцы 25—40 лет⁴. Агроном при землеустройстве в Богучарском уезде Р. Ф. Вагнер сообщал, что крестьяне постепенно утрачивают недоверие к беседам на сельскохозяйственные темы. И если вначале они приходили на такие встречи из любопытства («авось и научусь чему хорошему, полезному»⁵), то в дальнейшем стали задумываться о практическом использовании полученной информации.

Просветительскую деятельность среди крестьянского населения осуществлял агрономический персонал. В 1913 г. в губернии работало 67 агрономов, 19 специалистов и инструкторов, 33 старосты и практиканта. На одного агронома приходилось 433 единоличных хозяйства, 90 тыс. десятин⁶. С течением времени все большую часть аграрно-просветительской работы брали на себя общественные структуры.

---

¹ Отчет о деятельности правительственной агрономической организации при землеустройстве в Воронежской губернии за 1911 год. С. 66.

² Письмо крестьянина-отрубщика // Вестник Богучарского общества сельского хозяйства. 1915. № 12—13. С. 23—24.

³ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. С. 97.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Там же. С. 303.

⁶ Агрономическая помощь в районах землеустройства за 1913 год / сост. Н. М. Губский. Петроград, 1915. С. 244.

В 1915 г. числилось 163 аграрных специалиста, из них труд 15 оплачивался на правительственные средства, а 148 — на общественные. В это количество включены инспекторы сельского хозяйства, правительственные агрономы, агрономы землеустроительных комиссий, сельскохозяйственные старосты, отраслевые специалисты, инструкторы, заведующие сельскохозяйственными складами, заведующие опытными и показательными учреждениями¹. Это стало возможным благодаря существенному увеличению финансирования. Так, земские расходы на экономические и сельскохозяйственные мероприятия в Воронежской губернии в 1910 г. по сравнению с 1899 г. увеличились в 9,2 раза².

Если до начала массовой аграрно-просветительской деятельности земледелец оставался один на один со своими проблемами, то теперь он мог обратиться за консультацией к специалистам. Крестьян интересовали вопросы: где купить хорошие семена? Как обрабатывать землю под овес? Почему у нас родится плохой хлеб? Как выращивать клубнику? Где купить саженцы? На страницах изданий ответы давали губернский агроном К. Фохт, инструктор по садоводству В. Г. Цешевский и другие специалисты³.

В Воронежской губернии агрономы и сельскохозяйственные старосты проживали в местах оказания помощи и строили свою работу следующим образом: зимой — организация чтений и бесед для крестьян, весной — раздача семян и наблюдение за посевом и обработкой полей, летом — консультации по обработке паровых полей, осенью — учет урожая и посева озимых⁴. Первоначально основное внимание они уделяли выделившимся на хутора и отруба, но логика событий заставила вовлечь в круг получателей научной информации и общинников. Причем если правительственные специалисты поначалу ориентировались на помощь только единоличникам, то земские деятели сразу стали консультировать всех желающих независимо от формы собственности. В арсенале агрономов имелся целый комплекс мероприятий, направленных на ознакомление крестьян с новыми способами земледелия и животноводства: сельскохозяйственные курсы, показательные кормления животных, выставки, экскурсии, индивидуальные консультации.

При Воронежской земской управе в 1909 г. под руководством помощника губернского агронома был создан музей наглядных пособий для проведения сельскохозяйственных чтений. В музее имелись демонстрационные материалы: плакаты, картины, коллекции. Они использовались для организации курсов, консультаций,

---

¹ Местный агрономический персонал, состоявший на правительственной и общественной службе 1 января 1915 г. : Справочник / под ред. В. Н. Штейна. Петроград, 1915. С. 556—557.

² Расчет по данным: Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1910 год) : Отт. ч. 1 (Общего обзора) / сост. под ред. В. В. Морачевского. СПб., 1912. Вып. 12. С. 10.

³ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. С. 61—198.

⁴ Очерки истории населенных мест Воронежской губернии : сб. мат. по изданиям разных лет / М. И. Котобеевский. Воронеж, 2002. Вып. 4: Отчет о деятельности агронома при землеустройстве Коротоякского уезда Воронежской губернии С. 295.

экскурсий. Экспонатами активно пользовались правительственные специалисты, уездные земцы, общества сельского хозяйства. Среди активных пользователей, например, общество сельского хозяйства села Давыдовка Коротоякского уезда, которое организовывало лекции для крестьян¹.

Следует отметить, что научные общества успешно проводили агропропаганду, их количество в годы Столыпинской реформы существенно увеличилось: в 1915 г. по сравнению с 1911 г. в 2,4 раза. В 1910 г. на одно сельскохозяйственное общество в Воронежской губернии приходилось 88,5 тыс. жителей, для сравнения — в каждой из губерний Европейской России в среднем приходилось 43,6 тыс. Научные рекомендации применительно к воронежскому региону разрабатывали опытные учреждения, к 1 января 1915 г. насчитывалось семь подобных учреждений².

Активно действовали отделы Российского общества козоводства: распространяли научную литературу, организовывали случные пункты, проводили демонстрационные мероприятия. Воронежский и Коротоякский отделы Императорского Российского общества птицеводства и Воронежское губернское общество сельскохозяйственного птицеводства постоянно наблюдали за состоянием этой отрасли в губернии [5, с. 184—185].

Преобразования были рассчитаны на длительный период и не могли кардинально изменить ситуацию в короткие сроки. Несмотря на массовую пропагандистскую работу и определенные позитивные изменения, ситуация в деревне менялась медленно. В силу природно-климатических условий урожаи не были стабильны. Даже небольшое уменьшение урожайности могло привести к голоду, что и произошло в 1911 г., когда урожайность в России снизилась до 5,8 ц с га, в то время как в 1907-м она была 6,2 ц; в 1908-м — 6,4 ц; в 1909-м — 8,3 ц; в 1910-м — 7,6 ц [6, с. 72]. В Воронежской губернии в 1910 г. урожайность самой распространенной культуры — ржи — составила сам-5,1, в то время как в период 1888—1900 гг. урожайность ржи составляла в среднем сам-7 [6, с. 83].

В сельскохозяйственных обзорах воронежского земства констатировалось, что низкий уровень продовольственного потребления был обычным состоянием деревни: «...если даже в годы нормальных урожаев у большинства земледельческого населения Воронежской губернии едва хватает своего хлеба на продовольствие, а некоторая часть крестьянских хозяйств из года в год прикупает хлеб за наличные средства, так как не в состоянии прокормиться в своих ограниченных душевых наделах земли, то нет ничего удивительного в том, что при неудовлетворительном урожае... очень многие успели съесть свой хлеб еще в осенние месяцы, а зимой очутились перед лицом полной и настоящей продовольственной нужды»³.

---

¹ Журнал Воронежского губернского земского собрания очередной сессии 1913 года (16—17 декабря и 16—29 января 1914 года). Воронеж, 1914. С. 569.

² Расчет по данным: Список сельскохозяйственных опытных и контрольных учреждений к 1 января 1915 года. Петроград, 1915. С. 3, 22.

³ Сельскохозяйственный обзор по Воронежской губернии. С. 35.

Кропотливая работа по распространению аграрно-научных знаний постепенно давала свои плоды. Вместе с тем наступление рационального мировоззрения имело не только положительные, но и отрицательные последствия. Утрата традиционных ценностей несла с собой разрушение старого патриархального сельского быта. Как следствие — усиление социальных конфликтов между богатеющими и беднеющими односельчанами. По мнению С. А. Козлова, «явно уступавший свои доминировавшие позиции Обычай перешел в контрнаступление, что наглядно проявилось в резком обострении борьбы «слабых» и «сильных» крестьян» [3, с. 288]. Настроения уравнительности и неуважения к частной собственности тормозили движение в сторону рыночных отношений.

В контексте динамики аграрного производства результаты сельскохозяйственного просвещения имели положительных эффектов больше, чем отрицательных. Стали использоваться удобрения, новые культуры, правильный севооборот. А. В. Чаянов в 1914 г. писал о «возрождении села», подчеркивая вклад земств и кооперативов в аграрно-просветительское движение. «Крестьянская Россия сдвинулась с мертвой точки векового застоя, голодовок и темноты народной», — утверждал ученый [7, с. 2—3].

Одним из результатов массового аграрного просвещения стало изменение менталитета воронежских земледельцев в сторону не только использования рациональных методов, но и одобрения индивидуального землепользования и права частной собственности. В 1911 г. из общины выделилось 838 хозяйств, в 1912-м — 7264, в 1913-м — 11 702, в 1914-м — 18 635¹. К 1 мая 1915 г. стали собственниками 76 919 домохозяев, заявили о своем желании укрепить землю в частную собственность 113 941 человек². В 1907—1913 гг. урожайность ржи у собственников была на 15 % больше, озимой пшеницы — на 80 %, яровой пшеницы — на 11 %, овса — на 5 %, ячменя — на 8 %³. Урожайность ржи в Воронежской губернии в 1910—1915 гг. по сравнению с периодом 1883—1900 гг. возросла на 2 %, ячменя — на 14 %, пшеницы — на 18 %, овса — на 44 % (расчет по данным: [6, с. 82]), причем в 1910—1913 гг. у частных владельцев в целом сбор зерновых был приблизительно на 30 % больше⁴. Изменилась структура посевов. Если до реформы воронежские крестьяне в основном выращивали рожь, то в период аграрной реформы увеличена площадь под пшеницу: с 284 тыс. га в 1883 г. до 570 тыс. га в 1915 г., т. е. в два раза (расчет по данным: [6, с. 82]).

В череде сельскохозяйственных лет в целом по России 1909, 1910, 1913, 1915 гг. были урожайными [6, с. 125], что сказалось на развитии объемов торговли зерновыми. Рынок все больше оказывал влияние на крестьянское хозяйство. В Воронежской

---

¹ Отчет о деятельности агрономических организаций Воронежской губернии за 1912—1913 гг. [б. м. : б. г.] С. 3.

² Россия. 1913 год: Статистико-документальный справочник / ред.-сост. А. М. Анфимов, А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 65.

³ Обзор Воронежской губернии за 1907 г. Воронеж, 1908. С. 14; Обзор Воронежской губернии за 1908 г. Воронеж, 1909. С. 14; Обзор Воронежской губернии за 1913 год. Воронеж, 1914. С. 13.

⁴ Сельскохозяйственный обзор по Воронеж. губ. за 1910—1913 г. Воронеж, 1916. С. 8.

губернии активизировались крестьянское предпринимательство и инициатива, увеличилась товарность зернового производства [1, с. 133], что также можно считать результатом активной агропропаганды.

Шагом вперед стало крестьянское образование. К осени 1914 г. в губернии насчитывалось 10 низших и средних учебных заведений аграрного профиля¹. В 1912 г. начал свою работу Воронежский сельскохозяйственный институт.

Существовала еще одна проблема, которую решали реформаторы. Они небезосновательно полагали, что улучшение ситуации в аграрном секторе даст толчок индустриальному развитию. Индустриальное развитие в ответ должно было способствовать повышению эффективности приватизированных крестьянских хозяйств. В Воронежской губернии период Столыпинской реформы отмечен более оптимистическими аграрными показателями, нежели предыдущий [1]. В тому же земства, научные общества приобрели опыт взаимодействия с властью и между собой. За всеми социально-экономическими достижениями стоял кропотливый труд организаторов сельскохозяйственного просвещения в Воронежской губернии: К. К. Фохта (губернский агроном), Ю. Е. Макаренко (помощник губернского агронома), В. И. Равевского (член управы и заведующий экономическим отделом губернского земства), Н. Н. Марфина (инспектор сельского хозяйства по Воронежской губернии), С. К. Чайнова (заведующий опытным полем).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпачев М. Д.* Воронежская деревня накануне революции 1917 года: к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики / М. Д. Карпачев // Известия ВГПУ. — 2017. — № 2 (275). — С. 129—135.
2. *Карпачев М. Д.* Воронежское земство и аграрные реформы начала XX века / М. Д. Карпачев // Северо-Запад в аграрной истории России. — 2016. — № 22. — С. 182—203.
3. *Козлов С. А.* Российские ученые-аграрники XIX — начала XX в.: Историко-биографические очерки / С. А. Козлов. — Москва, 2019.
4. *Кондрашин В. В.* Крестьянская революция в России. 1902—1922 гг. Научный проект и научная концепция (предварительные заметки) / В. В. Кондрашин // Уральский исторический вестник. — 2008. — № 2 (19). — С. 85—89.
5. *Пыльцина М. В.* История сельскохозяйственных обществ Воронежской губернии и их влияния на производственную культуру крестьян (конец XVIII — начало XX в.) / М. В. Пыльцина, В. Н. Плаксин. — Воронеж, 2007.
6. *Растянкин В. Г.* Урожайность хлебов в России. 1795—2007 / В. Г. Растянкин, И. В. Дерюгина. — Москва, 2009.
7. *Чаянов А. В.* Война и крестьянское хозяйство / А. В. Чаянов. — Москва, 1914.

---

¹ Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям. Вып. 4. Сведения к 1 января 1915 года. Петроград, 1915. Табл. 1. С. 2—72.

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ
КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
В НАЧАЛЕ XX В.**

В статье рассмотрена деятельность сельскохозяйственной кредитной кооперации на Кубани в начале прошлого столетия. Дана характеристика основным финансовым операциям кооперативов и показана их роль в хозяйственной жизни кубанского казачества.

Ключевые слова: кубанское казачество; сельская кредитная кооперация; ссудо-сберегательное товарищество; кредитное товарищество; ссудные операции; вкладные операции.

На современном этапе в казачьих регионах страны большое внимание уделяется вопросам формирования экономической базы казачьих обществ и предпринимательской деятельности казачества, происходит возрождение сельскохозяйственной потребительской кооперации в казачьей среде. В связи с этим актуальной становится проблема внедрения огромного исторического опыта использования казачеством преимуществ сельскохозяйственной кредитной кооперации.

В возникновении кооперативного движения в среде казачества на рубеже XIX—XX вв. немаловажную роль играли общинные традиции, благодаря которым кооперативные товарищества имели наиболее подготовленную почву именно в станицах. Общинников объединяли производственные интересы, коллективная ответственность перед государством за налоги, правосудие, взаимопомощь. Станичный сход, в котором участвовали и имели право голоса все домохозяева, решал все хозяйственные вопросы. Казачьей общине были присущи черты, необходимые для успеха кооперации, — самодеятельность, самоуправление, круговая ответственность по обязательствам. Кооперативы же унаследовали от общины скорее не организационные формы, а дух и традиции коллективизма, совместного труда и потребления.

Несмотря на глубокие исторические традиции, весьма благоприятные для кооперативной деятельности (помимо общины, привычка к совместной форме труда, разделу прибылей и т. п.), кооперация могла укрепиться только тогда, когда для нее создались необходимые социально-экономические предпосылки — развитые товарно-денежные отношения.

---

¹ Сидоренко Таисия Николаевна, кандидат исторических наук, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Taisianik@yandex.ru, Россия, г. Краснодар.

С начала XX в. наблюдается бурное развитие кооперации в казачьей среде. Оно было подготовлено расширением и углублением товарно-денежных отношений, ростом цен на сельскохозяйственную продукцию.

Прогрессирующий рост цен на землю, связанный, прежде всего, с мощным приливом на Кубань пришлых крестьян, распашка новых земель, относительно высокий уровень спроса на рабочую силу способствовали росту заинтересованности сельских производителей в кредите. Успех ведения земледельческого хозяйства мелкими производителями при переходе к рыночным отношениям зависел от двух важных факторов: наличия оборотного капитала и совершенной техники (последнее находилось в зависимости от первого). Следовательно, в деле улучшения сельского хозяйства жизненно необходимой являлась организация дешевого и доступного кредита. Крупный банковский кредит был недоступен мелким землевладельцам, а ростовщичьи кредиторы брали по 30—80 % годовых от выдаваемой заемщику ссуды, что только подрывало сельское хозяйство¹. С целью удовлетворения потребности населения в кредите в области открывались учреждения мелкого кредита различных типов.

Первыми попытками освободиться от засилья ростовщиков можно считать появление на Кубани такого рода сословных кредитных учреждений, как общественные ссудные кассы для казачества и ссудо-сберегательные кассы для чиновников. Они возникли в середине 1870-х гг.² Общественные ссудные кассы организовывались по общественному станичному приговору с целью предоставления жителям станиц мелких денежных ссуд (не более 50 руб.) на хозяйственные и другие нужды на менее обременительных условиях, чем у частных лиц. Основным капитал ссудных касс образовывался на основе не кооперативного, а общественного капитала. Деньги выдавались из станичных общественных сумм, а в бедных станицах — из войскового капитала, предоставляемого кассам без процентов³. Однако в связи с тем, что доходы станичных обществ были нестабильны и незначительны, ссудные кассы не имели достаточных возможностей для удовлетворения нужд казачества в денежных ссудах. Сословные учреждения мелкого кредита не получили на Кубани дальнейшего развития: в 1908 г. в области имелись всего две общественные ссудо-сберегательные кассы, деятельность которых была малозаметна⁴.

В Ставропольской губернии, в отличие, например, от Кубанской области, в начале века широко были распространены сельские банки и ссудо-сберегательные общественные кассы, развитие которых явилось сдерживающим фактором в росте кредитных и ссудо-сберегательных кооперативов в этой губернии [5, с. 53]. На Кубани, напротив, широкое развитие получили всесословные кредитные кооперативы (ссу-

---

¹ Отчет о съезде представителей учреждений мелкого кредита Кубанской области в г. Екатеринодаре с 20 по 23 ноября 1906 г. Екатеринодар, 1907. С. 67—68.

² Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 7. Д. 464. Л. 2—4; Д. 347. Л. 1—3; Д. 2182. Л. 27.

³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2071. Л. 1, 14; Ф. 454. Оп. 7. Д. 464. Л. 2, 4.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 582. Оп. 4. Д. 13155. Л. 49; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 25. Д. 1373. Л. 3.

до-сберегательные и кредитные товарищества). За нежелательность распространения в области сословных ссудо-сберегательных касс единогласно высказался первый съезд представителей учреждений мелкого кредита Кубанской области¹.

Изданное в 1895 г. «Положение об учреждении мелкого кредита» в некоторой степени унифицировало систему этого кредита в России и открыло новые возможности для развития кооперативных кредитных организаций. Указанное положение установило три основных типа учреждений мелкого кредита в России: ссудо-сберегательные товарищества и кассы (кооперативные учреждения с паевыми взносами их членов), сельские и станичные банки и кассы (сословные учреждения с капиталом сельских и станичных обществ) и совершенно новый тип кооперативных организаций — кредитные товарищества. Последние образовывали свой основной капитал с помощью ссуд Государственного банка, в то время как ссудо-сберегательные товарищества могли обращаться к денежной помощи банка только при наличии своего собственного паевого капитала. Со стороны Государственного банка устанавливались непосредственное руководство и контроль над деятельностью кредитных товариществ, чего не имели ссудо-сберегательные товарищества.

Становление кубанской кредитной кооперации связано с возникновением и развитием ссудо-сберегательных товариществ. Первое такого типа товарищество было создано в станице Тихорецкой в 1894 г., и до 1903 г. в области действовали исключительно ссудо-сберегательные товарищества. Но рост количества ссудо-сберегательных товариществ был еще невысок — к 1 января 1905 г. их было только 19. Весьма существенной причиной в деле сдерживания роста и развития указанных товариществ в начальный период их деятельности служил большой пай (50—100 руб.), ограничивающий доступ в товарищества значительной массе крестьянства и казачества. Лишь в сентябре 1905 г. утверждены были новые уставы ссудо-сберегательных товариществ, установившие пониженные паевые взносы (минимально до 10 руб.) и допускавшие их рассрочку. Это, безусловно, способствовало дальнейшему росту числа товариществ и членов в них.

Первое кредитное товарищество было образовано еще в 1903 г. в станице Приморско-Ахтарской, а в 1906 г. их было уже 25. Они объединяли более 7,5 тыс. членов. Возникнув позднее, чем ссудо-сберегательные, кредитные товарищества в дальнейшем росли значительно быстрее².

Быстрый рост числа кредитных товариществ объясняется тем, что такие товарищества создать было легче, т. к. при их открытии не требовалось внесения пая из личных средств: государство ссуживало товариществам от 1—3 тыс. руб. в основной капитал за небольшой годовой процент (5—6 %). К тому же, как отметил исследователь русской кооперации С. Н. Прокопович, нужда в деньгах была настолько велика, что население склонно было видеть в кредитных кооперативах больше ссудные, а не сберегательные учреждения [3, с. 192]. По числу членов кредитные товарищества в первые годы своего существования значительно уступали ссудо-сберегатель-

---

¹ Отчет о съезде представителей учреждений мелкого кредита Кубанской области в г. Екатеринодаре с 20 по 23 ноября 1906 г. С. 15.

² Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и некоторых иностранных государств. Год 5-й. СПб., 1912. С. 512—517; Год 9-й. Пг., 1916. С. 556—563.

ным. На 1 января 1907 г. в среднем на кредитное товарищество приходилось 306 человек, а на ссудо-сберегательное — 906. Такая разница была результатом быстрого увеличения числа новых кредитных товариществ в области¹. Но уже к 1908 г. кредитные товарищества превзошли ссудо-сберегательные не только по количеству, но и по общей численности членов в них.

В целом к концу 1914 г. кубанская кредитная кооперация насчитывала 255 учреждений, объединивших более 200 тыс. самостоятельных хозяев. С ростом числа членов происходило увеличение средств кооперативов. Балансовые средства всех кредитных кооперативов за предвоенное десятилетие возросли с 1 млн 428,5 тыс. (на 1 января 1905 г.) до 28 млн 106 тыс. руб. (на 1 января 1915 г.), т. е. более чем в 19,5 раза. По темпам роста и по численности членов кредитные кооперативы Кубани вышли на одно их первых мест среди областей и губерний всего Северного Кавказа, а по экономической мощи стояли на первом месте².

Главной причиной быстрого роста кредитной кооперации и укрепления ее материально-финансовой базы были, несомненно, социально-экономические потребности капиталистического аграрного сектора экономики области. Потребность в организационном кредите в народной среде была столь сильна и так обострилась под воздействием переустройства крестьянского хозяйства, что созидательная работа во имя этой цели не могла не принять широкий масштаб. В результате обширного кооперативного движения в области в кредитную кооперацию по состоянию на 1913 г. было вовлечено 46 % общего числа самостоятельных домохозяев края³.

Следует отметить, что именно в казачьих районах края кооперирование получило более интенсивное и всестороннее развитие. Причиной бурного развития кредитной кооперации на Кубани было то, что личная земельная собственность была здесь естественной и укоренившейся формой землевладения. Процессы освобождения от натуральных форм и перехода к денежному хозяйству шли интенсивнее и быстрее; реформы и экономические новшества прививались лучше, а потому условия для производительного кредита являлись более подходящими.

Другая особенность кубанской кредитной кооперации заключалась в том, что сама ее деятельность была направлена главным образом на развитие аграрного сектора экономики (выдача ссуд на хозяйственные нужды, сбытоснабженческие операции и т. п.). Кроме того, кредитные кооперативы области брали на себя функции по оказанию агрономической помощи населению края, что не свойственно было кооперативам других регионов страны.

Основную массу членов кредитных кооперативов Кубани составляли казаки. Наиболее значительной группой в кооперативах были зажиточные представители казачества — по своему удельному весу они превосходили средние слои приблизительно в шесть раз, а бедные — в десять раз.

---

¹ Труды второго съезда представителей учреждений мелкого кредита Кубанской области с 19 по 24 октября 1908 г. в г. Екатеринодаре. Екатеринодар, 1909. С. 74.

² Балансы кредитных и ссудо-сберегательных товариществ на 1 января 1914 г. // Вестник мелкого кредита. 1914. № 25. С. 1026.

³ Вестник мелкого кредита. 1914. № 6. С. 218—224.

В среде казачества широкое распространение получили ссудо-сберегательные товарищества, для создания которых требовалось образование собственного паевого капитала, кроме того, для таких товариществ была характерна выплата высокого процента на внесенный пай. Кредитные товарищества, которые характеризовались отсутствием паевых взносов, а их оборотный капитал формировался за счет средств, полученных из Госбанка, — действовали в районах области с менее зажиточным населением, т. е. там, где проживали преимущественно иногородние.

Территориальное распределение кредитных и ссудо-сберегательных товариществ Кубанской области определялось уровнем хозяйственного благосостояния большинства местного населения. Поэтому не случайно, что в наиболее зажиточных «казачьих» отделах области с прогрессирующим хозяйственно населением (Ейский, Кавказский, Темрюкский отделы) в 1910 г. было сосредоточено более 2/3 всех ссудо-сберегательных товариществ края и только менее 1/3 кредитных.

В начальный период деятельности из 20 существовавших в 1905 г. товариществ 14 располагались в Ейском отделе, в то же время в Майкопском отделе они вообще отсутствовали¹. Такое преобладание ссудо-сберегательных товариществ в указанных районах понятно. Они открывались более зажиточными хозяевами, поскольку накопление денег влекло за собою необходимость вложения их в дело на выгодной основе.

Организаторы первых ссудо-сберегательных товариществ старались привлечь в число членов-учредителей в первую очередь лиц более или менее состоятельных, в основном из казаков, а также из мещан, купцов, священников и др. [6]. Для зажиточного хозяина были выгоднее ссудо-сберегательные товарищества не только возможностью получить дивиденды на пай (от 5 до 10 % годовых), но и тем, что эти товарищества с первых лет существования кроме ссудных операций брали на себя посредничество как по покупке сельхозорудий для своих членов, так и по сбыту их сельскохозяйственной продукции. Кредитным товариществам изначально это было не под силу, так как средств у них было меньше, а по уставу требовалось, чтобы посредничество велось на особо выделенный для того капитал.

Что касается социального состава кредитных товариществ области, то основную их массу составляли среднезажиточные земледельцы, как и в целом по России. По подсчетам И. В. Просяновой, в 1912 г. процент хозяйств наиболее зажиточных (по количеству рабочего скота и по размерам засеваемой площади) в Предкавказье, а это и Кубань, был почти в три раза выше, чем в среднем по России [4, с. 118—121]. В ссудо-сберегательных товариществах зажиточные элементы играли еще большую роль, чем в кредитных, и создавались они преимущественно в наиболее зажиточных станицах области.

По мере увеличения числа кредитных кооперативов и роста их численного состава шло расширение главных видов деятельности товариществ. Рост оборотных средств кооперации был связан, прежде всего, с развитием ее основных операций — вкладной и ссудной.

Одной из важных задач товариществ было привлечение свободных средств для образования необходимых оборотных капиталов путем займов и вкладов. Доволь-

---

¹ Отчет о состоянии кредитных и ссудо-сберегательных товариществ по данным на 1 января 1906 и 1907 гг. СПб., 1908. С. 40—42.

но большой процент, выдававшийся по вкладам (5—8 %), привлекал в товарищества денежные излишки не только членов кооперативов, но и лиц, к ним не принадлежащих. Так, сумма вкладов ссудо-сберегательных товариществ только за 5 лет (1904—1908 гг.) увеличилась с 452 тыс. руб. до 1860 тыс. руб., т. е. в четыре раза, в кредитных же за 3 года (1906—1908 гг.) — с 25 тыс. руб. до 497 тыс. рублей, т. е. почти в 20 раз¹. Доля вкладов в общих балансовых средствах всех кредитных кооперативов области постепенно возрастала: в 1908 г. она составляла 57 %, в 1910 г. — 61 %².

В последующие предвоенные годы вкладная операция кубанских кредитных кооперативов развивалась довольно успешно, особенно в сравнении с государственными сберегательными кассами. В Кубанской области, как и в ряде других губерний юго-востока России, средства, мобилизованные кредитной кооперацией, превышали вклады сберегательных касс [1, с. 167].

Успешность вкладных операций являлась наиболее верным показателем жизнеспособности кредитных кооперативов. Анализ указанных операций показал, что товарищества пользовались весьма значительным доверием среди той части сельского населения, которая в большинстве случаев отдавала свои капиталы не только из близкого знакомства с чисто деловой стороной товариществ, сколько из доверия к общему характеру этих учреждений и к лицам, стоящим во главе их.

Вклады, как известно, являлись не единственным источником формирования оборотного капитала кооперативов. Менее крупным источником пополнения средств, чем вклады, являлись займы. Важную роль играли заемные средства из Госбанка, который являлся и источником для создания первоначального капитала при создании кредитных товариществ. В ссудо-сберегательных товариществах главным источником займов являлись свободные средства частных лиц и учреждений. Средства кредитных кооперативов, занятые из правительственных источников, в 1908 г. составляли около 7 % оборотных средств. 67 % средств кредитных кооперативов были представлены вкладами и займами от частных лиц и других учреждений³. Постоянное возрастание займов свидетельствовало о том, что кредитные кооперативы стали пользоваться доверием лиц, обладающих более или менее значительными капиталами, и в большинстве случаев относящихся к кредитоспособности товариществ строже вкладчиков и оценивающих ее с чисто коммерческой стороны.

В целом к началу Первой мировой войны мобилизованные путем займов и вкладов и включенные в оборот кубанскими кредитными кооперативами денежные средства превышали 17,3 млн руб., что составляло более 68 % пассива баланса. Естественно, увеличение оборотных средств товариществ способствовало более эффективному выполнению ими своих основных функций, ведущей из которых была выдача ссуд.

К началу 1908 г. расходы на ведение ссудной операции всех кредитных кооперативов Кубани составляли почти 90 % всех их балансовых средств. В предвоенные годы

---

¹ Труды второго съезда представителей учреждений мелкого кредита Кубанской области с 19 по 24 октября 1908 г. в г. Екатеринодаре. С. 70—71.

² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 25. Д. 4671. Л. 29.

³ Там же. Ф. 400. Оп. 25. Д. 4671. Л. 113—115.

удельный вес этих расходов при продолжающемся абсолютном увеличении несколько сократился (до 85 %), что объяснялось ростом посреднических операций, отвлекавших все большую часть средств товариществ.

Согласно уставам кредитных кооперативов, максимальный размер кредита по личному доверию и поручительству был определен в 300 руб. и доходил до 1 тыс. руб. при обеспечении залогом сельскохозяйственных орудий или продуктов. На практике такой кредит был установлен даже в меньшем размере: 200/500, 200/1000 руб. Наивысший процент, взимаемый по ссудам, составлял 12 % годовых, но по мере развития товариществ области, роста их оборотных средств этот процент понижался до 9—10¹. Средний размер ссуд, как и взимаемый процент, находился в известном соответствии с финансовыми условиями кредитных организаций и с хозяйственными запросами и возможностями их участников. Более распространенный размер фактически выдаваемых на год ссуд, по данным за 1912 г., в кредитных товариществах Предкавказья был до 50 руб. (столько, например, стоили две рабочие лошади), в ссудо-сберегательных — от 100 до 300 руб. (на эти деньги можно было приобрести, в частности, более двух десятин земли)². Невысокий в целом уровень фактически открывавшихся кредитов кредитными товариществами обуславливался как нехваткой оборотных средств в них, так и тем, что прирост новых членов был выше темпа прироста мобилизованных кооперативами средств.

По экономическому благосостоянию члены кредитных товариществ в 1,5—2 раза уступали членам ссудо-сберегательных товариществ, поэтому запросы и кредитоспособность их были ниже, следовательно, и размер взятых ими ссуд был меньше. Необходимо добавить, что многие товарищества шли навстречу нуждающимся хозяйствам, которые были не в состоянии взять крупную ссуду для приобретения усовершенствованного инвентаря. К их услугам при товариществах организовывались прокатные пункты, где каждый нуждающийся член товарищества за небольшую плату мог воспользоваться различными сельскохозяйственными орудиями³.

Важным показателем конкретной помощи, оказываемой сельским производителям кредитными кооперативами, является целевое назначение ссуд. На что же шли ссуды, и каково было их значение в хозяйственной жизни казаков и крестьян? На нужды производственного назначения (аренду земли, покупку скота, земли, сельскохозяйственных орудий, семян, наем рабочей силы и т. п.), по данным только о кредитных товариществах области за 1910—1911 гг., было взято около 79 % всех ссуд в 1910 г. и 76 % — в 1911 г. На потребительские нужды (уплата долгов, личные расходы и т. п.) было использовано лишь 13 и 22 % соответственно. Среди ссуд производственного назначения больше всего составляли ссуды на аренду земли и покупку скота, главным образом лошадей. Первое объяснялось прогрессирующим ростом арендных цен, второе — расширением площади запашки. С каждым годом увеличивались и суммы кредитов, выдаваемых на покупку земледельческих машин и орудий и наем рабочей силы, т. е. на усиление материально-производственной базы крестьянских и казачьих

---

¹ Вестник мелкого кредита. 1913. № 31. С. 1094; Союз. 1913. № 49—50. С. 8.

² Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве. Киев, 1914. С. 95.

³ Вестник мелкого кредита. 1915. № 7. С. 215.

хозяйств. Только в течение 1912 г. кредитными и ссудо-сберегательными товариществами было выдано ссуд на сумму около 20 млн рублей, из которых 14 млн руб. пошло на развитие сельского хозяйства¹.

Необходимо отметить, что члены правлений многих товариществ, чтобы решить проблему с использованием взятых ссуд именно на развитие хозяйства (этот вопрос неоднократно поднимался на съездах представителей товариществ), пришли к следующему решению: заменить денежные ссуды предметными. Если заемщик желал получить ссуду на покупку плуга, товарищество решало выдать ему плуг, а не деньги. В результате правления многих товариществ начали вводить у себя торгово-посреднические операции, приобретая в первую очередь товары сельскохозяйственного назначения². Имея своей главной целью предоставление ссуд своим членам, кредитные кооперативы, используя товарные операции по закупке сельскохозяйственного инвентаря, только усиливали и укрепляли гарантии кредита.

Хотя кубанская кредитная кооперация имела всесловный характер, можно выявить, используя данные о распределении ссуд, какой социальной группе кредитная кооперация приносила больше материальной выгоды. На 1 октября 1914 г. казакам было выдано 80 % всех ссуд, иногородним — 20 %. По имущественному положению — 20 % всех ссуд было выдано беднякам, 70 % — середнякам и 10 % — зажиточным хозяевам. Эти данные подтверждают выводы исследователей о том, что в кооперации были заинтересованы в первую очередь среднезажиточные слои населения. Кубанская кредитная кооперация была преимущественно казачьей, и казачество играло ведущую роль в организации и деятельности кредитных кооперативов области.

Наряду с финансовыми операциями кредитные кооперативы в начале XX в. все шире стали развивать и посредническую деятельность, главным образом по покупке сельскохозяйственных машин и орудий, других промышленных товаров. Посредничеством по сбыту сельскохозяйственных продуктов своих членов товарищества практически не занимались. По положениям о мелком кредите (1885 г., 1904 г.) вести посреднические операции кредитным товариществам разрешалось только за счет доверителей и по их поручениям или за счет образования специальных капиталов. В 1903 г. указанной деятельностью занимались три кредитных кооператива, через 5 лет их число увеличилось до 64. За эти годы товариществами было отпущено своим членам товаров на сумму свыше 1 млн руб.³

Начиная с 1909 г. масштабы закупочной операции товариществ начали значительно расширяться, и осуществление происходило уже главным образом за счет специальных капиталов, созданных путем отчислений от прибыли. Но во многих товариществах практиковалось и посредничество с предварительным поручением на покупку, особенно при приобретении дорогостоящих машин и орудий. Помимо закупок за собственный счет и по поручениям товарищества принимали разные товары от заводов и др. учреждений для комиссионной продажи. По ведению кредитными

---

¹ Съезд по мелкому кредиту в Кубанской области // Вестник мелкого кредита. 1914. № 6. С. 219.

² Сельский сотрудник. 1909. № 2. С. 6.

³ Там же.

кооперативами посреднической деятельности (в частности, по закупке товаров) Кубань значительно выделялась среди других областей и губерний России¹. В 1909 г. посреднические операции велись в 80 товариществах, в 1911 г. — в 93. Основную часть (94 %) из закупленных в 1911 г. товаров (на сумму более 2 млн руб.) составляли сельскохозяйственные орудия и лесной строительный материал. Ассортимент приобретаемых товаров был разнообразен, но преобладали сноповязальные машины, сеялки, строительный материал, кровельное железо, мешки и др. Несомненно, что в посреднических операциях товариществ преобладали производительные расходы.

Для ведения закупочных операций кредитные кооперативы обзаводились собственными сельскохозяйственными складами. Главное управление землеустройства и земледелия выдавало из своих средств специальные ссуды для устройства помещений под такие склады. Уже в 1908 г. на Кубани имелось при кооперативах 30 сельскохозяйственных складов из 50 существовавших в России (с оборотом около 400 тыс. руб.)².

Оценивая посредническую деятельность кредитных товариществ, следует признать, что хорошо поставленные совместные закупки дали возможность кооперативам добиться определенного снижения цен на приобретаемые товары и улучшения их качества путем выбора лучших производителей.

Другой формой посредничества, которая практиковалась кредитными кооперативами области, была хлебозалоговая операция. С 1907 г. с санкции Управления по делам мелкого кредита местные отделения Госбанка стали выдавать кооперативным товариществам специальные кредиты для выдачи ссуд под залог хлеба. Уже в 1912 г. такие операции велись в 28 товариществах Кубанской области (для сравнения: на Ставрополье — в девяти и в Терской области тоже в девяти товариществах) [5, с. 59]. Для хранения зерна товарищества не только арендовали, но и строили собственные зернохранилища. Так, например, Петровское кредитное товарищество имело зернохранилище вместимостью 50 тыс. пудов, которое являлось самым крупным кооперативным зернохранилищем в России [2, с. 598].

Ряд кредитных товариществ выступали в качестве посредников при коллективной аренде земли. Они брали землю у сельских обществ с целью сдачи ее в аренду своим членам. Но эти операции имели скромные размеры, за 1910—1911 гг. товарищества области затратили на аренду земли 29,5 тыс. руб.³ За 1911 г. 17 кредитными кооперативами всего Предкавказья было арендовано 12 946 дес. земли⁴.

В качестве доказательства успешного развития кредитных кооперативов на Кубани и их значения для жителей станиц области приведем пример деятельности одного отдельно взятого кредитного кооператива. Прочноокопское кредитное товарищество начало функционировать в 1905 г. с основным капиталом в 2 тыс. руб., ссуженным Госбанком, и краткосрочным кредитом в 3 тыс. руб. Возникло товарищество по инициативе жителя станицы И. М. Калмыкова. В качестве председателя прав-

---

¹ РГИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 4671. Л. 59.

² Там же. Ф. 582. Оп. 6. Д. 630. Л. 26.

³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 25. Д. 10524. Л. 85.

⁴ Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве. Гл. IV. С. 22.

ления, несмотря на преклонный возраст, он долгие годы руководил деятельностью товарищества. В сферу деятельности товарищества входили 11 населенных пунктов, прилегающих к станции Прочноокопской. К 1 января 1913 г. число членов общества достигло 2073 человек с кредитом в 305 тыс. руб. По мере роста числа членов в кооперативе и его оборотных средств (на 1 января 1913 г. они составляли 214 тыс. руб.) товарищество сумело снизить взимаемый по ссудам платеж с 12 до 10 %, а под залог хлеба — до 8,5 %. По вкладам товарищество, испытывая крайнюю нужду в средствах, снизило платежи с 7,5 до 6 %. Несмотря на это, вкладная операция продолжала успешно развиваться, и к марту 1913 г. в кооперативе имелось вкладов на сумму свыше 155 тыс. руб.

Важно отметить, что за сравнительно короткий период существования кредитное товарищество сумело своей деятельностью оказать влияние на местных богатеев-ростовщиков, которые понесли свои деньги в качестве вкладов в кассу кооператива, понимая всю выгодность такого шага. Что касается назначения ссуд, выдаваемых кооперативом, то они главным образом шли на развитие сельского хозяйства членов — на аренду земли, покупку лошадей и коров, земледельческих машин и орудий, семян и пр. Платежи по всем видам ссуд поступали аккуратно, и за 8 лет своего существования товарищество ни разу не прибегало к публичной продаже имущества должников и поручителей. С 1909 г. Прочноокопское кредитное товарищество начало осуществлять хлебозалоговую операцию, и уже в 1912 г. им было принято более 35 тыс. пуд. хлеба на 12,7 тыс. руб. С 1911 г. оно стало выдавать долгосрочные ссуды на приобретение дорогостоящих усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий, на строительство домов, амбаров и пр. Кредитный кооператив содержал за свой счет прокатный пункт. За небольшую плату выдавались земледельцам сеялки, культиваторы, молотилки и др., а в 1913 г. была приобретена машина Гейда для протравливания посевных семян. Что касается посреднических операций, то они в товариществе были поставлены образцово. В течение 1910—1912 гг. было продано членам кооператива 118 дисковых сеялок, 148 сноповязалок, 12 жаток, 262 плуга, 55 культиваторов, 46 кукурузных молотилок, шпагата более 2 тыс. пуд. и др. О прочном финансовом положении Прочноокопского товарищества свидетельствует и тот факт, что оно имело собственное двухэтажное кирпичное здание, строительство которого обошлось в 16 тыс. руб. Много внимания уделялось и социальным вопросам. С 1912 г. действовала касса взаимопомощи на случай смерти, из которой в течение одного года было выдано пособий 14 семьям на сумму 863 рубля. Из прибыли товарищества был образован специальный капитал для выдачи пособий его членам на обучение детей в сельскохозяйственных школах и других заведениях¹. Приведенный выше пример лишний раз подтверждает тезис о том, что кредитные кооперативы являлись не только полезными, но и необходимыми для хозяйственной жизни населения области.

Помимо своих основных финансовых и торгово-посреднических функций учреждения мелкого кредита самостоятельно вели агрикультурную и просветительскую работу среди своих членов и местного населения. Как известно, земство, ведавшее в других губерниях страны вопросами агрономического и культурно-просветитель-

¹ Вестник мелкого кредита. 1913. № 31. С. 1093—1096.

ского характера, на Кубани отсутствовало, а число сельскохозяйственных обществ, целью которых являлось распространение сельскохозяйственных знаний, в области было невелико. Поэтому сельскохозяйственная кредитная кооперация, хорошо развитая на Кубани, брала на себя многие задачи и обязанности земства.

Участие в кооперации приносило определенную материальную выгоду каждому отдельному члену различных социально-имущественных групп, о чем свидетельствовал бурный рост членов кооперативов в начале века. Экономическая выгода каждого отдельного члена зависела от реального вклада его в кооперативное дело. Среднезажиточные сельские производители, состоя в кооперативах и обладая большей кредитоспособностью, имели возможность получить ссуды большего размера, чем малоимущие слои населения. Кроме того, они получали дивиденды на внесенные в кооператив пай (в ссудо-сберегательных товариществах) и проценты на вклады.

Таким образом, станичные кредитные кооперативы не просто кредитовали своих членов, являясь эффективным механизмом финансовой поддержки, но и содействовали объединению экономических интересов, усилиям пайщиков в организации производственного процесса, в реализации сельскохозяйственной продукции и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корелин А. П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX в. / А. П. Корелин. — Москва, 1988.

2. *Лященко П. И.* Хлебная торговля на внутренних рынках России / П. И. Лященко. — Санкт-Петербург, 1912.

3. *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России. Его теория и практика / С. Н. Прокопович. — Изд. 2-е. — Москва, 1918.

4. *Присянова И. В.* К вопросу о социальном составе сельской кредитной кооперации степного Предкавказья в период империализма / И. В. Присянова // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. — Ставрополь, 1985.

5. *Ратушняк В. Н.* Сельская кооперация Северного Кавказа в период становления капитализма (Историография и очерк развития) / В. Н. Ратушняк // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. — Ставрополь, 1983.

6. *Шемитов К. И.* Состояние и развитие учреждений мелкого кредита в Кубанской области / К. И. Шемитов // Кубанские областные ведомости. — 1914. — 17 янв.

**КРЕДИТНАЯ КООПЕРАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)**

В статье на примере губерний Центральной России проанализированы основные направления деятельности кредитной кооперации в российской деревне накануне Первой мировой войны. Выделены региональные особенности развития кооперативного кредита. Показано отношение крестьян к кредитным кооперативам.

Ключевые слова: кредитная кооперация; российская деревня; крестьянство; центральные губернии России; культурно-просветительская деятельность.

Накануне Первой мировой войны кредитная кооперация становится значимым фактором в жизни российского крестьянства. Данное исследование территориально охватило губернии Центрального черноземного (Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская) и Центрального промышленного (Владимирская, Костромская, Тверская, Ярославская) районов. Анализ региональной специфики развития кредитной кооперации на примере земледельческих и промышленных губерний позволил ввести в научный оборот новые источники и показать особенности развития кооперативного кредита в российской деревне.

Предвоенные годы стали временем стремительного роста численности кредитных кооперативов, преимущественно в сельской местности, по сравнению с другими видами кооперации. Это во многом было связано с проведением столыпинских преобразований. Развитие кооперативного кредита являлось одним из важнейших направлений реализации государством аграрной реформы. Так, в Воронежской губернии на 1 января 1907 г. насчитывалось 80, а на 1 января 1914 г. — 225 кредитных кооперативов, в Орловской — соответственно 35 и 240, Рязанской — 11 и 204, Тамбовской — 37 и 317, Владимирской — 42 и 194, Костромской — 12 и 164, Тверской — 20 и 102, Ярославской — 13 и 173². Наивысший численный рост приходился на кредитные товарищества как более доступные для малоимущих домохозяев. В земледельческих губерниях кредитная кооперация развивалась интенсивнее, чем в промышленных. Одновременно с ростом числа кооперативов наблюдалось увели-

---

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, jullyb@mail.ru, Россия, г. Рязань.

² Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год четвертый. СПб., 1910. С. 432—439; Там же. Год десятый. СПб., 1917. С. 558—567.

чение числа членов и динамика изменения балансов. В целом, накануне войны в указанных губерниях насчитывалось 1619¹ кредитных кооперативов с числом членов более 1 млн человек, общий баланс которых составлял около 53 млн руб.²

Наиболее рельефно особенности развития кредитной кооперации прослеживались на уездном уровне. Например, в земледельческих уездах Владимирской губернии (Суздальский, Юрьевский, Переславский) численный рост товариществ был меньше, чем в промышленных (Покровский, Шуйский, Ковровский). В Юрьевском уезде до 1907 г. не было кредитных кооперативов [5, с. 5]. Аналогичная ситуация сложилась в Любимском и Угличском уездах Ярославской губернии. Здесь до 1911 г. отсутствовали учреждения мелкого кредита [3, с. 22].

Отдельно следует отметить уезды с высокой концентрацией кредитных кооперативов. В Рязанской губернии — это Раненбургский и Сапожковский, во Владимирской — Судогодский и Меленковский, в Тверской — Калязинский и Ржевский. Такое положение определялось не только социально-экономической спецификой уездов, но и тем, что товарищества часто возникали в подражание уже существовавшим.

Основной активной операцией кредитных кооперативов была ссудная операция. До 80 % всех оборотных средств учреждений народного кредита находилось в ссудах. Быстрое развитие ссудной операции показало громадную нужду населения в мелком кредите. Ссуды в основном были краткосрочные и выдавались на производственные и потребительские нужды. Предпочтение отдавалось первым, хотя это деление было весьма условным. Процент, взимаемый кооперативами по ссудам, варьировался между 6 и 12. Ссудосберегательные товарищества, более обеспеченные средствами, имели среднюю сумму на одного заемщика выше, чем кредитные товарищества. В 1911—1914 гг. средняя ссуда на одного члена кооператива в Рязанской губернии равнялась 29 руб.³, Тамбовской — 41 руб. [4, с. 11], Орловской — 45 руб.⁴, Тверской — 41 руб. в кредитных и 92 руб. в ссудосберегательных товариществах [2, с. 102].

Назначение ссуд во многом зависело от потребностей отдельных заемщиков. По имеющимся данным, в 1911 г. во Владимирской губернии ссуды преобладали на сельскохозяйственные нужды, потому что большая часть членов кредитных кооперативов занималась сельским хозяйством. В Судогодском и Вязниковском уездах 10—11 % общего числа ссуд приходилось на отхожие промыслы. Ссуды на кустарные промыслы использовались в Гороховецком, Переславском, Ковровском, Муромском и Шуй-

---

¹ Это составило 17 % от общего числа кредитных кооперативов в Европейской России. Подсчитано по: Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 191—193.

² Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. СПб., 1917. С. 558—567.

³ Общий обзор современного положения различного рода кооперативов Рязанской губернии : доклад экономического отделения Рязанской губернской земской управы // Первое губернское кооперативное совещание при Рязанской губернской земской управе. Труды совещания. Журналы и доклады. Рязань, 1916. С. 7.

⁴ О современном положении мелкого кредита в Орловской губернии : доклад инспектора мелкого кредита П. Е. Зотова // Труды съезда представителей учреждений мелкого кредита в г. Орле, 15—17 мая 1913 года. Орел, 1913. С. 104.

ском уездах (8—14 %). Ссуды на торговлю играли заметную роль в Меленковском, Муромском, Владимирском, Шуйском, Судогодском и Гороховецком уездах (8—20 %) [5, с. 18].

В Ярославской губернии, по данным на тот же год, в Мологском уезде преобладали ссуды на покупку земли, Мышкинском — на постройки, Любимском — на покупку скота, Ярославском — на покупку семян, Ростовском — на покупку корма для скота, Угличском — на покупку товара для продажи [3, с. 124].

В Рязанской губернии по назначению ссуд первое место чаще всего принадлежало ссудам на аренду земли. Во многом это было обусловлено малоземельем и безземельем значительной части крестьянства. Второе место принадлежало ссудам на покупку рабочего скота.

Наиболее важной из пассивных операций кредитных кооперативов была вкладная операция. Определяющее значение для ее успешного развития играли состав правления и величина процента. Как правило, в центрально-российских губерниях процент по вкладам составлял от 3 до 7. Низкий процент являлся одним из признаков прочности положения товарищества и доверия к нему населения.

Причины малого притока вкладов в кредитные кооперативы заключались в следующем. Во-первых, недоверие сельского населения к товариществу. Среди крестьян прочно бытовало убеждение в том, что место хранения сбережений должно быть обязательно в городе, а не в деревне. Во-вторых, конкуренция сберегательных касс, которые как правительственные учреждения пользовались большим доверием у населения. В-третьих, распространение слухов о деятельности товарищества местными кулаками и исключенными членами, которые запугивали крестьян тем, что товарищество может закрыться, а деньги пропадут [2, с. 78, 79].

Размеры вкладов существенно отличались в кооперативах разных губерний. В основном это зависело от материального положения вкладчиков. В Тверской губернии, например, вклады были от 10 коп. до 3 тыс. руб. [2, с. 78]. В Тамбовской губернии большинство товариществ располагало вкладами от 1 тыс. до 20 тыс. руб. [4, с. 10]. Во Владимирской губернии преобладали кооперативы с суммой вкладов 10—20 тыс. руб. [5, с. 14]. В российских губерниях встречались товарищества, которые не осуществляли вкладной операции. Как правило, это были кооперативы, только приступившие к деятельности или потерявшие доверие вкладчиков.

Накануне Первой мировой войны нередко в учреждениях мелкого кредита отмечался избыток вкладов. Например, в Воронежской губернии в 1909 г. избыток вкладов был в четырех товариществах, а в 1911 г. — в 19 товариществах в размере от 10 до 43 тыс. руб.¹ В связи с этим кредитные кооперативы понижали процент по вкладам или отказывали в их приеме. Данное явление вызвало проблему размещения средств. Но, с другой стороны, это способствовало активизации операций по размещению средств в более бедных кооперативах. В начале 1914 г. такого рода операции были зафиксированы в Рязанской губернии между товариществами Рязанского уезда, переполненными вкладами, и Раненбургского уезда, где вкладов было недостаточно. Все

---

¹ Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 годы с главнейшими данными за 1912 год. Пг., 1914. С. 69.

это привело в конечном итоге к организации кредитного союза, который приступил к деятельности в 1915 г.¹

Помимо роста и расширения масштабов ссудной и вкладной операций в предвоенные годы кредитные кооперативы Центральной России активно осваивали посреднические операции. Благодаря посредничеству участники кооперативов получали необходимые семена, сельскохозяйственные орудия и машины, искусственные удобрения, «живой инвентарь» (лошади, коровы, волы). Особое значение играли посреднические операции при устройстве зерноочистительных и случных пунктов, прокатных станций, опытно-показательных полей, сельскохозяйственных выставок. Тем не менее это направление кооперативной деятельности не получило широкого развития из-за отсутствия достаточных средств и необходимых специалистов.

В рассматриваемый период кредитные кооперативы уделяли повышенное внимание культурно-просветительской деятельности. Основными формами ее реализации были проведение лекций, организация чтений и бесед, устройство библиотек, «народных домов», курсов по кооперации, выписка газет и журналов. Культурно-просветительская работа товариществ способствовала распространению элементарной грамотности и кооперативных знаний в деревне, интенсификации крестьянского хозяйства, возрастанию социальной активности и самостоятельности крестьянства, изменению традиционного менталитета сельского населения. Характер и направления культурно-просветительской деятельности во многом зависели от финансовых возможностей кооперативов и личной позиции их руководителей.

Отдельно стоит отметить некоторые начинания кредитных кооперативов, связанные с важными событиями в жизни крестьянства и страны в целом. Так, 2-е Одоевское кредитное товарищество Данковского уезда Рязанской губернии в 1911 г. в память освобождения крестьян от крепостной зависимости создало «Фонд 19 февраля» для выдачи процентов в виде субсидий детям крестьян — членов товарищества, обучавшимся в средних и высших учебных заведениях². В связи с тем же событием в 1913 г. на собственные средства крестьян Репьевской волости (Воронежская губерния) и местного кредитного товарищества был сооружен памятник Александру II³.

Кредитная кооперация не осталась в стороне от 300-летнего юбилея Дома Романовых. Особенно ярко это проявилось в Костромской и Ярославской губерниях. Например, Слободско-Шишкинское кредитное товарищество Костромской губернии сделало отчисления на служение молебна 21 февраля 1913 г. и сооружение памятника в Костроме⁴. Общее собрание членов Николо-Межевского кредитного товарищества

---

¹ Финансовые средства кооперативов Рязанской губернии : доклад экономического отделения Рязанской губернской земской управы // Первое губернское кооперативное совещание при Рязанской губернской земской управе. Труды совещания. Журналы и доклады. Рязань, 1916. С. 1, 2.

² Кредитная кооперация в Данковском уезде // Рязанская жизнь. 1914. 1 апр.

³ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1290. Л. 610.

⁴ Участие уч[ежде]ний м[елкого] кредита в праздновании 300-летнего юбилея Дома Романовых // Вестник мелкого кредита. 1913. № 14. С. 549.

той же губернии постановило учредить четыре стипендии при Георгиевском высшем начальном училище¹. В свою очередь, Бурмакинское кредитное товарищество Ярославской губернии ассигновало пособие в размере 300 руб. для устройства в селе Бурмакино ремесленной школы с пожеланием, чтобы она была названа в память 300-летия Дома Романовых².

Накануне мирового военного столкновения кредитная кооперация активно взаимодействовала с земскими учреждениями. В большей степени это было связано с осуществлением агрономических мероприятий и культурно-просветительской деятельности. Нередко земства составляли губернские и уездные обзоры деятельности кредитных кооперативов, использовали свои периодические издания для распространения сведений о мелком кредите.

В то же время кооператоры Костромской, Ярославской и Рязанской губерний стремились «войти» в земство и приобрести здесь соответствующее влияние и силу. В результате земских выборов в Велужском уезде Костромской губернии крестьяне выбрали в свои гласные только кооператоров. Аналогичные попытки участия кооператоров в выборах зафиксированы и в Ярославской губернии. Наряду с этим в Зарайском уезде Рязанской губернии на выборах образовались специальные «банковские партии» из деятелей местных кредитных товариществ³. Такая активность кооператоров заставляла земские учреждения осторожно относиться к кредитной кооперации. Земства опасались, что популярность кредитных кооперативов в народе оттеснит их как орган местного самоуправления на второй план.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что среди членов Государственной думы 3-го и 4-го созывов были крестьяне — председатели и организаторы кредитных кооперативов, представлявшие Рязанскую⁴, Орловскую⁵, Костромскую⁶ и Ярославскую⁷ губернии.

---

¹ Государственный архив Костромской области. Ф. 253. Оп. 1. Д. 248. Л. 114.

² Вестник мелкого кредита. 1913. № 14. С. 538.

³ Кооперация и земские выборы // Спутник кооператора. Настольный кооперативный календарь на 1915 г. СПб., [1914]. С. 105.

⁴ Лукашин Иван Игнатьевич — прогрессист. Крестьянин с. Кузьминское Рязанского уезда Рязанской губернии. Волостной старшина. Член уездной земской управы. Организатор в своем селе ссудосберегательного товарищества. См.: Члены Государственной думы (портреты и биографии). Третий созыв. 1907—1912 г. / сост. М. М. Бойович. М., 1913. С. 271.

⁵ Киселев Дмитрий Васильевич — националист. Крестьянин Брянского уезда Орловской губернии. Волостной старшина. Член Брянской землеустроительной комиссии. Председатель кредитного товарищества в с. Овстуг. См.: Там же. Четвертый созыв. 1912—1917 г. / сост. М. М. Бойович. М., 1913. С. 214.

⁶ Мухин Александр Николаевич — кадет. Крестьянин д. Метешено Галичского уезда Костромской губернии. Гласный галичского уездного земства. Член уездной земской управы. Учредитель кредитного товарищества и сельскохозяйственного общества в Быковской волости Галичского уезда. См.: Там же. С. 141.

⁷ Беляев Александр Тимофеевич — прогрессист. Крестьянин Мологского уезда Ярославской губернии. Председатель кредитного товарищества. Волостной старшина. См.: Там же. С. 399.

В канун войны росло количество публикаций по проблеме развития кооперативного кредита в центральных и губернских периодических изданиях, что свидетельствует о подъеме кооперативного движения. Важно и то, что в губернской печати появлялись заметки кооператоров, отражающие текущую деятельность, достижения и неудачи деревенской кооперации. В январе 1912 г. выходит первый номер еженедельного журнала «Вестник мелкого кредита». Со временем этот журнал станет самым популярным изданием по вопросам народного кредита вплоть до 1917 г.

В целом кредитная кооперация способствовала качественным изменениям в российской деревне. В первую очередь это проявилось в сокращении масштабов ростовщичества и падении авторитета кулака. Кроме того, использование кооперативного кредита привело к улучшению условий земледелия. Внедрение последних достижений агрикультуры и техники повышало товарность и доходность крестьянских хозяйств. Помимо этого, мелкий кредит существенно поддерживал развитие кустарных и отхожих промыслов.

Тем не менее в деятельности «народных банков» встречались и отрицательные явления. Крестьяне зачастую не понимали целей и задач кредитных кооперативов. Так, например, учредители Ново-Черкутинского товарищества Тамбовской губернии полагали, что полученные из правительственных источников деньги можно будет поделить между 24 участниками и пользоваться ими 13 лет, платя одни проценты¹. Отрицательно сказывались на функционировании товариществ просрочки и непроизводительное использование ссуд, растраты, а также недостатки в счетоводстве. В конечном итоге это приводило к разорению крестьян и разочарованию в пользу мелкого кредита.

До войны отношение крестьян к кредитной кооперации было неоднозначным. Часть сельских жителей видели пользу кооперативного кредита в борьбе с ростовщиками, а также в развитии хуторских и отрубных хозяйств. Однако встречалось и враждебное отношение, как к кредитным кооперативам, так и к преобразованиям в деревне. В связи с этим показателен пример крестьян Еланского Колена Новохоперского уезда Воронежской губернии, которые открыто распространяли слух о том, что на рождественских святках 1911 г. будут громить кредитное товарищество, а в 1912 г. — крестьян-собственников, перешедших на отруба и помещиков². Известны и другие примеры. В Тверской губернии против товариществ, в состав которых входили только хуторяне, велась активная пропаганда «местными богатеями» и общинниками [2, с. 79].

Нередко кредитные кооперативы рассматривались крестьянами как «лавочки дешевых денег», поэтому отношение к ним было исключительно потребительским. Среди крестьян название «кредитное товарищество» очень часто вызывало недоумение, потому что они его не использовали. Кооператоры-земледельцы чаще всего называли кредитный кооператив «кассой», «банком» или «кредиткой». Интересно отметить, что во Владимирской и Ярославской губерниях зафиксированы случаи, когда

---

¹ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 205. Оп. 1. Д. 35. Л. 104.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1238. Л. 11.

рядовые члены называли кооперативы по именам членов правлений «Петр Иванович» или «Иван Сидоров» [1, с. 277].

Деревенские жители зачастую с опаской относились к кредитным кооперативам по причине имевшегося горького опыта получения кредита у ростовщиков. Поэтому они не спешили вступать в кооперативы. Крестьяне Владимирской губернии, например, на вопрос о том, являются ли они членами товарищества, отвечали: «Нет, Бог миловал!» или «Упаси Бог!». Известны случаи, когда крестьяне скрывали свое членство в кооперативах, считая это чем-то зазорным¹.

Кроме того, среди рядовых членов товариществ встречалось недоброжелательное отношение к правлению кооперативов. В Тверской губернии это выражалось в необоснованных обидах по причине «несправедливого» распределения кредита, а также в преднамеренных неисправных платежах по ссудам и подстрекательстве к этому других кооператоров [2, с. 39, 40]. Такая же картина наблюдалась и в других губерниях.

Таким образом, накануне Первой мировой войны кредитные кооперативы в рассматриваемых губерниях, как и в России в целом, характеризовались активным развитием, способствовали интенсификации модернизационных процессов в российской деревне. Кредитная кооперация изменила не только экономический уклад, но и культурную жизнь крестьянства, что свидетельствует о значительном повышении ее социокультурной значимости. Накопленный в предвоенный период потенциал в полной мере будет использован кредитными кооперативами в период Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861—1914 / Я. Коцонис ; авторизованный пер. с англ. В. Макарова. — Москва, 2006.
2. Мелкий кредит в Тверской губернии / сост. В. А. Николев. — Тверь, 1913.
3. Мелкий кредит в Ярославской губернии / сост. М. И. Григорьев. — Ярославль, 1912.
4. Обзор положения мелкого кредита в Тамбовской губернии / сост. В. И. Иванов. — Санкт-Петербург, 1911.
5. Пащенко П. Кредитная кооперация во Владимирской губернии к 1912 году / П. Пащенко. — Владимир-на-Клязьме, 1912.

---

¹ Черневский В. А. Об отношении населения к кредитным кооперативам // Кооперативная жизнь. 1914. № 21. С. 349, 350.

**РЕВОЛЮЦИЯ И АГРАРНОЕ НАСИЛИЕ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ:
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 Г.**

В статье рассматривается участия крестьян Воронежской губернии в аграрном и политическом движении весной-летом 1917 года. Даны оценки социальным, экономическим и психологическим аспектам аграрного движения 1917 г.

Ключевые слова: 1917 год, Воронеж, крестьянство, Февральская революция.

Воронежская губерния подошла к Февральской революции с ярко выраженным аграрным характером экономики, что было обусловлено подавляющей долей крестьян в населении губернии. По некоторым оценкам, оно достигало 93 % [8, с. 6] при общей численности населения губернии (по состоянию на 1915 год) в 3,7 млн чел.²

В основе аграрных беспорядков, разразившихся в годы Первой русской революции, а затем и в период революции 1917 года, лежало стремление к переделу земель на уравнительных началах по принципу справедливости. Малоземелье накладывалось на малую доходность хозяйств, приводя к постепенному обеднению крестьянства.

Известия о февральском перевороте в Петрограде серьезно взволновали местную администрацию. Опасаясь рецидива беспорядков 1905 года, власти попытались скрыть от крестьян факт свержения монарха. Ситуация усугублялась ликвидацией полиции и переходом на сторону революции армии, вследствие чего население на местах оказалось предоставлено само себе.

Известия о перевороте в Петрограде стали проникать в деревню примерно через две-три недели после 28 февраля (официально об отречении Николая II в Воронеже было объявлено 8 марта в «Воронежских губернских ведомостях»³). В некоторых селах, если верить воспоминаниям современников, о падении монархии узнали только ближе к маю⁴.

По сообщениям с мест, в целом воронежские крестьяне отнеслись к факту свержения Николая II нейтрально. Поначалу к сообщениям об отречении царя в селах и де-

---

¹Зверков Евгений Андреевич, кандидат исторических наук, Воронежский институт МВД России, zverkovphd@yandex.ru, Россия, г. Воронеж.

²Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 год. Отд. II. Воронеж, 1916. С. 39.

³Государственный архив Воронежской области (ГА ВО). Ф. И-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 135.

⁴Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 562. Л. 155.

ревнях даже отнеслись с недоверием — подобные слухи уже циркулировали в период революции 1905—1907 гг. В некоторых селах пронесся слух о «бегстве царя». Нередко все вопросы снимало духовенство, выходявшее по этому случаю с хоругвями и оглашавшее известие об отречении, сопровождая его службами и молебнами¹. Вскоре священнослужители стали одним из объектов общинной агрессии. Само восприятие переворота, однако, во многом носило эмоциональный характер.

Вопреки сложившимся представлениям, до начала апреля крестьянские выступления носили единичный характер. Одним из первых проявлений пассивного протеста общины против государства стало прекращение выплат налогов. Важное место в старте аграрного движения имело не только бинарное восприятие крестьянами окружающего мира по принципу «мы — они», но и отсутствие наказания за самоуправства.

Обычно выделяются две основные причины нападений общинников на землевладельцев: земельный вопрос и месть. Соответственно мстили либо по личным мотивам, либо за участие помещика в карательных акциях в период Первой русской революции, либо за некие совершенные в прошлом несправедливости — например, лишение крестьян прогона скота к общинным землям [2, с. 9].

Начиная с середины марта, несмотря на разрозненность, аграрные беспорядки стали происходить практически ежедневно. Наибольшая активность отмечена в уездах с относительно высоким, по сравнению с другими уездами, процентом помещичьего землевладения — в Новохоперском, Задонском и Бобровском. Оценка количества выступлений довольно затруднительна по многим причинам, поэтому нет и единого мнения об этом. Так, И. Д. Балашов в начале 30-х гг. насчитал 301 выступление за весь период Февральской революции [1, с. 51]. По мнению П. Г. Морева, только в мае таковых имелось 134 [7, с. 25].

Отсутствие наказаний за первые, еще незначительные акции привело крестьян к убеждению о слабости власти. Не могло не сыграть свою роль представление о помещичьем имуществе как несправедливо, то есть «задарма», нажитом. Резко изменившееся положение, уничтожившее привычное привилегированное положение помещика, открыло дорогу настроениям злорадного торжества. Отсюда случаи грабежа помещичьих особняков.

Стабильным ростом количества крестьянских выступлений отмечен апрель, в то время как май становится временем особо высокой крестьянской активности.

Идейной основой этих действий, помимо личной мести и неприязни, в некоторых случаях спровоцированной дофевральскими действиями помещиков, стала своеобразно понятая крестьянами справедливость, а также глубокое заблуждение, согласно которому раздел частновладельческих земель решит проблему малоземелья.

При этом вне поля крестьянского мышления оказалась низкая доходность собственных хозяйств, являвшаяся одной из причин невысокого уровня материальной обеспеченности крестьян [3, с. 8]. Не был учтен и еще один аспект — в руках частных владельцев находилось менее 10 % всего земельного фонда губернии, поэтому захват всей частновладельческой земли не менял общей ситуации — земельная прирезка на душу населения составила бы не более 0,2 дес.

¹ ГАОПИ ВО. Л. 94.

В зоне интересов общины оказались земли как помещиков, так и отрубщиков. Одним из наиболее часто фиксируемых случаев крестьянского самоуправления являлась вырубка леса. В апреле общинники перешли к разграблению имений и давлению на хутора — вплоть до сожжения. Подобной участи подверглись отрубные хозяйства. Аграрные беспорядки завладели всеми уездами губернии.

При этом крестьянские выступления носили точечный и часто спонтанный характер.

Некоторые общины пытались придать захвату имений характер спасения пахотных земель от нерадивого использования и заброшенности. С этой целью осуществлялось планомерное нарушение хозяйственной жизни помещичьего землевладения — например, путем подстрекательства военнопленных, причисленных к имению, на побег, или запрета жителям окрестных деревень наниматься на работу к тому или иному помещику. Данное предположение подтверждается резолюцией первого губернского крестьянского съезда в Воронеже, где отмечалась необходимость передачи невозделываемой земли в пользование общины. Губернский комиссар Б. А. Келлер отмечал по этому поводу: «Крестьяне... ставят землевладельцев в условия, при которых невозможно убирать урожай».

Несмотря на созданный большевиками миф о репрессивности Временного правительства в отношении аграрного движения, губернская власть крайне редко обращалась к силе, в большинстве случаев предпочитая путь убеждения. Эффективность разъяснительной работы среди крестьян оказалась невелика, что признавалось и руководством губернии. В ряде случаев политика губернских властей носила откровенно капитулянтский характер, рекомендуя крестьянам-собственникам или церковному причту добровольно уступить землю сельским комитетам, например, под видом «арендного пользования»¹. В реальности это означало отдать свои земли сельскому обществу, удовлетворяя уравнилельные устремления общинников.

Такие действия усиливали индифферентное отношение к власти общинников и разочарование единоличных землепользователей и землевладельцев. В своих письмах в губисполком они прямо упрекают власть в том, что их хозяйства брошены на произвол судьбы.

Таким образом, в силу сложившихся обстоятельств единственным способом сохранить хотя бы часть имущества было возвращение в общину.

Ситуацию усугубляли разного рода популисты. В конце мая председатель Бобровской уездной управы Разумный, выступая на собрании крестьян в с. Щучьем (ныне Лискинский район), раскритиковал «комиссара Тумановского», убеждая крестьян, что «Временное правительство будет делать, как скажет народ, который теперь... и самодержавие, и Величество, и только народ может делать... постановления на местах». «Революции у нас еще нет, и она должна начаться только сегодня», — заявил Разумный². Далее он призвал грабить помещиков, обещая крестьянам содействие со своей стороны: «Им теперь некуда жаловаться, т. к. они придут ко мне, а я их по шапке».

---

¹ ГАОПИ ВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 14.

² Там же. Л. 42.

Однако землевладельцы предпочитали жаловаться не в уездные земские управы, а в губисполком.

Нередко встречаются случаи, в которых крестьяне предпочитали изымать земли под видом взятия их в аренду. Арендная цена при этом занижалась в два-три раза.

Исходя из некоторых жалоб, можно установить, что уже в мае в ряде случаев крестьянам удавалось установить полноценный контроль над имениями. Важную роль в разгроме имений играли возвращавшиеся с фронта солдаты. Об особой роли солдат в деревне говорили и сами большевики, признавая, что именно солдаты, а также рабочие, были «проводниками влияния большевиков», и им же принадлежала роль «застрельщиков... организации крестьянских выступлений против помещиков»¹. В Новохоперском уезде солдаты и матросы не только помогали крестьянам нападать на имения, но даже снабжали их оружием.

Со временем беспорядки приняли такой характер, что воронежский губернский комиссар в письме министру внутренних дел должен был признать: «...предотвратить захват... большей части земли частных владельцев едва ли окажется возможным...» [6, с. 48]. При этом губернская власть категорически запретила всем местным органам и общественным организациям принимать резолюции, дающие повод к насильственным действиям в отношении помещиков.

Эсеры, несмотря на свою популярность среди крестьян, оказались не в состоянии сдержать погромное движение. Не повлиял на ситуацию созыв в апреле губернского крестьянского съезда, в ходе которого состоялось образование Совета крестьянских депутатов². Съезд в очередной раз продемонстрировал популярность ПСР. Большевикам, в свою очередь, не удалось добиться каких-либо успехов, а кадеты и вовсе стали объектом насмешек и оскорблений³. Аналогичная ситуация имела место и на втором губернском крестьянском съезде.

Крупный перевес социалистов-революционеров во многом был связан с дореволюционной работой эсеров. Как отметил А. А. Куцеволов, «отдельные крестьянские братства в Воронежской губернии», руководимые эсерами, «продолжали существовать без перерывов вплоть до февральской революции 1917 г.» [4, с. 147].

Сохранять и укреплять позиции на селе эсерам помогал созданный ими Крестьянский союз, ставший в положение подшефного эсеровского проекта и основывавший свои требования на их политической платформе. К июню ячейки союза сформировались во многих селах губернии, достигая временами, если верить данным эсеров, численности от 170 до 778 членов [4, с. 147]. Об успехах эсеровской работы на этом направлении говорит тот факт, что эсеровские организации были образованы в 104 волостях Воронежской губернии. Как отметил А. А. Куцеволов, по этому показателю они превосходили большевиков во всех уездах Воронежской губернии [4, с. 186].

Пытаясь спасти положение, большевики отказались от своей первоначальной установки о решении основных вопросов революции, и в том числе аграрного, на Учредительном собрании. Вместо этого началась активная пропаганда конфискации

---

¹ ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 476. Л. 20.

² Воронежский телеграф. 1917. 21 апр.

³ Там же. 15 апр.

и национализации всех помещичьих земель, что встречало одобрение и сочувствие среди общинников, о чем свидетельствуют крестьянские наказы, принимавшиеся ими в связи с выборами делегатов на Всероссийский съезд крестьянских депутатов [5, с. 21].

Немаловажный вопрос в общественной жизни деревни занимала аренда. Теперь, когда принудить их платить согласно старым законам было невозможно, крестьяне-арендаторы стали сами решать, что им делать с земельной рентой. Вместе с тем по-прежнему осталась привычка оглядываться на власть. Отсюда и возникающие подложные документы от имени государства. Один из таких документов появился в Чесменской волости Бобровского уезда, где была обнаружена подложная телеграмма от имени Временного правительства, предлагающая платить арендную плату не землевладельцам, а в земельные комитеты¹.

В течение весны 1917 года крестьянам удалось перейти в состояние полной автономии — от государства, Советов, и даже партий, игнорируя те их решения, которые не соответствовали интересам крестьянства. В аграрную войну включались все большие массы населения губернии. Конечно же, это шло вразрез с политической философией обновляемой России и вело к конфликту власти и общества.

Обычным событием стали грабежи имений. Однако главной целью становился все-таки не столько разгром, сколько доведение помещичьего хозяйства до нефункционального состояния, после чего считалось справедливым раздать пустующие земли общинникам. Летом 1917 г. губисполком был завален жалобами от помещиков со всех уездов.

Некоторые землевладельцы пытались найти выход, отправляя письма в организации, которые они считали способными прекратить уничтожение их хозяйств — Исполнительный комитет Совета либо губернский Исполнительный комитет.

В июле-августе отмечены случаи особо жестокой борьбы общинников с помещичьими хозяйствами. В частности, землевладелец Бобровского уезда Н. Шкарин заявил, что крестьяне не только грабят его владения, но и убивают его служащих с целью «разогнать слуг, остановить хозяйственную жизнь... и тем самым получить экономию в свои руки»². Начальник уездной милиции Боброва подтвердил, что за несколько дней до этого в доме Шкарина сначала разорвалась бомба, а через пару дней из ружья был убит управляющий³.

Местные уездные, волостные и сельские комитеты в ряде случаев вставали на сторону общинников. Один из крестьян в ответ на отчаянные попытки помещика убедить его в антиправительственности его действий произносит: «Комитет и есть правительство» (имеются в виду волостные и сельские комитеты, иногда сюда могли приписать и уездные). О подобной деятельности волостных и даже уездных комитетов сообщал и губернский комиссар В. Томановский⁴. Волостные и сельские комитеты

---

¹ГА ВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 9. Л. 77.

²ГАОПИ ВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 324. Л. 75.

³Там же. Л. 78.

⁴Из донесения воронежского губернского комиссара Временного правительства министру юстиции о революционных выступлениях крестьян против помещиков в Воронежской губер-

отметились активным вмешательством во всю хозяйственную деятельность имений: устанавливали размеры зарплат, арендную плату, регулировали работу пленных. За нарушения их предписаний на имения накладывались штрафы [6, с. 47]. С таких же позиций выступали уездные Советы. Для большинства жителей губернии власть Временного правительства не существовала.

Несмотря на прочное положение эсеров в деревне, им, стремившимся дотянуть с решением по земле до Учредительного собрания, не удалось остановить ни самовольных захватов земель, ни погромов и насилия, ни растущего пьянства (что составляло отдельный предмет беспокойства губисполкома).

Бессильна оказалась и губернская власть, всерьез опасавшаяся, что насильственный передел земель сделает невозможным уборку урожая в губернии¹. Попытка пропаганды среди крестьян посредством «книжных складов» и читален успеха также не имела.

Пик крестьянского движения в Воронежской губернии приходится на июль — первую половину августа. Сложность в точном определении динамики движения исходит из недостатка сведений о нем. Несмотря на кажущуюся простоту вопроса, сведения приходится брать из различных источников — переписки губисполкома и Совета, данных из газет и пр. Связано это с тем, что официальной статистики и учета происходивших в деревне событий попросту нет. К тому же далеко не все произошедшее нашло свое отражение на бумаге. Отсюда и существенный разброс в количественных оценках. И. Г. Воронков, например, насчитал за май-июнь — 272 выступления, а за август-октябрь — 327 [2, с. 35, 52]. Апрель, с учетом разрозненного и локального характера выступлений, в расчет, видимо, не брался. В свою очередь, И. Д. Балашов, еще до Великой Отечественной войны собиравший сведения по этой теме, насчитал 301 выступление за весь период от марта до октября 1917 г. [1, с. 51].

Так или иначе, на протяжении всего 1917 года крестьянское движение в губернии носило погромно-передельческий и при том совершенно аполитичный характер. Ни эсерам, несмотря на их популярность, ни тем более большевикам так и не удалось придать этому движению сознательного политического момента, вогнать аграрное движение в матрицу социальной непримиримости классов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов И. Д. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Вып. 1 / И. Д. Балашов. — Воронеж : Коммуна, 1930.
2. Воронков И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции / И. Г. Воронков. — Воронеж, 1952.
3. Карпачев М. Д. Воронежская деревня в начале XX в.: социальный облик в условиях перестройки аграрных отношений / М. Д. Карпачев // Вопросы истории. — 2016. — № 7.

нии. 2 июня 1917 г. // Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917—1918 гг. (Сборник документов и материалов). Воронеж, 1957. С. 101.

¹ ГА ВО. Ф. И-104. Оп. 1. Д. 3. Л. 7 об.

4. *Куцеволов А. А.* Деятельность партии социалистов-революционеров (конец XIX — 1918 г.) : дисс. ... канд. ист. наук / А. А. Куцеволов. — Воронеж, 2007.
5. *Морев П. Г.* Крестьянское движение в Воронежской губернии в феврале-октябре 1917 г. / П. Г. Морев // Из истории Воронежской области (Доклады, прочитанные на краеведческой конференции в мае 1954 г.). — Москва, 1955.
6. *Морев П. Г.* Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (Март — октябрь 1917 г.) / П. Г. Морев. — Воронеж, 1961.
7. Очерки истории Воронежской области. Т. 2. — Воронеж, 1967.
8. *Переверзев А. Я.* Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России / А. Я. Переверзев. — Воронеж, 1976.

СОЦИАЛЬНЫЙ МИР В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ: ОТ ОТКРЫТОЙ КОНФРОНТАЦИИ К СКРЫТОМУ ФРОНДЕРСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОЙ АССР)

В статье рассматривается эволюция отношений сельского мира и власти на протяжении советского периода. Выделены периоды открытой конфронтации и скрытого фрондерства. На примере изучения опыта Татарской АССР показана трансформация менталитета крестьянина в период установления советской власти, коллективизации, развития и распада колхозной системы.

Ключевые слова: советское крестьянство; колхозы; советская аграрная политика; Татарская АССР.

Злободневность изучения советского и тем более постсоветского периодов обусловлена исторической близостью рассматриваемой эпохи, что мешает многим ее акторам и очевидцам занять свободную от субъективных эмоций позицию. При этом диапазон точек зрения простирается от полного нигилизма до безоглядной веры в потенциал советского государственного устройства. На одном полюсе фокусируется крайнее неприятие этого периода, выражающееся в его оценке как времени, когда страна окончательно упустила свой исторический шанс встать вровень с передовыми странами. На другом полюсе недавнее прошлое ностальгически предстает в образе благополучного времени в истории страны.

Последнее во многом обусловлено зафиксированной в исторических и политико-идеологических публикациях картины, в которой советский человек предстает как сознательный производитель материальных ценностей, приумножающих общественную собственность, являющуюся важным фактором социального прогресса в социалистической стране. В историографии, подчиненной коммунистической монополии на трактовку ретроспекции СССР, колхозное крестьянство вслед за рабочим классом характеризуется как сознательное сообщество, выполняющее грандиозные планы КПСС и советского правительства по преобразованию аграрной сферы. Такой подход чрезвычайно обеднял референцию сельского социума, нивелировал ее, оставлял невнятное ощущение элементарно лицемерной «агитки», принижал роль крестьянства в процессах, приведших к распаду колхозного строя. Аграрная история Татарстана в рамках советской историографии представлена трудами Е. Г. Матвеевой, З. С. Пуцковой, А. Р. Шайдуллина, А. М. Залялова [5; 9; 11]. Пожалуй, самым

---

¹ Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

значимым достижением республиканской литературы по аграрной тематике является коллективная монография «Ленинский кооперативный план и его осуществление в Татарии», в написании которой принимали участие ведущие на тот период историки-аграрники [7].

К сожалению, на современном этапе респектабельность по отношению к советской ретроспективе, подразумевающая рассмотрение ее как норму реальной истории со своими культурогенетическими характеристиками, нередко подменяется оправдательной интерпретацией. При этом признаются многие ошибки и просчеты в развитии тогдашнего строя, но их причины пытаются объяснить не внутренней логикой развития государства и общества, а внешними обстоятельствами. Так называемое «проектное мышление», подгоняющее научное изложение под жесткие схемы угадываемого официозного заказа, в первую очередь направлено к толкованию советского прошлого как справедливо устроенной социальной системы. В рамках подобной рецепции в освещении атмосферы социального мира на селе затушевывается конфликтность, масштаб и значимость протестного контента в аграрной истории.

В данной статье рассматривается конфронтационный паттерн аграрной жизни-сферы, охватывающий широкий спектр фрондирования и оппозиционности: от однозначно деструктивных проявлений в виде внутривидовой агрессии до гражданских инициатив по установлению конструктивного диалога с властью.

Советская история Татарстана начинается с мощных потрясений на селе, которые без всяких оговорок можно приравнять к социальной катастрофе [2, с. 12]. Регион находился в эпицентре разразившейся после революции 1917 г. Гражданской войны. Ожесточенные боевые действия, протекавшие в 1918—1919 гг. с переменным успехом для белых и красных, тяжело отразились на развитии аграрной отрасли и положении крестьянства, составлявшего подавляющую часть населения. В 1920 г. из 2892 тыс. его жителей 2639 тыс. проживали в деревне [15, с. 9]. По сути дела, большая часть населения Татарстана оказалась в положении кормильца армий воюющих сторон, чьи фронты в течение 1918—1919 гг. пролегли по территории Поволжья и Приуралья. С победой Красной армии и упрочением советской власти грабительский характер аграрной политики, сложившийся после октября 1917 г., сохранился.

Осенью 1918 г. для проведения курса продовольственной диктатуры большевиков в Казанской губернии были созданы комитеты бедноты. В октябре-ноябре здесь действовало около 3350 комбедов. Крестьянство в большинстве своем отчаянно сопротивлялось их деятельности. Заметный размах антибольшевистские выступления обрели в Лаишевском районе, их возглавил бывший председатель Лаишевской земской управы Романычев. После того, как здесь было убито около 20 представителей власти, в Лаишево прислали вооруженный отряд, который сумел сломить мятежников, только дав настоящий бой. Случай в Лаишевском уезде был далеко не единичным. Ожесточенная борьба с комбедами осенью 1918 г. отмечалась в Мамадышском уезде. В Казанской губернии поочередно восставали десятки волостей Свияжского, Спасского и Чистопольского уездов. В конце 1918 г. произошли крестьянские волнения в Арском, Мамадышском, Тетюшском уездах. В результате только в Казанском уезде карательными отрядами было убито более 100 человек [6, с. 50].

После роспуска комбедов в конце 1918 г. проводниками и исполнителями грабительских методов становятся формировавшиеся из городских посланцев продоволь-

ственные отряды. В 1920 г. из Татарстана посредством их деятельности было вывезено 10 млн пудов хлеба. В результате потребление его в расчете на душу сельского населения сократилось на 77 %. Реквизициям по твердым (то есть ниже рыночных) ценам подлежали не только зерно и фураж, сахар и картофель, но и мясо, рыба и все виды животных и растительных масел. Иными словами, продовольственные запасы в деревне выметались подчистую.

Крестьянство, борясь за свое выживание, пыталось всячески отстоять результаты своего труда. Чтобы отобрать последний хлеб, продотряды прибегали к использованию жестоких методов обращения с крестьянами: их сажали в «кутузки», морили голодом, пороли, били. Противостояние крестьянства с продотрядами вылилось в 1920 г. в «вилочное восстание». В феврале-марте им была охвачена территория Казанской, Уфимской и Самарской губерний. В нем участвовали крестьяне всех национальностей. Численность участников восстания в регионе установить трудно: она менялась ежедневно. Жители сел и деревень, за редким исключением, предпочитали не выходить за пределы своей деревни. Точно не была подсчитана и численность жертв. Жестокость проявлялась с обеих сторон. По приблизительным данным, было убито более 2500, ранено 3000 и взято в плен 7300 крестьян [6, с. 54].

После короткой благодаря нэпу «передышке» 1920-х гг., примирившей крестьян с советской властью, наступила эпоха коллективизации, период колхозной деревни. Кампания по загону людей в коллективные хозяйства напоминала крестьянству разверстку времен Гражданской войны. Причем необходимо отметить, что крестьянство Татарской республики испытывало более жесткую по сравнению с соседними регионами эскалацию насилия со стороны государства. Как отмечает И. Р. Тагиров, если по стране печально знаменитая статья 107 Уголовного кодекса РСФСР о репрессивных мерах по отношению к укрывателям хлеба применялась к тем, кто имеет излишки в 2 тыс. пудов, то в Татарстане — даже к тем, кто имел излишек в 500 и даже 350—400 пудов хлеба [13, с. 241].

Так же, как и в 1920 г., многие крестьяне были готовы решительно отстаивать свои интересы. По всей Татарской АССР (ТАССР), как и в стране в целом, в той или иной форме происходили открытые столкновения, обусловленные сопротивлением крестьян опустошительным методам проведения хлебозаготовок, грабительским размерам сельхозналога, насаждавшейся колхозизации. Открытое недовольство крестьян дискриминационными мероприятиями аграрной стратегии государства стало заметно шириться с 1929 г. Отчетливые воинственные нотки слышались в выступлениях крестьян на собраниях в Поповской волости Бугульминского кантона, о чем сообщал уполномоченный по хлебозаготовкам: «Вы, пожалуй, у крестьян вызовете горячку, и они членов ВИКа посадят на вилы»¹. О еще более высоком накале в настроениях крестьянства сообщал в 1929 г. заведующий информационно-статистическим отделом Татобкома ВКП(б) М. Федотов: «Будет война — пойдем убивать коммунистов, уничтожим их и жить будет лучше. <...> Надо сейчас же сделать восстание. <...> Лучше скорее война, да другое правительство»².

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 330. Л. 28.

² Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 745. Л. 46—47.

В официальных сообщениях излагаемые факты истолковывались как усиление классово-борьбы, инициировавшееся кулаками. Однако даже в них не могли скрыть всеобщий характер недовольства крестьянства действиями властей. Так, в 1929 г. в информации республиканского информационно-статистического отдела сообщалось: «Влияние кулака далеко не исчерпывается верхушечными слоями деревни, а распространяется и за пределы этих слоев, охватывая отдельные наиболее отсталые элементы бедняцко-средняцко-крестьянства, особенно женщин, отдельные советские органы, а также правые и примиренческие элементы деревенской парторганизации»¹.

Активное противостояние крестьянства экономическому курсу властей, как показывает анализ архивных документов, все отчетливее принимал характер политического протеста. Как отмечалось в вышеупомянутой информации, «довольно часто стали встречаться требования со стороны кулацких и антисоветских элементов об изоляции коммунистов от работы советских органов», при этом их нередко приравнивали к царским чиновникам или бандитам². Со всех районов Татарской республики раздавались требования, которые формулировались в лаконичные бескомпромиссные лозунги: 1) Не делить крестьян на кулаков, середняков и бедняков; 2) Долой бедняцкие собрания; 3) Устранить коммунистов от руководства советами; 4) Дать избирательные права кулакам и муллам; 5) Создать специальный крестьянский союз; 6) Долой партию и советскую власть; 7) Да здравствует монархия.

По сути дела, усиление конфронтационных настроений, принимавших все более политизированный характер, свидетельствовало о том, что в деревне развивалось оппозиционное движение, имевшее четкие цели и задачи, которое в 1929 г. находило широчайшую поддержку среди крестьянства, готового выступить единым фронтом против существующей власти.

Но уже в начале 1930-х гг. по мере усиления натиска власти по реализации кампании коллективизации и раскулачивания в сельском обществе образовался раскол между теми, кто смирялся и принимал активное участие в организации колхозов, и теми, кто решительно выступал против них. Во многих селениях доходило до кровавых разборок.

Наиболее трагический характер она обрела в Альметьевском районе. На протяжении почти всего 1931 г. Альметьевский район по темпам коллективизации и хлебаготовок считался отстающим. Его руководство было обвинено в правооппортунистическом уклоне, что в то время было одним из самых серьезных политических обвинений. Власти района усилили нажим на крестьян, который сопровождался особо грубыми формами насилия, вплоть до смертельного избиения в ряде селений. Когда кампания по поставке хлеба государству была успешно завершена, «перегибы» альметьевских руководителей стали предметом крупного разбирательства. Они были отданы под суд, который для большинства из них закончился тюремным заключением и даже для четверых — смертной казнью [1].

Были примеры и пораженческих настроений, доводивших не примирившихся с действиями властей крестьян до полного отчаяния. Так, в Чистопольском кантоне

---

¹ ГА РТ. Л. 47.

² Там же. Л. 48.

покончил жизнь самоубийством зажиточный крестьянин Агафонов, получив повестку о сдаче 60 пудов хлеба, на обороте которой он написал: «Это смертный приговор, который привожу в исполнение». К ней же он приложил посмертное письмо, в котором говорилось: «Не по заслугам угнетен всякими налогами в неправильном размере. Дальше жить так нельзя, выбился из сил, невольно и самовольно кончаю жизнь, пусть угнетатели останутся победителями. Весь труд уходит на налоги, а для себя — страдания»¹.

В конечном счете прямое противостояние крестьянства с государством, прибегшим к насильственному разрушению традиционного миропорядка в селе, закончилось установлением в нем колхозного строя. Но сталинское руководство не о таком переустройстве деревни мечтало. О признании им ненадежности колхозной системы свидетельствовала ее частичная дезавуированность в чрезвычайной для существования государства обстановке Второй мировой войны. Чтобы более эффективно использовать колхозные землю и скот, они нередко передавались в частные руки. Кроме того, идеологический ригоризм был отброшен и в отношении тех, кто был заклеен как кулак, имел судимость или не то социальное происхождение. Многим из них в годы военного лихолетья были доверены посты председателей, другие руководящие должности. Так, в Татарстане уже во второй половине 1941 г. были заменены 65 % председателей колхозов и 66 % бригадиров полеводческих бригад [4, с. 143]. Руководство колхозами часто попадало в руки тех, кто ранее скомпрометировал себя как противник колхозного строя. В ряде районов на пост председателя колхоза были выдвинуты люди, имевшие «кулацкое» прошлое, участники вилочных восстаний 1920-х гг., имевшие судимость за антиколхозную агитацию [4, с. 145]. Правомерно предположить, что это были наиболее смекалистые и предприимчивые крестьяне. Этим, в частности, объяснялось возрождение в годы военного лихолетья у крестьян надежд на ликвидацию колхозной системы, возвращение к традиционно сложившемуся крестьянскому доколхозному укладу жизни.

Отчасти росту антиколхозных настроений способствовало положение, складывающееся на фронте в первый период войны. Так, в селе Старая Михайловка Альметьевского района в 1942 г. была арестована группа граждан, которая не только «срывала» государственные мероприятия в области сельского хозяйства, но и выказывала «пораженческие» настроения. Один из жителей этого села, вернувшийся из плена, публично восхвалял жизнь в Германии. «Нам, — говорил он, — до немецкой культуры далеко, нужно еще прожить 50 лет, чтобы сравняться, немцы ходят и одеваются чище нас». Тут же другой участник беседы добавил: «Скоро немцы придут сюда, они уже забрали г. Баку, Сталинград, беспощадно бомбят Куйбышев, нас здесь скоро освободят от советской власти, от этих колхозов». Причем эти высказывания шли от руководителей колхоза. Как отмечалось в обвинительном заключении, «колхозники на работу выходили в 10—11 часов и бросали работу в 3—4 часа дня». В этом же документе отмечалось «разбазаривание хлеба на внутривоспроизводственные нужды» при существенных недопоставках его в государственный фонд. Очевидно, «разбазаривание» означало стремление руководителей хозяйства обеспечить более-менее сносное существование односельчан. Завхоз этого колхоза, мотивируя недопоставки в государ-

¹ ГА РТ. Д. 330. Л. 51.

ственный фонд, говорил: «Если мы будем отправлять хлеб государству, то колхозников оставим голодными»¹.

Фактаж послевоенной реальности в аграрной сфере свидетельствует о ревалвации процесса коллективизации, ужесточении аграрной политики. Усиливались репрессивные меры по отношению к руководителям аграрного производства по мере избавления от внешнего врага. Так, в течение хлебозаготовительной кампании 1943/44 г. было предано суду 138 председателей колхозов, а только за первый квартал 1946 г. — 168².

Со стороны же крестьянства в первые послевоенные годы наблюдалось усиление вызова колхозной системе, причем конфронтационные проявления охватывали все спектры сельского социального мира. Со стороны местного руководства были распространены случаи злоупотреблений служебным положением, незаконного распоряжения имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов.

Рядовые колхозники были также полны решимости отстаивать свои права на землю, на пользование плодами своего труда. В условиях отсутствия адекватной оценки труда в колхозе они становились на путь самовольного захвата колхозных земель. В первые послевоенные годы сельские жители не спешили возвращать в колхозы обобщественные в период коллективизации земельные участки, а также скот. По материалам проверки, проведенной осенью 1946 г. в 1110 колхозах 26 районов республики, что составляло примерно их половину, было установлено самовольное расширение приусадебных участков у 3 тыс. колхозных дворов и 1518 хозяйств, не входивших в колхозы³. Это при том, что к весне 1946 г. у крестьян республики было отобрано более 91 тыс. га земли, около 2 тыс. коров и лошадей [12, с. 280]. Мероприятия государства по изъятию колхозных земель во второй половине 1940-х гг. имели сиюминутный эффект, и к ним приходилось прибегать почти ежегодно. Так, в 1948 г. в 3428 колхозах было выявлено более 20 тыс. случаев самовольных захватов колхозных земель на площади 3854 га разными организациями и лицами — не членами колхозов. Из них 3696 га было возвращено колхозам⁴. Согласно постановлению Совета министров СССР «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельхозартели в колхозах», принятому в июле 1950 г., правительство ТАССР не сумело остановить процесс расхищения общественных земель⁵.

Не имея возможности получения справедливого вознаграждения за свой труд в колхозе, крестьяне вынуждены были становиться на путь хищений общественной собственности. По данным архива МВД Республики Татарстан, в 1946—1948 гг. за это ежеквартально возбуждалось уголовных дел и предавалось суду от 600 до 2000 человек. За 9 месяцев 1949 г. судами ТАССР за хищение хлеба и колхозного имущества было осуждено 994 человека, из них сроком от 5 до 10 лет 784 человека; со сро-

---

¹ ГА РТ. Ф. 128. Оп. 13. Д. 169. Л. 345—347.

² Архив МВД Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 59. Д. 9а. Л. 8.

³ ГА РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 146. Л. 91.

⁴ Там же. Ф. 118. Оп. 1. Д. 21. Л. 2, 7.

⁵ Там же. Ф. 15. Оп. 32. Д. 191. Л. 6.

ком от 10 до 15 лет 142 человека; со сроком от 15 до 20 лет 31 человек. К условным исправительным работам было приговорено 137 человек. Зачастую большие сроки тюремного наказания назначались даже за мелкие кражи. Так, колхозники Ахтямова и Кошаков из колхоза «Красный Октябрь» Шереметьевского района за хищение 590 кг пшеницы были осуждены на 20 лет с конфискацией имущества¹. В Первомайском районе колхозник Салманов за хищение 16 кг хлеба был приговорен к 8 годам лишения свободы².

Помимо покушения на колхозную землю и хищений колхозного имущества, протестная модель деревни против существующей аграрной политики выражалась и в уклонении от работы в колхозе. В 1948 г., когда был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни», репрессивные методы на селе обрели массовый характер. Указ предусматривал выселение на 8 лет крестьян, не желавших работать в колхозе за «палочки». К началу 1949 г. в отдаленные районы страны из республики было выслано около 700 колхозников и более 400 членов их семей³.

Массовый характер нежелания работать в колхозе не означал отсутствие тяги к крестьянскому труду. В этой связи характерен пример колхоза «Красный Болгарец» (с. Болгары) Куйбышевского района. В 1951 г. здесь была «изобличена группа бывших кулаков, на протяжении ряда лет подрывавших общественное хозяйство колхоза»⁴. Речь шла о раскулаченных в начале 1930-х гг. 15 семьях, вернувшихся после войны в родные места, главы которых воевали на фронте. Воодушевленные победой, с желанием жить и работать на родной земле, все вернувшиеся приобрели себе дома, обзавелись скотом, пасаками, получили в колхозе приусадебные участки. Один из них — единоличник А. Рябов — построил двухэтажный дом с собственной мастерской в нижнем этаже площадью 54 кв. м, оборудовал ее полным комплектом столярных инструментов, токарными станками, круглой пилой, выполнял там частные заказы. Другой житель этого села — Ф. Тяников — построил два дома, обзавелся скотом, собственной пасекой из 18 ульев, двумя лодками, в том числе одной моторной, рыболовными снастями, заседал огород. Еще один бывший зажиточный житель этого села — Н. Е. Кузнецов, сбежавший из села в 1930 г., боясь раскулачивания, — занял отобранный у него дом, получил приусадебный участок, приобрел корову, пять овец, пасеку, в колхоз не вступал [3, с. 206].

К середине 1950-х гг. активная фаза сопротивления крестьянства навязанным внешне формам модернизации аграрного сектора уже перешла в пассивную фазу. Деревня, не сумев противостоять натиску властей, научилась от него уклоняться. В период хрущевских реформ конфронтационный паттерн поведения на селе наиболее явно просматривается в связи с авантюристическим курсом «догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока» и кампанией по ликвидации личного подсобно-

¹ ГА РТ. Ф. Р-5874. Оп. 2. Д. 1093. Л. 23.

² Красная Татария. 1949. 30 авг.

³ ГА РТ. Ф. 15. Оп. 30. Д. 3. Л. 25

⁴ Там же. Ф. 128. Оп. 2. Д. 158. Л. 3.

го хозяйства (ЛПХ). Письма во власть показывают, что эти реформы были восприняты крестьянством болезненно. В письмах-жалобах крестьян, мемуарной литературе описываются трагикомические и драматические события об изъятии стельных коров с личных подворий, об отправке животных под видом больных на мясокомбинат в счет выполнения плана поставок колхозом, о принуждении председателями колхозов сдавать в счет выполнения планов колхоза купленную на базаре животноводческую продукцию.

Полные драматизма вопиющие факты изложены в письме (1961 г.) Хисамиева из Заинского района, адресованном Н. С. Хрущеву. Это письмо написано в самый разгар кампании «Догоним и перегоним Америку!». В нем говорится: «Дорогой Никита Сергеевич! У нас случилось несчастье — угнали насильно 25 коров из нашей деревни на мясо, мотивируя тем, что они больные. А действительная причина такая. На пленуме Татарского обкома КПСС сильно критиковали Заинский район за срыв по заготовке продуктов животноводства. По приезду был создан пленум Заинского райкома КПСС, и решили ликвидировать срыв по заготовке продуктов животноводства на первый квартал 1961 г. Как и кому в голову пришло, не знаем, в деревню приехала ветврач Заинского района Никольская (жена второго секретаря РК КПСС). Осмотрели коров, зашли в канцелярию и начали писать список больных коров. Список диктовал ветфельдшер без образования Шакиров Шами. <...> Звали в правление и требовали сдавать или платить штраф в 300 руб. (в старом масштабе цен). 29 марта днем и с 29 на 30 марта всю ночь не пускали людей к себе домой. Это было страшное зрелище: плач стариков и женщин, проклятия. 30 марта начали насильно выгонять коров с хозяином на улицу. Председатель сельсовета верхом на лошади лично выгонял коров и хозяина. <...> Когда освежевали коров, они были здоровыми и чистыми. Нигде никакой болезни. Шесть коров на днях должны были отелиться. Как больно было видеть, как из-за самодурства одного человека, занимающего высокий пост, было нанесено столько горя людям и ущерб государству. <...> Вся деревня в оцепенении и ждет, вот завтра опять придут и заберут остальных коров. Вся надежда на Вас, Никита Сергеевич»¹.

Отчаянное настроение в деревне, связанное с насильственным изъятием сельхозпродукции у крестьян, хорошо передает коллективное письмо из с. Салмачи Высокогорского района, в котором они пишут: «Большинство колхозников живет сейчас только за счет щавеля — лесной травы, которую приходится собирать, носить на рынок, продавать и покупать хлеб. Среди нас происходит такое возмущение, как будто мы живем не при советской власти. Из Вашего выступления по радио мы слышали, что нужно продавать государству излишки, а у нас, наоборот, если нет у колхозника яиц, то нас заставляют покупать на рынке по 1 руб. 30 коп. и продавать государству по 57 коп. Просим, дорогой Никита Сергеевич, объяснить нам все это»².

Любопытными воспоминаниями на тему притеснений ЛПХ делится в своих опубликованных мемуарах ныне известный в республике государственный деятель Равиль Фатыхович Муратов: «У нас в доме было чуть более десятка кур и один петух.

---

¹ ГА РТ. Ф. 15. Оп. 37. Д. 343. Л. 99—100.

² Там же. Оп. 42. Д. 20. Л. 129—130.

И это штук на пять оказалось больше, чем позволяла советская власть. Строго говоря, эта самая власть представляла перед взорами перепуганных сельчан в виде специальной комиссии, которая ходила по дворам и переписывала всю живность: кур, коз, коров». Далее он описывает, как им с матерью, преодолев страх, удалось спрятать в подвале пять кур, и какую «взбучку» они получили потом от отца. Он возглавлял в то время сельскую партийную организацию [10, с. 15]. Находясь в рядах сельской верхушки, он не мог не понимать решимость властей республики в выполнении непомерных задач по увеличению государственных поставок животноводческой продукции.

Перегибы в действиях местных руководителей Татарстана в отношении ЛПХ получили широкую огласку в статье «Буренка под арестом», опубликованной 1 августа 1962 г. в газете «Комсомольская правда». После этого одни из них были сняты с работы, другие получили административные взыскания решением обкома КПСС [3, с. 249].

Освещенные выше факты, казалось бы, свидетельствуют об отсталости взглядов крестьян, тормозивших процесс аграрной модернизации, направленной на развитие крупного производства, призванной избавить крестьян от архаичного труда на крестьянском подворье. Однако, как показывает дальнейшее развитие событий, активная рефлексия народа на попытку директивного раскрестьянивания села в конечном счете способствовала корректировке проводившегося аграрного курса в республике, очистив ее от волюнтаристских нереалистичных мероприятий. Все вышеприведенные свидетельства означают, что по отношению к ЛПХ в крестьянстве сохранялся источник самореализации хозяйственника, наступление сверху на который вызывал наиболее выраженную рефлексию.

Вместе с тем, проявившийся лишь в «эпистолярном жанре», он показывает, что оппозиционные настроения в нем обрели пассивный характер. Письма-жалобы, письма-разоблачения, хотя и находились в протестном континууме миропорядка, но свидетельствовали о разрушении горизонтальной социальности в крестьянстве, об атомизации сельского мира. Все эти письма представляли апелляции не к конкретным социумам, частью которого писавшие себя ощущали бы, а к вышестоящим органам. В этих письмах чаще всего заключалась наивная вера в локальный характер отдельных недостатков, в их быстрое изживание при наличии справедливой местной власти. Большинство писем представляло собой не собственно размышления об объективных причинах изложенных фактов, событий, а писалось с целью призвать виновных к ответу, прислать комиссию и т. п. Иными словами, наказание виновных, пресечение беспорядков рассматривалось исключительно как удел власти, которая чем сильнее, тем лучше может справиться со своей миссией.

Жалобы, сигналы снизу наверх, как правило, имели мизерный эффект. В большинстве случаев проверки по письмам подтверждали наличие фактов, изложенных в них, однако принятые по конкретным нарушителям меры были не адекватны размеру их проступков. Нередко в ситуациях, когда дело подлежало рассмотрению в судебных органах, руководители отделялись выговорами. При наиболее очевидных злоупотреблениях их лишь смещали вниз по служебной лестнице или переводили на аналогичный уровень в другой район. Когда же дело все же доходило до судебных органов, нередко партийные власти вставляли на защиту осужденных.

Либерально-попустительское отношение к неистребимым явлениям казнокрадства, взяточничества, хищений общественной собственности, обретшее к концу советской эпохи типичный характер, создавало не только прецедент вседозволенности и для широких масс рядовых работников (падение дисциплины, рост хищений, нарушения в использовании колхозного транспорта), но и вело к внутреннему разладу. В позднесоветский период за ширмой внешнего благополучия сельского мира, уже не сотрясаемого рецидивами Гражданской войны, внутривидовой агрессией, как в начале колхозного периода, часто крылся задавленный крик души. Он трансформировался в стиль презрительных насмешек над властями, в вязко-депрессивную форму профанации общественного труда, другие инфинитивы циничного социального поведения. Те же, кто не смог адаптироваться к общественным реалиям посредством включения механизма самозащиты, прибегал в лучшем случае к бегству из сельского мира, в худшем — к пьянству, другим проявлениям личностной деградации.

В конечном счете атрофия самоответственности, самоконтроля трансформировалась в иждивенчество советского крестьянства. Объективно обусловленная и широко декларируемая интенсификация производства находила правильное отражение в бумагах с подробной разработкой мер по ее осуществлению, принимаемая в реальности уродливые недоразвитые формы. Отдельные технологические приемы, рекомендованные наукой, дискредитировались практикой в силу спорадического некомплексного их применения. Беспорядочность, кампанейщина, перескакивание через этапы, игнорирование конкретной обстановки характеризовали осуществление многих мероприятий, проводившихся в сельском хозяйстве. В результате характерной в позднесоветский период стала картина села, когда новые тракторы разбирались на запчасти; тонны химических удобрений мокли под тальми водами; доильные установки ржавели, простаивая; мелиоративные системы бездействовали; там, где с успехом могла быть использована живая тяговая сила, эксплуатировались мощные трактора и автомобили. Деперсонализация определила ключевой момент в эволюции аграрной сферы в советский период: у земли не оказалось собственника, настоящего хозяина.

Вместе с тем в республике были яркие примеры, свидетельствующие о формировании социального слоя, готового трудиться и жить в соответствии с регламентом широко декларируемой интенсификации аграрного производства. Речь идет о личностях, проявлявших незаурядную деловитость, предприимчивость, направленную на усовершенствование сложившейся колхозной системы. К примеру, Г. С. Саттаров из Кукморского района даже пытался добиться аудиенции у Л. И. Брежнева для того, чтобы поделиться своими соображениями, почему «при такой технике, при таких удобрениях, при астрономической помощи партии и правительства сельское хозяйство ссылается на плохую погоду»¹. В 1964 г. в ЦК КПСС целую программу (на 15 страницах) по совершенствованию системы планирования заготовок зерна и животноводческой продукции, механизации и материально-технического обеспечения сельскохозяйственного производства с приведением цифровых таблиц разработал и направил Г. В. Фадеев, агроном-экономист Мензелинского производственного

---

¹ГА РТ. Оп. 8. Д. 119. Л. 45—50.

управления ТАССР. В ней он выразил тревогу за судьбу аграрной отрасли, которая, по его словам, требовала немедленного разрешения¹.

Надо сказать, инициативы снизу по совершенствованию аграрных отношений в селе не всегда обеспечивали их акторам бесконфликтную жизнь, но, оставаясь всегда верными делу, они внутренней силой сдерживали развитие негативных процессов в коллективах, которыми руководили, хотя в общем масштабе предотвратить их не могли. основополагающим принципом аграрной политики оставался сильный государственный патернализм, оборачивавшийся усилением бюрократизации в регулировании хозяйственных связей, конъюнктурно-протекционистским подходом в реализации конкретных мероприятий по развитию сельскохозяйственного производства. Тем не менее изучение общественных инициатив, голоса крестьян, иногда весьма диссонирующих с официальной тональностью политических деклараций и заявлений, доказывает, что колхозное крестьянство не было серой аморфной массой, инертной толпой, оно имело плюралистический характер.

При всем казавшемся незыблемым господстве официальной трактовки общественных отношений как гармоничного союза сознательных тружеников под мудрым руководством Коммунистической партии СССР, пусть и в ограниченном зародышевом состоянии, зрел гражданский активизм, имевший далеко не всегда удобный для властей, а потому часто игнорируемый ими характер. В конечном счете это привело к накоплению социальных коллизий в аграрной сфере, критический уровень которых привел к распаду колхозного строя.

Тут бы хотелось подчеркнуть опасность облегченных оценок сложных и неоднозначных процессов в деревне в советский период, которые в ранний постсоветский период привели вновь к революционным методам переустройства деревни. Конечно, в Республике Татарстан благодаря реализации особой политики «мягкого вхождения в рынок» и постепенной либерализации цен наблюдался меньший спад аграрного производства и сохранились крупные сельскохозяйственные предприятия. Благодаря сохранившейся вертикали власти руководству Татарстана удалось оказать максимальную поддержку сельскому хозяйству. Такая политика стала одной из причин более благополучной по сравнению с общероссийскими тенденциями экономической и демографической ситуации в деревне Татарстана, поскольку в ней спад в общественном секторе был менее выраженным. Кроме того, республика смогла сохранить и модернизировать сельские институты местного самоуправления и значительную часть объектов социально-культурной инфраструктуры, а также минимизировать последствия потери рынка труда. Результат этой политики очевиден. В начале XXI в. Республика Татарстан по объему валовой продукции входила в числе флагманов среди субъектов Российской Федерации (4-е место) [16, с. 50].

Однако за этими экономическими успехами в латентном виде складывается особая система неформального взаимодействия «моральной экономики» (примитивные бартерные отношения) с господствующей административно-управленческой системой. В татарстанской деревне не сложились в достаточной мере цивилизованные рыночные отношения, в стратификации сельского общества не сформировалось значительной влиятельной страты успешных предпринимателей в лице крестьянских

¹ ГА РТ. Оп. 45. Д. 205. Л. 5—21.

(фермерских) хозяйств. Политика формирования этого способа хозяйствования не нашла широкой поддержки у сельского населения. Настоящие сельские предприниматели (не квази- и не псевдо-) на протяжении уже 30 лет остаются причудливым для большинства сельского населения слоем, вынуждены приспосабливаться к своему положению тем, что берут на себя социальные обязанности, которые раньше выполнялись колхозами и совхозами. Фермеры своей техникой помогают крестьянским подворьям обрабатывать земельные участки и выполнять другие работы сельской повседневности, часто выступают спонсорами социально-культурных мероприятий, в том числе многочисленных народных праздников и фестивалей. Эта социальная роль и культуртрегерство позволяют им удерживать свои позиции в аграрной сфере.

Завершая, отметим, что цивилизационный подход, уважительное отношение к крестьянству, его истории требует учитывать, что за годы советской власти у крестьянина выработался менталитет колхозника. В аграрной сфере работало огромное количество людей, предпочитающих работать «от звонка до звонка» под руководством толкового бригадира в хозяйстве умного председателя и удовлетворенных связью с родным хозяйством в виде высокой зарплаты. И это обязательно были лентяи или безразличные люди, это были вполне честные трудолюбивые работники, привыкшие так жить и считающие такой образ жизни наиболее приемлемым для себя. Таких людей с разрушенной психологией собственника не следовало силой пытаться окрестьянить. В условиях отказа в аграрной политике от экстремистско-большевистской логики «или-или» нужно было сменить приказной тон в отношении крестьянства на диалог с ним, при этом предоставив ему возможность самому решать, стать ли хозяином, наемным работником или занять некое промежуточное положение. В аграрной экономике должно быть многообразие — и кооперативы, и акционерные предприятия, и фермеры, и даже государственные предприятия. Фетишизация возрождения крестьянской самостоятельности и развития многоукладности в экономике при отсутствии комплекса факторов преобразований с точки зрения технической оснащенности, социальных гарантий, четких правовых норм привела к обострению экономических, социальных и демографических процессов в деревне.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Альметьевское дело». Трагические страницы из истории крестьянства Альметьевского района (конец 20-х — начало 30-х гг.) : сб. мат. и документов. — Казань, 1999.
2. *Галлямова А. Г.* История Татарстана: модернизация по-советски / А. Г. Галлямова. — Казань, 2010.
3. *Галлямова А. Г.* Татарская АССР в период постсталинизма (1945—1985 гг.) / А. Г. Галлямова. — Казань, 2015.
4. *Гильманов З. И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне / З. И. Гильманов. — Казань, 1977.
5. *Залялов А. М.* Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Татарии (1917—1937 гг.) / А. М. Залялов. — Казань, 1974.
6. История Татарстана и татарского народа. 1917—2013 гг. — Казань, 2014.
7. Ленинский кооперативный план и его осуществление в Татарии. — Казань, 1970.

8. *Матвеева Е. Г.* Крестьянство Татарии в период развитого социализма (1959—1975 годы) / Е. Г. Матвеева. — Казань, 1980.

9. *Матвеева Е. Г.* Изучение трудовой активности крестьянства Среднего Поволжья периода развитого социализма / Е. Г. Матвеева // *Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья*. — Саранск, 1981. — С. 287—296.

10. *Муратов Р. Ф.* Дорогу осилит идущий / Р. Ф. Муратов. — Казань, 1996.

11. *Пуцкова З. С.* Деятельность партийных организаций по развитию материально-технической базы сельского хозяйства Среднего Поволжья (Историография вопроса) / З. С. Пуцкова // *Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья*. — Саранск, 1981. — С. 298—306.

12. *Султанбеков Б. Ф.* История Татарстана. XX век. Ч. IV / Б. Ф. Султанбеков, Л. А. Харисова, А. Г. Галлямова. — Казань, 1998.

13. *Тагиров И. Р.* Очерки истории Татарстана и татарского народа / И. Р. Тагиров. — Казань, 1999.

14. *Шайдуллин А. Р.* Борьба Татарской партийной организации за крутой подъем сельского хозяйства (1953—1959 гг.) / А. Р. Шайдуллин, И. Н. Юдин // *Ученые записки КГУ*. — 1960. — Т. 120, кн. 1. — С. 175—230.

15. *Шайдуллин Р. В.* Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920—1928 гг. / Р. В. Шайдуллин. — Казань, 2000.

16. *Шайдуллин Р. В.* Современная татарстанская деревня в контексте реформ конца XX — начала XXI в. / Р. В. Шайдуллин // *Региональное измерение аграрной модернизации в России*. — Саранск, 2020. — С. 48—58.

**«ПРАЗДНИК УРОЖАЯ»: ДЕРЕВЕНСКАЯ ТЕМА
В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» (1923—1991 ГГ.)**

Журнал «Огонек» выполнял важную функцию трансляции советских ценностей в массовое сознание. Рассматриваются формы и способы презентации аграрно-крестьянской проблематики в журнале в контексте революционного и/или национально-патриотического подхода. Представление деревенской темы отвечало соцреалистическому героическому канону, проходило под знаком продовольственного изобилия. Ее мифологизация достигла в «Огоньке» высокой степени.

Ключевые слова: крестьянство; деревня; колхозы; культура; журнал «Огонек»

Журнал «Огонек» — крупнейший иллюстрированный еженедельник, играл значительную роль в трансляции советских ценностей в массовое сознание, в формировании мемориальной культуры. При всем разнообразии тематики журнала, нацеленного отразить проявления современности в стране и в мире, приоритетными были общественно-политическая и литературно-художественная сферы.

Однако не осталась без внимания журнала и аграрно-крестьянская проблематика. Выдвинутый партией в 1924 г. лозунг «Лицом к деревне» стал для «Огонька» важным ориентиром в формировании репертуара публикаций. Издание журнала было возобновлено в 1923 г. по инициативе М. Кольцова, ставшего его главным редактором. В том году отмечалась пятая годовщина Октябрьской революции, а страна делала первые шаги в реализации нэпа. В этих условиях «Огонек» рассматривал все процессы как продолжение Революции. После всех лишений и голода, перенесенных страной, важно было продемонстрировать нацеленность на полное хлебное изобилие.

Не случайно на обложке самого первого номера «Огонька» этот посыл был выражен ярко и отчетливо. Пространство рисунка на ней было поделено на две части. Образ Гражданской войны, представленной уже как прошлое, хотя и недавнее, ассоциировался с мраком, разрухой, пустыми полями, стаями воронья, чахлыми колосьями, остановившимися заводами, разрывающимися снарядами. И надо всем этим пейзажем победно шествовала Смерть. Настоящее же, а скорее — будущее, представало во всей полноте хозяйственной жизни — с работающими фабриками и заводами, линиями электропередач, мощным кораблем — советской Россией, с огромным бескрайним полем, тучными колосьями. На этой стороне рисунка все освещало своим светом яркое солнце.

---

¹ Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, Институт философии РАН, i.koznova@gmail.com, Россия, г. Москва.

Изображение деревни в «Огоньке» (впрочем, и города тоже) строилось на контрасте старого и нового, а в деревне этот контраст был выражен сильнее. Журнал отмечал, что в нэповской России еще «царствует» крестьянская Русь. Россия не для старых, но все же молодая Россия пока в проекте. В новой деревенской жизни присутствовало «все вместе, трагедия с комедией и водевилем», или, по выражению тех лет, «старое в новом и новое в старом». Так, на фотографии, сделанной во время обследования одного из сельсоветов Московской губернии, можно было видеть множество икон. На обложке № 23 за 1923 г. красовалась молодая крестьянка с серпом, в других номерах были фотографии молотьбы хлеба вручную и т. п. Большой (в разворот) фотоочерк «День в рязанской деревне» в № 26 за 1927 г. больше фиксировал черты обычного образа жизни и скорее среднего достатка (лошади, плуг, многодетная семья, прядение шерсти, иконы). Но отмечал и технические новации в деревенской жизни (трактор), и становящиеся более привычными картины выполняющих домашние задания учеников за общим семейным столом.

Курс «Лицом к деревне» нашел яркое отражение на страницах «Огонька». Журнал подробно осветил работу XIV конференции РКП(б) (апрель 1925 г.). Значительное место уделялось примерам крестьянской активности, формам хозяйственной и культурной смычки деревни и города, особенно развитию системы деревенского образования, устройству «Ленинских уголков», чтению партийно-советской и профильной прессы. Особо «Огонек» выделял «Крестьянскую газету», в развитии авторитета которой, а также в поддержании движения селькоров немалую роль сыграл М. Горький, один из главных культурных героев журнала. Так, в № 14 за 1925 г. рассказывалось о Первом Всесоюзном съезде селькоров «Крестьянской газеты», а в № 15 помещалось фото делегации селькоров у Сталина, содержавшее пояснение для читателей, что генсек — в центре. В 1925 г., видимо, такие пояснения были еще нужны.

Москва позиционировалась в «Огоньке» как «крестьянская столица», куда стекались ходоки из всех регионов страны и посланцы со всего мира. Характерен фотоочерк о приемной М. И. Калинина. Размещая информацию о международных событиях, журнал не прошел мимо такого события, как 2-й пленум Крестьянского Интернационала. На фото обложки № 18 за 1925 г. сливались в рукопожатии «незамощный» бородатый крестьянин с Черниговщины в тулупе и представитель сельскохозяйственных рабочих негров США [так в подписи к фото. — И. К.] в костюме-тройке с галстуком. Рассказывалось о Центральном и Московском домах крестьянина, названных журналом «Крестьянской академией». Например, на одном фото была запечатлена беседа бородатых крестьян за чаем с бородатым же профессором Высшего технического училища. В Московском доме крестьянина часто выступал известный агроном А. А. Зубрилин.

Журнал активно пропагандировал внедрение новых аграрных технологий и машин в крестьянское хозяйство, отслеживал и отображал образцы советизации села и крестьянского сознания, особенно «Праздники урожая». Помещая очерки писателя В. Шкловского, посвященные полету агитсамолета «Лицом к деревне» в ряд южных губерний России, включая Воронежскую, журнал привлекал внимание к вопросам землеустройства и мелиорации. Бедность, отсутствие культуры, жестокая беспросветная нужда края «от времени мамонта до вчерашнего дня» — вот что прежде всего бросалось в глаза в черноземной деревне. С самолета была видна крестьянская черес-

полосица, но также и большие квадраты со зреющим на широком поле хлебом. «Из деревень выселены помещики, но еще важнее выселить с полей овраги. Поле больно оврагами, как сифилисом. Здесь был неурожай и будет. Дождь выпадает, но не попадает в то время, когда он нужен. Абсолютное количество осадков почти достаточно, но вода попадает не вовремя и уходит в иссушенную оврагами почву. Земля издырявлена... Малярия защищает свои наследственные места», — образно отмечал В. Шкловский.

Описывая гигантский труд местных мелиораторов и крестьян, он приводил сведения о зримых результатах смычки, по его мнению, единственного спасения культуры и хозяйственной жизни обширного региона¹. Шкловский писал о мелиораторах, не выделяя кого-либо персонально, а между тем именно в те годы уроженец Воронежа, начинающий писатель А. Платонов работал в должности губернского мелиоратора и одновременно заведующим работами по электрификации (1923—1926 гг.). С его деятельностью связаны значительные результаты в этой сфере хозяйствования, которые, собственно и наблюдал познакомившийся тогда с Платоновым Шкловский [1, с. 77—78, 81—82].

В одном из больших селений, раскинувшемся вдоль Дона на несколько километров, команда агитсамолета провела митинги и устроила полеты крестьян. Полеты были призваны продемонстрировать, что «за хмарой» (облаками, по-местному) ничего и никого нет. Крестьян интересовали самые разнообразные вопросы: сколько стоит и весит летающая машина, почему не падает; будут ли скоро летать все и какая будет стоимость билета; можно ли отдать сына в мотористы? Возможно, самые главные вопросы были про снег и про Бога. В. Шкловский описывал характерный для нэповской деревни поколенческий конфликт: «Когда отвечал такому старику, седому и яростному (он мне кричал: «Не перебивай — твоя речь впереди!»), он выслушал и сказал: «А почему же прежде не объясняли, а только ругались?» (ругал его внук-комсомолец)».

Как отмечал Шкловский, бабы с недоверием отнеслись к его свидетельствам об отсутствии Бога на небе, но им тоже было лестно, что человек летает. Правда, тут же помещалось фото местных крестьян, семидесятилетних стариков Крисуновых. Подпись к фото гласила: «Марфа Крисунова, полетав на самолете, убедилась, что «в небе бога нет», и пожертвовала на Добролет последнюю свою трехрублевку из скопленных на поминание после смерти». Аэроплан, трактор, электрическое освещение — вот в чем спасение деревни, подытоживал Шкловский².

Отстаивая идею культурной революции в самом широком ее понимании, «Огонек» уделял большое внимание вопросам здоровья, гигиены и санитарии. В частности, в 1925 г. подробно и обстоятельно живописалось о крестьянском санатории в бывшем царском ливадийском дворце в Крыму, там, где «прежде царь устраивал пиры и развраты». В № 34 было размещено фото крестьянина в кабинете Николая Второго, в № 35 — статья. Не без пафоса журнал писал, что «царские хоромы превратились в крестьянский дворец. Единственный на всем земном шаре, где отдыхают

---

¹ Шкловский В. На самолете «Лицом к деревне» // Огонёк. 1925. № 30. С. 12.

² Шкловский В. Что за «хмарой»? // Там же. № 32. С. 14.

крестьяне». Здесь, как замечал автор заметки, не «сельсоветчики», а подлинные крестьяне от сохи.

Из комментариев крестьян на «вечере смычки» читатель «Огонька» узнавал, что их поражала «сказочная роскошь» дворца: «Вот, говорят крестьяне, куда окаянный Николка тратил наши кровные денежки»; «Давно Николашке надо было по шапке. Добро-то какое зря пропадало. Хучь теперь народ свет увидел. Чувствую, — оживаю»; «Эх, житье-малина, все хворости забудешь. Домой приеду, новые порядки заведу. Чтоб все чисто и красиво было»; «И до чего же хорошо тут, слов не скажешь. Все есть, чего и не снилось». Действительно, ярко-голубое, ласковое небо, фиолетово-синяя гладь моря, ослепительная белизна дворца в окаймлении зеленых кипарисов и сосен, роскошные «царские палаты» — все это в первый момент подавляло. Однако, как писал корреспондент, крестьяне быстро осваивались, чувствовали себя в основной массе вольно и свободно.

Описывался распорядок дня в этом туберкулезном по профилю санатории, который, по отзывам, якобы был сродни тому, что «на военной службе»: с утра перед процедурами — «зарядовая гимнастика», после обеда — абсолютный покой («час смерти»). Все больные крестьяне были начисто выбриты, коротко острижены, облачены в одинаковые, как в форму, санаторные костюмы. Автор писал далее: «А зазвенит колокол царской дворцовой церкви (ныне красный уголок), — иди «на молитву» в столовую, а потом волен делать, что хочешь. Либо в парк, либо на игры, либо в библиотеку-читальню, либо к эстраде — послушать доклады на темы сельского хозяйства, санитарии, общеполитические, о взаимоотношениях рабочих и крестьян или принять участие в общеобразовательной беседе».

Вечерами залиvisto звучала гармонь, кто-то плясал; на дворцовых террасах «товарищи хрестьяне» играли в различные игры, читали прессу — «Бедноту», «Сам себе агроном», «Крестьянскую газету» и др., спорили на свои деревенские темы. Раз в неделю для пациентов санатория устраивались юридические консультации, на которые набиралось по 150—200 человек, происходили жаркие споры о «случаях, бывших в нашей деревне». Запросы делались устно и письменно. Однако в заметке обращалось внимание, что зачастую ответы юристов, написанные литературным и одновременно профессиональным языком, были непонятны крестьянам и требовали дополнительных подробных разъяснений. Отмечалось также, что особенно горячо дебатировались налоговые вопросы, а также запутанные узлы семейного и наследственного права. Эта сторона санаторной повседневности вызывала позитивную реакцию крестьян: «Открыла нам советская власть глаза и уши».

Однако что касается собственно санатория как места лечения и отдыха, то крестьянские мнения были неоднозначны. Так, одна крестьянка поначалу пыталась его избежать («напасть какая!»), но потом утверждала, «кому я там в деревне нужна, а здесь за мной ухаживают, как за родной». Одни полагали, что «лечения нет — лежи, гуляй, ешь». Другие были недовольны четким распорядком дня. У непривычных к новому типу отдыха «крестьян от сохи» он вызывал скепсис, звучали сетования, что пока они «прохлаждаются» в санатории, дома работа ждет. Большой рассказывал: «Поехать должен был другой. Но только теперь косовица, он и не поехал. А за меня братья поработают. Но только зря это. Вернусь до срока. Не могу сидеть. Все думаю, как там работа идет. Сердце горит думками». И это

«сердце горит», как отмечал корреспондент, — основной мотив всех горестей и сокрушений¹.

Интересно, что на той же странице под статьей о санатории было размещено большое фото Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева на отдыхе в Боржоме. Кстати, фотографии отдыхающих на курортах «вождей» с семьями, включая Л. Д. Троцкого, но не И. В. Сталина, «Огонек» в середине 1920-х гг. размещал регулярно.

В отличие от широко развернутой в журнале исторической части, тех или иных сюжетов, связанных с прошлым страны и ее культурой, освободительным движением, ее деревенский аспект был более скудным. Упоминались имена вожаков крестьянских движений — С. Разина и Е. Пугачева.

В № 30 за 1927 г. журнал написал об интересном опыте нового передвижничества, когда группа воронежских художников сделала попытку возродить художественное течение предшествующего века «в более последовательной форме и на новой основе», а именно — на «классовости» и «партийности». К празднованию 20-летнего юбилея 1905 г. в культурной среде Воронежа зародилась мысль собрать не только воспоминания и документы, но и в художественной форме восстановить наиболее яркие эпизоды революционной борьбы народа с царизмом. Воронежская губерния занимала в событиях 1905 г. не последнее место. Нашлись местные художники, отправившиеся по деревням для писания картин и портретов. Крестьяне отнеслись к новому для них начинанию с глубокой симпатией. Устраивались вечера воспоминаний, извлекались ценные исторические документы и фотографии. Отыскивались активные участники событий того времени.

Не обходилось без курьезов. В одной деревне художница попросила местную власть оповестить крестьян, подвергнутых в 1905 г. порке за участие в революционных событиях, что с них напишут портреты, которые будут затем вывешены на юбилейной выставке. Рассыльный плохо понял, в чем дело, и с криком помчался по деревне. Скоро явился один из крестьян, страшно встревоженный и угрюмый. Его усадили позировать, но он буквально дрожал во время сеанса. Когда портрет был наполовину готов и показан «натурщику», тот сразу ожил и рассказал, что рассыльный бегал по деревне и кричал, будто его напишут и повесят за всех, кого пороли тогда на лугу. Вся деревня переполошилась. Когда портрет крестьянина был готов, он обратился к художнице с просьбой замазать, если не жалко краски, все дыры в тулупе, и, не желая срамиться, хотел быть изображенным в новом тулупе. Художнице пришлось уступить. Таким путем было нарисовано свыше 50 картин.

В статье приводились названия некоторых из них, как общего плана, типичных — «Выкуривание помещика», «Аграрники под конвоем», «Усмирение крестьян», «Порубка леса крестьянами и выезд казаков», так и отражавших те или иные конкретные локальные события — «Увоз имущества из экономии Воронцовой-Дашковой», «Порка крестьян в с. Новый Курлак», «Массовое выступление женщин-крестьянок в слободе Марченково Острогожского уезда» и др. Сначала картины выставлялись в Воронеже, а затем демонстрировались по губернии.

Выставка пробудила большой интерес не только к событиям революции, но и к вопросам искусства в целом, особенно у молодежи. Большинство посетителей вообще

---

¹ Валерин С. «Небывалая история». Крестьянский курорт в Ливадии // Огонек. № 35. С. 8—9.

впервые в жизни видели подобное. Отмечалось, что местами не было электричества, и экскурсии по выставке проводились при свете керосиновых ламп. Несмотря на ее платность, от посетителей не было отбоя, и многие оставляли записи в книге отзывов. Крестьяне выражали особое удовлетворение, что картины были «сделаны живыми художниками», а не машиной, и притом с живых, настоящих крестьян местного края. Автор статьи делал вывод, что «вылазка в деревню превратилась в громадное общественное и политическое дело. Крестьяне впервые увидели, чем может стать искусство, сблизившееся с массами»¹.

«Аграрный» 1917 год был представлен рисунком из музея Революции «Октябрь в деревне. Разгром помещичьих гнезд», показательным в своем роде, поскольку хорошо иллюстрировал воспоминания о борьбе крестьян с помещиками.

Безусловно, «Огонек» не избежал классово-партийной риторики, нагнетания атмосферы «кулацкого» террора. К концу 1920-х гг. тема классовой борьбы стала занимать все большее место в журнале. Активно пропагандировал журнал «социалистическое наступление», в том числе в отношении религии. С началом коллективизации на первый план выдвинулась колхозная тема. При этом значительное внимание уделялось «красноармейским колхозам». В то же время приоритет на журнальных страницах первой половины 1930-х гг. отдавался индустриальной проблематике. Что касается сельской, то в публикациях получили распространение термины «большевистский сев», «с посевного фронта». Привлекало внимание «Огонька» ударничество, стахановское движение в сельском хозяйстве. Появились очерки о новой колхозной жизни; здесь на первый план выдвигалось понятие «зажиточность». Часто эти очерки строились по принципу «прежде и теперь».

«Огонек» творил в духе социалистического реализма новую колхозную жизнь, нередко замещая реальность мечтой о ней. Фотографии, рисунки, репродукции картин, сюжеты которых отсылали к теме продовольственного изобилия (уборка хлеба, обмолот зерна, тучные стада), стали отныне каноном в изображении деревни и непременным атрибутом «огоньковских» номеров. Во многом иначе по сравнению с 1920-ми гг. стали выглядеть на страницах «Огонька» и сами сельские жители, особенно женщины и дети. Например, на обложке № 44 за 1924 г. под заголовком «Молодая деревня учится» было размещено фото деревенских девочек с настороженными, слегка угрюмыми взглядами из-под платков. В № 6 за 1940 г. на постановочном фото «На уроке в сельской школе» представляли одухотворенные лица чувашских девочек-подростков. На стене над головами школьников висели портреты Сталина и Пушкина.

В официальной политике преобладала освященная революцией героическая версия, и она распространялась на трактовку «Огоньком» деревенской темы, касалось ли это событий далеких (потомки Сусанина — колхозники, будто получившие от него эстафету героизма) либо недавних (помощь села фронту в годы войны). Сильный духом, вольный, смелый, решительный — таким представал собирательный образ народа, ядром которого был сельчанин, со страниц «Огонька». Характерно, что в 1942 г. именно на Бородинском поле — символе русской воинской славы — были запечатлены в журнале колхозники, воплощая в себе ратный и трудовой подвиг народа в войне.

¹ Сосновский Л. Новое передвижничество // Огонек. 1927. № 30. С. 8—9.

В № 18 за 1946 г. журнал повествовал о русском крестьянине Ф. Головатом, передавшем в фонд обороны средства для строительства двух самолетов, два сына и три зятя которого сражались на фронтах Великой Отечественной.

В колхозный период стали популярны очерки, описывающие путь тех или иных коллективных хозяйств с акцентом на разительные перемены на селе. Особенно показательны в этом отношении два первых послевоенных года, когда существовала острая необходимость подтвердить силу колхозного строя. В 1946 г. сельская тема присутствовала на страницах «Огонька», но в условиях засухи, неурожая и голода журнал был довольно сдержан в ее освещении, хотя фото «гор» намолоченного зерна публиковал. На первый план выходила задача восстановления разрушенного народного хозяйства страны в целом, и в освещении деревенских проблем «Огонек» следовал этому курсу.

Например, было представлено героическое, поистине эпическое полотно руководимой коммунистом многомесячной эвакуации богатого колхоза им. Ленина из Днепропетровской области за Урал, последующего возвращения на «родное пепелище» и его восстановления. В данной статье, одним из авторов которой был писатель Е. Дорош, известный впоследствии своим «Деревенским дневником» (1956—1972 гг.), ярко прозвучал советский дискурс в его аграрном ракурсе, присущий публикациям «Огонька» с началом колхозной истории и особенно в послевоенный период. Его составляющими, формировавшими культурную память советского общества, были повествования о беспросветной нужде селян до революции, о благоденствии колхозов в довоенные годы, о внесенном войной разрыве в «несказанно красивую жизнь, созданную честными крестьянскими руками», о новом возрождении села и подъеме колхозов, о планах на будущее. Показательны оценки, приписываемые разным поколениям: «Старики помнили другую жизнь, тяжкую и горькую. Средних лет мужики за повседневными заботами забыли думать о прошлом. А молодежь полагала, что всегда было так»¹.

Помимо этого, большое внимание уделялось тому, что в риторике тех лет называлось «восстановлением норм колхозной жизни». Характерна статья с символическим названием «Земля», опубликованная в конце 1946 г., о рязанском колхозе «Смычка», председателем которого, кстати, была женщина. Повествование велось на основе противопоставления дореволюционной жизни крестьян и колхозной. Все прошлое рассматривалось, разумеется, сквозь призму народной борьбы за землю. Победа в войне напрямую связывалась с существованием колхозного строя и «твердым соблюдением Сталинского устава колхозной жизни». «Трудись честно, и земля родит» — таков был основной смысл статьи².

Таким образом, первый послевоенный год задал тон в освещении колхозной темы в «Огоньке», а 1947 г. ее продолжил, причем он был поистине «изобильным». Фотографии и рисунки на обложках и внутри номеров на тему сева в разных регионах страны буквально заполнили журнальное пространство в весенние месяцы года. Затем, начиная с лета, журнал оптимистично рапортовал своим читателям о видах на

---

¹Дорош Е., Елисеев П. Колхоз на родной земле // Огонек. 1946. № 36. С. 38—39.

²Араличев И. Земля // Там же. № 46/47. С. 13—14.

урожаи, например, как в фоторепортаже «Кубань собирает богатый урожай» (№ 27). В «Огоньке» это был, пожалуй, «Год хлеборобов Кубани». Неоднократно размещалась реклама-рисунок сберегательных касс под девизом «Поможем своими сбережениями мощному подъему социалистического сельского хозяйства».

Особенностью публикаций был ввод в повествование новых действующих лиц — вернувшихся фронтовиков. В одной из многочисленных статей писателя и публициста А. Аграновского на сельские темы замечалось, что во время его командировки в Красноярский край молодые мужчины при входе в сельсовет называли свои звания в войну и нынешние должности¹. Подчеркивались жажда крестьянина-фронтовика к труду и его любовь к земле, не заглушенное войной чувство земледельца и хлебороба². Когда в одном из рассказов секретарь сельского райкома, фронтовик мотался без сна и отдыха по району и, поднимаясь на мостики комбайнов, видел перед собой «захватившее степь золотое половодье», штурвальный, тоже фронтовик, заявлял: «Мы на войне и не с таким управлялись!»³.

Составляя костяк колхозных парторганизаций, фронтовики еще лучше налаживали колхозное производство, благодаря им колхозы добивались еще более высоких результатов, они поднимали отстающие хозяйства, выводили их в передовые. В этом отношении показателен написанный по всем канонам социалистического реализма роман С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», фрагмент которого был предложен читателям. И то, что публицистическое пересекалось и перекликалось с художественным, весьма характерно. Несомненна также определенная «перекличка» с 1917 годом (а 1947 г. — год 30-летия революции). Напомним, что в советском дискурсе фронтовикам принадлежала важнейшая организующая роль в аграрном движении.

Вносились и другие новые штрихи в советский дискурс, позиционирующий все общество и отдельный колхоз в качестве единой дружной семьи (подразумевалось — во главе с «мудрым отцом»). Для каждого региона выбирались свои маркеры несправедливости единоличной жизни, хотя по большому счету они совпадали. Вот как описывался советско-колхозный путь для нечерноземной полосы. Председатель колхоза «Вперед» Борисоглебского района Ярославской области, член Совета по делам колхозов при Совете министров СССР, 15 лет руководивший коллективом, вспоминал, как прежде, в дореволюционное время, судьба здесь была к людям безжалостна; безземлица гнала народ на заработки в столицы; как дружно и разом вошли единоличники в колхоз, ставший зажиточным и по-семейному сплоченным. Путь руководителя, в основе которого лежала сознательность, почерпнутая из соответствующих «открывших глаза на жизнь книг», трактовался как путь «из «мальчика» у городского хозяина в красноармейца, а впоследствии — в колхозного председателя. Справедливая жизнь пришла с революцией, но в конечном счете — с колхозами⁴.

¹ Аграновский А. Деревня Камчатка // Огонек. 1947. № 13. С. 8—9.

² Аграновский А. Солдат пришел домой // Там же. № 18. С. 17—18.

³ Мальцев Е. Радость. Рассказ // Там же. № 43. С. 13—14.

⁴ Смирнов В. Хозяева // Там же. № 13. С. 15—16.

Путь награжденного орденом Ленина директора совхоза «Кубань» Прудникова описывался как путь «из батрака — в руководителя-орденоносца»¹. А. Аграновский подчеркивал превосходство колхозного строя: «Им всем, едва помнившим единоличную русскую деревню, отвыкшим от «полосок», диким показалось заграничное сельское хозяйство»². Все публикации касались планов коллективов на послевоенную пятилетку с ожидаемыми более высокими показателями в 1950 г. Характеристика, данная успешному колхозу «Красный Октябрь» в Кировской области — «добротность всего, что выходит из-под умелых рук, добротность рачительного хозяина, неустанно думающего о завтрашнем дне — один из характерных признаков всей повседневной жизни колхоза»³, — вполне применима к другим передовым хозяйствам, которые по преимуществу и описывались в «Огоньке». Хотя публиковались и немногочисленные сюжеты об отстающих. Причем в одних случаях причины отсталости связывались с изъянами в местном районном руководстве, в других, напротив, описывалось, как районные партийные руководители бились, чтобы поднять хозяйства.

Неприменно в публикациях упоминались большие запасы хлеба в колхозных зернохранилищах: «Приятно запустить руку по локоть»; «Выкупаться в муке, будто в реке пшеничной». Среди фотографий, представлявших достижения упомянутого колхоза Кировской области, была одна, на которой два колхозника, погрузившись полностью ногами глубоко в зерно, буквально утопали в нем⁴. Молодых руководителей хозяйств и специалистов писатели-публицисты именовали новым поколением колхозников, хозяевами, колхозной интеллигенцией. Колхозное будущее связывалось также с самым юным поколением, которое еще только училось в школе или собиралось в нее.

В этом отношении интересен очерк А. Аграновского о том, как война отразилась на судьбе подростков. В очерке рассказывалось, как в далеком сибирском селе 13—14-летние подростки заменили ушедших на фронт отцов, став транспортной бригадой совхоза «Таежный», которая зимой возила на быках и коровах лес за 30 км, а весной вместе со взрослыми пахала и сеяла. Среди подростков выделялся меньше всех ростом и по возрасту Ваня Замышляев, ставший, тем не менее, стахановцем (это довоенное определение передовика сельского труда сохранялось в лексиконе первых послевоенных лет, но потом было заменено на «ударника социалистического/коммунистического труда»). Выделялся среди сверстников он также и другим, — тем, что много читал (русская, советская и зарубежная классика) и размышлял. Под стать была и его «говорящая» фамилия. Правда, пока суждения мальчика были не свободны от официальных стереотипов времени.

Единственной собственной книгой Вани был томик Пушкина, и поэт являлся для мальчика абсолютным авторитетом (так с празднования столетней годовщины смерти Пушкина в 1937 г. началось его символическое «триумфальное шествие» по стране), слово которого представлялось «правдой», даже если это «Руслан и Людмила». «Но это Пушкин! Разве вы не понимаете, что значит Пушкин!» — разубеждал мальчик

---

¹ Глебов А. На Кубани // Огонек. № 18. С. 15—17.

² Аграновский А. Солдат пришел домой // Там же. С. 17—18.

³ Дмитриевский В. 11 лет спустя / Там же. № 12. С. 7—10.

⁴ Там же.

публициста. Очерк был, безусловно, идеологически насыщенным. Так, Ваня знал наизусть поэму-сказку «Девушку и смерть» М. Горького, признанную И. Сталиным эталонной. И опять ребенок был убежден, что «это не фантазия, а правда. Горький писал тогда, когда мы жили под помещиками и людей продавали как собак». Но как бы то ни было, Аграновский своим очерком ставил актуальную для времени проблему обучения детей-переростков¹.

Глубоким философским подтекстом был проникнут рассказ «В далеком колхозе» А. Платонова, которого интересовала душа работающего на земле крестьянина. И критерий для сравнения зарубежного и отечественного сельского хозяйства находился для платоновского героя, председателя колхоза, как и для самого писателя, не в плоскости крупное/мелкое хозяйство. Если для первого земля — всего лишь сырье для производства, то «у нашего народа земля считается священной, она мать нашего существования, с ней мы связаны плотью и сердцем, а не ремеслом»². То было тяжелейшее время «разгромной кампании» для Платонова, обвиненного в январе 1947 г. в «клевете» на советского солдата, после которой писатель подняться уже не смог.

Тем ценнее, что в 1947 г. три его рассказа и несколько рецензий за подписью А. Климентова благодаря личному мужеству главного редактора А. Суркова были напечатаны в «Огоньке». По версии А. Варламова, это был один из последних, если не самый последний платоновский рассказ, лирический герой которого принимает решение не возвращаться в Москву, а остаться там, «где люди размышляют и работают, заботясь о своем колхозе и обо всем народе <...>. Я там мог бы оказаться полезным», — слова, выразившие несбыточную, предсмертную пушкинскую мечту автора — переменить судьбу [1, с. 507—508]. И в этом, возможно, было то, что родило повествователя с Ваней Замышляевым.

Нередко в журнале пересекались между собой не только сельская и революционная темы, но и литературная, базовая для «Огонька». Творчество передовых отечественных мыслителей и литературных классиков рассматривалось как предвосхищение грядущего, с которым ассоциировалась советская действительность; преобразования на селе представлялись их осуществленной мечтой. Особенно разительные перемены призван был продемонстрировать опубликованный в № 35 и 36 за 1949 г. очерк, автор которого А. Сурков проехал по местам, описанным в радищевском «Путешествии из Петербурга в Москву».

На смену подчеркиваемому прежде аристократизму и барству И. Тургенева и Л. Толстого пришло акцентирование их глубокого интереса к мужику и понимания его глубинной сути, превозношение «русскости» Тургенева и народного правдоискательства Толстого. Второй половине 1940-х гг. и позднее, второй половине 1960-х — началу 1970-х гг. была присуща гиперболизация национально-патриотического, а также степени «народности» русской литературы. Народ предстал высшей инстанцией («народ по-своему судит») в оценке взаимоотношений «верхов» и литературно-художественной интеллигенции.

¹ Аграновский А. Ванька Замышляев // Огонек. № 20. С. 15—16.

² Платонов А. В далеком колхозе // Там же. № 40. С. 17—18.

Народ, в действительности лишенный возможности свободного открытого высказывания своего мнения, получал большие полномочия в «Огоньке» в отношении суждений о воззрениях русских писателей-классиков. Например, А. Пушкин в интерпретации «народных пушкинистов» с. Болдино Горьковской области нес в себе образ поэта-вольнлюбца. «Нигде и не перед кем шапки не скидай. Таков мой обычай!» — эти наставления Пушкина слуге, отказавшемуся поклониться чужому барину, составляли ядро не только локальной культурной памяти о поэте¹. А фотографии колхозников разных возрастов с томиком Пушкина слегка потеснили на время фотографии, где в руках у читающих были труды Сталина. В год 100-летия со дня смерти В. Белинского (1948 г.) приводились местные предания о критике, в которых тот выступал тонким знатоком устного народного творчества, защитником крестьян, атеистом, предпочитавшим церковной службе народные гуляния, игры и хороводы.

Напомним, что в реальной послевоенной деревне, где сохранялись традиционные формы досуга (вечерки и посиделки) и фиксировался рост религиозности сельского населения, одно отнюдь не противостояло другому. Достаточно обратиться к небольшому фотоочерку о подмосковном колхозе «Заря коммунизма» в № 7 «Огонька» за 1947 г. В числе фотографий, запечатлевших заседание правления колхоза, проверку плугов, прогулку школьников, продовольственный магазин сельпо с богатым набором продуктов (колбасы и окорока), читку новой пьесы в кружке художественной самодеятельности для постановки в колхозном клубе, была и фотография посиделок. Подпись под ней гласила: «Вечером по старинке собираются на посиделки в одной из изб. Парень играет на баяне, потом заводят патефон. Под музыку и пение девушки пьют и вяжут».

Автор статьи к 90-летию А. Чехова (1950 г.) высоко поднял уровень его «народности» и «патриотичности». Суждения о нем принадлежали престарелому колхознику из Калининской области, «заядлому» книгочею. «Огоньковский» чеховский миф воспроизводил низовые представления о странствующих правдолюбцах: «Знаешь, каким он представлялся мне раньше, в старое время? Лицо строгое, ходит с палочкой по деревням и городам, людей беспокоит, стучит в окна: „Не так живете, черти полосатые! Лучше жить надо!“ И глаза у него умные, добрые. Он меня как бы вперед толкает <...>. У Чехова все кратко и ясно. Он каждое слово тебе в душу кладет. И слова-то весомые, мудрые!» Пытаясь еще больше возвысить Чехова, автор статьи замечал, что подобных отзывов о Чехове он слышал в деревнях много, от людей разных возрастов и профессий².

Спустя почти 20 лет «Огонек» неустанно фиксировал сельские перемены, например, облик деревни в тургеневских местах (к 150-летию писателя в 1968 г.). Писалось об отсутствии «прежнего смирения и патриархального доброжелательства к жизни», о сельской молодежи, живущей «насыщенной современной жизнью», не хуже, чем в городе. Прослеживались судьбы потомков героев «Записок охотника», испытывавших гордость за свои семейные корни. От неприятия выражения «дворянское гнездо» в 1920—1930-е гг. через полвека пришло его восприятие как «места памяти».

---

¹Дудинцев В. Народная любовь к поэту // Там же. 1949. № 27. С. 12.

²Арамилев И. Светлый талант // Там же. 1950. № 5. С. 20.

Отдельно следует сказать об интеграции аграрной темы в сталинскую. Выдвижение на первый план имени И. В. Сталина началось в «Огоньке» уже в 1924—1925 гг., а в 1930-е — начале 1950-х гг. практически не было номера без его упоминания, причем не всегда напрямую. Например, такие выражения, как «сила стали», «из стали» использовались в том числе и по отношению к колхозникам. О крестьянском движении в царской России речь велась, но специально упоминалось восстание крестьян в Грузии в 1902 г. Среди фотографий на сельскую тему (включая обложки журнала) непременно были фотографии грузинских колхозников.

К 60-летию Сталина в 1939 г. публиковался очерк о колхозе в с. Курейка, где вождь находился в ссылке. Можно отметить и постоянное присутствие рекламы грузинского чая, даже крема для лица «Этери». Среди множества публикаций и фотоочерков, связанных со смертью «отца народов», публиковалась и скромная фотография траурного митинга в одном из колхозов Московской области, среди участников которого были заметны исключительно женские фигуры.

В период «оттепели» имя Сталина дольше всего продержалось в «Огоньке» именно в контексте сельской темы (упоминание колхозов, названных в его честь). Переходность эпохи заметна по фотографиям: в одном и том же номере можно было увидеть фотографии председателя колхоза им. Сталина в Чувашии и сельской комсомолки с початками кукурузы — одной из хрущевских *idee fixe* (№ 52, 1955 г.). Далее сельская тема безоговорочно связывалась с именем Ленина.

По публикациям «Огонька» можно проследить подвижки в идеологической и духовной сферах в период «оттепели». Так, небольшие заметки отсылали читателя и к «Районным будням» В. Овечкина (уже в № 18 за 1953 г.), и позже — к «Одному дню Ивана Денисовича» А. Солженицына. Однако в целом журнал оказался чужд критике сталинизма, и с середины 1960-х гг. в нем возобладала противоположная тенденция и установка на национально-патриотическую линию. В преддверии XX съезда КПСС упоминалась одна из важнейших переломных дат отечественной истории — 19 февраля 1861 г. (№ 6, 1956 г.). И хотя утверждалось, что с этой даты эпоха крепостничества не окончилась, отмеченное можно рассматривать как заявку на предстоящее через пять лет празднование столетия реформы. Однако этот юбилей официально был проигнорирован, являясь свидетельством слабости реформационного и общедемократического потенциала в стране.

Но именно «Огонек» в годы перестройки оказался среди изданий, предпринявших критическую «работу над прошлым», став одним из центров общественных дебатов по поводу советского, включая аграрную сферу. При этом получила развитие «виктимная» версия прошлого, делавшая акцент на травматическом опыте аграрных преобразований. Наконец, только в 1991 г., когда в стране начали обозначаться контуры новых хозяйственных укладов, в журнале появилась публикация, посвященная 130-летию отмены крепостного права. Ее посыл понятен, если иметь в виду народную расшифровку аббревиатуры ВКП(б). Для России началась новая эпоха, и для журнала — новая страница представления ее сельско-аграрного облика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А. Н. Андрей Платонов / А. Н. Варламов. — Москва, 2011.

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ЧЕРНОМОРСКОМ ОКРУГЕ В 1920-Е ГГ.

Рассматриваются проблемы землепользования в черноморской деревне; задачи землеустроительной политики, проводимой в 1920-е гг., методы ее осуществления и результаты.

Ключевые слова: черноморская деревня; формы землепользования; землеустройство сельского населения.

Процесс заселения и освоения территории Черноморского округа, вошедшего в состав Российской империи в 1829 г., начался во второй половине 60-х гг. XIX в., после отмены крепостного права и окончания Кавказской войны. В соответствии с Положением «О заселении Черноморского округа и управлении оным» от 10 марта 1866 г., были установлены категории населения, представители которых могли с разрешения окружного начальства приписываться к населенным пунктам побережья. В частности, членами сельских обществ могли стать лица всех сословий Российской империи, имеющие на это право, а также иностранцы христианского вероисповедания [3, с. 15]. Нормы земельного надела для переселенцев устанавливались на основании законов от 10 марта 1866 г. и 31 марта 1897 г. В соответствии с первым законом норма надела составляла 30 десятин удобной земли на каждый двор или семью, независимо от числа входящих в ее состав членов. Под удобной землей подразумевались пахотные, сенокосные и выгонные угодья. На основании закона, принятого в 1897 г., норма земельного надела для остальных переселенческих участков составляла не более 3 десятин удобной для возделывания земли (под которой подразумевалась пахотная и сенокосная) на душу мужского пола. При этом для некоторых участков, расположенных недалеко от моря, была установлена норма в 2 1/3 десятины, так как в их состав вошли угодья высокого качества [2, с. 76—77].

Значительную часть территории Черноморского округа занимали предгорья и горы. Такие особенности рельефа предопределили наиболее целесообразную форму землепользования — подворную. Немаловажную роль в разобщении крестьянских хозяйств сыграл и тот фактор, «что общество переселенцев данного участка состоит из лиц, пришедших часто из 10—20 разных губерний, одно другому не доверяющих, отличающихся самыми разнообразными привычками, обычаями, приемами ведения хозяйства и т. д.» [2, с. 82]. По этим причинам в черноморской деревне,

---

¹Бершадская Ольга Владиславовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Краснодарский филиал, berscholl@mail.ru, Россия, г. Краснодар.

за исключением северной части Анапского района, не сложилось общинного земле- владения. Кроме подворной и общинной форм землепользования в губернии встре- чались и хутора. Так, к 1905 г. было образовано семь небольших хуторских участков [2, с. 86].

В рассматриваемый период на Черноморье имелись участки земли, находящие- ся в частной собственности. 12 июня 1900 г. министром земледелия и госимуществ был утвержден контракт на отвод частным лицам участков казенной земли в Чер- номорской губернии. В соответствии с данным документом одному лицу передавал- ся в аренду участок размером не более 10 десятин. В течение пяти лет владелец был обязан возвести на участке жилые и хозяйственные постройки и закультивировать его [1, с. 197]. Несмотря на достижения отдельных хозяев, значительное количество частных участков, которые занимали наиболее удобные земли и находились в непо- средственной близости от путей сообщения, оставались неосвоенными, изъятыми из сельскохозяйственного оборота.

В 1920-е гг. советское правительство поставило перед руководством Черномор- ского округа конкретную задачу — «резко повысить» производительность крестьян- ских хозяйств с целью создания продовольственной базы для городов и развивающей- ся курортной отрасли. Для достижения этой цели необходимо было решить проблемы землеустройства, накопившиеся за предшествующие десятилетия.

В рассматриваемый период в округе сложилось несколько категорий землеполь- зования: крестьянские юрты, хуторские хозяйства, культурные участки, земли коми- тета Государственного земельного имущества (ГЗИ), колонизационные фонды, фон- ды специального назначения, курортные зоны. По оценке окружного земельного управления, все они отличались «исключительной чересполосностью», а также «за- путанными и служащими предметом нескончаемых споров пограничными отноше- ниями»¹. Земли, находящиеся в пользовании трудовых крестьянских хозяйств, были вкраплены в государственный лесной фонд и земли ГЗИ. Дальнеземелье и череспо- лосица, разброс размеров землевладения от 30 до 3 десятин на душу — эти факторы существенно затрудняли развитие крестьянских хозяйств Черноморья. Ситуацию ос- ложняли стихийные переселенцы, которые осели на территории округа в годы рево- люции и Гражданской войны. Они самовольно заняли земельные участки, находя- щиеся как в трудовом пользовании, так и принадлежащие ГЗИ и Гослесфонду². В эти годы также шло и внутреннее переселение — жители отдаленных деревень перебира- лись на побережье, поближе к дорожным магистралям, и занимали в основном быв- шие частновладельческие участки. Крестьяне, ведущие хозяйство на самовольно за- нятых землях, чувствовали неуверенность, поэтому опасались вкладывать большое количество капитала и труда³. Спецификой округа было наличие значительного чис- ла граждан, которые имели иностранное подданство. Большинство из них являлось

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 375. Л. 225.

² Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОАГН). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 993. Л. 45.

³ Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 48. Л. 16.

армянами и греками, переселившимися из Турции. Как правило, представители этих народностей занимались табаководством и, не имея прав на землепользование, вынуждены были арендовать землю под плантации табака. Эту категорию населения также следовало землеустроить.

В связи с существующими проблемами были определены основные задачи землеустройства. В первую очередь нужно было установить границы земельных обществ и оформить юридически их землепользование, а также устранить мало- и дальнотелье. Согласно Земельному кодексу РСФСР, население, осевшее в пределах отдельных земельных обществ до 22 мая 1922 г., подлежало наделению землей наравне с коренным населением, что и было положено в основу проводимых землеустроительных мероприятий в округе¹. По мнению окружного земельного управления, наиболее целесообразной формой землепользования в черноморской деревне следовало признать хуторскую и участково-отрубную². Но директивы Наркомзема РСФСР предписывали бороться с «хуторманией» и стремиться к созданию коллективных форм землепользования. В итоге в Черноморском округе приоритетной формой была избрана общинно-пайковая, «наряду с некоторым стремлением к отрубной системе, которая является неизбежной в местных географических условиях»³.

Земельное управление Северо-Кавказского края имело свое видение основных задач землеустройства в округе: «Землеустройство является необходимой основой, по которой может быть проведена дифференциация сельского хозяйства по типам, отвечающим природным особенностям <...> различных мест Черноморского округа. В землеустройстве могут быть заложены предпосылки к оформлению в береговой полосе прикурортного и пригородного хозяйства, в высокогорной полосе — хозяйства скотоводческого. В районах главных лесозаготовок должен быть создан специальный тип мелких потребительских полукрестьянских-полурабочих хозяйств лесоводов и лесорубов»⁴.

Сочинский агроном А. В. Купласт разработал детальный план землеустройства вверенного ему района. Он предложил разделить территорию Сочи на отдельные хозяйственные зоны. В приморской полосе предполагалось разместить фермерские хозяйства, специализирующиеся на огородных и зерновых культурах с подсобной отраслью садоводства. Минимальная норма земельного надела здесь предусматривалась 1,25 дес. на едока. В среднегорной полосе — садоводческие и табаководческие хозяйства с подсобным полеводством, где площадь земельного надела должна была составлять 2,90 дес. на едока; в высокогорной полосе — свиноводческие и огороднические хозяйства с нормой на едока 2,1 дес. удобной земли и 3,5 дес. под выпас; на высокогорье — альпийские пастбища⁵.

---

¹ АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 993. Л. 45.

² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 2984. Л. 21.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 763. Л. 7 об.

⁴ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 375. Л. 222 об.

⁵ АОАГС. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 71. Л. 41.

На основании предложений местных специалистов окружным земельным управлением был определен порядок землеустройства. В соответствии со спецификой округа в первую очередь предполагалось землеустроить города, имеющие курортное значение, и выделить курортные участки. Затем — образовать в курортной зоне фермерские хозяйства. В отдаленных районах планировалось создать хозяйства, специализирующиеся на садоводстве, табаководстве, виноградарстве, на землях переселенческого и земельного фондов, «подлежащих трудовому распределению». На заключительном этапе предусматривалось землеустройство совхозов, «неустройства которых зачастую мешают крестьянскому землеустройству»¹. Землеустройство было двух видов: межселенное и внутриселенное.

Землеустроительные работы в округе шли крайне медленно и были сопряжены с большими трудностями, связанными прежде всего с недостатком сельскохозяйственного фонда, низкой оплатой труда землемеров «при чрезвычайно тяжелых для землемерных работ местных условиях». В целом по округу к 1924 г. площадь законченного землеустройства составила 35,45 тыс. дес., или 4,8 % от общей территории, подлежащей землеустройству. Это был один из самых низких показателей в Северо-Кавказском крае². Если в начале 1920-х гг. землеустройство осуществлялось в интересах индивидуального крестьянского хозяйства вне зависимости от его социально-экономического статуса, то во второй половине рассматриваемого периода приоритеты земельной политики стали меняться. В соответствии с директивами центральной власти землеустройство приобретает классовую подоплеку и начинает проводиться «в значительной степени под углом политической необходимости»³. В Черноморском округе, как и по всей стране, право на первоочередное наделение землей имели беднота и безземельные демобилизованные красноармейцы. Представители этих категорий населения получали наделы на удобных землях, расположенных вблизи населенных пунктов. Часто проведенное землеустройство давало импульс для развития хозяйственной инициативы бедноты. Например, после окончания землеустроительных работ бедняки поселка Ворошиловский перешли на шестипольный севооборот, в Анапском районе заложили почти 2 тысячи дес. виноградников⁴. Однако не все бедняки, наделенные землей, вели на ней самостоятельное хозяйство, многие предпочитали сдавать полученные участки в аренду, что отражалось на социальных отношениях в черноморской деревне. Так, в Анапском районе, где демобилизованные красноармейцы и деревенская беднота наделались лучшей по качеству землей, расположенной вблизи станиц, такой подход, по оценке местных органов власти, являлся «главным фактором расслоения» населения⁵.

¹ АОАГС. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 48. Л. 56.

² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 1414. Л. 12 об.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1001. Л. 86.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 648. Л. 84.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1003. Л. 16.

В 1925 г. началось изъятие из сельскохозяйственного фонда части земель, получивших курортное значение¹. Для сельских жителей округа это означало потерю территорий, расположенных в удобной местности, вблизи рынков и путей сообщения, так как «на землях, отводимых в курортных целях, ни в коем случае не должен допускаться отвод земли в трудовое пользование, а также не должна иметь места сдача земли в аренду хозяевам-единоличникам»². Это приводило к разного рода недоумениям и взрывам недовольства со стороны крестьян. Одновременно возникали различные осложнения на социальной и национальной почве, обусловленные специфическим составом населения округа. Так, в казачьих станицах иногородние были уравниены с казаками в земельных отношениях, что вызвало обострение сословной розни. В ряде селений были зафиксированы конфликты с армянами-табаководами, которые получили землю за счет местных крестьянских хозяйств³.

К октябрю 1926 г. межселенным землеустройством была охвачена территория площадью 231 467 дес. (57 % площади округа), внутриселенным — 154 827 дес. (28 %). Был образован 51 новый поселок, землеустроена часть жителей, которые ранее являлись арендаторами земли. Однако в условиях дефицита сельскохозяйственных угодий на каждого едока в среднем приходилось 0,68 дес. земли, что было крайне недостаточно для осуществления поставленной цели — создания на основе местных крестьянских хозяйств продовольственной базы для курортной отрасли. Особенности рельефа не позволяли решить проблемы чересполосицы и дальнотемелья. Во многих деревнях объединение отдельных отрубков в единый участок требовало очень больших материальных средств, которых не было ни в местном бюджете, ни у населения⁴.

В конце 1920-х гг. приоритеты землеустройства смещаются с единоличных хозяйств на коллективные. С 1927 г. колхозы получили территории, находящиеся в ведении Комитета государственного земельного имущества, в бесплатное и бессрочное пользование⁵. Земли колхозов находились преимущественно в береговой полосе, в непосредственной близости от рынков сбыта и дорожных магистралей. За короткий период увеличились число коллективных хозяйств и площади земель, занимаемых ими. Так, в 1926 г. колхозам принадлежало 738 дес. посевной площади, а в 1929 г. — 4102 дес. Средняя норма на едока в колхозах составляла 0,8 дес., что немного превышало среднюю норму земельного надела на едока в единоличных хозяйствах⁶. Однако коллективные хозяйства были очень слабыми в организационном плане и быстро распадались. Многие крестьяне, вступающие в колхозы, не скрывали, что их помыслы были направлены на льготное получение земли и всевозможных ссуд. Жители черноморской деревни в большинстве своем не знали общинных традиций, были раз-

---

¹ РГАСПИ. Д. 999. Л. 33.

² АОАГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 685. Л. 90.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1005. Л. 13.

⁴ АОАГС. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 89. Л. 44.

⁵ Там же. Д. 93. Л. 13.

⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 2. Д. 58. Л. 47.

рознены и привыкли хозяйствовать самостоятельно. Это, по нашему мнению, также могло оказать влияние на отношение к колхозам.

Во второй половине 1920-х гг. в землеустроительной политике, осуществляемой в Черноморском округе, проявляется новая тенденция — оказание всемерной поддержки советским хозяйствам. В 1926 г. в составе окружного земельного управления было образовано управление совхозами и курортными имуществами. По плану землеустройства, принятому в 1929 г., совхозам округа отводилось 30 500 га земли. Отвод земли должен был производиться «почти исключительно за счет земельных излишков трудового землепользования»¹. Теперь именно на советские хозяйства была возложена основная обязанность снабжения курортов. Для осуществления этой цели совхозам стали направляться значительные денежные средства и оказываться помощь организационного характера.

Таким образом, землеустроительная политика, осуществляемая в Черноморском округе в 1920-е гг., неоднократно меняла свое направление. Поставленные первоначально задачи повышения производительности крестьянских хозяйств не были реализованы. Проведение землеустройства затруднялось особенностями рельефа местности и нехваткой денежных средств. Директивный характер преобразований означал игнорирование специфики черноморской деревни и предложений местных специалистов. Во второй половине рассматриваемого периода приоритет в землеустройстве получили коллективные и советские хозяйства, которые стали рассматриваться в качестве продовольственной базы для городов и курортной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зорина А. П. К истории дачных и культурных участков на Северо-Восточном берегу Цемесской бухты / А. П. Зорина // Исторические записки. — Новороссийск, 1996. — Вып. 2. — С. 166—204.

2. Козлов Л. Е. Краткий очерк переселенческих участков Черноморской губернии / Л. Е. Козлов. — Тифлис, 1906.

3. Тверитинов И. А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX — начале XX в. / И. А. Тверитинов. — Сочи, 2000.

---

¹ ГАРО. Оп. 6. Д. 1092. Л. 3 об.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИРА ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНИ В ПРОЦЕССЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (1930—1932 ГГ.)

Рассматриваются взаимоотношения внутри сельского социума после проведенной коллективизации. Анализируются проблемы внутри колхозов, между рядовыми колхозниками и руководителями, между колхозниками и единоличниками. На примере социального мира черноземной деревни рассматривается влияние дефицитной экономики на модели поведения крестьян.

Ключевые слова: коллективизация; сельский социум; колхоз; единоличники; Центральное Черноземье.

Коллективизация радикально изменила жизнь советской деревни. В Центрально-Черноземной области (ЦЧО) в 1932 г. было коллективизировано 67,9 % хозяйств, что составляло 57,9 % населения региона². Но изменения затронули всех деревенских жителей. С созданием коллективных хозяйств как новых бюрократических конструкций на селе возникли новые отношения собственности, условия землепользования, лифты социальной мобильности. Появились колхозники как новая социальная категория деревенских жителей. Все эти явления в совокупности с памятью о процессах раскулачивания и коллективизации оказали огромное влияние на социальный мир деревни.

Среди факторов, повлиявших на эволюцию социального мира, можно выделить: общинное прошлое, взаимоотношения с государством, новые социальные лифты, промышленные принципы организации труда, дефицитную экономику, раскол деревни на колхозную и единоличную.

Коллективизация создала новые институты. Вместе с тем они были опосредованы традиционными системами взаимоотношений в крестьянской среде, сложившимися в крестьянской общине. Колхоз был преемником общины в административно-организационном отношении, включая общность территории и посреднические функции во взаимоотношениях между крестьянами и государством [6, с. 19].

---

¹ Гончарова Ирина Валентиновна, доктор исторических наук, Орловский государственный университет, 89066610166@yandex.ru, Россия, г. Орел; Чувардин Герман Сергеевич, доктор исторических наук, Орловский государственный университет, germanchuvaradin0022@gmail.com, Россия, г. Орел.

² Грелюк С. А. Сельское хозяйство ЦЧО в 1-м пятилетии // Социалистическое строительство. 1932. № 6—7. С. 33.

В 1930 г. на гребне коллективизационной волны партийные управленцы в погоне за высокими процентами включали в колхозы целые общины. Из общинного прошлого колхозники переняли привычку работать по трудодням и скопом, делить доход в зависимости от размера семей, а не по личному производственному вкладу.

Вместе с тем нельзя ставить знак равенства между колхозом и общиной. Община владела землей, а ее участники сами распоряжались произведенной сельскохозяйственной продукцией. Колхозники не имели такого права, и земля находилась в собственности государства, что особенно очевидно стало после Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. («закона о колосках»). Постановление ввело в юридическую практику понятие «хищения социалистической собственности» как «преступления против государства». Так, обобщественная два года назад крестьянская земля в юридической практике обозначалась как государственная собственность. Еще одно важное для социального мира отличие заключалось в демократических началах управленческой практики: вопросы местной жизни решал мирской сход, в колхозе это находилось в ведении районных партийных органов.

Весьма специфически складывались взаимоотношения колхозов с государством. Эсер С. С. Маслов отождествлял колхоз с податной единицей [4, с. 263]. Аналогичной позиции придерживаются и представители современной историографии. В. А. Бондарев называет колхозников бесправными «подданными» советского государства [1, с. 54]. Практика черноземных колхозов показывает, что ситуация на местах не была однозначной.

С одной стороны, документы свидетельствуют, что колхозники стремились сократить пребывание на государственных работах, по аналогии с барщиной. В колхозах «Красная артель», «Свобода» и «Труд» Добринского района ЦЧО невыходы на работу колхозников составляли 60 % [7, с. 235—236]. В Воронцовском районе, по данным инструктора Колхозцентра от 3 мая 1931 г., рабочих рук в колхозах «по скромным подсчетам» насчитывалось 2477, из них на лесоразработках в пределах района задействовано 210 чел., в зерносовхозах — 70, в промышленности — 56 чел., «а остальные „на своих работах“, т. е., попросту говоря, отбивают хлеб у женщин»¹.

С другой стороны, нельзя отождествлять колхозников с крепостными: «Статус крепостного по сути всегда означал минус, а вот статус колхозника мог быть и плюсом» [6, с. 129]. В пользу этой позиции Ш. Фицпатрик говорит тот факт, что советская власть в начале 1930-х гг. активно реализовывала различные социальные проекты: ликвидацию неграмотности, выдвиженчество, включение в советскую и партийную работу и т. д. Таким образом, создавались лифты социальной мобильности, важнейшим из которых являлось образование. В регионах создавалась сеть курсов для подготовки животноводов, трактористов, бригадиров и т. п. Для подготовки управленческих колхозных кадров была создана трехуровневая структура. В 1931 г. в ЦЧО было обучено 6500 председателей колхозов, 6000 руководителей бригад зерновых и технических культур, 3780 бригадиров-животноводов, 2300 ветеринарных санитаров, 7600 счетоводов, 5850 культработников. Программы обучения были фрагментарными и очень сжатыми (от 1 до 6 месяцев). Их дополняли краткосрочные курсы-конференции (от 5 до 15 дней), но масштаб охвата впечатляет — более 150 тыс. чел. [7, с. 261].

¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. П-48. Оп. 1. Д. 281. Л. 36.

Интеграции деревни в новое индустриальное общество должны были способствовать промышленные принципы организации и мотивации труда в деревне, в том числе нормированный рабочий день, дисциплина, соцсоревнования, ударничество и др. Для социального мира деревни это было сложное испытание, особенно появление ударников. Дело в том, что ударники выделялись из колхозной среды и противопоставляли себя всем остальным, что противоречило эгалитаристским принципам, унаследованным колхозом от общины. К тому же колхозники связывали их инициативу с поднятием норм производительности труда. Особому порицанию подвергались женщины-ударницы, которые к тому же нарушали традиционные гендерные установки. Так, в 1931 г. в колхозе «Дружная артель» ударницу Акимову оштрафовали на пять трудодней, при этом председатель колхоза и счетовод сказали: «Если ты будешь работать по-ударному, мы не будем допускать тебя на работу» [7, с. 229].

С ударничеством конфликтовал уравнительный принцип распределения прибыли, доставшийся по наследству из общины. В 1931 г. в колхозе им. Буденного Горшеченского района хлеб распределяли по едокам, в результате ударник Сидоров, выработавший 287 трудодней, получил 20 пудов, а колхозник Быков, на счету которого было 36 трудодней, получил 23 пуда хлеба вместо причитавшихся ему 2—3 пудов¹.

Гораздо привычнее было облечь в новую идеологическую форму старое коллективное содержание. Например, в колхозе им. Дзержинского Подгоренского района в начале 1932 г. все колхозницы объявили себя ударницами и привели в порядок свинарники и коровники².

Важнейшим экономическим условием эволюции социального мира коллективизированной деревни являлась дефицитная экономика, в основе которой были высокие налоги, произвол и бесхозяйственность власти и низкий уровень материального обеспечения базовых потребностей крестьян, особенно питания. После насильственной коллективизации, сопровождавшейся падением производительности труда и сокращением поголовья скота, деревня балансировала на грани голода. Рост нищеты провоцировал конфликтность, а прежние механизмы смягчения конфликтности, заложенные в общине, с ее ликвидацией перестали работать. Дефицитная экономика породила конкуренцию за средства существования. В условиях нехватки ресурсов социум болезненно реагировал на всех, чей образ жизни казался более благополучным. Бывшие крестьяне имели свои представления об экономической справедливости и легитимности, исходя из традиционных «социальных норм и обязательств». Дефицитная экономика спровоцировала новые системы взаимоотношений и комплексы представлений — «моральную экономику» [3, с. 256].

Ситуацию в черноземной деревне после коллективизации можно сравнить с перманентной борьбой. Сначала крестьяне боролись против городских коллективизаторов (двадцатипяти тысячников), которые вторглись в их социальное пространство и внедряли чуждые крестьянам принципы. После того как они покинули деревню, крестьяне стали бороться с государством, оказывая скрытое обиденное пассивное сопротивление давлению сверху. Власти называли это «тихой сапой». Оно превра-

---

¹ Ленинский путь. 1931. № 21—22. С. 34.

² Коммуна. 1932. 9 янв.

тилось в главный способ защиты, к которому крестьян принуждала необходимость выживания в условиях голода и затаенной обиды. Социальные отношения черноземной деревни в начале коллективизации развивались на фоне пассивного сопротивления новым принципам жизни с одной стороны, и адаптации — с другой. С. С. Маслов в 1937 г. писал: «Теперь деревня, разбитая в боях 1929—1930 гг. и короткой схватке 1932 г., может пользоваться только оружием слабых — пассивным сопротивлением» [4, с. 281]. По мнению Ш. Фицпатрик, представлять деревню как разгромленное поле битвы, где выиграла власть, а крестьянство было подавлено, слишком поверхностно. Одновременно со стратегией пассивного сопротивления крестьяне использовали стратегию пассивного приспособления. В деревне шел сложный процесс адаптации к новым условиям на фоне снижения уровня жизни основной массы населения [6, с. 18—19].

Одновременно колхозники боролись друг с другом, этому активно способствовали дефицитная экономика и последствия раскулачивания. В проекциях большевиков конфликты, вызванные классовыми противоречиями, должны были исчезнуть после проведенной политики «ликвидации кулака как класса». Но реалии черноземной деревни были таковы, что термин «кулак» являлся сконструированным социально-политическим понятием. Это был не богатый крестьянин-эксплуататор, а тот, кто выступал против проводимой государством политики, независимо от уровня дохода. При этом сам процесс раскулачивания породил многочисленные обиды и подорвал основы социального мира в деревне. В сложной ситуации находились родственники сосланных крестьян. Наиболее активные собирали подписи за возвращение пострадавших. В спецсводке ОГПУ от 30 июня 1930 г. отмечались факты, «когда общие собрания колхозников выносят постановления о возвращении высланных кулаков». «Возвращающиеся кулаки в отдельных случаях занимают свои дома, разбирают имущество, находящееся в пользовании колхозов и бедняков (Россошанский окр[уг]). При вторичном отборе у них имущества возвратившиеся организуют массовые выступления» [5, с. 500].

Эти прецеденты лета 1930 г., когда схлынула первая волна раскулачивания, свидетельствуют о социальном хаосе в деревне в процессе передела собственности. В сельхозартели колхоза им. Молотова Россошанского района колхозное руководство принимало кулаков на работу. Председатель объяснял это тем, что «в страдную пору нужны рабочие руки». Один из двадцатипяти тысячников, председатель колхоза Соловьев, получив твердое задание «строй колхоз на 100 %», предупредил о будущем социальном составе колхоза: «Половина будет раскулаченных и бывшие штрафные»¹.

Кроме того, кулаки, отнесенные к третьей категории, были разорены, но не высланы, и они искали способы выживания в новых условиях. Они предъявляли претензии к тем, кто пользовался их имуществом; оказавшись вне закона, постоянно его преступали; часто захватывали государственную землю. «Тень кулака» витала над черноземной деревней на протяжении всех 1930-х гг. Парработники это выгодно использовали, так как «разоблачение» бывших кулаков стало привычным ритуалом и одним из способов держать в напряжении деревенских жителей.

---

¹ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 282. Л. 161.

Жизнь колхоза после коллективизации была наполнена конфликтами, несмотря на то, что власть представляла колхозников как социально однородную общность.

Одним из факторов конфликтности было, по определению инструктора Колхозцентра Томаш-Польской, «исторически сложившееся экономическое неравенство»¹. Из деревни 1920-х гг. в колхоз вместе с жителями перешел и их статус, и связанные с ним социальные ожидания. Так, бывшие «середняки» смотрели свысока на бедняков, считая их неспособными нормально трудиться, а бедняки были недовольны сохраняющимся имущественным неравенством. К тому же проводимая в конце 1920-х гг. политика фаворитизации бедноты, которая сопровождала социальный раскол деревни накануне коллективизации, внушала надежду, что статус «бедняка» даст некие преимущества перед остальными в колхозной работе. Но теперь колхозное крестьянство позиционировалось как единая социальная группа, и задачи раскола деревни были неактуальны. От колхозников государству нужны были результаты труда. Поэтому в начале 1930-х гг. в регионе бедняки получали менее ответственные участки работы, редко назначались на руководящие должности и т. д. В случаях, когда по инерции колхозное руководство опиралось на представителей беднейших слоев, это воскрешало противоречия деревни периода «борьбы за хлеб».

Много вопросов вызывал и женский труд. Местные руководители считали мужской труд более эффективным и лучше его оплачивали, несмотря на государственную политику максимального включения женщин в колхозное производство. Эти проблемы усугублялись падением уровня жизни в колхозах, изменением гендерных ролей в производственном процессе и выработкой новых стратегий адаптации колхозников к сложившейся ситуации. К. Р. Браунинг и Л. Х. Сигельбаум обращают внимание на формирующийся образ колхозников в советском обществе: «Тот факт, что колхозники часто были представлены иконографически в образе женщин ... предполагает не только сохранение фольклорных связей с плодovitостью, но и, возможно, наличие трудностей для мужской части общества видеть в женщине полноправного члена социалистического государства» [2, с. 317].

Внутреннее напряжение колхозного бытия определяло неприятие крестьянами основного принципа колхозной жизни — коллективизма. О том, что принципы коллективизма и равенства были идеологической завесой, свидетельствует сохранение скрытых форм наемного труда и батрачества. Предметами разногласий в колхозе становились вопросы справедливости, экономического самосохранения и др. Когда споры выходили из-под контроля, колхозники жаловались в вышестоящие органы, ссылаясь на «зажиточные элементы, злоупотребляющие властью и разлагающие колхоз»².

Крестьяне жаловались на местных руководителей, унижавших и оскорблявших их. Например, из Владимирского сельсовета Задонского района сообщали: «Председатель Боинов беспробудно пьянствует, принимает от кулаков взятки. Член сельсовета Киселев — сын кулака, под угрозой раскулачивания, установил для граждан оброк в виде вина, яичницы, терроризировал все население»³. Ш. Фицпатрик считает,

---

¹ ГАОО. Л. 236.

² Там же. Л. 130.

³ РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 504а. Л. 19.

что жалобы были частью культуры взаимоотношений между местной властью и крестьянством [6, с. 208]. В этом плане удобным для колхозников оказался «образ кулака»: обвинение начальника в пособничестве кулакам предполагало оперативную реакцию властей.

Местная печать часто публиковала факты проникновения в колхоз «вредных элементов», разваливающих его изнутри. «Заря коммуны» писала про росошанских управленцев: «Поплелись в хвосте кулака, стали на путь сожаления к кулаку»¹. Подобное обвинение провоцировало многочисленные чистки.

После коллективизации деревня разделилась на колхозную и единоличную, эти две составляющие крестьянского социума также находились в очень сложных взаимоотношениях. Источником конфликтов между ними было качество и количество отводимой земли. В спецсводке ОГПУ от 30 июня 1930 г. сообщалось: «На почве отвода лучших земель колхозам взаимоотношения единоличников с колхозниками в отдельных местах обостряются» [5, с. 499].

Во взаимоотношениях между колхозниками и единоличниками уже в 1930 г. появился, по определению инструктора Колхозцентра Ф. И. Романовича, «антагонизм». В д. Гончаровка Подгоренского района в колхозе «Ленинский путь» формировались колхозные бригады из единоличников. Они убирали хлеб вместе с колхозниками, но, в отличие от колхозников, им не предоставили общественного питания на полевой кухне, а их детей не принимали в ясли. Помимо неуважения, колхозники проявляли nastороженность по отношению к единоличникам: «В поле можно наблюдать, как с мешками ходят женщины-единоличники и собирают колос, ножницами остригают в копнах хлеб, их колхозники гоняют, боясь, что они будут вредить поджогами»².

Представители власти констатировали: «Отношение колхозников к неколхозникам самое отвратительное»³. Одну из причин этого инструктор Колхозцентра Юдина видела в сформировавшемся «колхозном патриотизме». Местные руководители смотрели на вышедших из колхоза «как на людей плохо исправимых». Москва расценивала такое поведение колхозников как политически вредное. Дух нового колхозного самосознания подкреплялся и экономическими мотивами: колхозники не желали расширять свой круг за счет тех, кто приходил в колхоз с пустыми руками.

Таким образом, эволюцию социального мира черноземной деревни определяли следующие факторы: историческая память о крепостном прошлом, общинные традиции, внедрение промышленных форм организации и мотивации труда, появление лифтов социальной мобильности и новых проектов советской власти, среди которых важнейшим было образование. Принципы раскулачивания и коллективизации заложили саморазрушительные тенденции в деревне. «Тень кулака» сохранялась даже после официального завершения политики «ликвидации кулака как класса». Деревня условно разделилась на колхозную и единоличную. Однако и колхозники, и единоличники оказались заложниками дефицитной экономики.

---

¹РГАЭ. Л. 87.

²ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 278. Л. 214.

³Там же. Л. 19.

Низкий материальный уровень жизни обострял межличностные противоречия. Это касалось как самих колхозников, так и их взаимодействия с единоличниками, подвергавшимися дискриминации со стороны не только государства, но и членов колхозов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарев В. А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х — начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья / В. А. Бондарев. — Ростов-на-Дону, 2005.

2. Браунинг К. Р. Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» / К. Р. Браунинг, Л. Х. Сигельбаум // За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и фашизма. — Москва, 2011. — С. 301—348.

3. Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола. — Москва, 2010.

4. Маслов С. С. Колхозная Россия / С. С. Маслов. — Москва, 2007.

5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939: документы и материалы : в 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. — Москва, 2000.

6. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва, 2008.

7. Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928—1932 гг. / П. Н. Шарова. — Москва, 1963.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1930-Х ГГ. И «ВТОРОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ» 1950-Х ГГ.

По мнению автора, в период коллективизации можно зафиксировать взаимное приспособление к позициям сторон и крестьянской общины, и партийно-государственного руководства. В то же время аграрное реформирование в 1953—1964 гг. в большей мере носило характер бюрократического администрирования.

Ключевые слова: *крестьянская община; кулаки; ЛПХ; коллективизация; неперспективная деревня; агрогород.*

По моему глубокому убеждению, политическую линию ВКП(б) на коллективизацию крестьянского общинного хозяйства ни в коем случае нельзя рассматривать как антикрестьянскую (тем более антинародную — хотя другого народа тогда в СССР было не так уж много). Такой взгляд не просто резко упрощает для историка-аграрника аналитические задачи — он ставит перед историком ложную цель. В поисках ответа на вопрос, почему чуть ли не за 5—7 лет антикрестьянская коллективизация удалась в крестьянской стране с тысячелетней общинной традицией, можно двигаться по тому пути, по которому идут многие коллеги в течение последних как минимум трех десятилетий. Они делают упор на факты деградации традиционно-общинных отношений, а также на факты эскалации административного давления и государственного насилия в отношении крестьянской деревни. В арифметической сумме это может породить непротиворечивый, как бы лежащий на поверхности вывод: куда, мол, было деваться — небывало усилившееся государство и разложившаяся община, «плетью обуха не перешибешь», вот община и рухнула в одночасье.

А можно озадачить себя, как выразался в таких случаях автор классической монографии “*Russian Peasants and the Soviet Power*” М. Левин, «контрольными вопросами»: а была ли коллективизация действительно антикрестьянской; и все ли многообразные функции вековой сельской общины — формальные и неформальные, работающие на уровне обычного права, — были в результате этой политики окончательно утрачены? Такая постановка проблемы поведет исследователя совсем в ином направлении поиска. Тот факт, что коллективизация была антикулацкой, кажется, готовы признать обе стороны сегодняшней острой полемики по этой проблеме. Следовательно, для начала необходимо понять, насколько уместен

---

¹ Бабашкин Владимир Валентинович, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, vbabashkin@ranepa.ru, Россия, г. Москва.

знак тождества между понятиями «кулак» и «крестьянин». Кулаки как потомственный слой в крестьянской деревне формировались постепенно в течение более чем полувека после реформы 1861 г. Связанные с Первой мировой и Гражданской войнами бедствия на какое-то время вызвали поравнение деревенского населения по бедности (М. Левин обозначил этот процесс как «архаизацию» деревни [11, с. 270, 287—288]). Но в нэповские годы в условиях развития товарно-денежных и рыночных отношений довоенный кулак очень скоро возродился и «разгулялся не на шутку». О данной линии обострившихся внутриобщинных противоречий дает репрезентативное представление развернувшаяся по инициативе большевистского руководства страны дискуссия в «Крестьянской газете» на тему: «Кого считать кулаком, кого — тружеником в советской деревне». Многочисленные письма селькоров в газету в данном случае интересны тем, что они выявляют весьма существенную разницу в подходе к ответу на этот вопрос между партийными теоретиками-экономистами и самими крестьянами.

Первые в доктринальном поиске «классового врага» опирались на сугубо материальные критерии, и спор был лишь о том, какие параметры материального положения считать той границей, что отделяет мелкого сельского «буржуя» от своих односельчан — бедняков и маломощных середняков. Для крестьян, участвующих в дискуссии, такая оценочная шкала имела второстепенное значение. Главное состояло в источниках зажиточности. Если это крестьянский труд — значит, ты крестьянин, тебе на сегодня просто повезло с полным составом семьи и трудолюбием домочадцев, на которых община в этом случае выделяет дополнительную землю. Если же есть намек на ростовщичество, «объегоривание» своих односельчан, то ты — кулак, безотносительно уровня и качества жизни. Есть основания полагать, что общинникам были близки и понятны не только такие элементы внутренней политики советской власти, как ликвидация безграмотности и организация подобных общенациональных диспутов в крестьянской прессе, но и налоговая политика партии в деревне, при которой беднота и даже часть маломощных середняков полностью освобождались от единого сельскохозяйственного налога, а основная тяжесть обложения приходилась на кулаков и зажиточных.

При этом И. В. Сталин не мог не понимать, что всерьез претендовать на политическое лидерство в такой стране было невозможно, не предъявив партии и стране четкую и понятную программу ее дальнейшего аграрного развития. Бытовавшие тогда теории сельскохозяйственной крестьянской кооперации его по ряду важных соображений категорически не устраивали. Решение виделось в тех формах коллективного ведения земледелия (коммуны, ТОЗы, колхозы-артели), которые при тех или иных конкретных обстоятельствах порождала сама жизнь. Такие хозяйства к середине 1920-х гг. были очень немногочисленны. В них входило менее процента от общего числа крестьянских хозяйств. Однако советская политика их всячески поощряла, и к концу нэповского периода наметился некоторый статистический рост колхозного строительства. В этом была усмотрена тенденция, о чем победивший во внутрипартийной борьбе Сталин и объявил в известной речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Обо всем этом очень подробно (очевидно, понимая всю значимость данного событийного ряда) М. Левин и пишет в монографии «Русские крестьяне и советская власть» (1966). Собственно, к этому и сводится проблема-

тика этой удивительно содержательной книги, которую нельзя не принимать во внимание, анализируя политику коллективизации.

Дальнейшая логика исторических событий мне представляется следующей. Зимой-весной 1930 г. партийно-государственное руководство предпринимает очень энергичную попытку излишне прямолинейного применения доктрины преобразования семейных хозяйств общинников в колхозы, ориентируясь в основном на коммуны как наивысшую форму обобществления земли, имущества, труда. Крестьянская реакция оказывает отрезвляющее воздействие, и начинается не менее энергичный, но более длительный период поиска компромиссов, взаимного приспособления объединенных в земельные общества крестьян с их традиционными органами самоуправления, с одной стороны, и жестко-иерархичного государственного аппарата с постоянным поиском его политическим руководством адекватной теории решения поставленной задачи — с другой.

Уже в 1932 г. высшее руководство страны предпринимает попытку хоть в какой-то мере вернуться от голого администрирования в управлении народным хозяйством к экономическим методам. 6 и 10 мая выходят совместные постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом» и «О плане скотозаготовок и мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян», в которых говорилось о целесообразности сочетания прямых крестьянских и колхозных поставок продукции государству с элементами товарообмена между городом и деревней. В связи с этими и некоторыми другими постановлениями партии и правительства в историографии даже писалось о «колхозном неонэпе» [4].

Попытки реализации данных идей сталкивались с трудностями. Сдерживающим фактором выступили два подряд скромных по урожайности года. Тихое, скрытое сопротивление крестьянства политике коллективизации продолжалось. Для части партийных специалистов-аграрников такая линия казалась неприемлемой, и они клеймили все это «подлинной чаяновщиной» [5, с. 109—110]. Однако во многом благодаря проведению в жизнь данных мероприятий карточная система на хлеб и некоторые другие сельхозпродукты с января 1935 г. была отменена.

К 1935 г. новая линия фронта в противостоянии между партией и народом, который теперь в большинстве своем был представлен колхозным крестьянством, обозначилась довольно отчетливо: колхозники оказывали всемерное давление на государство, отстаивая свои права по ведению личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Государственное руководство не могло не видеть, что все «неонэповские» меры имеют наибольший материальный эффект именно здесь. Созданные решением пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. политотделы МТС, «партийный глаз и контроль» на селе, раньше всех, по мнению И. Е. Зеленина, поняли, что сферой компромиссов между государством и крестьянством могло стать только ЛПХ колхозника. Усилия политотделов, подчеркивал историк, «были направлены на то, чтобы преодолеть негативное отношение к ЛПХ, изменить представление о нем как пережитке прошлого, отвлекающем крестьянина от работы в общественном хозяйстве, добиться его расширения и укрепления» [5, с. 117].

В. А. Ильных и В. М. Рынкову в заключительной статье ко второму выпуску хроникально-документального сборника «Политика раскрестьянивания в Сибири»

удалось обобщить основные линии поведения разных слоев сельского населения [10, с. 249—252]. Для основной массы колхозников было характерно парадоксальное сосуществование стратегии инкорпорирования в новую систему (ударничество, повышенные социалистические обязательства, организация «красных обозов» и прочие инициативы) с весьма распространенным стремлением к «деинкорпорированию» из колхозной системы. Последнее выражалось в таких явлениях, как бегство из деревни, отходничество, выход из колхозов и систематическое уклонение от работы, работа «спустя рукава», чтобы сэкономить время и силы для работы в ЛПХ.

Изучая движение передовиков колхозного производства на материалах колхозов Европейского Севера России, М. Н. Глумная приходит к выводу, что эти люди, в отличие от руководителей и даже специалистов, были действительно близки к понятию «элита», хотя и занимались в основном физическим трудом. «Хотелось бы подчеркнуть, — пишет она, — высокий профессиональный уровень ударников и стахановцев, их постоянное стремление к интеллектуальному росту, поскольку их достижения опирались на пунктуальное выполнение новейших требований агрономии и зоотехнии, высокие моральные качества, особенно заметные на фоне не всегда положительных примеров поведения колхозных управленцев и специалистов» [3, с. 267—268]. Исследователь убеждена, что у этих людей было больше оснований называться элитой общества, чем у большинства управленцев.

Можно много говорить и писать о социальных, демографических, культурных, технологических и прочих аспектах аграрной политики, которая осуществлялась в СССР в 1930-е гг. Но при этом необходимо подчеркнуть, что априорное навешивание на эту политику ярлыка «антикрестьянская» и «антинародная» не способствует всестороннему и взвешенному рассмотрению этой важнейшей страницы отечественной истории. Когда я слышу однозначный и решительный ответ на вопрос о том, прекратили ли в это время свое историческое существование основные элементы общинной организации крестьянства, мне вспоминается выступление М. Левина на семинаре, где обсуждалась его вышеупомянутая книга: «Были в колхозной системе явления, которые заставляют воздержаться от полного и безоговорочного осуждения, заставляют остановиться и призадуматься. Надо все время проверять себя “контрольными вопросами”. <...> Первый: а что же тогда представлял собой по сути тот колхоз им. Ворошилова под Мичуринском, где я работал в 1941 г.? Он казался мне слаженной организацией. Там было 70 семей. Работали без МТС, т. е. в основном по-старому. Руководили колхозом пятеро хозяйственных авторитетных мужиков, и они всегда советовались со стариками. <...> А в соседнем колхозе было 300 семей, была МТС, но “мои” колхозники над ними посмеивались: баре, мол, их будят на работу в девять утра — и то не торопятся, да к тому же еще и председатель — пьяница» [11, с. 289].

Однако и те, и другие стали плечом к плечу в Великой Отечественной войне, хотя немецкое командование очень рассчитывало, что большевики быстро рухнут в силу того, что более десяти лет они проводили «антинародную» политику. Те и другие защищали и большую Родину, и малую Родину, свою деревню, в которой, по большому счету, не так уж многое изменилось с коллективизацией. А что-то изменилось — и явно к лучшему. Об этом постоянно напоминает нам в своих публикациях сибирский историк С. И. Толстов: «В 1930-е годы механизм взаимодействия между государством и крестьянством стал изменяться коренным образом. Свою субъектность в отноше-

ниях с государством крестьяне волей-неволей делегировали поддающемуся воображению оптимальному по размеру колхозу, каковым представляется “колхоз-деревня”. В его границах на эмпирически-интуитивном уровне можно было отстаивать свой коренной интерес: замкнутость труда на природу, жизнь в системе “человек — природа”. Будущность деревни виделась ее обитателям в автономном развитии, а ее целостность как очага местного социально-экономического и культурного бытия представлялась гарантией крестьянского суверенитета и самоуправления» [1, с. 225].

Здесь уместно будет цитировать еще одного историка-аграрника — С. А. Есикова: «Феномен сталинизма доказывает, что в истории России огромную роль играл и будет играть субъективный фактор, личность руководителя: царя, генерального секретаря, президента и т. д. Это связано с характером власти, централизованной и жесткой в силу исторической традиции, порожденной объективными причинами (огромной территорией страны, многонациональным составом населения, фактором внешней угрозы). Тиранизм, который Сталин унаследовал от аграрного прошлого, давил на него всеми своими проявлениями с такой же силой, с какой приходилось преодолевать его в ходе индустриальных преобразований. Поэтому он должен был воплотить в себе не только цезаризм российских императоров, но и вождизм народных масс» (цит. по: [7, с. 648—649]). Это звучит в унисон не только с концепцией «аграрного деспотизма» М. Левина (см.: [2]), но и с высказываниями П. П. Марченя, ссылаясь на которого в докладе на пленарном заседании XXXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, В. В. Кондрашин уловил сходство с теоретическим подходом С. П. Трапезникова.

Поскольку несовпадение взглядов на сталинский колхоз между Трапезниковым и В. П. Даниловым продолжает составлять важный фактор развития современной аграрной историографии, позволю себе еще одну принципиальную цитату. Известный специалист по проблематике крестьянской кооперации советского периода В. В. Кабанов писал: «Большевики из тех, кто посмекалистее, видели в послушной общине плацдарм для организации будущих колхозов. Так оно и случилось. Недаром в 60—70-е годы среди историков возобновился старый спор русских народников с марксистами об общине и “общинном пути” к социализму. Так, С. П. Трапезников утверждал, что община стала исходной формой развития коллективизации. Он писал, что “советская революция подготовила земельные общества для перехода в высшую форму, превратив их в опорные пункты социалистического преобразования сельского хозяйства”. В. П. Данилов отрицал это; он признавал консервативность общины и считал ее препятствием на пути коллективизации. Нам представляется позиция Трапезникова более предпочтительной» [6, с. 235].

«Второй коллективизацией» эмигрировавший из Советской России ученый-экономист А. Д. Билимович остроумно окрестил хрущевскую аграрную политику 1950-х гг., направленную на безудержное укрупнение колхозов, связанную с попытками создания «агрогородов» в их центральных усадьбах и сселения туда населения из так называемых «неперспективных» деревень (см.: [9, с. 242—244]). Все это чем-то напоминает недавнюю либеральную политику «оптимизации», которая асфальтовым катком прошла по сельской местности современной РФ. Однако в историографии существует мнение, что Н. С. Хрущев, будучи сам из крестьянской семьи, возвращал долги крестьянской деревне, якобы ограбленной в коллективизацию с це-

лю получения инвестиций в сталинские пятилетки. Историк В. В. Зверев вспоминал: «Мой отец, проработавший 50 лет в сельском хозяйстве, однажды сказал следующее: “Запомни, больше, чем Никита, для сельского хозяйства не сделал никто”. Его слова подтверждаются цифрами. При Н. С. Хрущеве в 1950-е гг. ежегодный прирост сельскохозяйственной продукции составлял 6 % ... не в последнюю очередь потому, что сняли сельхозналог, сняли обязательные сельхозпоставки и т. д.» (цит. по: [8, с. 552]).

Сегодняшний единый школьный учебник по истории России издательства «Промсвещение» (под ред. А. В. Торкунова) преподносит время правления Хрущева как «великое десятилетие», аргументируя это прежде всего небывалыми темпами годового прироста экономических показателей. Один из аргументов в пользу столь лестной оценки: «Численность населения СССР выросла за 1953—1964 гг. со 188 до 226,7 млн человек. В 1962 г. впервые численность городского населения (111,2 млн человек) превысила численность жителей села (108,6 млн человек)».

Вот это как бы по определению хорошо — но только если мыслить в парадигме прогрессизма, когда символ прогресса — город, а деревня тем лучше, чем ближе к параметрам «агрокорода». Известно, что теоретическая «сшибка» Н. С. Хрущёва с И. В. Сталиным по этому поводу произошла в начале марта 1951 г. 4 марта будущий Первый секретарь ЦК КПСС опубликовал в «Правде» популистскую статью «О строительстве и благоустройстве в колхозах», в которой рассуждал об укрупнении колхозов, создании «агрокородов» и сселении в них жителей малых деревень как объективных закономерностей строительства социализма. Через пару дней после жесткого окрика сверху он вынужден был каяться, выражая готовность опубликовать самоопровержение.

Но политическая история страны дала возможность именно этой теории быть реализованной на практике — причем с упорством, достойным лучшего применения. Появление в политическом лексиконе клейма «неперспективная деревня» специалисты датируют рубежом 1950—1960-х гг., когда бюрократическая деятельность по планированию сселения малых деревень в центральные усадьбы и прочие «агрокорода» уже набрала обороты [12, с. 21]. Планы партии по ликвидации таких деревень в какой-то мере выполнялись. Но это было не столько результатом реализации запланированного, сколько следствием прекращения финансирования социальной инфраструктуры этих деревень и политических гонений на ЛПХ, которое объявлялось оплотом «мелкобуржуазного перерождения» колхозников. И крестьяне включили миграционные практики. Только мигрировали они не столько туда, куда было угодно незадачливым реформаторам, а — правдами и неправдами — непосредственно в города. Разумеется, в учебнике Торкунова об этом — ни слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабашкин В. В.* Особенности аграрного реформирования 1930—1950-х годов / В. В. Бабашкин, С. И. Толстов // Историческая психология и социология истории. — 2016. — № 2. — С. 216—234.

2. *Бабашкин В. В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» / В. В. Бабашкин // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и мат. круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». — Москва, 2014. — С. 38—48.

3. Глумная М. Н. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах Европейского Севера России) / М. Н. Глумная // XX век и сельская Россия. — Токио, 2005. — С. 265—285.

4. Дэвис Р. У. Советская экономика в период кризиса. 1930—1933 годы / Р. У. Дэвис // История СССР. — 1991. — № 4. — С. 198—210.

5. Зеленин И. Е. Был ли «колхозный неонэп»? / И. Е. Зеленин // Отечественная история. — 1994. — № 2. — С. 105—121.

6. Кабанов В. В. Судьбы кооперации в советской России: проблемы, историография / В. В. Кабанов // Судьбы российского крестьянства. — Москва, 1996. — С. 212—248.

7. Марченя П. П. Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и мат. круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». — Москва, 2014. — С. 535—614.

8. Марченя П. П. Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Сталинизм и крестьянство : сб. науч. ст. и мат. круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». — Москва, 2014. — С. 615—709.

9. Никулин А. М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему / А. М. Никулин. — Москва, 2014.

10. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник. — Новосибирск, 2002. — Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930—1941 гг. — С. 249—252.

11. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. — Москва, 2015.

12. Усольцева О. В. Сельская поселенческая сеть Томской области (1940—1980-е гг.) / О. В. Усольцева. — Томск, 2018.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ В СИБИРИ В 1930-Е ГГ.

Осуществляется реконструкция системы статистического мониторинга посевных площадей в Сибири в 1930-е гг. Доказано, что коллективизация привела к развалу сельскохозяйственной статистики. Достоверную систему учета удалось наладить лишь во второй половине десятилетия.

Ключевые слова: сельское хозяйство; коллективизация; статистический мониторинг; посевные площади; Сибирь.

Анализ развития сельского хозяйства входит в число базовых задач аграрной историографии. Решение этой задачи имеет принципиальное значение для определения результативности аграрных преобразований. Базовым источником для изучения параметров и структуры сельского хозяйства служат материалы опубликованной статистики, которые, в свою очередь, являются результатом обработки массовых источников, полученных в результате статистического мониторинга аграрного сектора экономики. Одной из наиболее значимых проблем современной отечественной историографии являются социально-экономические последствия коллективизации. Важную роль играет региональный аспект темы. В 1930-е гг. Сибирь была одним из ведущих аграрных районов страны. В регионе ярко проявлялись особенности и противоречия функционирования колхозной системы. Принципиальное значение имеет изучение влияния коллективизации на динамику отдельных секторов аграрной экономики. Растениеводство относится к числу главных отраслей сельского хозяйства. Интегральный показатель развития растениеводства — площадь посева — позволяет репрезентативно оценить не только динамику аграрного производства, но и его организационно-производственную структуру. Задача настоящей работы состоит в реконструкции системы государственного статистического мониторинга посевных площадей в Сибири в 1930-е гг.

В предыдущее десятилетие абсолютно преобладающей организационно-производственной формой сельского хозяйства в Сибири и в стране в целом являлись крестьянские хозяйства. В связи с этим основные усилия государственных статистических органов были направлены на получение данных об их развитии. Регулярный мониторинг базовых количественных показателей крестьянских хозяйств, включая размеры посевных площадей, осуществлялся в рамках выборочных комплексных сельскохозяйственных переписей. Переписи и иные статистические обследования де-

---

¹Ильных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

ревни в 1920-е гг. проводились под руководством специалистов, имеющих дореволюционный опыт статистической работы, и на основе наработок земской статистики.

Осенью 1920 г. прошла сельскохозяйственная перепись, весной 1921 и 1922 гг. были проведены опросы отдельных крестьянских хозяйств, весной 1923, 1924, 1925 и 1926 гг. — выборочные сельхозпереписи, весной 1927, 1928 и 1929 гг. — выборочные обследования отдельных хозяйств. В рамках переписи 1920 г. в Сибири опрашивалось около четверти крестьянских хозяйств. Выборка весенних опросов 1921 и 1922 гг. составляла 3 %, переписей 1923, 1924 и 1925 гг. — 5 %, переписей и обследований 1926, 1927, 1928 и 1929 гг. — 10 % хозяйств [4, с. 54—55].

Сельхозпереписи в 1920-е гг. осуществлялись переписчиками методом личного опроса дворохозяев в сельсовете. Затем результаты опроса должны были публично оглашаться на сельских сходах. Таким образом, достоверность полученной в ходе опроса информации фактически проходила двухуровневую проверку: сначала работниками сельсовета, а затем односельчанами. Следует отметить, что дореволюционные земские статистики, исходя из своего понимания психологии крестьян, считали, что они на сходе обязательно напомним своим «забывчивым» соседям о наличии не указанного при опросе имущества или посева.

Сведения, полученные в ходе выборочных переписей, распространялись на всю генеральную совокупность путем умножения среднестатистических параметров обследованных крестьянских хозяйств на их общее количество.

Сведения о количественных параметрах крестьянских хозяйств также собирались финансовыми органами в рамках налогового учета. Данный учет был фактически сплошным и фиксировал только объекты обложения. Облагаемое имущество записывалось работниками сельсоветов со слов налогоплательщика, а затем обнародовалось путем оглашения списков с данными на сельских сходах или их вывешивания в сельсоветах. После окончания учетной кампании финансовые органы в обязательном порядке проводили выборочную проверку показаний налогоплательщиков в отдельных селениях, число хозяйств в которых должно было составлять не менее 1 % от их общего количества в округе [2, с. 189].

Результаты сельхозпереписей изначально считались вполне репрезентативными и в начале 1920-х гг. проверкам не подвергались. Однако с середины десятилетия при их публикации данные о посевных площадях в крестьянских хозяйствах стали корректироваться повышающими поправочными коэффициентами, введение которых связывали с преуменьшением респондентами размеров посевов в своих хозяйствах. Объясняя данный факт, специалисты-статистики писали: «В данное время население во всех проводимых статистическими органами и другими ведомствами обследованиях, учетах и т. д. видит налоговые цели и всячески старается умалить ту часть своего хозяйства, которая, по его мнению, является объектом налоговых тягот и которая в то же время наиболее легко подвергается сокрытию¹». Легче всего было скрыть посев.

Методики определения величин недоучета постоянно совершенствовались. В середине 1920-х гг. она устанавливалась по итогам сравнения переписей и бюджетных

---

¹ Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1 : Сельское хозяйство. С. 464.

обследований. В конце десятилетия стали использовать результаты проводимых после завершения обследований выборочных контрольных обмеров посевных площадей. В ряде случаев привлекались материалы дублирующих переписей, налогового учета, местных хлебофуражных балансов. Для выведения поправочных коэффициентов для крупных регионов и страны в целом применялись комбинированные методы. По мере совершенствования методики, поступления и обработки нового материала ранее принятые величины поправок пересматривались (см. [1, с. 29—30]). Ретроспективно установленные в 1927 г. Сибкрайстатотделом поправки на недоучет посева составляли: для сельхозпереписи 1922 г. — 37,2 %, 1923 г. — 32,2 %, 1924 г. — 24,9 %, 1925 г. — 26 %, 1926 г. — 16,7 %. Относительно высокий уровень утайки посевов в Сибири в значительной степени определялся особенностями крестьянского землепользования в регионе [1, с. 28]. На величину поправочных коэффициентов влияло качество проведения переписи, степень репрезентативности выборки. Но мы также не исключаем, что на размеры недоучета в ходе переписей 1920-х гг. стали оказывать влияние изменения в социальной психологии крестьян, которые в советских условиях предпочитали публично не поправлять «показания» своих односельчан.

Помимо крестьянских хозяйств производством сельхозпродукции занимались государственные и кооперативные хозяйства. Основной формой госхозов были совхозы, коопхозов — колхозы. Вклад государственного и кооперативного секторов аграрной экономики в сельхозпроизводство на протяжении 1920-х гг. постоянно менялся, но в целом был незначительным. Учет количественных показателей развития совхозов и колхозов осуществлялся на основе ведомственной отчетности. В конце 1920-х гг. в связи с принятием ВКП(б) курса на производственное кооперирование сельского хозяйства активизировался статистический мониторинг коллективных хозяйств. В 1928 и 1929 гг. ЦСУ СССР совместно с Колхозцентром провели сплошные обследования колхозов, результаты обработки которых были опубликованы в ряде региональных и общесоюзных статсправочников¹.

В конце 1929 г. большевистский режим принял решение о переходе к форсированной коллективизации. 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) поставил задачу завершить ее в основном в главных зерновых районах «осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.», в других зерновых районах (в т. ч. в Сибири) — «осенью 1931 или во всяком случае весной 1932 г.», в незерновых районах — к весне 1933-го². В регионах, с одобрения Центра, темпы коллективизации решили еще более ускорить. 2 февраля 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) выдвинул задачу завершения коллективизации весной текущего года [5, с. 7]. Параллельно с коллективизацией разворачивалось массовое совхозное строительство.

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства и народного хозяйства в целом сопровождалась радикальным реформированием системы государствен-

---

¹ См.: Статистические материалы по колхозам Сибкрая. Новосибирск, 1930; Коллективизация советской деревни. Предварительные итоги сплошных обследований [колхозов] 1928 и 1929 гг. М., 1930; Колхозы в 1929 году. Итоги сплошного обследования колхозов. М., 1931; и др.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. С. 72.

ной статистики. В январе 1930 г. ЦСУ СССР, республиканские, краевые/областные и окружные статистические органы были упразднены¹. Их функции передавались плановым комиссиям, в составе которых образовывались экономико-статистические сектора.

Реформа статистических органов определялась комплексом политико-идеологических факторов. Методология земской статистики, на основе которой в условиях нэпа функционировала статистика в СССР, была признана «вредительской», поскольку «препятствовала разворачиванию социалистического строительства». Ожидаемая скорая победа социализма, по мнению большевистских теоретиков, вообще делала ненужным внешний статистический мониторинг, полностью заменяемый ведомственным учетом. Основной задачей создаваемых при плановых комиссиях экономико-статистических секторов, в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1930 г., должна была стать разработка «показателей учета для наблюдения за ходом исполнения» текущих и перспективных планов².

В соответствии с реформой менялась и система сельскохозяйственной статистики. Основным источником сведений о количественных параметрах развития аграрного производства должны были стать оперативные и годовые отчеты колхозов и совхозов, аккумулируемые в органах управления сельским хозяйством (земельных органах³, совхозных трестах, колхозсоюзах). Нужда в массовых комплексных переписях крестьянских хозяйств отпадала. Фиксацию параметров оставшихся единоличных хозяйств планировалось осуществлять в рамках проводимого финансовыми органами налогового учета.

Форсированная коллективизация привела к кризису сельского хозяйства, а проведенное в этих условиях реформирование государственной статистической организации — к кризису сельскохозяйственной статистики. Весной 1930 г. завершить коллективизацию в основном не удалось. Ее уровень, поднявшись к началу марта в СССР до 56 %, в Сибири — до 47 %, к лету снизился до 24 и 20 % соответственно. Вне колхозов в Сибири оставалось 4/5 крестьянских дворов [3, с. 155, 160].

Финансовые органы, соответственно, были вынуждены организовать полный сельскохозяйственный учет не маргинальной, а абсолютно преобладающей социальной группы деревни. Кроме того, в 1930 г. на них возложили статистический мониторинг колхозов и личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) колхозников. Вне их ведения оставались только совхозы. К расширению своих функций финансовые органы оказались не готовы и достаточно достоверно выявить количественные параметры обследуемых хозяйств не смогли. Увеличились масштабы сокрытия облагаемых объектов учета. Этому в значительной степени способствовал спровоцированный коллективизацией хаос в землепользовании. Колхозные и единоличные посеы располагались

---

¹ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1930. № 8. Ст. 97.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 14. Ст. 172.

³ Земельные органы — принятое в России (СССР) до начала 1946 г. название государственных органов, в ведение которых входило управление сельским хозяйством.

чересполосно. Крестьяне, вступившие в коллективные хозяйства, затем из них выходили. Колхозы и совхозы укрупнялись и разукрупнялись. Единоличники могли разместить часть посевов на землях, отведенных под совхозы, но фактически не используемых ими. Сложности возникли и с учетом личных хозяйств членов колхозов.

В 1931 г. коллективизация возобновилась. К концу года ее уровень в Сибири и в СССР в целом поднялся до 60 % [3, с. 196]. С середины 1931 г. организационно-производственной основой аграрного производства стали колхозы. Продолжалось интенсивное совхозное строительство.

В социалистических сельхозпредприятиях, по мнению большевистских теоретиков, никаких проблем с учетом возникнуть было не должно. Однако практика существенно расходилась с теорией. Во многих колхозах отсутствовали работники, способные не только организовать учет, но и грамотно заполнить бланки оперативных и годовых отчетов. Составители статистического сборника о колхозном строительстве в СССР в начале 1930-х гг. годовые отчеты за 1931 г. получили от 31 % колхозов Западно-Сибирского края, за 1932 г. — от 52 %. В Восточно-Сибирском крае доля колхозов, предоставивших годовые отчеты, была еще меньше — 24 и 31 % соответственно¹. Не ожидали власти и относительно высокого уровня утайки колхозной собственности. Председатели колхозов стремились скрыть от властей часть общественного имущества, для того чтобы снизить тяжесть налогового-податного обложения хозяйств. Нередкими были и приписки, особенно площади посева.

Приписки посевных площадей являлись следствием разверстки на хозяйства завышенных плановых заданий, которые наличными силами и средствами выполнить было невозможно. Однако от выполнения плана зависела карьера руководителя хозяйства. За провал планового задания его могли не только снять с должности, но и привлечь к уголовной ответственности как саботажника. Чтобы избежать наказания и выслужиться перед начальством, председатели колхозов предоставляли фиктивные данные, включая в отчеты о выполнении планов посевной кампании вообще незасеянные площади.

В совхозах работали более квалифицированные счетные работники, сокрытие имущества встречалось реже, однако масштабы приписок были еще большими, чем в колхозах. Под совхозы отводились огромные массивы ранее неосвоенных земель. Некоторые хозяйства располагались на территории нескольких административных районов. Это создавало более благоприятные условия для искажения отчетности, нежели в компактных сельхозартелях.

Вышестоящие хозяйственные органы с приписками не только не боролись, но фактически их провоцировали, включая фиктивные цифры в свои рапорты об успехах социалистического строительства. В итоге достоверной информации о состоянии сельского хозяйства советское руководство не имело. По мнению известного российского ученого-аграрника В. В. Кондрашина, массовый голод в деревне в начале 1930-х гг. отчасти был следствием неведения руководителей страны [6, с. 54]. Они, основываясь на победных реляциях с мест о расширении посевных площадей и урожайности зерновых культур, были уверены, что хлеб в необходимых для наращивания экспорта объемах в деревне есть, но крестьяне под воздействием кулацкой

---

¹ Динамика колхозов за 1930—32 гг. По материалам годовых отчетов. [М.,] 1934. Л. 2.

пропаганды сдавать его пролетарскому государству не хотят. Следствием подобного убеждения стали сверхнормативные хлебозаготовки.

По воспоминаниям очевидцев, нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев на одном из совещаний, посвященных подготовке второго пятилетнего плана, с отчаянием воскликнул: «Как можно планировать, если нельзя верить ни одной цифре!» [8, с. 75]. Нужда в объективной информации о развитии экономики вынудила руководство страны начать восстановление системы государственной статистической организации. 9 мая 1931 г. СНК СССР принял постановление «Об организации учетно-статистических работ»¹, в котором констатировалось «неудовлетворительное состояние» и «крайняя неупорядоченность» статистики и учета в стране. Исправлению ситуации должно было способствовать преобразование экономико-статистического сектора Госплана СССР в сектор народно-хозяйственного учета, работающий на правах самостоятельного управления. 17 декабря 1931 г. ЦИК и СНК СССР преобразовали сектор в Центральное управление народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР при Госплане СССР². Возглавил ЦУНХУ известный советский экономист В. В. Осинский, который объявил войну искажениям информации [8, с. 21].

ЦУНХУ подчинялись управления народно-хозяйственного учета, создаваемые в республиках, краях и областях. Принципиальное значение для организации сельскохозяйственной статистики на местах имело образование районных инспектур народно-хозяйственного учета. Учетно-статистические органы ведомств обязывались в своей деятельности исполнять директивы и задания органов нархозучета.

Создание центрального и региональных управлений народно-хозяйственного учета способствовало развитию статистических работ в стране. Возобновились издание статистических сборников, в которых публиковались материалы за предыдущие годы. По примечаниям к помещенным в них таблицам можно судить о методике сбора и обработки материалов сельскохозяйственной статистики в 1930 и 1931 гг. в отдельных регионах и стране в целом.

В статсправочнике, изданном Восточно-Сибирским краевым УНХУ в 1932 г., сообщается, что таблица «Посевные площади» за 1930 и 1931 гг. составлена по материалам налогового учета. В данные о посевных площадях за все годы внесены поправки на недоучет. При этом из текста пояснения к таблице методика определения поправочного коэффициента не ясна³.

В статсправочнике ЦУНХУ 1932 г. «Народное хозяйство СССР» сообщалось, что данные о размерах посевных площадей за 1930 г. в колхозах и единоличных хозяйствах получены от «областных органов». Они основаны на материалах налогового учета с внесением поправок по результатам 2%-ного выборочного обмера. По совхозам сведения предоставило Совхозобъединение СССР. За 1931 г. размеры посевных площадей в статсправочнике определены по «предварительной отчетности» Наркомата земледелия⁴.

¹ СЗ СССР. 1931. № 28. Ст. 221.

² Там же. № 73. Ст. 488.

³ Экономико-статистический справочник по Восточно-Сибирскому краю. Иркутск, 1932. С. 278.

⁴ Народное хозяйство СССР : стат. справочник. 1932. М. ; Л., 1932. С. 654—666.

Показательным является и распределение публикуемого материала по категориям хозяйств. В восточносибирском статсправочнике материалы за 1930 г. группировались по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) «единоличным» хозяйствам, в которые включались ЛПХ всех категорий населения, за 1931 г. — по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) «единоличным» хозяйствам, включавшим ЛПХ некрестьянского населения. В сборнике «Народное хозяйство СССР» — по: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) «единоличным» хозяйствам, включавшим ЛПХ всех категорий населения.

Соединение отдельных категорий индивидуальных хозяйств в общие группы при презентации статистического материала имело идеологическое и законодательно-фискальное объяснение. На начальном этапе коллективизации приусадебное хозяйство, в том числе так называемое «необобщественное» хозяйство колхозников, воспринималось большевистскими теоретиками как разновидность единоличного и облагалось сельхозналогом как таковое. После провала планов максимального форсирования коллективизации весной 1930 г. ЛПХ колхозников официально признали идеологически приемлемой формой ведения хозяйства на переходный период. Сознательные рабочие и служащие, в отличие от членов колхозов, не должны были вести приусадебное хозяйство. В Положении о едином сельскохозяйственном налоге на 1931 г. ЛПХ колхозников впервые рассматривалось в качестве отдельной категории налогоплательщиков¹. Отличать приусадебное хозяйство рабочих и служащих от единоличного хозяйства налоговое законодательство стало лишь с 1933 г.²

В 1932—1934 гг. самостоятельные обследования сельского хозяйства органы нархозучета практически не организовывали³, но активно участвовали в осуществлении статистического мониторинга, проводимого другими ведомствами. При этом в совхозах был налажен внутриведомственный учет, в колхозах и индивидуальных хозяйствах динамика посевных площадей фиксировалась в рамках ведомственного учета земельных органов, а поголовья скота — налогового учета, проводимого финансовыми органами. Органы ЦУНХУ занимались общим методическим руководством деятельности учетно-статистических органов ведомств.

Ведомственный характер учета посевных площадей был связан с особенностями практики администрирования в данной сфере. Весенняя посевная кампания ежегодно приобретала форму ударной хозяйственно-политической, на реализацию задач которой были направлены усилия региональных и районных управленческих структур. Ее целью являлось выполнение и перевыполнение разверстанного по районам, сельсоветам, категориям хозяйств плана посева. На непосредственно участвующие в организации посевной кампании земельные органы также возлагались функции оперативного и итогового учета.

Поскольку существовала реальная угроза фальсификации итогов сева, учреждались специальные контрольные органы. В соответствии с постановлением СНК СССР от 3 мая 1932 г. для проверки и уточнения данных о размерах посевных площадей при райисполкомах краевых/областных и республиканских УНХУ создавались межведом-

---

¹ СЗ СССР. 1931. № 19. Ст. 171.

² Там же. 1933. № 32. Ст. 1886.

³ Исключение составила всесоюзная перепись скота, которая прошла в начале 1932 г.

ственные учетно-контрольные комиссии, в состав которых включались представители плановых, учетных, земельных, заготовительных органов, РКИ. После завершения посевной кампании земельные органы обязывались предоставить в районные комиссии заверенные отчетные данные по каждому совхозу и колхозу, а сельсоветы — подворные списки индивидуальных посевов, в вышестоящие комиссии направлялись сводные результаты сева. Учетно-контрольным комиссиям предоставлялось право «привлекать виновных в искажении отчетных данных к судебной ответственности»¹.

17 декабря 1932 г. СНК СССР принял решение об учреждении Государственной комиссии по определению урожайности и размеров валового сбора зерновых культур, задачей которой являлось установление точных размеров посевных площадей, урожайности и валовых сборов зерновых и ряда других культур по отдельным районам, краям и республикам². На местах создавались межрайонные государственные комиссии (МГК), которые подчинялись Центральной государственной комиссии (ЦГК) при СНК СССР. Председатели МГК назначались СНК СССР, а члены — набирались из работников земельных и заготовительных органов. Председателем ЦГК был назначен начальник ЦУНХУ В. В. Осинский. В МГК в качестве экспертов также включалось по одному представителю ЦУНХУ. В функции МГК и ЦГК входило установление на основе представленных земельными органами отчетных данных и материалов собственных проверок «окончательных» размеров посевных площадей в текущем сельскохозяйственном году.

Местным органам власти запрещалось «вмешиваться в оперативную деятельность межрайонных комиссий и производить перемещения, переброску и мобилизацию их работников». В свою очередь, МГК обязывались «вести борьбу против искажения учетных данных и предотвращать обман государства в определении точных размеров посевных площадей и валового сбора». Их председатели должны были «немедленно» привлекать к судебной ответственности работников колхозов, МТС, совхозов, сельсоветов, земельных органов «за попытки обмана советского государства представлением неверных сведений»³.

16 мая 1934 г. советское руководство признало неудовлетворительным качество учета скота, обязав ЦУНХУ принять непосредственное участие в организации проводимого финансовыми органами летнего учета, а также провести перепись скота по состоянию на 1 января 1935 г.⁴ Директивы ЦК были выполнены. Органы нархозучета приняли активное участие в организации и подведении итогов летнего налогового учета скота в 1934, 1935 и 1936 гг.⁵ В начале 1935, 1936, 1937, 1938, 1940 и 1941 гг. ЦУНХУ провело всесоюзные сплошные переписи скота.

В 1935 г. также произошли значимые изменения в организации учета посевных площадей. В предыдущие годы, как указывалось выше, им занимались земельные ор-

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 684. Л. 243—244.

² СЗ СССР. 1932. № 84. Ст. 521.

³ Там же. 1933. № 17. Ст. 976.

⁴ Правда. 1934. 17 мая.

⁵ С 1937 г. летний учет скота проводится не стал.

ганы под контролем ЦГК. С 1935 г. сплошной учет посевов во всех категориях хозяйств возложили на органы нархозучета.

Он осуществлялся по следующей схеме¹. Руководители колхозов и совхозов хозяйств после завершения весенних полевых работ должны были предоставить инспекторам нархозучета заключительный отчет о размерах засеянной пашни, в который также включались сведения об озимых посевах. Заключительные отчеты, в свою очередь, составлялись на основе актов приемки посевных площадей от полеводческих бригад путем их обмера. В колхозах акты должны были подписывать председатели, в совхозах — старшие агрономы или управляющие отделениями. Инспекторы нархозучета принимали заключительные отчеты «или на месте, путем посещения каждого колхоза и государственного хозяйства, или в сельсовете, путем вызова представителей этих хозяйств. В районах с небольшим числом колхозов и государственных хозяйств приемку отчетов надлежало проводить в хозяйстве». В случае сомнения в правильности представленных материалов инспекторы были обязаны на месте (в хозяйстве) проверить данные отчетов, в необходимых случаях прибегнув к обмеру.

Фиксацией размеров посевов единоличников, колхозников, рабочих, служащих и прочих категорий хозяйств сельской местности занимались сельсоветы. В ряде районов осуществлялся сплошной обмер, в ряде районов — опрос. Параллельно опросу домохозяев проводилась проверка их показаний «путем обязательного осмотра посевов, а в необходимых случаях и обмера». После завершения учета сельсоветы передавали материалы инспектору нархозучета, который должен был проверить их правильность путем контрольного выборочного обмера, а там, где выявлялся недоучет, провести сплошной обмер по всем хозяйствам. Следует отметить, что с 1935 г. по индивидуальному сектору стали отдельно учитываться посевы единоличных хозяйств, приусадебных хозяйств рабочих, служащих и прочих категорий сельского населения. В предыдущий период посевы единоличников учитывались суммарно с посевами рабочих, служащих и прочих категорий.

Учет площади приусадебных посадок в городских поселениях, который также впервые провели в 1935 г., осуществлялся городскими инспектурами нархозучета путем подворного обхода каждого домовладения. В обходах участвовали представители горсоветов. В городских поселениях отдельно учитывались посевы: 1) колхозников; 2) единоличников; 3) рабочих, служащих и прочих категорий.

В отличие от учета посевных площадей, проводимого в первой половине 1930-х гг., с 1935 г. фиксировались посадки всех культур, «как бы ни малы были их размеры»².

С 1935 г. сплошной учет посевных площадей фактически приобрел характер хозяйственно-политической кампании. До его начала проводилась массово-разъяснительная работа среди населения. В 1936 г. в Западно-Сибирском крае она заключалась: «а) в распространении по сельсоветам и городам лозунгов в количестве

---

¹ Посевные площади в СССР. Итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. Вып. 1. С. 3; Посевные площади под урожай 1936 года Западно-Сибирского края. Новосибирск, 1936. С. V—VI; Организационный план заключительного учета посевных площадей и сортовых посевов в 1940 г. М., 1940. С. 2—5.

² Посевные площади в СССР. Вып. 1. С. 3.

72 000 экземпляров; б) в организации в районах световых газет, которые демонстрировались на экранах во время посевной кампании в стационарных и передвижных кинотеатрах для полевых бригад и в районных клубах; в) в специальных докладах и беседах о задачах учета итогов сева; г) в использовании районных и стенных газет путем помещения специальных статей об учете посевных площадей и в использовании радио». Итоги учета посевных площадей обсуждались на общих собраниях колхозников и единоличников, а также на президиумах сельсоветов¹.

В предисловии к общесоюзному статсборнику с материалами учета посевных площадей 1935 г. он был определен «крупнейшей статистической операцией», которая «почти не отличается от всесоюзной переписи посевов». «В результате проведенной работы получены данные о посевных площадях по каждому хозяйству, сельсовету, району, области, краю, республике, по категориям хозяйств и в покультурном разрезе. По госкоопсектору посеvy учтены в разрезе каждого наркомата; особо выделены посеvy научно-исследовательских учреждений, районных и сельских учреждений». В предисловии также указывалось, что сводные данные переписи «подверглись проверке» органами ЦГК, которыми «были внесены незначительные исправления, что свидетельствует о достаточно высоком качестве учетных данных»².

Расширение круга отдельно учитываемых категорий хозяйств привело к изменению их презентации в официальных статистических изданиях. В общесоюзных и региональных статистических изданиях сведения о посевных площадях за 1933—1934 гг. группировались по трем категориям хозяйств: 1) совхозам; 2) колхозам; 3) единоличным хозяйствам, включавшим ЛПХ колхозников и неколхозного населения³. В опубликованном ЦУНХУ первом выпуске материалов итогового учета посевных площадей 1935 г. по СССР материалы группировались по шести категориям хозяйств: 1) госхозам и коопхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличным хозяйствам; 5) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения сельских местностей; 6) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения городских поселений⁴.

Во втором разделе⁵ второго выпуска материалов итогового учета посевных площадей 1935 г. по СССР приводились данные о посевах государственных хозяйств по отдельным наркоматам: совхозам Наркомата совхозов (в том числе⁶ зерновым, животноводческим), Наркомзема СССР (в том числе льноводческим, табаководческим, семеноводческим), Наркомзема РСФСР (в том числе промсовхозов), Наркомпище-

---

¹Посевные площади под урожай 1936 года. С. VI.

²Посевные площади в СССР. Вып. 1. С. 3.

³См.: Социалистическое строительство СССР : стат. ежегодник. М., 1934. С. 193; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник. 1935. М., 1936. С. 256; Записбкрай в новых границах в цифрах. Краткий стат. справочник. Новосибирск, 1935. С. 51; и др.

⁴Посевные площади в СССР. С. 27.

⁵В первом разделе статсборника были опубликованы результаты учета посевных площадей по регионам СССР.

⁶Указаны специализации совхозов, функционирующих на территории Сибири.

прома СССР (в том числе свекловодческим), сельхозпредприятиям отделов рабочего снабжения (ОРСов) Наркомтяжпрома, Наркомлегпрома, Наркомлеса¹.

В статсборнике Западно-Сибирского УНХУ за 1935 г. приводились данные о посевных площадях по девяти категориям хозяйств: 1) совхозам; 2) коопхозам; 3) сельхозпредприятиям ОРСов; 4) учреждениям и организациям; 5) колхозам; 6) ЛПХ колхозников; 7) единоличным хозяйствам; 8) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения сельских местностей; 9) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения городских поселений². Кроме того, в разделе, посвященном совхозному строительству, были указаны общие размеры посевных площадей по совхозам Наркомсовхозов, Наркомзема, Наркомвнешторга (звероводческие) и Наркомпищепрома³.

В статсборнике Западно-Сибирского УНХУ, подводящем итоги учета посевных площадей за 1936 г., основные материалы группировались по семи категориям хозяйств: 1) госхозам и коопхозам; 2) колхозам; 3) ЛПХ колхозников; 4) единоличным хозяйствам сельской местности; 5) единоличным хозяйствам, расположенным в городской местности; 6) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения сельских местностей; 7) ЛПХ рабочих, служащих и прочих категорий населения городских поселений⁴. В отдельном разделе сборника публиковались данные о площади посева в хозяйствах государственно-кооперативного сектора по наркоматам и ведомствам (Наркомсовхозов, Наркомзему СССР, Наркомзему РСФСР, Наркомпищепрому, Наркомвнутторгу, Наркомвнешторгу, Наркомтяжпрому, Наркомлегпрому, Наркомлесу, Наркомпути, Наркомводу, Наркомсвязи, Комитету заготовок СНК СССР, Центросоюзу, Всекоппромсовету, Всекоппромлесосоюзу). При этом особо указывались посевные площади селекционных и опытных станций, племрассадников, сельхозпредприятий ОРСов, пунктов предубойного содержания скота, сельских учреждений и организаций (школ, сельсоветов, райисполкомов)⁵.

В региональном разделе статистического справочника «Посевные площади СССР 1938 г.» была представлена следующая группировка хозяйств: 1) госхозы; 2) в том числе совхозы Наркомсовхозов, Наркомпищепрома, Наркомзема, пригородных сельхозтрестов; 3) колхозы; 3) ЛПХ колхозников; 4) ЛПХ рабочих, служащих; 5) единоличные хозяйства⁶. В разделе «Посевные площади совхозов» данного статсправочника материалы группировались по следующим «системам совхозов»: 1) Наркомсовхозов (в том числе союзного подчинения, республиканского подчинения); 2) Наркомзема (в том числе союзного подчинения, республиканского подчинения); 3) Наркомпищепрома (в том числе союзного подчинения и прочие хозяйства наркомата); 4) пригородных трестов сельского хозяйства.

---

¹ Посевные площади в СССР. Итоги учета посевных площадей летом 1935 года. М., 1936. Вып. 2. С. 5.

² Народное хозяйство Запсибкрая. Новосибирск, 1936. С. 134.

³ Там же. С. 107—117.

⁴ Посевные площади под урожай 1936 года. С. XIII.

⁵ Там же. С. XVIII—XXVI.

⁶ Посевные площади СССР 1938 г. : стат. справочник. М. ; Л., 1938. С. 21.

Таким образом, отказ советского руководства в начале 1930-х гг. от государственной статистики, основанной на принципах земской статистики, привел к существенному ухудшению качества мониторинга сельского хозяйства. Систему статистического учета посевных площадей, которая могла достаточно объективно отразить их динамику и сдвиги в организационно-производственной структуре, удалось наладить лишь во второй половине 1930-х гг. Базовым методом мониторинга стал ведомственный учет, проводимый под контролем органов нархозучета. Опрос как метод статистического обследования сохранился лишь в несоциалистическом секторе.

Утайку части своего хозяйства от государственного учета, а также приписки в полной мере искоренить не удалось, но их масштабы существенно снизились и учитывались при обработке первичных данных. Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части отражения динамики посевных площадей, по нашему мнению, была в целом достоверной и репрезентативной. В связи с этим в марте 1937 г. были ликвидированы ЦГК и МГК [7, с. 186—187]. Функции государственных комиссий передавались земельным органам и органам нархозучета. Одним из показателей завершения очередного этапа развития советской статистики стало преобразование в марте 1941 г. ЦУНХУ в Центральное статистическое управление Госплана СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историческая энциклопедия Сибири. — Новосибирск, 2009. — Т. III.
2. Ильиных В. А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924—1928 гг. / В. А. Ильиных // Налоги и заготовки в сибирской деревне в 1890—1920-е гг. / Отв. ред. В. А. Ильиных. — Новосибирск, 2004. — С. 175—208.
3. Ильиных В. А. Динамика посевных площадей в Сибири в 1917—1929 гг.: источники реконструкции / В. А. Ильиных // Гуманитарные науки в Сибири. — 2008. — № 2. — С. 28—32.
4. Коллективизация сибирской деревни. Январь-май 1930 г. : сб. документов / Отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. — Новосибирск, 2009.
5. История советского крестьянства: в 5 т. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 — 1937 / Отв. ред. И. Е. Зеленин. — Москва, 1986.
6. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1933) / В. В. Кондрашин. — Москва, 2014.
7. Ханин Г. И. Сочинения: в 2 т. / Г. И. Ханин. — Москва, 2020. — Т. 1.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы : в 5 т. 1927—1939. Т. 5. Кн. 1. 1937 / Отв. ред. В. Данилов, Р. Маннинг. — Москва, 2004.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ В КУРСКИХ КОЛХОЗАХ В 1946—1947 ГГ.

Анализ источников, отложившихся в региональных архивах, показывает, что голод 1946—1947 гг. в Курской области имел преимущественно естественные причины. Борьба с ним, в которую были вовлечены все уровни государственной вертикали власти — от сельсоветов до Совета Министров, носила системный, многоуровневый характер.

Ключевые слова: Курская область; засуха; голод; продовольственная помощь.

Голод 1946—1947 гг. является последней крупномасштабной голодовкой в нашей стране. О его природе в отечественной историографии уже более трех десятилетий идут упорные споры, и мнения историков условно разделились на два лагеря. Одни поддерживают концепцию И. М. Волкова, другие — В. Ф. Зимы. Именно эти два исследователя одними из первых начали осмысливать данную проблему с точки зрения исторической науки.

Концепция В. Ф. Зимы, которую в целом разделяют В. П. Попов [10, 11], И. М. Маковейчук, Ю. Г. Пилявец [7], А. Л. Перковский, С. И. Пирожков [9], основывается на заключении, что голод 1946—1947 гг. имел рукотворную природу и был следствием некомпетентности сталинского режима в решении проблем аграрной сферы экономики [4, с. 344—345]. Стоит отметить, что данную точку зрения разделяют и некоторые зарубежные авторы (см., например: [14]).

Не меньше сторонников имеет позиция И. М. Волкова, который, давая характеристику голоду 1946—1947 гг., обращал внимание на преимущественно естественные причины этой катастрофы: сочетание послевоенной необустроенности хозяйства и крупнейшей в XX в. засухи, поразившей многие регионы земного шара [3]. Данной позиции придерживается также ряд авторитетных ученых-историков, среди которых Р. Р. Хисамутдинова [12], А. В. Шалак [13] и др. Аналогичной точки зрения придерживается и видный отечественный историк-аграрник В. В. Кондрашин, сравнивая протекание голода в России и Украине [5].

Исходя из многоаспектного анализа громадного массива исторических источников, отложившихся в региональных архивах, охватывающих документы территорий, входивших в состав Курской области в исследуемый период, мы пришли к выводу, что историческая истина лежит где-то между данными мнениями. В настоящей

---

¹Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, argunovoleg-poet@mail.ru, Россия, г. Курск.

статье осуществляется попытка ответа на вопрос: какими способами в регионе боролись с голодом?

Условия для развития сельского хозяйства зимой 1945/1946 г. и весной 1946 г. были экстремальными: зима выдалась крайне малоснежной, а весна — засушливой и очень холодной (даже в мае температура по ночам нередко опускалась до -6°C). В некоторых районах первые дожди выпали только в начале июля¹. И это не могло не отразиться на урожае: озимые культуры в основной своей массе вымерзли, а яровые не смогли взойти из-за недостатка влаги.

Руководство Курской области еще в июне 1946 г. (то есть до начала уборки урожая) осознало, что проблем с продовольственным снабжением зимой 1946—1947 гг. не избежать, причем в значительно большей степени это отразится на сельском населении, большая часть которого была вне карточной системы распределения продовольствия. Поэтому в конце июня 1946 г. первый секретарь обкома ВКП(б) П. И. Доронин и председатель облисполкома В. В. Волчков добились личной аудиенции у И. В. Сталина, чтобы просить выделения помощи для курских колхозников. Ранее мы подробно описывали детали этой встречи (см.: [1]). Сам факт встречи подтверждается журналом посещений И. В. Сталина, где отмечено, что курские руководители были на приеме 21 и 22 июня [8, с. 475]. Итоги этой встречи оказались довольно значимыми для региона: области была выделена беспроцентная продовольственная ссуда в размере 4040 тыс. пудов зерна². Среди курских колхозников эта продовольственная ссуда получила наименование «сталинской».

В каждом районе был произведен подсчет колхозников, которым необходимо оказать помощь; также при выделении продссуды учитывалось количество едоков в семье, а отдельным постановлением курских облисполкома и обкома ВКП(б) от 10 июля 1946 г. оговаривалось, что каждая нуждающаяся семья должна получить не менее 5, но и не более 15 пудов зерна³.

Эти факторы обусловили большую разницу между районами по объемам оказываемой им помощи: от 33 130 пудов, которые были выделены Краснояружскому району, до 110 000 пудов, предназначавшихся Корочанскому району, хотя абсолютное большинство районов получило продовольственной ссуды в пределах 50—70 тыс. пудов⁴.

Однако вскоре выяснилось, что далеко не все районы смогли правильно произвести расчеты по определению количества необходимого зерна для оказания помощи (точнее, ошибки были допущены в самих колхозах), поэтому начиная со второй декады июля 1946 г. в Курский обком ВКП(б) стали поступать заявки районов на изменение объемов продовольственной ссуды в сторону увеличения. Среди этих районов оказались Щигровский, Поныровский, Иванинский, Чернянский, Прохоровский

---

¹ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 268. Л. 112—116.

² Там же. Д. 29. Л. 220—230.

³ Там же. Д. 33. Л. 53.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 2—146.

и другие¹. Однако просьбы касались не районов в целом, а отдельных сельхозартелей, руководство которых произвело перерасчет и оформление заявок на дополнительную помощь.

При распределении «сталинской помощи» совершенно не учитывался факт трудового участия отдельных колхозников в общественных работах: ссуда выдавалась в большинстве случаев по количеству членов семьи, что вызывало неоднозначную реакцию в колхозной среде. Начали поступать жалобы на неправильное распределение продовольствия среди колхозников. В них чаще всего отмечалось два факта: большое количество выделяемой помощи на небольшое число членов семьи и выделение больших объемов помощи семьям или колхозам, в которых практически никто не принимал участия в общественных работах.

Так, в ответе Золотухинского райкома ВКП(б) на жалобу С. А. Серпуховитина указывалось, что в колхозе «Страна Советов» некоторым семьям, где значились по 2—3 человека, было выделено по 9—12 пудов помощи. Например, семейство М. А. Гривцовой получило 10 пудов помощи, а семейство Д. Е. Правдиной — 12 пудов. Это объяснялось тем, что колхозу был выделен достаточно большой объем продовольственной помощи, который позволил выдать большое количество зерна семьям колхозников².

Но так было далеко не во всех районах и колхозах. Среди жалоб, поступивших в Курский обком ВКП(б) от трудящихся и должностных лиц, имеется докладная записка председателя колхоза «Вторая пятилетка» Ленинского (сельского) района Христинина, который пишет о том, что его колхоз являлся одним из передовых в районе: из года в год выполнял хлебопоставки и даже в засушливом 1946 г. показал неплохие результаты. При этом помощи сельхозартелю было выделено всего по 5—7 пудов на двор вне зависимости от нуждаемости. В то же время соседние колхозы практически никогда не выполняли возложенных на них государством обязательств, постоянно были отстающими, но им выделяли по 10—15 пудов помощи на двор, что, по мнению Христинина, являлось большой несправедливостью³.

Однако в некоторых районах с подобными примерами «несправедливого» распределения продовольственной помощи старались бороться. Так, Поныровскому райкому ВКП(б) удалось добиться от областного руководства увеличения размеров продссуды до 20—25 пудов для 42 семей, чьи члены отличились при проведении полевых работ в 1946 г.⁴ Хотя данный случай можно назвать исключением из правила: партийные органы строго следили за тем, чтобы продовольственная помощь выделялась строго в рамках от 5 до 15 пудов на семью. Известны случаи, когда в некоторых колхозах выдавалось продовольственной помощи значительно меньше нормы, как это было в ряде колхозов Дмитриевского района, где продовольственную ссуду в размере от 1 до 4 пудов получили 1522 семьи колхозников, а некоторым колхозам помощь уменьшили на сотни пудов. Среди них оказались сельхозартелю им. Сталина и «Путь

---

¹ ГАОПИКО. Д. 35. Л. 142—144, 162—173; Д. 38. Л. 13—15, 34, 44; Д. 39. Л. 15—20; и др.

² Там же. Д. 338. Л. 200.

³ Там же. Д. 595. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 38. Л. 44.

к Победе»¹. Подобные случаи строго пресекались: первый секретарь Дмитриевского райкома ВКП(б) И. И. Свиринов и председатель райисполкома Д. Д. Беспарточный за подобное отношение к организации помощи колхозникам получили партийные взыскания, а району было выделено 300 пудов хлеба для дополнительного снабжения².

В контексте выделения «сталинской помощи» достаточно интересным представляется вопрос о ее размерах и соотношении с доходами сельского населения региона. На совещании первых секретарей райкомов ВКП(б) Курской области, которое состоялось 29 июня 1946 г., с докладом о положении дел в регионе выступал П. И. Доронин, отметивший очень сложную ситуацию в деревне и проблемы с продовольствием грядущей зимой. Однако отчасти последствия засухи в отношении обеспечения населения продуктами питания должны были нивелироваться выделяемой продовольственной ссудой, о которой он сказал следующее: «Я должен вам сказать по секрету, что в прошлом году мы выдали на трудодни до 4 миллионов пудов хлеба, а в этом году мы имеем возможность выдать 4 040 000 пудов хлеба благодаря помощи товарища Сталина»³. То есть Павел Иванович в открытую признавал, что реализация аграрной политики в регионе в период с 1943 по 1946 г. носила фактически провальный характер, так как не могла обеспечить даже самих производителей продуктами питания, и они были напрямую зависимы от урожая на своих приусадебных участках. Эти сведения в некоторой степени подтверждаются первичными документами о выдаче «сталинской помощи».

Например, в колхозе «Красная звезда» Золотухинского района на трудодни в 1945 г. было выдано 197 пудов хлеба на 73 семьи, числящиеся в данном колхозе. В рамках же «сталинской помощи» этим людям было выдано 680 пудов, то есть более чем в три раза больше⁴. Похожая картина была и в колхозах Ястребовского района, где, к примеру, в сельхозартели «Красная звезда» в 1945 г. 69 семьям было выдано 206 пудов хлеба на трудодни, а в 1946 г. в качестве продссуды — 540 пудов⁵. А некоторым колхозам и вообще выделялись в качестве помощи значительные объемы зерна. Так, колхозу им. Чапаева Грайворонского района было выделено в качестве продссуды 3815 пудов ржи⁶.

При этом нельзя говорить о том, что в регионе в 1945 г. все колхозы выдали на трудодни хлеба меньше, чем получили в качестве помощи в 1946 г. Так, в сельхозартели «1 Мая», где насчитывалось 24 семьи, в которых было 85 человек, из них 35 трудоспособных, на трудодни за 1945 г. распределили 633 пуда хлеба. В 1946 г. они распределили всего 120 пудов. Вне зависимости от количества едоков каждая семья в этом колхозе получила по 5 пудов помощи⁷.

¹ ГАОПИКО. Д. 46. Л. 199—200.

² Там же. Л. 241.

³ Там же. Д. 59. Л. 22.

⁴ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-4272. Оп. 3. Д. 30. Л. 14—14 об.

⁵ Там же. Ф. Р-3958. Оп. 3. Д. 21. Л. 18—18 об.

⁶ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-51. Оп. 1. Д. 130. Л. 121.

⁷ Там же. Ф. Р-63. Оп. 1. Д. 35а. Л. 12.

Отметим, что далеко не во всех колхозах «сталинская помощь» доходила до голодающих. В некоторых сельхозартелях области помощь распределялась между близкими к правлению сельхозартеля людьми, а до прочих членов колхоза не доходила. В июле 1946 г. к председателю Нижнереутчанского сельсовета Медвенского района К. А. Вытовтову обратилась голодающая колхозница И. Е. Веревкина, вдова, мать четырех детей, с просьбой оказания содействия в получении хлеба. К. А. Вытовтов не только не оказал помощи, сказав, что хлеба нет, но и добавил: «Детей можно отправить на салотопку»¹, в то время как приближенным к нему людям было распределено несколько десятков пудов хлеба.

Имели место и случаи массового хищения хлеба: так, к концу июля 1946 г. в Кореневский и Рыльский районы пришли 169 вагонов с хлебом для нуждающихся колхозников, из которых перевесили 14. В них недосчитались более 7 т зерна².

Однако, несмотря на вышеуказанные эксцессы, оказание «сталинской помощи» имело серьезный экономический, моральный и политический эффект (см.: [2]).

Следующий крупный транш продовольственной помощи от государства регион получил в конце весны 1947 г., когда правительством было выделено для голодающих курских колхозников 9510 т зерна³. Среди населения она не имела такого серьезного резонанса, как «сталинская помощь», но приобрела не меньшее значение. Данная продссуда помогла колхозникам в буквальном смысле дотянуть до нового урожая, что колхозники отмечали на различных собраниях и массовых митингах, как это было, к примеру, в Верхнелюбавском районе⁴. Оказание продовольственной помощи, как и летом 1946 г., серьезно укрепило трудовое участие колхозников в общественных работах. Так, в колхозе «8 Марта» Беловского района после распределения помощи в первых числах июня 1947 г. на работы вышли 344 человека, или 96 % от всех трудоспособных колхозников⁵. И такую картину можно было наблюдать практически повсеместно в районах Курской области.

Еще одним важным направлением, в рамках которого колхозникам Курской области оказывалась помощь хлебом, было выделение дополнительных продовольственных ссуд из областных резервов. В отличие от государственной помощи, выделяемой на уровне правительства СССР, она не была всеобщей (за одним исключением), то есть не предназначалась для всех районов региона. Подобная помощь выделялась отдельным районам по их запросам, в которых отмечалась особая нуждаемость населения.

Одним из первых областную продовольственную поддержку получил Суджанский район, которому 14 сентября 1946 г. было дополнительно выделено 25 950 пудов про-

---

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 76. Л. 316.

² Там же. Л. 371.

³ Там же. Д. 382. Л. 287—290.

⁴ Там же. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 193. Л. 47—49.

⁵ Там же. Ф. П-31. Оп. 1. Д. 784. Л. 7.

довольственного зерна¹ помимо 50 000 пудов в рамках «сталинской помощи»², в связи с тем, что в районе уже в начале осени 1946 г. наблюдались серьезные проблемы с продовольствием.

Тем не менее все районы получили региональную поддержку в октябре 1946 г. после того, как областное руководство провело «уточнение данных, характеризующих экономику каждого в отдельности района и колхоза по итогам 1946 сельскохозяйственного года». В общей сложности было выделено 67 913 пудов хлеба. При этом областное руководство, учитывая ошибки и просчеты, допущенные при распределении «сталинской помощи», в совместном постановлении облисполкома и обкома ВКП(б) четко оговорило схему получения помощи не только отдельными колхозами, но и отдельными семьями: «Дополнительная продссуда должна быть выдана колхозникам единовременно, полностью и без каких-либо удержаний»³. В ряде районов отреагировали достаточно быстро, и уже к концу октября — началу ноября ссуда была выдана колхозникам, как это произошло, к примеру, в Грайворонском районе⁴. Однако далеко не во всех районах распределение этого транша помощи прошло в указанные сроки, даже несмотря на директивы областных партийно-государственных структур. Так, в Ястребовском районе распределение дополнительной помощи началось только после 14 ноября 1946 г., когда было принято соответствующее постановление райисполкома и бюро райкома ВКП(б)⁵.

В большей степени оказание помощи отдельным районам региона партийно-государственными структурами Курской области относится к периоду с февраля по апрель 1947 г., то есть в период пика голода. Однако объемы этой помощи были незначительными. Так, колхозам Уразовского района 25 февраля 1947 г. было выделено 1000 кг помощи продовольственным зерном. Отдельные колхозы получили от 10 до 75 кг, которые пошли на снабжение наиболее больных членов сельхозартелей⁶. И тем не менее эта скромная помощь имела серьезное значение для страдающих от голода колхозников, у которых каждый грамм хлеба был на счету.

Помимо общегосударственной и областной помощи многие колхозы районов курского региона сами выступали инициаторами оказания поддержки своим труженикам. Выражалась она в адресной помощи и организации централизованного питания для колхозников.

Адресная помощь в большинстве своем оказывалась или отдельным семьям, или отдельным лицам. Например, поддержкой пользовались беременные или только что родившие женщины, малолетние дети, хронически больные люди⁷. Организация централизованного питания носила более массовый характер. В первую очередь колхозы

¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 46. Л. 45.

² Там же. Д. 32. Л. 115—117.

³ Там же. Д. 50. Л. 93—94.

⁴ ГАБО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 175. Л. 5.

⁵ ГАКО. Ф. Р-3958. Оп. 3. Д. 9. Л. 32—34.

⁶ ГАБО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 37. Л. 107—107 об.

⁷ ГАКО. Ф. Р-3913. Оп. 3. Д. 49. Л. 4.

старались обеспечить едой наиболее незащищенные слои населения: детей и стариков. Так, в Сажновском районе практически при каждом колхозе было организовано питание для школьников еще в феврале 1947 г., когда большая часть детей не могла посещать школьных занятий¹. Однако наибольший размах эта практика получила в период весенней посевной кампании.

Вот как организацию горячего питания для колхозников описывает в одном из своих докладов В. В. Волчков: «Единственный Ломновский сельсовет Грайворонского района, где народ, кроме пяти человек, не ходил на работу потому что одни болеют, а у других есть нечего и мер они не приняли. Пришлось 40 человек положить в больницу, организовали отделение в этом же селе, а для остальных организовали общественное питание. Коммерческого хлеба 2 тонны дополнили для района, по 100 г муки, зарезали хромого быка — по 100 г мяса. И на второй день народ начал выходить. И в других районах в некоторых колхозах сами колхозники дошли до этого: то, что мы им даем, колхозники варят в поле, а для больных носят на дом»². Стоит отметить, что значительная часть майской правительственной помощи голодающим региона была пушена именно на организацию подобных кухонь.

Как мы видим, в контексте исторических реалий, в которых находилась Курская область в исследуемый период, нашедших отражение в архивных источниках, тезис о запоздалости помощи крестьянам в период голодовок, обозначенный некоторыми историками [4, с. 188—196; 6, с. 123], не совсем применим, хотя и не обоснователен, так как большая часть регионов не только РСФСР, но и СССР в целом все не получили продовольственной поддержки в 1946—1947 гг. Однако на примере курского региона можно увидеть, что организация помощи голодающим — дело не только государства, но и отдельных колхозов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргунов О. Н. Распределение продовольственной помощи в колхозах Курской области в 1946 г. (по документальным источникам курских архивов) / О. Н. Аргунов // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношения центра и регионов в исторической динамике : мат. I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Александра Александровича Александрова (1919—2010) и 85-летию со дня рождения Анатолия Ивановича Суханова (1934—1989), Ижевск, 7—8 ноября 2019 г. — Ижевск, 2019. — С. 381—388.

2. Аргунов О. Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода / О. Н. Аргунов // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2016. — № 3.

3. Волков И. М. Засуха, голод 1946—1947 годов / И. М. Волков // История СССР. — 1991. — № 4. — С. 3—19.

4. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — Саратов, 2020.

---

¹ ГАБО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 198. Л. 19—19 об.

² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 586. Л. 8.

5. Кондрашин В. В. Голод 1946—1947 гг. в России и Украине: общее и особенное / В. В. Кондрашин // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2012. — № 1. — С. 130—137.

6. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете / В. В. Кондрашин // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). — Москва, 1996.

7. Маковейчук И. М. Голод на Украине в 1946—1947 гг. / И. М. Маковейчук, Ю. Г. Пилявец // Украинский исторический журнал. — 1990. — № 8. — С. 3—23.

8. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записи лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. — Москва, 2008.

9. Перковский А. Л. Демографические потери народонаселения Украинской ССР в 40-х годах / А. Л. Перковский, С. И. Пирожков // Украинский исторический журнал. — 1990. — № 2. — С. 18—34.

10. Попов В. П. Голод и государственная политика (1946—1947 гг.) / В. П. Попов // Отечественные архивы. — 1992. — № 6. — С. 37—60.

11. Попов В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы / В. П. Попов // Отечественная история. — 2001. — № 3. — С. 61—67.

12. Хисамутдинова Р. Р. Засуха и голод 1946—1947 годов (на материалах Урала) / Р. Р. Хисамутдинова // Yearbook of Eastern European Studies. — 2013. — № 2. — С. 5—27.

13. Шалак А. В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) / А. В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник. — 2010. — С. 122—133.

14. Ellman M. The 1947 Soviet Famine and the Entitlements Approach to Famines / M. Ellman // Cambridge Journal of Economics. — 2000. — No 24. — P. 603—630.

**ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА
В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В КОНЦЕ 1940 — НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.**

В статье рассматриваются условия, в которых происходило формирование системы социальных связей между представителями сельского населения Калининградской области, переселившимися в данный регион после окончания Второй мировой войны преимущественно из центральных российских областей. Восточные районы Калининградской области наиболее удобны для такого анализа, поскольку здесь регенерация прежних социальных связей проявлялась в наиболее чистом виде.

Ключевые слова: сельское хозяйство; колхозы и совхозы; сельский социум; переселенческая политика; Калининградская область.

Исторические процессы в первое послевоенное десятилетие на территории вновь образованной (в 1946 г.) Калининградской области можно признать одновременно и специфичными, и в то же время вполне типичными. С одной стороны, территория области располагалась на землях главного противника СССР в войне, никогда ранее в состав России не входивших. С другой — процессы организованного переселения прослеживаются в российских регионах на протяжении значительной части советского периода (чему подтверждение — существование переселенческих отделов при областных и районных исполкомах). При этом власть, переселяя большое количество людей на новые места обитания, рассчитывала, что там советский социум будет воспроизведен не только по сложившемуся образцу, но и лучше, чем на предыдущем месте.

Отправные точки советской истории Калининградской области стали уже хрестоматийными. 7 апреля 1946 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании в составе РСФСР Кенигбергской области, 7 июля того же года еще один указ переименовал эту область в Калининградскую [3, с. 8]. Буквально два дня спустя появляется постановление Совета Министров СССР об организации ее заселения [1, с. 30]. Первый эшелон с переселенцами прибыл на станцию Гумбиннен (ныне Гусев — центр округа на востоке области) 23 августа 1946 г. со 108 семьями из Брянской области [2, с. 80]. В дальнейшем организованные эшелоны с переселенцами прибывали вплоть до 1952 г., параллельно с этим приезжали завербован-

---

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

ные работники восстанавливаемых производств, как правило, с семьями, а также семьи военных.

Проследить какие-то устойчивые характеристики формирования социума на калининградской земле крайне непросто. Рискнем предположить, что нечто характерное прослеживается в сельской местности на востоке области. Здесь не было таких жестких военных столкновений, как в битве за Кенигсберг, но упорные бои за ряд населенных пунктов делали свое дело. Однако здесь можно было найти жилье для переселенцев и начать сельскохозяйственное освоение территории. Кроме того, разрушенные транспортные коммуникации осложняли процесс миграции в города (в частности, Калининград), а выданные ссуды и предоставленные льготы переселенцам должны были закрепить тружеников вновь образуемых колхозов и совхозов на месте их организованного заселения.

Практически везде по прибытии переселенцев в сельскую местность проводились организационные собрания, на которых принималось решение о создании колхозов. Называть это «коллективизацией» нельзя, так как речь не шла об обобществлении земли, а лишь о воспроизводстве форм хозяйствования, с которыми переселенцы были хорошо знакомы. Вряд ли здесь государство смогло бы выдумать что-либо принципиально новое. Колхозов появлялось много: в сравнительно небольшом (643 кв. км) Гусевском районе их к 1950 г. создали 28, в Озерском (около 880 кв. км) — 39, в Краснознаменском (северо-восточный угол, удаленный от коммуникаций, около 1300 кв. км) — 46¹. Объяснялось такое немалое количество процессом оформления артелей по мере прибытия и расселения колхозников, а также малочисленностью и разбросанностью самих поселений (по сути, хуторов). В ряде бывших городов, ставших поселками, создавалось по два и более колхозов, но за ними закреплялись разные, весьма обширные угодья. В 1950 г. колхозов в области станет меньше: из 472, существовавших на 1 мая, останется 160 объединенных² — но это результат общесоюзной кампании.

Можно ли говорить о сохранности исторической памяти в этих хозяйствах-поселениях, землячествах? Ряд колхозов сохранили названия из мест выхода («Орловец», «Ливенский ударник», «Кромы», «Брянский»), однако прошлые связи могли лишь способствовать осознанию новой общей судьбы, а не подчеркивать прежнюю идентичность. К тому же упомянутое объединение колхозов соединяло в рамках одного хозяйства выходцев из самых разных мест. Так, в объединенном колхозе «Путь к коммунизму» (одном из шести, объединивших 24 существовавших прежде в Славском районе) на начало 1950 г. проживало 178 семей: 28 из Полесской и 15 из Гомельской областей Белорусской ССР, 81 из Курской, 16 из Ярославской, 13 из Орловской, пять из Горьковской, четыре из Калининской и восемь из Владимирской областей РСФСР (остальные не указаны)³.

---

¹ Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 123. Л. 7.

² Там же. Д. 174. Л. 10.

³ Там же. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.

Особенной чертой новой колхозной жизни была именно разбросанность хозяйств колхозников по хуторам. Вот характеристики хозяйств, представленные в материалах сельхозотдела Гусевского райисполкома за 1948 г. Колхоз им. Ворошилова: 64 двора, 110 трудоспособных, семь хуторов, в семи домах проживает по четыре семьи, еще в семи — по пять, свободного жилья нет. Колхоз «Большевик»: 75 хозяйств, 120 трудоспособных, 1212 га, также семь хуторов, в двух домах проживает по пять семей и еще в двух — по четыре. Есть дом на девять квартир, все требуют ремонта¹. Колхоз «Комсомолец»: 25 хозяйств, 65 трудоспособных, 21 семья размещена на хуторах, четыре — в центральной усадьбе (по сути, на еще одном хуторе), девять свободных домов требуют ремонта. Из 27 перечисленных хозяйств наибольшее число дворов (79) было в совхозе «Новая жизнь» (132 трудоспособных); больше трудоспособных (144) было в совхозе «1 Мая»; наименьшее число дворов (21) — в совхозе им. Сталина, правда, при 107 трудоспособных здесь было наименьшее количество работников — 53. В колхозе «Ударник» их было 41 на 30 хозяйств².

Свободное жилье: дома на несколько квартир, требующие капитального ремонта, коробки, фундаменты — все пригодное занято. При этом, на одного трудоспособного в колхозе приходится неподъемное количество сельскохозяйственных угодий (до 12 и более га). Однако в условиях, когда в сельское хозяйство вкладываются средства (включая технику — трактора и комбайны), Сельхозбанк выделяет ссуды на строительство домов и «преодоление бескоровности» (термин, характерный для того времени), область продолжает оставаться потребляющей (ввозились и продовольствие, и концентрированные корма для скота, чего не могло быть при немцах), за что несли ответственность руководители всех рангов. Самое удобное объяснение здесь — нехватка людей и объективные трудности, не позволявшие трудиться в полную силу. Упомянутый колхоз в Славском районе, где на низинных землях были великолепные лугопастбищные угодья (один из совхозов показал редкие для России средние удои в 3270 кг молока при плане 3100 кг, в самом колхозе — лишь 2500 кг, что в среднем не так уж мало), показывал, что за 1950 г. выбыло за пределы области девять семей, в 1951 г. — еще 17, из 356 трудоспособных осталось лишь 297 (на 3276 га), поэтому ему требуется еще 70 семей³.

Статистические данные учета колхозного населения рисуют неоднозначную картину. Население прибывало, причем действовало требование наличия как минимум двух трудоспособных на одну семью (выше упоминалось о том, как это соблюдалось в Гусевском районе), а общее количество трудоспособных в колхозах менялось медленно, как, кстати, и само число сельских жителей. Более того, в 1952 г. наметилась обратная тенденция оттока населения. Объяснение этому факту лишь одно: уход и отъезд. В этой связи оценим общую статистику сельского населения области за 1949—1951 гг. (табл. 1).

---

¹ ГАКО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

² Там же. Л. 9, 26, 34, 84.

³ Там же. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 8. Л. 30—31 об.

Таблица 1

*Состав сельского населения Калининградской области
(по данным областного управления статистики)*

	1 января 1949 г.	1 января 1950 г.	1 января 1951 г.	1 января 1952 г.
Хозяйства колхозников (наличные)	18 262 (18 154)	20 209 (19 989)	21 555 (20 987)	20 289 (20 166)
В них населения, чел. (наличное)	85 469 (83 560)	98 581 (94 157)	105 704 (100 084)	94 888 (91 218)
Из них работает в кооперации и госучреждениях	2046	2590	2386	2755
Хозяйства рабочих, служащих и ко- опер. кустарей (наличные)	20 343 (20 098)	19 701 (19 619)	22 389 (22 157)	22 710 (22 706)
В них населения, чел. (наличное)	78 332 (77 561)	83 022 (81 669)	93 704 (90 313)	95 641 (93 437)
Из них работает	32 720	29 830	35 143	36 411
Временно проживающие (из них работает)	4094 (884)	5273 (1676)	4820 (1462)	4874 (1347)
Учатся в начальной и средней шко- ле дети 7—15 лет	32 283	37 761	39 383	35 934
Не учатся в школе дети 7—15 лет	—	2970	2245	1750

Источники: ГАКО. Ф. Р-181. Оп. 3. Д. 2. Л. 3—3 об.; Оп. 5. Д. 6. Л. 2—2 об.; Оп. 7. Д. 4. Л. 20—20 об.; Оп. 9. Д. 5. Л. 2—2 об.

Примечание: В таблицу не внесены данные о прочих хозяйствах и об отсутствующем населении.

Таблица не учитывает членов колхозов как работающих, относя к последним лишь работников государственных предприятий. К временно проживающим не следует относить немецкое население. На 1 января 1948 г. в 12 492 немецких хозяйствах проживало 29 076 сельских жителей при сельском населении области в 152,5 тыс. чел.¹, к тому же форма 4а, по которой учитывали временных, была общей для всего Союза. Можно предположить, что речь шла о размещенных на селе военных, пограничниках и т. п. Статистика данных по учащимся и не учащимся средних школ приведена для того, чтобы еще раз подтвердить, что хуторская система оказывала влияние на возможность посещать школу.

Как видно, колхозное население примерно соответствовало численности других категорий населения. С 1947 г. в области стали образовываться и совхозы, главным образом молочного и молочно-мясного направлений. Значительная часть из них возникла в результате передачи производственной базы подсобными хозяйствами воинских частей — военхозами, которые сформировались сразу после войны на месте по-

¹ ГАКО. Ф. Р-181. Оп. 3. Д. 2. Л. 6.

мещицких хозяйств. На 1 июня 1947 г. 30 таких учреждений было подготовлено 11-й гвардейской армией для передачи тресту Министерства совхозов. Основной рабочей силой в них были немцы (например, в совхозе № 144 их было 500 человек из 650, в № 135 — 680 из 948, в большинстве остальных — 300—500 рабочих, из которых немцы составляли от 50 до 80 %)¹. Для последних такой труд был условием выживания — другой работы просто не было, карточное снабжение на них распространилось незадолго до отмены этой системы и начала депортации. Соседство с немецким населением можно также рассматривать как фактор формирования нового социума, хотя депортация, закончившаяся в основном к концу 1948 г., сильного влияния на этот процесс не оказала. Параллельно с военхозами сложились совхозы Молживтреста, к июню 1947 г. их было 20, но ни в одном из них не было больше 350 рабочих и служащих².

Если немецкое население покидало этот край принудительно, то новые жители — чаще по собственной инициативе. Выбытие на работу в промышленные предприятия, в том числе и в появившиеся кооперативные артели, формирующиеся лесхозы, строительные организации, МТС, рассматривалось как нейтральное явление: люди нужны были всюду, а тех, кто перебрался не совсем законно, можно было и вернуть. Сложнее было с теми, кто покидал область, часто не оплатив ссуду на восстановление жилья, выплата которой ложилась на колхоз. Калининградский историк проф. Ю. В. Костяшов предложил термин «обратничество» [2, с. 103] для обозначения отъездов из Калининградской области безотносительно к тому, возвращались ли переселенцы на свою малую родину или просто растворялись на просторах Советской страны. Понятно, что эти люди, как правило, не оставляли информации ни о причинах своего отъезда, ни о цели назначения. Наличие паспорта, необходимого для въезда в пограничную зону (ею была вся область), открывало возможности, которых у многих селян в те годы не было. Проводить же грань между сложностями на новом месте или естественным стремлением найти более удобное пристанище не совсем корректно.

В таблице 2 приведены данные о прибытии и выбытии сельского населения области.

Отметим, что немецкое население в статистике выбывшего не учитывалось. Под прочими организациями понимались подсобные хозяйства промышленных предприятий и воинских частей. Тот же источник указывает и причины выбытия за пределы области: 203 семьи — по состоянию здоровья (спорный момент, разве что учитывать приобретенную инвалидность), 144 семьи осуждено и выселено органами Министерства государственной безопасности, 15 — возвратились в связи с призывом глав семей в Красную Армию (специально добились призыва?) и 2910 — самовольно³, что составило 89 % от всех «обратников». Трудно оценить масштабы явления применительно к востоку области (более трудное положение, проблемы с доступностью железнодорожной станции), но общая картина ясна: около пятой части семей сельских

---

¹ ГАКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 90. Л. 150.

² Там же. Л. 151.

³ Там же. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 51. Л. 195.

переселенцев выехало из мест организованного размещения, процесс этот приостановился в начале 1950-х гг., но не прекратился. Райкомы и райисполкомы требовали новых оргнаборов, а колхозы зачастую не могли принимать и расселять прибывших или, наоборот, сманивали друг у друга людей.

Таблица 2

*Данные о прибытии и выбытии сельского населения
Калининградской области с 1946 по 1 мая 1951 г.*

<i>Прибыло семей</i>				
<i>в колхозы</i>	<i>в рыболовец. колхозы</i>	<i>в совхозы</i>	<i>в прочие организации</i>	<i>всего</i>
26 797	1296	11 482	1376	40 924
<i>Выбыло</i>				
<i>год</i>	<i>семей, всего</i>	<i>в том числе</i>		
		<i>за пределы области</i>	<i>в пределах области</i>	
1946	220	109	111	
1947	1240	632	608	
1948	2266	924	1342	
1949	2015	747	1268	
1950	856	486	370	
1.05.1951	325	261	64	
Итого	7231	3272	3959	

Источник: ГАКО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 51. Л. 191.

Примечание: Всего за указанный период прибыло 184750 чел., в т. ч. 106097 трудоспособных.

Вот вести из Железнодорожного района (сейчас это восточная часть Правдинского района, 75—85 км от Калининграда). Председатель колхоза им. Ворошилова в 1952 г. жаловался в райком на коллегу из колхоза им. Жданова, что тот завербовал и переселил к себе семь семей. «Ждановец» оправдывается — переселил только одну, потому что там был плотник. Реально было больше, так как две семьи категорически отказались возвращаться и пригрозили отъездом в областной центр¹. Там же заработал Фрунзенский кирпичный завод, на который без спросу ушло семеро колхозников, по жалобе возвратились двое. Об увольнении остальных (включая девочку-подростка) принимало решение бюро райкома, а одну женщину вернули по прокурорскому представлению, правда, с требованием полного расчета². В деле есть справки о воз-

¹ ГАКО. Ф. П-226. Оп. 1. Д. 129. Л. 3—5.

² Там же. Л. 9—11.

врате со строительства, и даже документ о том, как девушке, вышедшей замуж за инвалида — работника лесничества, бюро райкома, получив решение правления колхоза, разрешило этот колхоз покинуть.

Подобные ситуации отмечались повсеместно. В упомянутом Гусевском районе в колхозе «Новое строительство» трижды сменился штат доярок и на 1948 г. не было ни одной (при том, что 27 фундаментов в колхозе было — готовились принимать новых). В колхозе им. Рокоссовского Багратионовского района (правда, не совсем восточного) 25 человек сманил к себе трамвайный трест в Калининграде, и вообще по району к 1949 г. более 500 колхозников на месте отсутствовало¹. А вот в самом восточном Нестеровском районе отмечался в 1948 г. факт массового выезда из колхоза «Новая жизнь» — не осталось ни одного трудоспособного мужчины.

«Народ бежит», — так охарактеризовал ситуацию в пяти колхозах Правдинского района местный партийный функционер, призывая: урожайность составила 3—4 ц зерновых с га, дайте продовольственную ссуду². Соседний Озерский район (еще восточнее), давая справки о состоянии и сельского хозяйства, и промышленности, и культуры (сегодня в этом райцентре живет менее 4 тыс. чел.), под информацию о лекциях и самодеятельности все же информировал, что у всех есть дома и скот, но не у всех — надворные постройки, нет кормов — берем солому у пограничников; пытались организовать баню — жители сами не хотят, 110 семей выбыло, из них 65 за пределы области, но требуется принять еще 178, для них имеется как раз 65 домов³.

Нельзя при этом не признать, что общие трудности были способны спланивать социум. Необходимость обеспечить заготовки по мясу (с 1950 г.) заставляли кооперироваться при покупке коровы или свиньи для расчета; желание обойти государственный гарнцевый сбор при помоле зерна — использовать немецкие восстановленные мельницы, не учтенные государством (что требовало развития непоощряемой кооперации), не говоря уже о совместных поездках или элементарной взаимопомощи. Понятно, что появлялось неизбежное в этих условиях кумовство, с которым пытались бороться. Так, пришла информация из колхоза имени К. Маркса — несправедливо распределена продовольственная ссуда. В справке имеется ответ — ссуду роздали, семейственность изжита, правда, председатель пьянствует⁴. Вот кумовство другого уровня: директор Черняховской конторы «Заготзерно» выдавал фиктивные справки о хлебосдаче директору колхоза им. Тельмана на 32,4 т овса, 13 т ячменя и 5 т пшеницы. Колхоз первым в районе выполнил план по заготовкам, был отмечен в газете «Сталинец», а затем пришла с проверкой прокуратура⁵. Надо полагать, что при различных хищениях и присвоении средств от реализации того же скота без сформировавшейся системы дружественных и родственных отношений ничего бы не получилось.

---

¹ ГАКО. Ф. П-327. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 146. Л. 86.

³ Там же. Ф. Р-596. Оп. 1. Д. 2. Л. 16—17.

⁴ Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 57. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 16

Достаточно ли сказанного для того, чтобы считать, что внутри сельских поселков сложился специфический общинный микрокосм, хотя бы отчасти напоминающий традиционную русскую деревню, пусть и измененную в советскую эпоху?

Чтобы дать ответ, заметим, что подобной цели советская власть в Калининградской области никогда не ставила. Была задача заселить и освоить сельские территории населением, не имеющим ярко выраженной национальной идентичности и лояльным власти. Желательно было также, чтобы сельское хозяйство обеспечивало потребности гражданского населения самой области. Конечно, для этого требовался какой-то стабильный «костяк» сельского населения. И если в центральных районах России таким костяком могли быть селяне, в силу разных причин сохранявшие верность малой родине, то здесь люди, однажды решившиеся на переезд, были внутренне готовы и к последующим сменам места жительства. Еще раз отметим, что именно восточные районы области удерживали определенную часть переселенцев, если в целом тот или иной колхоз развивался успешно, или же риск необустроенности на новом месте удерживал от переезда куда-либо еще. Количество поселков на востоке области с тех пор резко сократилось — сказалась ликвидация хуторской системы, успешно вписавшаяся в политику ликвидации бесперспективных деревень Нечерноземья. Однако в большинстве поселений присутствуют именно потомки первых переселенцев, что позволяет утверждать, что здесь сложился специфический сельский социум.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. — Калининград, 2018.
2. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. / Ю. В. Костяшов. — Калининград, 2009.
3. Самая западная : сб. док. и мат. о становлении и развитии Калининградской области. — Калининград, 1980. — Вып. 1.

ВЛИЯНИЕ ЦЕЛИННОЙ КАМПАНИИ НА АГРАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАЙОНОВ СССР

Статья посвящена анализу целинной кампании Н. С. Хрущева и ее влиянию на аграрные технологии старопахотных районов СССР.

Ключевые слова: аграрная политика; кампания по освоению целинных и залежных земель; Н. С. Хрущев; аграрные технологии.

Прошло более полувека после завершения целинной кампании Н. С. Хрущева, но интерес к ее изучению не угасает. Вводятся в научный оборот архивные документы, появляются новые оценки, уточняются традиционные позиции. В новейшей историографии данная проблема нашла отражение в трудах И. Е. Зеленина [3], Г. Е. Корнилова [5], В. В. Наухацкого [6], В. А. Ильиных [4], В. А. Шестакова [11], С. Н. Андреевкова [1], Е. Н. Пахомовой [7], В. Н. Томилина [8]. В современных исследованиях по целинной проблематике в основном преобладает критический подход. Ученые начали уделять внимание изучению качества целинного хлеба, а также тому факту, что уже в 1960-е гг. происходит снижение объемов хлебозаготовок в районах освоения новых земель. В некоторых работах раскрываются методы привлечения первоцелинников. Представляется, что наиболее перспективный аспект исследования данной проблематики заключается в целостности изучения аграрной политики советского государства периода освоения целины и ее влияния на сельское хозяйство традиционных земледельческих районов.

В начале 1950-х гг. в стране обострилась зерновая проблема: слабость материально-технической базы сельского хозяйства, нехватка финансовых и трудовых ресурсов, просчеты государственной политики в аграрной сфере определяли действительное положение дел.

Исчерпав восстановительный потенциал, в начале 50-х гг. XX в. сельское хозяйство СССР вступило в полосу стагнации. В 1950—1952 гг. производство и заготовка зерна, важнейшего вида сельхозпродукции, увеличилось незначительно, а в 1953 г. — даже уменьшилось [1, с. 95]. В то же время расход хлеба, в связи с ростом городского населения, ежегодно повышался и тем самым превосходил объемы хлебозаготовок. Увеличение производства зерна связывалось главным образом с подъемом урожайности полей, но из-за нехватки средств для интенсификации производства планы по ее повышению не выполнялись.

---

¹ Темникова Елена Евгеньевна, магистрант, Липецкий государственный педагогический университет, E.Temnikova16@yandex.ru, Россия, г. Липецк.

В рамках аграрной политики И. В. Сталина вывести деревню из кризиса было фактически невозможно. Объективно эта сфера экономики нуждалась в реформах, которые наступили после смерти вождя. Новый лидер партии Н. С. Хрущев был полон решимости осуществить в короткое время мощный рывок в области сельского хозяйства, поднять на новый уровень благосостояние народа [5, с. 23].

Свое видение путей преодоления аграрного кризиса партийный лидер изложил на сентябрьском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС, когда была утверждена программа дальнейшего развития сельского хозяйства¹. На этом же пленуме Н. С. Хрущев предложил приступить к освоению целинных и залежных земель. Свое окончательное оформление целинная кампания получила в постановлении февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС².

22 января 1954 г. Н. С. Хрущев в записке Президиуму ЦК КПСС «Пути решения зерновой проблемы» предложил приступить к освоению целинных и залежных земель на востоке страны [10, с. 85—100]. Лидер партии заявил: «Мы должны выиграть время. Нам надо не только получить как можно больше хлеба, но и затратить на получение этого хлеба как можно меньше времени <...>. В Казахстане, в Сибири мы получим самый дешевый хлеб. Если же пойдем по линии огромных капиталовложений в сельское хозяйство нечерноземных областей, мы не справимся с задачей, не выполним данного нами обещания — резко поднять наше сельское хозяйство» [10, с. 331, 334]. Увеличение площади посева на 13 млн га при урожайности 14—15 ц/га, по расчетам Хрущева, позволило бы получить 1100—1200 млн пудов хлеба, из них товарного — 800—900 млн пудов [10, с. 85—89].

Данная программа шла вразрез с утвержденным на сентябрьском Пленуме (1953 г.) курсом аграрной политики, суть которого заключалась не в расширении посевных площадей, а развитии зернового хозяйства за счет повышения урожайности. Освоение новых земель на огромной территории (сначала предполагалось распахать не менее 13 млн га, а потом замахнулись на 40 и более млн га) привело к отвлечению средств от других земледельческих районов. В результате курс на интенсификацию был пересмотрен [8, с. 82].

Для освоения целинных и залежных земель требовались огромные средства: на приобретение сельскохозяйственной техники, строительство производственных сооружений, жилья, дорог и т. д. Прежде всего встал вопрос о сельскохозяйственной технике. Немедленно увеличить производство тракторов и другой сельхозтехники было невозможно, так как все действовавшие заводы уже работали на полную мощность. «И тогда мы решили на два-три года задержать выделение тракторов в обжитые районы, а эту технику двинуть в Казахстан, — вспоминал Н. С. Хрущев. — <...> В обжитых районах имелись кадры. Поэтому на старом тракторе при обеспечении запасными частями, при квалифицированных трактористах и умелом руководстве машинно-тракторными станциями какой-то год, а может быть, даже два можно поработать» [9, с. 80]. Таким образом, в первый год на осво-

---

¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917—1957 гг.). М., 1958. Т. 4. С. 20—61.

² Там же. С. 160—191.

ение новых земель было направлено почти 88 % производимых тракторов и около 25 % комбайнов [8, с. 84].

Широкомасштабное освоение целинных и залежных земель в короткий срок потребовало перераспределения сельхозтехники и вело к понижению общего уровня технической оснащенности сельского хозяйства старопашотных районов. Очень остро стоял вопрос нехватки пахотных тракторов, почвообрабатывающих орудий, зерновых сеялок, зерноуборочной техники, следствием чего были недобор хлеба и его потери на колхозных полях. В период целинной кампании реальная нагрузка на тракторы, комбайны и прочую сельскохозяйственную технику в несколько раз превосходила нормативную. Это приводило к такому растягиванию сроков выполнения основных земледельческих работ, что в ряде случаев противоречило основам агротехнологий и обесценивало земледельческий труд.

Если считать близкой к оптимальной пропорцию — один условный комбайн на 80—100 га посевной площади зерновых колосовых, то сельское хозяйство СССР было обеспечено зерноуборочными комбайнами лишь на 25—30 % [8, с. 89]. Таким образом, при лучшем раскладе только третья часть зерновых площадей в государстве могла быть убрана комбайнами в агротехнические сроки. Высокая нагрузка на зерноуборочную технику способствовала растягиванию сроков уборочной страды, вследствие чего имели место огромные потери зерна. В сложившейся обстановке партийное руководство на местах видело выход в том, чтобы при уборке зерновых максимально использовать простейшие машины, а также ручной труд колхозников, как это было в 1940-е гг. Но и эту рекомендацию невозможно было осуществить из-за отсутствия необходимой техники. К примеру, в Липецкой области в 1955 г. раздельный способ уборки хлеба применялся в большинстве колхозов, его практиковали 64 МТС из 78 [8, с. 90]. Однако применение раздельного способа уборки зерновых лишь отчасти снижало остроту проблемы, так как используемая в МТС техника эксплуатировалась на пределе возможностей.

Огромные территории, нуждавшиеся в интенсивном освоении, требовали большого количества рабочей силы. «В почти безлюдной степи выросли крупные социалистические хозяйства, возникли рабочие поселки, сооружены электростанции, элеваторы, проложены железные дороги», — говорил Н. С. Хрущев на Пленуме ЦК КПСС в декабре 1958 г.¹ Значительная масса граждан, отправляющаяся на целину, — комсомольская молодежь, большая часть которой не имела опыта работы в сельском хозяйстве. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации проводили большую разъяснительную работу, представляя переезд в районы освоения целинных земель как особо важное задание партии и правительства по увеличению производства зерна в стране [7, с. 18]. И хотя на освоение целины выехало около 1 млн человек, решить кадровую проблему не удалось. Так, на период уборки урожая приходилось привлекать дополнительную рабочую силу. Всего на уборку хлеба в период 1956—1958 гг. было направлено 3 млн студентов, рабочих и воинов Советской армии [8, с. 84]. Однако отсутствие производственной инфраструктуры, а также тяжелые условия труда и быта заставили многих целинников вернуться обратно.

---

¹ Пленум Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, 15—19 декабря 1958 г. М., 1958. С. 543.

Несомненно, освоение целинных и залежных земель дало существенную прибавку зерна. За 1954—1958 гг. валовые сборы зерна в СССР составили в среднем за год 110313 тыс. т, что превысило соответствующие показатели предшествующего пятилетия. При этом вклад хозяйств районов освоения новых земель увеличился с 20697 тыс. т до 45176 тыс. т [3, с. 103]. Это означало, что новые целинные районы давали почти 30 % хлеба дополнительно [2]. Соответственно значительно (вполовину) выросли и объемы государственных заготовок и закупок зерна — с 31,1 млн т в 1953 г. до 56,8 млн т в 1958 г.¹ Это был огромный успех развития зернового хозяйства в районах целинного освоения. Однако полная картина была не столь оптимистичной.

Во-первых, прирост зерновых дали не собственно целинные земли. Районы освоения целинных и залежных земель — это не только степи Казахстана, но также Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Северный Кавказ и Дальний Восток. К началу кампании в данных районах уже имелись давние земледельческие традиции.

Во-вторых, отмечая высокий удельный вес целинного хлеба, следует учитывать тот факт, что вновь созданные хозяйства занимались преимущественно производством зерна, в то время как колхозы и совхозы старопахотных районов вели многопрофильное растениеводство и животноводство, тем самым выделяя часть посевов под технические и кормовые культуры.

В-третьих, проблема нехватки зерна снята не была. Потребительские характеристики целинного хлеба оказались очень низкими, поэтому он был малоприспособлен для выработки высших сортов муки, производства высокосортной хлебной муки, а также отгрузки на экспорт. Несомненно, одной из причин снижения качества зерна стала сильная засоренность полей сорняками. Также из-за нехватки складов зерно не удавалось хранить должным образом, поэтому на мельничные комбинаты оно поступало не только сорное, но еще и влажное, проросшее.

Весьма печальным стал и тот факт, что целинная кампания имела кратковременный эффект. Высокие урожаи были получены лишь в 1954, 1956, 1958 и 1960 гг., а затем стало ясно, что целина действительно является территорией «рискованного земледелия». Это было связано с тем, что иссякло естественное плодородие почвы, давали о себе знать ветровые эрозии и другие негативные явления.

Таким образом, целинная эпопея — это составная часть сельскохозяйственной политики государства. Поэтому оценивать ее следует с точки зрения целостности аграрной политики периода 1954—1960 гг. При таком подходе следует учитывать, что традиционные земледельческие районы испытывали в эти годы «кислородное голодание». В результате полевые работы в колхозах и совхозах выполнялись без соблюдения агротехнических условий, что снижало эффективность земледельческого труда. На целину шли материально-технические и людские ресурсы, которые были отвлечены от традиционных районов земледелия. Только в 1954—1958 гг. на освоение целинных и залежных земель государством было израсходовано 30,7 млрд руб., что составило 31,6 % средств, направленных на развитие всего сельского хозяйства. По сути, руководство государства в погоне за «дешевым хлебом» отказалось от интенсификации сельского хозяйства. Кампания по освоению целины в значительной степени тормозила развитие аграрного сектора центральных районов страны.

¹ Народное хозяйство СССР в 1958 г. : стат. ежегодник. М., 1959. С. 433.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреенков С. Н.* «Целинный проект» 1954 года: предпосылки, разработка и реализация в Сибири / С. Н. Андреенков // Исторический ежегодник. — 2011. — Вып. 5. — С. 95—102.
2. *Вербицкая О. М.* Целинный проект Н. С. Хрущева: взгляд из XXI в. [Электронный ресурс] / О. М. Вербицкая. — URL: <https://rus-istoria.ru/component/k2/item/1486-tselinnyu-proekt-n-s-hruscheva-vzglyad-iz-xxi-v> (дата обращения: 22.10.2020).
3. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство / И. Е. Зеленин. — Москва, 2001.
4. *Ильиных В. А.* Сельское хозяйство Сибири в XX в.: динамика отраслевой структуры / В. А. Ильиных // Сибирская проблема: проблемы истории : сб. науч. тр. — Новосибирск, 2015. — Вып. 3. — С. 214—252.
5. *Корнилов Г. Е.* Динамика и интенсивность аграрного перехода: региональное измерение / Г. Е. Корнилов // Отечественная история: взгляд из XXI века : сб. науч. ст. — Екатеринбург, 2015. — С. 10—53.
6. *Наухацкий В. В.* Начало целинной кампании в СССР: планы 1954 года, результаты / В. В. Наухацкий // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2017. — № 3. — С. 60—64.
7. *Пахомова Е. В.* Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954—1956 гг.: на материалах Южного Урала : дис. ... канд. ист. наук / Е. В. Пахомова. — Оренбург, 2007.
8. *Томилин В. Н.* Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954—1959 гг. / В. Н. Томилин // Вопросы истории. — 2009. — № 9. — С. 81—92.
9. *Хрущев Н. С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания) : в 4 кн. Кн. 4 / Н. С. Хрущев. — Москва, 1999.
10. *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 7 т. Т. 1 / Н. С. Хрущев. — Москва, 1962.
11. *Шестаков В. А.* Политика Н. С. Хрущева в аграрной сфере: преемственность и новации / В. А. Шестаков // Отечественная история. — 2006. — № 6. — С. 106—119.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ МАШИН
КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРОТЕХНОЛОГИЙ
В СССР (1960—1970-Е ГГ.)²

В статье рассматривается использование машин в сельском хозяйстве СССР в 1960—1970-е гг., а также выстраивание новой производственной инфраструктуры по их обслуживанию.

Ключевые слова: аграрная политика Советского государства; колхозы; ремонтно-технические станции; Всесоюзное объединение «Союзсельхозтехника»

В 2020 г. аграрии Липецкой области собрали небывалый урожай зерновых — более 4,1 млн т, при средней урожайности 54,5 ц/га³. Липецкая область вошла в первую десятку субъектов Российской Федерации — главных житниц страны. При этом регион — один из самых маленьких в стране: по площади территории он занимает 72-е место. На первый взгляд достижения липецких полеводов представляются из ряда вон выходящими и невероятными: в 1960-х гг. за стопудовые (!) урожаи хлеборобов награждали орденами и медалями.

При ближайшем рассмотрении успехи современных аграриев следует воспринимать как соответствующие этапу развития сельского хозяйства на основе применения интенсивных технологий и системы прецизионного (точного) земледелия. В Липецкой области активно внедряются технологии высокоточного земледелия в виде мониторинга, информатизации, параллельного вождения, перевода карт полей в цифровой вид. По внедрению технологий прецизионного земледелия Липецкая область — безусловный лидер в Российской Федерации. В 2018 г. элементы высокоточного земледелия применялись более чем в 800 хозяйствах региона и охватывали 450 тыс. га пашни, или 30 % от общей площади. Для сравнения: в идущей на втором месте по этому показателю Орловской области таких хозяйств было 114, а в Оренбуржье — 94 (третий результат)⁴.

---

¹ Томилин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет, tomlin58@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00386/20).

³ Рейтинг районов Липецкой области по урожайности зерновых и зернобобовых на 13 августа 2020 года. URL: http://ush48.ru/industries/crop_science/informatsiya-o-khode-uborochnykh-rabot/?ELEMENT_ID=28176 (дата обращения: 01.09.2020).

⁴ Липецкая область сделала ставку на точное земледелие. URL: <https://agronews.com/ru/ru/news/technologies-science/2018-01-04/tochnoe-zemledelie> (дата обращения: 01.09.2020).

За счет применения технологий высокоточного земледелия урожайность зерновых озимых культур выросла на 20—35 %¹. В то же время достигнутый уровень средней урожайности зерновых в Липецкой области можно рассматривать как промежуточный, остаются неиспользованными огромные резервы. Так, в 2020 г. до 90 центнеров с гектара получали при уборке озимой пшеницы сорта «Липецкая звезда» на полях крестьянского хозяйства (КХ) «Речное» Хлевенского района. Качество зерна соответствовало первому классу: клейковина составляла 26—30 % (высший класс — более 32 %), при средней натуре 825 г/л (у пшеницы натура более 785 г/л считается высокой, 746—785 — средней и 745 и менее — низкой)².

В связи с этим возникает вопрос о причинах невысокой эффективности сельского хозяйства СССР, когда в последние десятилетия существования страна была вынуждена ввозить из-за границы десятки миллионов тонн продовольственного зерна. Это прежде всего — несоблюдение основных требований агротехники, их разбалансированность, которая в некоторых случаях сводила усилия аграриев до минимума. Факторов роста урожайности сельскохозяйственных культур много. Одним из них является достаточность материально-технической базы, эксплуатация машин, своевременность и качество проведения полевых работ.

В земледелии для получения эффективности требуется не просто выполнить необходимый объем работ, но произвести их в оптимальные агротехнические сроки. Нарушение агротехники на предпосевной обработке почвы, как показывают исследования специалистов станции агротехнической службы «Томская», приводит к снижению урожайности на 3—5 %, запаздывание с посевом ранних яровых на пять дней уменьшает урожай на 15—20 %, уборка зерновых за 10—12 дней после полного созревания выливается в потери от осыпания 15—20 % урожая³.

***

Изучению аграрной политики Советского государства 1960—1970-х гг. в новейшей отечественной историографии уделяется значительное внимание, в научный оборот вводятся новые архивные документы, происходит коррекция ряда устоявшихся положений, появляются новые оценки. Из трудов, изданных в XXI в., следует выделить исследования А. И. Шевелькова [7; 8], В. В. Наухацкого [3; 4], С. Н. Андреевкова [1; 5], Д. С. Орлова [5], В. А. Ильиных [5], Г. Е. Корнилова [2].

Нерешенность задач обеспечения населения страны продовольствием побудила советское правительство пойти на радикальную реформу 1958 г. по реорганизации МТС и продажи техники колхозам. Идеологи реформы рассчитывали на более эффективное использование сельскохозяйственных машин в колхозах вследствие пе-

---

¹ Липецкие аграрии осваивают точное земледелие. URL: <https://lipseck.bezformata.com/listnews/agrarii-osvaivayut-tochnoe-zemledelie/73991576/> (дата обращения: 01.09.2020).

² 90 центнеров озимой пшеницы с гектара! «Липецкая звезда» радует аграриев. URL: https://dobvesti.ru/90-tsentrnerov-ozimoy-pshenitsy-s-gektara-lipetskaya-zvezda-raduet-agrariyev.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 01.09.2020).

³ Агротехнические рекомендации возделывания сельскохозяйственных культур в Томской области 2009 года. URL: http://www.sibniit.tomsknet.ru/files/articles/Agrotex_recom.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

ремены отношений собственности. Это была попытка за счет более эффективного использования сельскохозяйственных машин и орудий поднять на новый уровень агротехнологии и увеличить объемы производства товарной продукции.

В марте 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», в соответствии с которым машинно-тракторные станции (МТС) реорганизовывались в ремонтно-технические станции (РТС). При этом тракторы, сельскохозяйственные машины и орудия, принадлежавшие МТС, равно как и вновь производимые промышленностью, подлежали свободной продаже колхозам за наличный расчет или с привлечением кредитных средств¹.

Таким образом, тракторы, сельскохозяйственные машины и почвообрабатывающие орудия переходили в собственность колхозов, которые теперь должны были решать сложные задачи по организации использования техники и поддержанию ее в рабочем состоянии. Своей производственной инфраструктуры по техническому обслуживанию и ремонту сельскохозяйственных машин и орудий колхозы не имели. Для выполнения данной задачи создавались ремонтно-технические станции.

В партийно-правительственном постановлении «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 г. основное внимание уделяется выстраиванию новой производственной инфраструктуры колхозов в изменившихся условиях. Формируемые РТС наследовали от своих предшественников — МТС — многие функции. Это не только задачи ремонта тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий, принадлежащих колхозам. В дополнение на РТС возлагались обязанности по обслуживанию и ремонту техники совхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций. Разработчики реформы 1958 г. прописали в законе ответственность РТС за оказание колхозам помощи при использовании машинно-тракторного парка, проведении мелиоративных, ирригационных, планировочных и дорожных работ, выполнении работ по механизации и электрификации трудоемких процессов в животноводстве, перевозке грузов, организации материально-технического снабжения и др.

В основных земледельческих районах страны реорганизация МТС была проведена в 1958—1959 гг.², а к началу 1960-х гг. их не осталось вовсе. На первый взгляд, произошли «фасадные» изменения: на конторских зданиях появились новые вывески, но при этом сохранились руководящие кадры, инженерно-технические работники, рабочие-ремонтники, водители, обслуживающий персонал. В действительности это была радикальная реформа, выведившая взаимоотношения колхозов и РТС на качественно иной в сравнении с МТС уровень. Самая большая новация заключается в том, что РТС теперь не были центральным звеном производственной системы, в которой колхозы являлись структурными элементами. Деятельность РТС должна была

---

¹ О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апр. 1958 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm (дата обращения: 01.09.2020).

² Так, например, в Алтайском крае уже к 1 октября 1958 г. машины приобрели 87 % колхозов [5, с. 27].

осуществляться на основе хозяйственного расчета, а ответственность за производство сельхозпродукции полностью ложилась на колхозы.

В связи с этим были внесены изменения в структуру исполкомов районных Советов. В их составе создавались районные инспекции по сельскому хозяйству. Начальник районной инспекции наделялся высоким статусом: он одновременно являлся заместителем председателя райисполкома¹. На районные инспекции возлагались задачи пропаганды и внедрения передового опыта и научных достижений в сельскохозяйственное производство, организации семеноводства и племенного дела, землеустройства и государственного учета земель, ветеринарной службы, надзора за проведением мероприятий по борьбе с вредителями и болезнями растений, оказания помощи колхозам в налаживании бухгалтерского учета и отчетности².

В условиях новой экономической реальности рубежа 1950—1960-х гг. колхозам приходилось перестраивать свою работу. Многие вопросы, находившиеся ранее в зоне взаимной с МТС ответственности, теперь надо было решать самостоятельно, прежде всего — реализации всего комплекса задач по эффективному использованию приобретенной сельскохозяйственной техники. Это не только вопросы технические (обеспечение бесперебойной работы машин и орудий, их обслуживание, профилактика и ремонт, доставка и хранение горюче-смазочных материалов), но и социальные (организация и оплата труда механизаторов, их питание, отдых и т. д.).

Следует обратить внимание на тот факт, что даже в условиях деятельности государственных сельскохозяйственных предприятий, какими являлись МТС, проблема механизаторских кадров не была окончательно решена, а теперь она еще более обострилась. Далеко не все механизаторы МТС согласились перейти на работу в колхозы. В информационной записке, подготовленной к заседанию бюро Липецкого обкома КПСС, показана обеспеченность колхозов трактористами и комбайнерами. В частности, на начало 1960 г. в колхозах области требовалось 4265 трактористов и 2034 комбайнера, а имелось — соответственно 3785 и 1684. Для полного укомплектования механизаторами хозяйств недоставало 480 трактористов и 356 комбайнеров³. В последующие годы положение с механизаторскими кадрами в колхозах только усугубилось. В 1963 г. нехватка уже составляла 1732 механизатора⁴.

Особенно трудным для колхозов был первый год работы в новых экономических условиях. Убедительным подтверждением этого являются материалы сессии Елецкого райсовета Липецкой области от 24 октября 1958 г. На ней рассматривался вопрос «Об эксплуатации, техническом уходе и хранении техники в колхозах». В докладе директора районной РТС депутата Губанова, конечно же, упор делался на позитивный

---

¹ О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций : постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апр. 1958 г. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm (дата обращения: 01.09.2020).

² Там же.

³ Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 13.

⁴ Там же. Ф. 170. Оп. 1. Д. 40. Л. 78.

эффект реформы 1958 г. как «составной части коммунистического строительства». В Елецком районе 20 колхозов из 21 купили государственную технику на сумму более 8 млн руб. В собственность колхозов перешли 209 тракторов, 139 комбайнов, 221 селяка, 203 культиватора, 250 плугов и много другой техники. Весенний сев, уход за пропашными культурами, уборка урожая, отмечал оратор, были проведены в более сжатые сроки. Многие колхозные механизаторы, получив технику, отнеслись к ней по-хозяйски. В целом по району колхозам удалось снизить себестоимость тракторных работ. В 1958 г. себестоимость одного гектара мягкой пахоты составила 25 руб., тогда как годом ранее при работе МТС — 28 руб. В результате колхозы сэкономили на каждом гектаре мягкой пахоты 3 руб., а всего по району — 600 тыс. руб.¹

Директор РТС, высказав положительное отношение к реформе 1958 г., вместе с тем указал на большие трудности работы колхозов в новых условиях, деликатно назвав их «неисчерпаемыми резервами роста производительности труда и снижения себестоимости тракторных работ». «Резервов», действительно, было очень много. В колхозах «Новый мир», «12-й Октябрь», им. Максима Горького простаивали не только вышедшие из строя, но и пригодные к работе трактора. В хозяйствах не смогли организовать двухсменную работу механизаторов, обеспечить тракторные бригады прицепщиками, а в некоторых случаях машины простаивали из-за нехватки трактористов. В колхозе «12-й Октябрь» все тракторы во время подъема зяби работали только в одну смену, потому что на них во вторую смену было «некого сажать». В докладе приводились факты нехозяйского отношения к технике: «Тракторист Крюков из колхоза «12-й Октябрь» перевернул один трактор, ему дали другой. А первый трактор стоит. Работает на пахоте этот Крюков в одну смену, выезжает в поле в 10—11 часов утра»².

Механизаторы, перешедшие из МТС в колхозы, к большому недоумению их председателей, не стали образцом дисциплины и порядка. Более того, своей апатией они заражали других колхозников. Почему же переменилось отношение механизаторов к работе при переходе в колхоз? Дело в том, что механизаторы в МТС привыкли получать зарплату регулярно, а по итогам года им причиталась дополнительная оплата от колхозов натурой и деньгами. В колхозах сложилась практика оплаты трудодней по итогам хозяйственного года, лишь немногие из них могли оплачивать труд трактористов ежемесячно. Бригадир тракторной бригады колхоза «Искра», депутат райсовета Пешехонов открыто выразил недовольство товарищей: «Плохо производится оплата труда механизаторов, наш колхоз задолжал уже за полтора месяца»³.

Аналогичное положение сложилось во многих колхозах страны. Председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» П. С. Кучумов в качестве одной из острейших проблем в развитии сельского хозяйства называл низкую оплату труда механизаторов. «Во многих колхозах, — докладывал он заместителю председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгину в записке от 7 июля 1961 г., — не выдерживается порядок оплаты труда механизаторов, рекомендованный постановлением

¹ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 265. Л. 186.

² Там же. Л. 173, 178.

³ Там же.

ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г.¹ Заработок механизаторов в сравнении с МТС сократился и, как правило, выплачивается несвоевременно. <...> Оплата труда механизаторов колхозов во много отличается от совхозной»².

В нищих колхозах с некоторой завистью смотрели на механизаторов еще со времен МТС: мол, работают за деньги, да еще и хлеб получают. Даже после реорганизации МТС подобные настроения сохранились. Колхозники считали работу механизаторов легкой и хорошо оплачиваемой, не связывали ее с более высокой производительностью труда³.

Организация проведения тракторных работ в колхозах оставляла желать лучшего. Так, в колхозе «12-й Октябрь» трактора на вспашке зяби оказались «разбросанными по всем полям, а не сконцентрированы в одном месте», что создавало трудности в обеспечении их работы всем необходимым и осуществлении за ними контроля. А главное — «при такой организации зябь трудно вспахать». Колхоз не обеспечивал механизаторов горячим питанием. В итоге трактористы ездили обедать домой на тракторах за 5 км. Экономия на питании механизаторов «выходила боком» из-за огромного перерасхода горючего. Аналогичное положение было не только в указанном колхозе. Плохая организация работы тракторных бригад приводила к тому, что механизаторы использовали тяжелые машины в качестве средств передвижения (поездки на обед, заправку и т. п.). В результате только в одном 1958 г. перерасход горючего по колхозам района составил порядка ста тонн. По образному выражению председателя райисполкома Скорика, «горючее льется рекой»⁴.

Залогом успешной работы машинно-тракторного парка является своевременное и правильное проведение технических уходов. В одних колхозах сумели наладить грамотное обслуживание и эксплуатацию техники, в других на это дело «махнули рукой», и тракторы работали от поломки до поломки. В колхозах им. Максима Горького, «Новый мир», им. Ленина, «Оборона» профилактический уход за машинами не проводился, его график не составлялся, время пересмены не было определено⁵.

На сессии райсовета подобное положение было названо «нетерпимым». Для выправления ситуации было предложено во всех колхозах «установить распорядок дня, определить время пересмены, пересмену производить только в присутствии бригадира». Бригадирам тракторных бригад надлежало установить график технических уходов, строго следить за его исполнением. Категорически запрещалась эксплуатация машин без проведения технического ухода⁶.

---

¹ В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров от 18 апреля 1958 г. колхозам было рекомендовано устанавливать уровень оплаты труда механизаторов не ниже той оплаты, которую они получали в МТС за норму выработки по гарантийному минимуму (http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5271.htm (дата обращения: 01.09.2020)).

² РГАЭ. Ф. 446. Оп. 1. Д. 50. Л. 56.

³ ГАЛО. Ф. Р-1229. Оп. 1. Д. 265. Л. 178.

⁴ Там же. Л. 178, 186, 188.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 189.

Огромные убытки приносили колхозам неправильное хранение горюче-смазочных материалов и отсутствие порядка при заправке машин. Приводимые примеры из жизни колхозов Елецкого района свидетельствуют о полном отсутствии понимания технической культуры. В колхозах им. Максима Горького, «Оборона» «нефететара разбросана по территории бригадного стана, цистерны не окрашены, сверху не закрываются, дождевая вода попадает в топливо. Заправка производилась без насоса, вручную, через нижний кран. В результате в топливный бак трактора попадает горючее не отстоявшееся, часто с водой, и топливная аппаратура выходит из строя». Парадокс состоял еще и в том, что на складах РТС имелись заправочные насосы с фильтрами, но руководители колхозов не приобретали их для нужд тракторных бригад, так как не было «лишних денег», да к тому же не всегда понимали смысл такой покупки¹.

Между тем самая дорогая часть дизельного мотора — это топливная аппаратура, прежде всего топливный насос высокого давления и форсунки. Они чаще всего выходили из строя по причине сорных примесей и воды, попадающих в солярку. Руководство колхозов во всех бедах винило РТС за рвачество и некачественно проведенный ремонт. «РТС некачественно проводит ремонт, — негодовал бригадир тракторного отряда колхоза «Искра» Пешехонов, — никакого контроля над топливными насосами, возим по десять раз»². На «дизеля» жаловался и председатель колхоза им. Максима Горького Борзых: «Весенне-посевную провели, а во время уборки начали выходить из строя дизеля. Механизаторы у нас хорошие, работают от души, но механика никуда не годится, один день дизель работает, 3—4 стоит»³.

Вопрос работы топливной аппаратуры затрагивал в своем выступлении заведующий Хитровским отделением РТС Швырев. Упреки в адрес работников РТС справедливы отчасти: некачественная регулировка топливной аппаратуры (топливного насоса высокого давления и форсунок) приводила либо к перерасходу горючего, снижению мощности и ускоренному износу двигателя, либо к тому, что мотор просто нельзя было запустить в работу. Но в данном случае главная проблема заключалась не в регулировке топливной аппаратуры, а в продолжительности ее работы, которая напрямую зависела от качества (в данном случае — чистоты) потребляемого горючего. В примитивных условиях полевых станов тракторных бригад колхозов было невозможно обеспечить качественную заправку машинно-тракторного парка. Отсюда и многие проблемы.

Разработчики реформы 1958 г. предполагали трудности колхозов при эксплуатации приобретенной у государства сельхозтехники. Для оказания помощи колхозам при РТС создавалась служба государственного технического надзора за состоянием машинно-тракторного парка. В Елецкой РТС такая служба имелась. В ее штате находились старший инженер по гостехнадзору и инспекторы. Работа службы гостехнадзора РТС оказалась малоэффективной. Инспекторы по гостехнадзору посещали тракторные бригады колхозов, осматривали станы, находили недостатки и делали замечания, такие как «машины не очищены от грязи», «на агрегате не стоит предохра-

---

¹ ГАЛО.

² Там же. Л. 173.

³ Там же. Л. 175.

нительный кожух» и т. п. По итогам проверки составлялись акты, после чего инспектор считал свою работу выполненной и уезжал из колхоза¹.

Бригадирь тракторных бригад и механизаторы находили множество причин, чтобы не выполнять предписания инспекторов. Служба гостехнадзора и тракторные бригады колхозов действовали обособленно в том плане, что не были экономически объединены и стимулированы ответственностью за качество выполнения сельскохозяйственных работ, да и сами проверки носили формальный характер.

Как указывалось выше, в соответствии с положениями реформы 1958 г. при райисполкомах создавались инспекции по сельскому хозяйству. Это был еще один контролирующий и направляющий орган с нечеткими задачами и полномочиями, никак не встроенный в систему производственной деятельности колхозов. Первый год работы сельхозинспекции Елецкого райисполкома поставил под сомнение необходимость ее создания. Председатель райисполкома Скорик весьма критично оценил работу данной структуры с точки зрения оказания помощи в организации тракторных работ в колхозах: «Райсельхозинспекция ... пока еще ничего не делает. Плохо у нас с контролем качества выполнения работ. Трактористы понапашут — страшно смотреть. Мы допускаем распушенность в этом деле. Разве у нас земли плохие? — Хорошие! А мы даем урожай 8—10 центнеров с гектара»².

Наряду с районными РТС ответственность за реализацию аграрной реформы несли партийные и советские органы. По решению Елецкого райкома КПСС один раз в две недели в колхозах проводилась проверка состояния всей сельскохозяйственной техники. На сессии райсовета это мероприятие было названо «хорошим». С подобной оценкой трудно согласиться. Это была имитация деятельности районной власти — «показуха». Вот истинная ценность таких проверок: «В ряде колхозов каждый раз записываются одни и те же недостатки, но по этим актам никаких мер не принимается, более того, их просто даже не читают»³.

Специфика сельскохозяйственного производства определяет сезонный характер работы машин и агрегатов, большинство из них работает короткий период времени — от нескольких дней до одного-двух месяцев в году. Все остальное время года они стоят. Поэтому от правильности хранения сельхозмашин в немалой степени зависит срок их службы. После окончания полевых работ машины и агрегаты следовало очистить от грязи, смазать и поставить на хранение, а в идеале на зимнее хранение должна быть поставлена отремонтированная техника.

В большинстве хозяйств положение с хранением дорогой сельхозтехники было удручающим. В колхозах «Коммунар», «За коммунизм», «Оборона», «Искра», отмечалось на сессии Елецкого райсовета, техника была «разбросана в беспорядке, от грязи и растительных остатков большинство машин не очищены и не смазаны». На примере тракторной бригады колхоза «Коммунар» можно оценить последствия беспорядочного хранения машин: «В этой бригаде две кукурузные сеялки стоят не очищенные еще с весеннего сева, цепи проржавели, в сошниках и банках остатки кукурузы. Само-

---

¹ ГАЛО. Л. 173.

² Там же. Л. 178.

³ Там же. Л. 190.

ходный комбайн от пожнивных остатков и грязи не очищен, один скат спущен. В подобном состоянии находятся силосный комбайн, лафетная жатка, зерновые сеялки»¹. Отсутствие какого-либо порядка в хранении сельскохозяйственных машин и агрегатов приводило к их ускоренному износу и приносило колхозам огромные убытки.

Ресурс тракторов и прочей сельхозтехники рассчитан на 5—10 лет эксплуатации. При этом следует отметить неравномерность износа различных узлов и агрегатов. Ускоренному износу подвержены поршневые группы двигателей, топливная аппаратура, коленчатые валы, опорные катки и т. д. После завершения сезона полевых работ для поддержания техники в рабочем состоянии необходим ее планомерный ремонт различной степени сложности и трудоемкости. Во время выполнения сельскохозяйственных работ возникали ситуации, когда пиковая нагрузка на агрегат превышала расчетную во много раз. Например, тракторный плуг, зацепивший глубоко лежащий в земле камень-валун, мог выйти из строя. Поэтому на практике далеко не каждая машина могла проработать без ремонта весь сезон.

В период существования производственной системы «МТС — колхозы» ремонт сельхозтехники выполнялся машинно-тракторной станцией. Теперь положение изменилось. Колхозы стали собственниками сельскохозяйственных машин и должны были сами определять порядок их восстановительного ремонта. Многие колхозы в целях экономии денежных средств пытались обойтись собственными силами, а то и вообще без ремонта. Мастерские РТС простаивали. Так, на 20 октября 1957 г. в МТС Елецкого района было отремонтировано 37 тракторов, а на ту же дату 1958 г. в РТС — всего шесть тракторов².

Руководство РТС столкнулось с нежеланием колхозов заключать договоры на ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин. «Был я в колхозе „Путь к коммунизму“, — сообщал заведующий Хитровским отделением Елецкой РТС Швырев, — бригадир тракторной бригады Голев заявил, что они поставят на ремонт только два трактора, остальные будут ремонтировать в колхозе. Колхоз имени Максима Горького тоже большинство тракторов собираются сам ремонтировать»³.

Отмечая неорганизованность в работе тракторных бригад колхозов, было бы неправильно говорить о том, что во всех колхозах не понимали суть проблемы. Механик колхоза «Искра» Чудинов, выступая перед депутатами Елецкого райсовета, призывал своевременно готовиться к новому сезону: «У нас пока ремонт не начинался, и даже нет договора с РТС на ремонт. А сельскохозяйственный инвентарь в основном освобожден. Но ничего пока не делается. Правление колхоза неправильно делает, что механизаторов использует на другой работе. Один комбайнер комбайн бросил, не очистил от грязи и перешел на автомашину, или комбайнер Панин — бросил комбайн, разукomплектовал его. Я считаю, что капитальный и средний ремонт надо производить в РТС, а текущий ремонт — в колхозе»⁴.

---

¹ ГАЛО. Л. 191.

² Там же.

³ Там же. Л. 173.

⁴ Там же. Л. 175.

О значимости решения проблемы с ремонтом сельхозтехники как фактора эффективности ее эксплуатации говорил председатель райисполкома Скорик, убеждавший председателей колхозов глубже вникать в работу машинно-тракторного парка. «Некоторые руководители колхозов не хотят везти технику в РТС и рассчитывают на месте ее отремонтировать. Такой председатель колхоза, — предупреждал он, — весной заплачет»¹.

Изучение результатов работы колхозов в первый период проведения реформы 1958 г. на примере Елецкого района Липецкой области показывает большие трудности в выстраивании новой модели производственных отношений в аграрном секторе экономики. Многие колхозы Липецкой области оказались убыточными, не могли вести самостоятельную хозяйственную деятельность. Одной из мер, направленных на «реанимацию» экономически несостоятельных колхозов, стало их укрупнение. На практике это означало объединение слабых хозяйств с сильными, при этом объединялись и их долги. По такому пути пошли многие регионы страны, в том числе и Липецкая область. В области на 1 января 1959 г. насчитывалось 400 колхозов. За год их количество сократилось до 271. 119 колхозов укрупнилось, 10 — были преобразованы в совхозы².

После реорганизации МТС в руководстве страны сложилось ошибочное мнение о том, что в колхозах машины будут эксплуатироваться более производительнее, чем прежде. В результате произошло значительное сокращение выпуска сельскохозяйственных машин и орудий, которых и до того производилось недостаточно. В 1960-х гг. положение и вовсе становилось критическим. Выступая на мартовском (1962 г.) пленуме ЦК КПСС, Н. С. Хрущев в свойственной ему манере говорил: «Нельзя звать к высокой производительности труда и рубить кукурузу топорами (*Аплодисменты*). Я вижу, что это критическое замечание понравилось. Но нельзя рубить кукурузу топором, когда уборочные и силосные комбайны стоят, потому что плохо отремонтированы. Аплодируйте, товарищи, что же вы не аплодируете?! (*Оживление в зале, аплодисменты*)» [6, с. 425].

В 1957 г. сельскому хозяйству страны было поставлено комбайнов для уборки кукурузы на силос 55 тыс., а в 1960 г. — только 13 тыс. При этом посевы кукурузы расширились. Тракторных культиваторов — соответственно 208 тыс. и 79 тыс. На начало 1962 г. в сельском хозяйстве страны имелось 1168 тыс. тракторов, а требовалось для выполнения работ в агротехнические сроки 2696 тыс., или в 2,3 раза больше. Аналогичное положение наблюдалось и по другим сельскохозяйственным машинам и орудиям [6, с. 427, 427]. Таким образом, сельскохозяйственной техники промышленности производила недостаточно, поэтому приходилось ее ремонтировать при значительной степени амортизации.

В целях повышения эффективности использования сельскохозяйственной техники партийно-государственное руководство страны в 1961 г. принимает решение об образовании Всесоюзного объединения по продаже сельскохозяйственной техники, запасных частей, минеральных удобрений и других материально-технических

---

¹ ГАЛО. Л. 178.

² ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 11. Д. 150. Л. 69.

средств, организации ремонта и использования машин в колхозах и совхозах («Союзсельхозтехника») на правах государственного комитета Совета Министров СССР.

В середине 1960-х гг. в систему ВО «Союзсельхозтехника» входило более 300 ремонтных заводов и около 4 тыс. ремонтных мастерских, освоивших поточную круглогодичную технологию ремонта. В организации ремонтных работ важное место отводилось специализации: на такую форму работы было переведено 1099 мастерских и 252 ремонтных завода. На ремонте тракторов и их агрегатов было задействовано 658 предприятий, комбайнов — 83, автотракторных двигателей — 171, автомобилей — 149 и на восстановлении изношенных деталей — 95 предприятий. До специализации многие мастерские ремонтировали по 150—200 полнокомплектных тракторов в год, а переход на новые принципы работы позволил резко поднять производительность труда. Специализированные мастерские ремонтировали в год по 500 и более тракторов. Многие цеха по ремонту топливной аппаратуры, ранее выпускавшие по 2—3 тыс. топливных насосов в год, после перехода на специализацию увеличили количество отремонтированных агрегатов до 15—20 тыс.¹

Внедрение индустриальных методов и прогрессивной технологии на предприятиях «Сельхозтехники» позволило повысить качество ремонта, а также гарантийный срок работы тракторов и двигателей на 56 %. Анализ затрат на проведение капитального ремонта 346 тракторов в мастерских 30 колхозов и совхозов Кировской, Курганской, Тульской, Пермской областей и Башкирской АССР и на ремонт 1623 тракторов в 22 мастерских районных объединений «Сельхозтехники» тех же областей показал более эффективную работу последних. Так, при ремонте каждого трактора ДТ-54 в хозяйствах расход средств на запасные части составил 525 руб., а в мастерских районных отделений «Сельхозтехники» — 482 руб., при ремонте одного трактора МТЗ — соответственно 322 и 281 руб.²

Фактором, сдерживающим рост производительности труда в земледелии стало низкое качество поставляемой сельскохозяйственной техники. В отечественном машиностроении сложилась практика, когда при производстве машин и механизмов для села постоянно вносились технологические и конструктивные изменения, понижающие их потребительские характеристики. Особенно это касалось производства запасных частей. В 1971 г. из проверенных деталей, поставляемых сельскому хозяйству заводами Минсельхозмаша и Минавтопрома, 76 % не соответствовали требованиям ГОСТов и ТУ. С серьезными недостатками выпускались заводами тракторы. В 1970 г. контрольные работы в различных машинно-испытательных станциях страны проходили 46 тракторов основных типов, из них только семь типов тракторов, или 15 % от числа испытываемых, не вызвали нареканий, а восемь — были вообще забракованы³.

Проблема повышения качества выпускаемой сельхозтехники стала серьезной государственной задачей. Значительная часть производимых в стране тракторов и сельскохозяйственных машин не соответствовала требованиям технических ус-

---

¹РГАЭ. Ф. 446. Оп. 5. Д. 36. Л. 8.

²Там же. Л. 10.

³Там же. Л. 100.

ловий, чертежей и ГОСТов. С целью предотвращения поставок сельскому хозяйству некачественной техники по решению правительства в системе Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» была создана служба приемки, которая забраковала в 1966 г. 25,6 тыс. произведенных в стране тракторов, а в 1970 г. — 28,6 тыс. При этом проверялись далеко не все выпущенные машины ввиду малочисленности кадров приемщиков¹.

Одним из флагманов советского сельскохозяйственного машиностроения являлся завод «Ростсельмаш», основную линейку которого составляло производство зерноуборочных комбайнов. С 1962 г. на заводе серийно производился самоходный комбайн СК-4, получивший высокие оценки на международных ярмарках и выставках за оригинальность конструкции и высокую производительность. СК-4 стал основным зерноуборочным комбайном в стране.

Передовые инженерные решения, заложенные в конструкцию комбайна, промышленность не смогла реализовывать при серийном производстве. При массовом производстве машины технические условия и стандарты часто не соблюдались. В 1970 г. на контрольных испытаниях комбайна СК-4 в Кубанском научно-исследовательском институте по испытанию тракторов и сельскохозяйственных машин при уборке 167 га зерновых культур и 90 га подсолнечника произошло более 30 поломок и случаев отказа, из-за чего простой недавно сошедшего с заводского конвейера комбайна составили 68 часов².

Причиной значительного количества несчастных случаев со смертельными исходами являлось опрокидывание тракторов из-за низкой их динамической устойчивости, ненадежности тормозных систем и отсутствия каркасных кабин. Серьезным недостатком отечественных тракторов и комбайнов являлся повышенный шум в кбинах, который не только приводил к утомлению механизаторов и снижению производительности труда, но и к потере слуха и расстройству нервной системы.

Тракторные кабины рассматриваемого периода не имели термоизоляции и терморегуляции, поэтому микроклиматические показатели на рабочем месте определялись в значительной степени условиями погоды. В летних условиях температура воздуха в кабине оказывалась выше наружной на 10—15° и достигала 45—50°. Это вызывало у тракториста нарушение терморегуляции организма, сильную потливость, головную боль и усталость. В зимних условиях кабина плохо защищала водителя от воздействия низкой температуры. При температуре наружного воздуха –12° температура воздуха в кабине на уровне головы водителя составляла +4°, на уровне пола — +2° (при санитарной норме — +14°)³.

Тяжелые условия труда механизаторов, наряду с ненормированным рабочим днем и низкой оплатой, обусловили его непрестижность и высокую текучесть кадров. В рассматриваемый период в большинстве колхозов и совхозов ушли от двухсменной работы механизаторов; в первой половине 1970-х гг. для обеспечения двухсменной работы основного парка машин во время уборочной страды в стране не хватало

---

¹РГАЭ. Л. 102.

²Там же. Л. 101.

³Там же. Л. 109.

700 тыс. трактористов-машинистов. Недостатки в эксплуатации машин и технической оснащённости не позволяли в полной мере реализовать потенциал отечественного сельского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреенков С. Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946—1964 гг.: функционирование и реформирование / С. Н. Андреенков. — Новосибирск, 2016.

2. *Корнилов Г. Е.* Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях России: конец XX — начало XXI в. / Г. Е. Корнилов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X—XXI вв. — Москва ; Брянск, 2018.

3. *Наухацкий В. В.* Государственная аграрная политика и сельское население в 1960—2010 гг.: на материалах Юга России / В. В. Наухацкий // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сб. ст. — Коломна, 2013.

4. *Наухацкий В. В.* Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX века: противоречия и тенденции / В. В. Наухацкий, Ю. П. Денисов. — Ростов-на-Дону, 2009.

5. *Орлов Д. С.* Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х — 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура / Д. С. Орлов, В. А. Ильиных, С. Н. Андреенков. — Новосибирск, 2018.

6. *Хрущев Н. С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства : в 5 т. / Н. С. Хрущев. — Москва, 1963. — Т. 6.

7. *Шевельков А. И.* Политика государства по оснащённости сельского хозяйства как важнейшем условии его модернизации во второй половине XX в. / А. И. Шевельков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы X—XXI вв. — Москва ; Брянск, 2012.

8. *Шевельков А. И.* ЦК КПСС и Госплан СССР о причинах застоя сельского хозяйства в годы семилетки (1959—1965 гг.) / А. И. Шевельков // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века : сб. ст. — Коломна, 2013.

**СОСТОЯНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭКОНОМИКИ
КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ
НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР В 1960-Е ГГ.**

Рассматривается состояние экономики и эффективность сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР в 1960-е гг.

Ключевые слова: сельское хозяйство; аграрная экономика; колхозы; совхозы; Нечерноземная зона РСФСР.

Нечерноземная зона, которая является крупнейшим экономическим районом и значимым производителем сельскохозяйственной продукции России, включает 29 субъектов и простирается от Калининградской области на западе до Урала на востоке. Она делится на три района: Северо-Западный, Центральный и Волго-Вятский.

После проведения массовой коллективизации в 1930-е гг. основными производителями сельхозпродукции в Нечерноземье являлись колхозы. В конце 1950-х гг. их доля в совокупном производстве общественного сектора аграрной экономики составляла 79,5 %. В 1960-е гг. ситуация изменилась. К концу десятилетия их удельный вес сократился до 52 %². Причина изменения соотношения категорий хозяйств заключалась не только в создании на рубеже 1950—1960-х гг. на пойменных землях и вокруг крупных промышленных центров десятков совхозов овощеводческого и мясо-молочного направления. Основным фактором сдвигов в организационно-производственной структуре сельского хозяйства стала политика преобразования колхозов в совхозы. Она началась еще в первой половине 1950-х гг. и активизировалась в 1960-е гг.

Если на 1 января 1965 г. в Нечерноземной зоне РСФСР насчитывалось 8408 колхозов и 1613 совхозов, то в конце 1970 г. — 5858 и 3690 хозяйств указанных категорий соответственно³. Численность колхозов сократилась на 2551, а количество совхозов возросло на 2077 хозяйств⁴.

---

¹ Шевельков Анатолий Иванович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Shevelkov51@mail.ru, Россия, г. Коломна.

² ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 8026. Л. 117.

³ Там же. Ф. А-262. Оп. 8. Д. 10071. Л. 57.

⁴ В первой половине 1970-х гг. практика преобразования колхозов в совхозы в Нечерноземной зоне РСФСР фактически была сведена на нет. Количество колхозов сократилось лишь на 68 хозяйств (Там же. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 8026. Л. 53).

Несомненно, что меры, принятые государством по итогам сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС, способствовали экономическому развитию колхозов и совхозов Нечерноземья, увеличению производства сельхозпродукции. Однако с 1960 г. развитие сельского хозяйства региона замедлилось, а по ряду позиций сократилось. В 1964 г. мяса в регионе произвели на 178 тыс. т (12 %) меньше, чем в 1960 г.¹ В 1961—1964 гг. снизилось производство зерновых культур. Среднегодовой валовой сбор зерна при низкой урожайности (7,2 ц/га) составил 10,5 млн т, или на 4,3 млн т меньше, чем в 1940 г. В итоге в 1961—1965 гг. среднегодовое производство сельхозпродукции по сравнению с 1958—1960 гг. увеличилось в регионе лишь на 1,9 %². Причины этого разнообразны. Одна из них — высокая себестоимость производства продукции в колхозах и совхозах. В результате низкой урожайности большинства сельскохозяйственных культур и низкой продуктивности скота, недостаточного уровня механизации сельхозпроизводства себестоимость основных видов продукции в хозяйствах Нечерноземья была значительно выше, чем целом по РСФСР (табл. 1).

Таблица 1

*Себестоимость производства продукции
в совхозах Нечерноземной зоны РСФСР в 1958 и 1964 гг., руб./ц*

	Зерно		Картофель		Молоко	
	1958 г.	1964 г.	1958 г.	1964 г.	1958 г.	1964 г.
РСФСР	3,4	5,8	5,7	6,6	12,4	18,3
Северо-Западный район	15,9	17,6	7,6	7,4	15,7	21,0
Центральный район	7,7	9,5	4,8	5,8	13,6	19
Волго-Вятский район	4,8	9,9	3,4	4,8	12,8	20,6

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 249. Л. 11.

Низкий уровень рентабельности производства в колхозах Нечерноземной зоны РСФСР не обеспечивал расширенного воспроизводства и не позволял им достойно оплачивать труд колхозников. Оплата труда за один рабочий день колхозника в Нечерноземной зоне была ниже оплаты труда как в целом по республике, так и в сравнении с отдельными районами страны (табл. 2).

Низкий уровень заработной платы, недостаточная материальная заинтересованность колхозников Нечерноземья, убыточность многих отраслей производства в совхозах, наряду с низким уровнем механизации производства, плохими социально-бытовыми условиями, отразились на росте миграции сельского населения в города, на промышленные предприятия. За период 1953—1964 гг. сельское население Нечерноземной зоны РСФСР сократилось на 4,7 млн чел. — с 23,2 до 18,5 млн чел.³

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 9.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 28.

³ Там же. Оп. 66. Д. 249. Л. 11.

Таблица 2

Средняя оценка человеко-дня в колхозах РСФСР, Нечерноземной зоне
РСФСР и Северо-Кавказском районе в начале 1960-х гг., руб.

	1962 г.	1963 г.	1964 г.
РСФСР	1,89	1,86	2,34
Северо-Западный район	1,31	1,50	1,70
Центральный район	1,38	1,47	1,79
Волго-Вятский район	1,44	1,46	1,60
Северо-Кавказский район	2,65	2,61	2,89

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 495. Л. 12.

Существующая административно-командная система, связывавшая всю инициативу колхозов и совхозов в планировании и организации сельхозпроизводства, низкие закупочные цены на большинство видов продукции также не способствовали стабилизации и дальнейшему развитию экономики колхозов и совхозов Нечерноземной зоны. К этому следует добавить огромную финансовую задолженность колхозов по долгосрочным и краткосрочным кредитам Госбанка СССР (800 млн руб. на 1 января 1965 г.), которая образовалась преимущественно из-за последствий реорганизации МТС и РТС, когда колхозы принуждали выкупать у них технику, оборудование и постройки. Отсутствие у хозяйств финансовых средств не позволяло осуществлять планы по укреплению материально-технической базы, наращиванию производства продукции. Например, более половины колхозов Волго-Вятского района на 1 января 1965 г. имели закрытые счета¹. Многие колхозы и совхозы Нечерноземья не покрывали собственными средствами затраты производства и тем самым не обеспечивали расширенного воспроизводства.

Несмотря на все сложности ведения сельхозпроизводства в первой половине 1960-х гг., недофинансирование, слабую материально-техническую базу, низкую урожайность большинства сельхозкультур, колхозы и совхозы региона вносили «посильный» вклад в валовое производство сельскохозяйственной продукции страны и республики. В 1964 г. удельный вес Нечерноземной зоны в общем производстве сельхозпродукции в РСФСР в сопоставимых ценах составлял 29,6 % (по молоку — 36 %, по мясу — 31 %, по яйцу — 33 %, по картофелю — 52 %, по овощам — 41 %, по льноволокну — 93 %). Тем не менее значительная часть продовольствия завозилась в регион из других районов страны.

В 1965 г. в страну в обмен на золото, серебро, валюту, стратегическое сырье и металл было импортировано зерно, мясо и другое продовольствие. Это предопределило повышенное внимание нового руководства страны к сельскому хозяйству. В январе-феврале 1965 г. вопрос о развитии сельского хозяйства рассматривался на четырех заседаниях Президиума ЦК КПСС, нескольких со-

¹РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 768. Л. 73.

вещаниях партийных и государственных работников, а первому секретарю ЦК Л. И. Брежневу еще в ноябре 1964 г. было поручено курировать аграрный сектор экономики.

Раскритиковав аграрную политику Н. С. Хрущева на октябрьском (1964 г.) и мартовском (1965 г.) пленумах ЦК КПСС¹, заседаниях Президиума ЦК, новое руководство предприняло ряд мер по стимулированию развития экономики колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР.

В соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятыми по итогам мартовского (1965 г.) пленума ЦК, был установлен твердый, неизменный на всю пятилетку, но уменьшенный план закупок сельхозпродукции. Одновременно повышались закупочные цены на зерновые культуры для колхозов и совхозов нечерноземной полосы. Колхозы и совхозы получили право оставлять сверхплановую продукцию для собственных нужд: реализации на рынке или выдачи своим работникам в качестве натуральной оплаты труда. Была отменена ежегодная корректировка закупочных цен на зерно, подсолнечник, картофель². С экономически слабых и убыточных колхозов была списана часть задолженности по ссудам Госбанка в сумме 2010 млн руб., отсрочена их задолженность по денежным авансам, полученным от заготовительных организаций, а также списана вся оставшаяся задолженность за технику, помещения и оборудование, выкупленные ими у МТС и РТС³. На государство было возложено полное финансирование мелиоративных работ на землях всех колхозов, так как многие из них вследствие слабого экономического положения не имели средств на комплексную мелиорацию.

В соответствии с принятыми ЦК КПСС и Советом Министров решениями колхозы и совхозы должны были в годы восьмой пятилетки существенно увеличить производство сельхозпродукции. Данная цель могла быть реализована только при условии увеличения капитальных вложений, укрепления материально-технической базы, производственных фондов хозяйств. И в определенной степени эти задачи были решены.

Об укреплении материально-технической базы колхозов и совхозов Нечерноземной зоны, росте капиталовложений, увеличении поставок тракторов, автомобилей, зерноуборочных комбайнов и минеральных удобрений в годы восьмой пятилетки в сравнении с предшествующим пятилетием свидетельствуют следующие данные Госплана СССР (табл. 3)⁴.

---

¹ Мартовский пленум ЦК КПСС. 24—26 марта 1965 г. Стенограф. отчет. М., 1965. С. 7—8.

² Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.). М., 1975. С. 14—31.

³ Там же. С. 28.

⁴ По данным профильных российских министерств и ведомств (октябрь 1965 г.), в 1961—1965 гг. в Нечерноземную зону РСФСР было направлено только 137,7 тыс. тракторов, 53 тыс. зерноуборочных комбайнов (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 495. Л. 31).

Таблица 3

Материально-техническая база колхозов и совхозов Нечерноземной зоны в 1960-е гг.

	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.
Объем капитальных вложений на развитие сельского хозяйства (млрд руб.)	6,3	11,7
Поставка: тракторов (тыс. шт.)	170	235
зерноуборочных комбайнов (тыс. шт.)	57	59
автомобилей грузовых (тыс. шт.)	56	102
минеральных удобрений в условных туках (млн т)	16	40

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 10.

Из выделенных 11,7 млрд руб. капиталовложений около 5 млрд руб. приходилось на Министерство сельского хозяйства РСФСР, а остальные — на другие профильные ведомства (Министерство мелиорации и водного хозяйства РСФСР, «Россельхозтехнику» и др.). Первоначально Минсельхозом за годы восьмой пятилетки намечалось выделить сельскому хозяйству Нечерноземья 3890 млн руб., или в 2,1 раза больше, чем в 1961—1965 гг. Но министерство смогло дополнительно выделить еще более чем 1 млрд руб.¹ Это было сделано в условиях обострения во второй половине 1960-х гг. внешнеполитической ситуации, необходимости создания ядерного щита страны. В целом по СССР из статьи госбюджета «Сельское хозяйство» было изъято около 10 млрд руб., что составляло 23 % от общей суммы, выделенной для аграрного сектора экономики. Увеличение объемов финансирования сельского хозяйства Нечерноземья добился министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев. Его предложение о закупке за рубежом оборудования и проектной документации для сооружения на базе ряда совхозов Нечерноземной зоны РСФСР четырех крупных животноводческих комплексов на промышленной основе было поддержано Л. И. Брежневым.

Тем не менее финансовое положение колхозов и совхозов региона оставалось тяжелым. К концу пятилетки их задолженность Госбанку по долгосрочным ссудам на капиталовложения и оплату труда возросла по сравнению с 1965 г. более чем на 1 млрд руб. и составила 1,8 млрд руб., или более 50 % от денежного дохода хозяйств за 1970 г. Одновременно задолженность по краткосрочным кредитам превысила уровень 1965 г. в 3,6 раза и достигла 291 млн руб. Больше других задолжали государству колхозы Вологодской, Кировской, Костромской, Новгородской и Пермской областей.

В 1969 г. 25 % колхозов региона произвели на один человеко-день менее 4 руб. валового дохода. 1311 колхозов (свыше 20 %) не отчисляли собственных средств на пополнение основных фондов. В Ивановской, Кировской, Костромской областях, а также в Удмуртской АССР таких колхозов было половина². Значительные убытки

¹ РГАНИ. Оп. 63. Д. 249. Л. 28.

² Там же. Л. 37.

несли колхозы и совхозы на доставке продукции заготовительным организациям. По действовавшему положению хозяйствам возмещались затраты по доставке продукции по единым тарифам на перевозку автомобильным транспортом. В результате распыленности производства по мелким населенным пунктам, преобладающим в Нечерноземье, хозяйства были вынуждены перевозить свою продукцию на тракторах и другими транспортными средствами. В результате в 1969 г. невозмещенные расходы по реализации продукции составили по совхозам и колхозам соответственно 31,2 и 37,9 млн руб. По Нечерноземью колхозам и совхозам возмещалось лишь 35 % фактических расходов по реализации продукции, а по отдельным совхозам Архангельской, Новгородской, Ивановской, Костромской и других областей — 20 %¹.

Несмотря на финансовые проблемы, в годы восьмой пятилетки основные производственные фонды колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР окрепли, парк тракторов и автомобилей увеличился практически в 1,5 раза, а энерговооруженность сельскохозяйственного труда в хозяйствах возросла в 1,9 раза (табл. 4).

Таблица 4

Производственные основные фонды сельскохозяйственного назначения колхозов Нечерноземной зоны РСФСР в 1965 и 1971 гг.

	На 100 га пашни, тыс. руб.		1971 г. в % к 1965 г.	На одного среднегодо- вого работника, тыс. руб.		1971 г. в % к 1965 г.
	1965 г.	1971 г.		1965 г.	1971 г.	
Северо-Западный район	37,8	54,6	144	1899	3183	167
Центральный район	24,8	39,1	158	1776	3878	217
Волго-Вятский район	18,6	30,5	164	1322	2382	180

Источник: ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 8091. Л. 151.

В Нечерноземной зоне РСФСР, так же как и в целом по стране, в годы восьмой пятилетки не были выполнены предусмотренные экономической реформой планы по переводу совхозов на хозяйственный расчет. Как информировал участников июльского (1970 г.) пленума ЦК КПСС председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов, с 1 января 1970 г. РСФСР было разрешено перевести на полный хозрасчет 566 совхозов, или менее чем 10 % от их общей численности. В Нечерноземье эта доля была еще меньше. В связи с этим Воронов заявил: «Несмотря на решение XXIII съезда КПСС, пленумов о переводе всех совхозов на полный хозрасчет, эта задача до сих пор по-настоящему не решается. Если такими темпами, то потребуется 12 лет <...> По директивам съезда — надо завершить в 1970 г.»².

¹РГАНИ.

²Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 191. Л. 30.

В немалой степени отставание от плановых показателей было связано с тем, что большая часть совхозов являлись убыточными и низкорентабельными. Их перевод на полный хозяйственный расчет требовал от государства выделения новых, дополнительных финансовых ресурсов, которыми оно не располагало. По-прежнему в совхозах и колхозах сохранялась высокая себестоимость производства сельхозпродукции (табл. 5).

Таблица 5

Себестоимость производства одного центнера продукции в колхозах и совхозах Нечерноземной зоны РСФСР в 1965 и 1970 гг., руб.

	В колхозах		В совхозах	
	1965 г.	1970 г.	1965 г.	1970 г.
Зерно	7	7,8	7,5	8,9
Картофель	3,9	5,6	5,6	7,3
Овощи открытого грунта	6,7	6,9	5,2	5,6
Молоко	14,6	18,1	16,9	19,6
Привес КРС	95	126	109	138
Привес свиней	133	152	119	126
Яйца (за 1000 шт.)	77	79	76	63

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 7095. Л. 9.

Меры государства, принятые по решениям мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС, содействовали укреплению экономики колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР, росту производства сельхозпродукции во второй половине 1960 — начале 1970-х гг. Возросшие государственные закупочные цены на животноводческую продукцию, а также наращивание ее продаж позволили колхозам и совхозам увеличить денежный доход, повысить оплату труда колхозников и рабочих совхозов. Среднегодовой заработок колхозников в 1970 г. составил 919 руб., работников совхозов — 1138 руб., в 1965 г. — 514 и 852 руб. соответственно¹.

В то же время, как отмечал министр сельского хозяйства РСФСР Л. Я. Флорентьев в своей записке в ЦК КПСС «О состоянии сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (апрель 1971 г.), «ведя хозяйство в очень сложных условиях, которые еще слабо учитываются при ценообразовании, многие колхозы, несмотря на значительное повышение закупочных цен, продолжали работать с убытками»². Совокупная рентабельность сельхозпроизводства в 1970 г. в колхозах РСФСР составляла 37 %, в Нечерноземье — 34 %, в совхозах — 16,2 и 9 % соответственно. В 1970 г. в РСФСР 27 % совхозов были нерентабельными, в Нечернозе-

¹ ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 8025. Л. 4.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 36.

мье — 34 %¹. В последующие годы число экономически слабых совхозов продолжало расти.

Несомненно, что увеличение производства сельхозпродукции в годы восьмой пятилетки произошло за счет определенного укрепления экономики колхозов и совхозов тех областей Нечерноземья, которые в предшествующие годы причислялись к экономически слаборазвитым. Примером может послужить Кировская область. Как следует из записки в ЦК КПСС «О мерах по подъему сельского хозяйства Кировской области» (1972 г.), за 1966—1970 гг. производство зерна в колхозах и совхозах области в сравнении с предшествующим пятилетием увеличилось на 34 %, мяса — на 40 %, молока — на 37 %, яиц — в 2,2 раза. В результате положительных сдвигов в экономике колхозов и совхозов среднегодовое производство сельхозпродукции за восьмую пятилетку в области было больше, чем за предыдущую, на 24 %². Среднегодовое производство сельхозпродукции увеличилось и в Нечерноземье в целом (табл. 6).

Таблица 6
Среднегодовое производство сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов Нечерноземной зоны РСФСР в 1960-е гг., тыс. т

	1961—1965 гг.	1966—1970 гг.	% увеличения
Зерно	12 042	17 199	143
Картофель	24 387	28 415	117
Мясо	2 432	2 892	119
Молоко	14 117	17 625	125
Яйца, млн шт.	5 520	7 437	135
Шерсть	19,4	17,5	90

Источник: ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 8025. Л. 3.

В 1966—1970 гг. среднегодовое производство продукции сельского хозяйства по колхозам и совхозам Нечерноземной зоны РСФСР увеличилось на 30,5 %, в РСФСР в целом — на 26,1 %³. Это позволило увеличить долю Нечерноземья в валовом производстве сельхозпродукции в РСФСР. В 1970 г. она составила 32 % (по молоку — 40 %, по мясу — 31 %, по яйцу — 36 %, по картофелю — 55 %, по овощам — 44 %, по льноволокну — 95 %)⁴. По всем категориям хозяйств валовое производство сельхозпродукции в Нечерноземье за годы восьмой пятилетки выросло на 20 %⁵.

¹ Там же.

² ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 6280. Л. 112.

³ Там же. Д. 8026. Л. 117.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 249. Л. 36.

⁵ ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 3. Д. 8026. Л. 117.

Таким образом, увеличение финансирования сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР, поставок тракторов, сельскохозяйственных машин, минеральных удобрений, строительство новых производственных объектов, нарастающие темпы мелиоративных работ привели к наращиванию производства сельхозпродукции в годы восьмой пятилетки. Однако общая эффективность сельхозпроизводства в целом оставалась низкой.

**ЛИЧНЫЕ ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ
В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД НА ЮГЕ РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (1970—1990-Е ГГ.)**

В статье анализируются основные тенденции развития личных подсобных хозяйств сельских жителей в 1970—1990-е гг. Сделан вывод о том, что данные хозяйства играли важную роль в обеспечении сельского и городского населения продуктами питания, а также способствовали решению социальных вопросов на селе.

Ключевые слова: *сельское хозяйство; личное подсобное хозяйство; продовольственная программа; сельскохозяйственные предприятия.*

В системе аграрных отношений в советский период значительное место занимало личное подсобное хозяйство (ЛПХ). Большое экономическое и социальное значение ЛПХ заключалось в том, что оно: во-первых, обеспечивало значительную часть потребностей сельских жителей, а также горожан, в важнейших продуктах сельского хозяйства; во-вторых, позволяло более полно использовать трудовые ресурсы села, особенно старших возрастов, подростков; в-третьих, здесь более рационально использовались неудобные для общественного хозяйства небольшие сенокосные участки, придорожные полосы, лесные поляны; в-четвертых, ЛПХ служило важным источником доходов сельских жителей; в-пятых, ЛПХ играло важную роль в трудовом и нравственном воспитании детей, приучая их с ранних лет к труду и давая многие профессиональные навыки.

Отношение к ЛПХ в разные периоды было неодинаковым, но они всегда играли важную роль в продовольственном обеспечении страны. Средние размеры личных подсобных хозяйств составляли около 20 соток. Часть земельного надела обычно располагалась вблизи от дома, а часть земли сельский труженик получал в поле. Кроме того, существовали коллективные выгоны и сенокосы для домашнего скота. Население в значительной степени продавало излишки со своих подсобных хозяйств на городских рынках, сдавало часть продукции сельхозпредприятиям, потребкооперации.

В условиях снижения темпов роста производства в коллективных хозяйствах в 10-й пятилетке государство стремилось компенсировать нехватку продуктов питания за счет ЛПХ. С этой целью в сентябре 1977 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О личных подсобных хозяйствах колхозни-

---

¹ Серогодский Николай Александрович, доктор исторических наук, Кубанский государственный университет в г. Славянске-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru, Россия, г. Славянск-на-Кубани.

ков, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве». В нем говорилось о необходимости полнее использовать возможности ЛПХ колхозников, рабочих и служащих в производстве мяса, молока, яиц, картофеля, овощей и фруктов. Совхозам и колхозам рекомендовалось обеспечивать своих тружеников, а также пенсионеров, врачей и учителей, проживающих на территории хозяйств, грубыми и сочными кормами для скота и птицы, проводить вспашку приусадебных участков и другие мероприятия по оказанию им помощи в ведении личного хозяйства¹.

Данное постановление сыграло положительную роль в развитии ЛПХ, так как руководители хозяйств стали уделять больше внимания данной проблеме. Так, в Ставропольском крае за три года после его принятия объем валовой продукции в ЛПХ колхозников вырос на 21 %, в том числе производство мяса увеличилось на 46 %, а яиц — на 12 %. Однако колхозы мало помогали колхозникам в обеспечении их скота кормами, не полностью удовлетворяли потребности населения в молодняке скота и птицы. В связи с этим краевой Совет колхозов принял решение о необходимости принять дополнительные меры по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. Правлениям колхозов было предложено рассмотреть вопросы об увеличении приусадебных участков колхозников, предусмотреть в производственно-финансовых планах колхозов выдачу и продажу грубых и сочных кормов в размере 10 % от их заготовки и до 50 % собранных с неудобных участков². Активизировалась помощь ЛПХ и в Ростовской области, что также дало определенные положительные результаты. Больше стало продаваться населению молодняка скота и птицы, зерна, комбикормов. Это позволило увеличить закупки излишков животноводческой продукции. Так, в среднем в Ростовской области в 1981 г. на один двор было закуплено по 53 кг мяса и 260 шт. яиц. Однако значительная часть сельского населения не вела ЛПХ. На 100 дворов сельских жителей Ростовской области приходилось только 43 головы крупного рогатого скота (КРС), в том числе 26 коров, 48 свиней, 58 овец и коз³.

И даже там, где руководители хозяйств оказывали необходимую помощь в развитии ЛПХ, существовало немало проблем, решение которых от них не зависело. Прежде всего, не решались проблемы механизации труда. Несмотря на постановление правительства, сельские труженики так и не были обеспечены средствами малой механизации для обработки приусадебных участков, удобрениями, средствами защиты растений. Многие хозяйства испытывали трудности с обеспечением общественного стада кормами, поэтому не могли выделить их для ЛПХ граждан. Кроме того, взгляды многих руководителей мешали развитию ЛПХ, которые видели в личном хозяйстве сельских жителей только источник обогащения. Отрицательно сказывалось на развитии ЛПХ и сокращение выгонов и пастбищ вокруг населенных пунктов. Так, например, в Абинском районе Краснодарского края в 1980 г., по сравнению с 1960 г., это сокращение достигло 1100 га, что привело к уменьшению поголовья скота в лич-

---

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1979. Т. 12. С. 104—111

² Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-2395. Оп. 6. Д. 4778. Л. 73—74.

³ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 3737. Оп. 13. Д. 737. Л. 33—34.

ных хозяйствах граждан на 4050 голов (в том числе коров — на 2900 голов), а поголовье овец и коз сократилось более чем в 32 раза, на четверть снизилось поголовье свиней. По мнению руководителей района, увеличение продажи гражданам комбикормов и зернофуража в пределах 5—6 тыс. т привело бы в течение 2-3 лет к удвоению имеющегося поголовья скота и птицы и позволило сократить расход хлеба на 2—2,5 тыс. т в год¹.

ЛПХ функционировало прежде всего в тех отраслях сельского хозяйства, где общественное хозяйство давало недостаточное количество продукции. Личный сектор аграрной экономики занимал значительный удельный вес в производстве некоторых сельхозпродуктов. В 1980—1982 гг. в ЛПХ страны производилось 64 % картофеля, 33 % овощей, свыше 26 % молока, свыше 30 % мяса и яиц, около 23 % шерсти. На начало 1983 г. в ЛПХ было сосредоточено 20,6 % поголовья КРС, в том числе 30,5 % коров, 20,7 % свиней, 21,4 % овец и коз [1, с. 116].

Развитие крестьянского подворья во многом зависело от отношения руководителей хозяйств к проблемам обеспечения сельских жителей пастбищами, комбикормами, молодняком скота и птицы. А так как получить все это можно было только от коллективного хозяйства, то решение этих вопросов было тесно связано с обеспечением общественного производства скотом и кормами. Нарращивание производства картофеля, овощей, ягод и другой растениеводческой продукции было ограничено площадью приусадебных участков. Без решения этих проблем нельзя было кардинально изменить ситуацию с увеличением продукции ЛПХ.

Поэтому в Продовольственной программе СССР была поставлена задача создания условий для того, чтобы каждая семья могла иметь приусадебный участок, содержать скот и птицу. Для своевременной закупки излишков сельхозпродукции у населения потребительской кооперации было поручено расширить сеть стационарных и временных пунктов по приемке и заготовке продукции, забоя скота и птицы, цехов по переработке сельскохозяйственных продуктов.

Вместе с тем значительная часть сельского населения не занималась выращиванием скота на личном подворье. Это во многом было связано с проблемой обеспечения животных кормами. Колхозы и совхозы, испытывая дефицит кормов для общественного животноводства, неохотно выделяли их для личных подворий. Кроме этого, было много других причин, сдерживающих развитие ЛПХ. Прежде всего, не решались вопросы обеспечения населения средствами малой механизации, что приводило к большим затратам ручного труда и требовало много времени. Поэтому труд на личном подворье приводил к усилению самоэксплуатации сельских тружеников.

Негативно на развитии ЛПХ отражалось отношение к ним многих руководителей хозяйств, которые считали, что подсобные хозяйства отвлекают тружеников от работы в общественном производстве и усиливают частнособственнические амбиции у части сельского населения. Эти взгляды нашли отражение в письмах руководителей колхозов и совхозов в партийные и советские органы. В одном из таких писем, направленном в Ставропольский крайком КПСС, говорилось, что теперь стало невыгодно работать в общественном производстве. Неквалифицированный работник за год

---

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-А. Оп. 25. Д. 396. Л. 12—13.

работы в колхозе получал заработную плату от 600 до 800 руб. Если же этот работник откармливал одного бычка или трех поросят, то зарабатывал гораздо больше, от 1000 до 1300 руб. Именно поэтому практически все женщины на селе занимались только своим личным хозяйством. Для исправления подобного положения предлагалось ограничить число скота и птицы в ЛПХ, а всю продукцию, выращенную на колхозных землях, реализовывать только через колхоз. При этом цены на сельскохозяйственную продукцию предлагалось сделать едиными для всех¹.

Вместе с тем снижение эффективности производства в общественном секторе заставляло партийные и государственные органы все больше внимания уделять крестьянскому подворью, которое играло важную роль в продовольственном снабжении страны. Поэтому вопросы развития ЛПХ неоднократно рассматривались на сессиях областных, краевых советов, совещаниях председателей исполкомов сельских и поселковых советов, где принимались конкретные решения по оказанию помощи крестьянскому подворью.

Так, например, в Ростовской области в 1982 г. населению было продано больше молодняка животных и птиц, чем в предыдущие годы. Увеличилась продажа кормов. Все это позволило поднять эффективность ЛПХ. На 1 января 1983 г. в них насчитывалось 228,1 тыс. голов КРС, в том числе 135,1 тыс. коров, 257,9 тыс. свиней, 330,3 тыс. овец и коз. По сравнению с предыдущим годом численность КРС увеличилась на 6 %, свиней — на 4 %, овец и коз — на 12 %, что положительно сказалось на росте производства сельхозпродукции. В 1982 г. было закуплено 29 тыс. т мяса, 43 тыс. т молока. Молока было заготовлено в 2,2 раза больше, чем в предыдущем году². Вместе с тем Ростовская область не сумела выполнить план 1982 г. по производству и продаже государству продукции животноводства и растениеводства, в связи с чем руководство области решило поправить дело за счет дальнейшего развития ЛПХ, разработав новую систему закупок молока у населения, в которой намечалось:

- довести задание по закупкам до каждого сдатчика;
- назначить ответственных лиц за закупку молока у населения в хозяйствах;
- назначить сборщиков молока и закрепить за ними постоянный транспорт;
- заключить договоры с владельцами коров, оговорив, что за 1 тонну проданного молока хозяйство выдает 1 тонну сена, на каждый рубль за сданное молоко можно приобрести товаров повышенного спроса на 2 руб.

Ответственность за выполнение данной программы возлагалась на руководителей колхозов и совхозов, перед которыми была поставлена задача иметь в своем подворье корову, свиней, птицу и активно участвовать в продаже государству продуктов сельского хозяйства³.

Вопросы развития ЛПХ неоднократно рассматривались и на сессиях советов народных депутатов. Материалы этих сессий показывают, какие проблемы сдерживали развитие личных подворий и какими путями предлагалось их решать. В связи с этим представляет интерес выступление депутата Ростовского областного совета народ-

---

¹ Центр документации новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 66. Д. 347. Л. 13.

² ГАСК. Ф. Р-2395. Оп. 6. Д. 870. Л. 28—29.

³ ГАРО. Ф. 3737. Оп. 13. Д. 870. Л. 28—29.

ных депутатов А. М. Житникова, в котором раскрывались многие проблемы личных хозяйств населения. В частности, депутат отмечал, что в хозяйстве, в котором он работал трактористом, правление колхоза оказывало всестороннюю помощь людям в приобретении и содержании скота и птицы. «Но продать скот и птицу — это лишь одна — и, пожалуй, самая легкая — сторона дела. Главное — обеспечить это поголовье кормами. И хозяйство идет нам навстречу. В прошлом году семьи, продавшие более тонны молока, получили по тонне сена. Кроме того, за каждый килограмм проданного молока правление выдало по полкилограмма концентратов. Сейчас у нас каждый второй двор имеет корову, два поросенка, не менее 100 голов птицы. Только за 1982 г. колхозниками продано государству 165 тонн молока, 112 тонн мяса, 508 тыс. яиц. Еще более высокие обязательства приняты на нынешний год. Жители нашего сельсовета решили продать по 725 тыс. яиц. К сожалению, у нас есть проблемы, тормозящие дальнейшее развитие ЛПХ. Как и 2—4 года назад, на селе очень трудно купить сепаратор, практически ничего не изменилось в обеспечении селян средствами малой механизации для обработки приусадебных участков, удобрений, ядохимикатами, словом, всем, что определяет само понятие — культура земледелия. Облисполкомом на этот счет уже принято не одно решение, в котором определены пути, средства и методы удовлетворения потребностей сельского населения во всех этих товарах. В феврале этого года было принято распоряжение о дополнительных мерах по увеличению закупок молока у населения. В нем в числе мер определена и такая, как отоваривание молокосдатчиков углем. С момента принятия решения прошло полтора месяца, но так Тацинский район и не получил ни одного килограмма угля в счет выполнения. Между тем на местах люди уже знают об этом документе. И не только знают. Под уголь многие семьи активно сдают молоко, а расплачиваться с ними пока нечем. Здесь должно действовать одно правило: если уж решение принято, надо добиться безусловно его выполнения»¹.

Для большинства хозяйств общественного сектора производство продукции животноводства было убыточным. Вместе с тем эту проблему можно было решить, организовав тесное взаимодействие между колхозами, совхозами и ЛПХ. Так, например, в колхозе им. Ленина Белоглинского района Краснодарского края с 1983 г. было организовано выращивание свиней в личных подворьях по договорам. До организации откорма свиней у населения колхоз ежегодно производил около 400 т свинины с себестоимостью 1 ц — 180—200 руб. Планы производства не выполнялись. В 1983 г. колхоз передал населению для выращивания около 4 тыс. голов поросят, и к 1985 г. передал уже весь откорм свиней населению — около 7 тыс. голов. Условиями договора предусматривалось, что колхоз выделяет населению поросят 2-месячного возраста, весом 15—18 кг, и на каждую голову продает по 5 ц комбикормов, стоимостью по 4 руб. за центнер, а с 1985 г. — по 8 руб. за центнер. Семья была обязана вырастить поросят и сдать их колхозу весом не менее 120 кг. Колхоз выплачивал семье по 1 руб. 35 коп. за 1 кг привеса. За 1983—1985 гг. производство свинины возросло с 400 до 930 т, снизилась себестоимость с 198 руб. 55 коп. до 99 руб. 50 коп.

Вместе с тем этот важный почин не получил поддержки в крае. В справке, подготовленной работниками крайагропрома, отмечалось, что свертывание откорма

¹ ГАРО. Д. 768. Л. 93.

свиней на общественной ферме может привести к следующим нежелательным последствиям: придут в негодность помещения свинофермы; потеряют квалификацию специалисты; может ухудшиться племенная работа. Из этого следовало, что необходимо ввести строгое ограничение выдачи поросят на откорм в личные подворья, а продажу комбикормов производить не ниже колхозной себестоимости¹.

Таким образом, развитию ЛПХ во многом мешали объективные причины, связанные с низкой механизацией производства, слабой заинтересованностью значительной части населения заниматься подсобным хозяйством, которое было связано с большими затратами свободного от работы времени. Также не способствовала развитию ЛПХ позиция определенной части руководителей хозяйств, считавших, что проблему обеспечения населения страны продовольствием может решить только общественное производство. Тем не менее вклад ЛПХ в производство сельхозпродукции был достаточно весомым. В конце 11-й пятилетки ЛПХ в Краснодарском крае производили 26,8 % мяса, 13,9 % молока, 53 % яиц, 87 % картофеля, 24,2 % овощей и 27,8 % плодов и ягод от общего их производства². Не менее значительным был вклад в производство сельхозпродукции личных подворий в Ставропольском крае, где в течение 11-й пятилетки ЛПХ производили 78 % картофеля, 23 % овощей, 34 % плодов и ягод, 28 % винограда от общего валового производства³. Вместе с тем резервы в развитии ЛПХ были еще очень значительными, и при более продуманной политике в отношении данного сектора аграрной экономики можно было бы решить многие проблемы обеспечения населения продуктами питания.

Значительная роль в производстве продовольствия в стране в годы 12-й пятилетки также отводилась ЛПХ граждан. Так, в принятом в сентябре 1987 г. Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного скотоводства и огородничества» отмечалось, что возможности ЛПХ в увеличении производства сельскохозяйственной продукции используются далеко не полностью. В связи с этим в постановлении были намечены меры по усилению помощи крестьянскому подворью. Особое внимание обращалось на развитие кооперации крестьянских хозяйств с общественным производством на договорной основе. При этом ЛПХ, опираясь на помощь колхозов и совхозов, должны были полностью удовлетворять потребности сельских жителей в продуктах питания, а излишки произведенной продукции реализовывать потребительской кооперации и на колхозном рынке. Для этого было признано целесообразным отказаться от сложившейся практики установления предельных норм содержания скота и птицы в ЛПХ, а также размеров приусадебных участков рабочих и служащих колхозов и совхозов, других граждан, проживающих на селе. Хозяйства должны были значительно расширить продажу населению молодняка скота и птицы, а Центросоюз — обеспечить крестьянское подворье комбикормами. Для приобретения средств малой механизации, крупного рогатого скота гражданам выделялись кредиты. Была постав-

---

¹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 146. Л. 95—96.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 31. Д. 812. Л. 34.

³ Ставропольский край в цифрах. Краткий статистический сборник. Ставрополь, 1993. С. 171.

лена задача в течение трех лет полностью удовлетворить потребности жителей села в садовых участках и огородах¹.

Это постановление в известной степени активизировало поддержку ЛПХ со стороны органов управления АПК и руководителей хозяйств. Так, в Ставропольском крае крайагропромсоюз разработал комплексную целевую программу развития ЛПХ на 12-ю пятилетку, которая предусматривала рост поголовья скота и птицы, продажу колхозами и совхозами населению молодняка животных, обеспечение подворий кормами. Было издано три приказа, направленных на дальнейшее развитие личных хозяйств, коллективного садоводства и огородничества. Так, в приказе от 19 июня 1986 г. «Об усилении работы по дальнейшему развитию в крае личных подсобных хозяйств населения» предусматривалась продажа колхозами и совхозами населению в расчете на корову не менее 1 т сена, по 3 т силоса и соломы и определенного количества зернофуража. При исполкомах районных и сельских советов народных депутатов были созданы продовольственные комиссии, куда вошли председатели исполкомов, депутаты, руководители хозяйств. Задача этих комиссий заключалась в выявлении и устранении причин, тормозящих развитие личных хозяйств.

В большинстве колхозов и совхозов были введены должности заместителей руководителя, отвечающих за работу по развитию семейных хозяйств. Особое внимание было уделено вопросу обеспечения индивидуального сектора кормами. Во многих колхозах и совхозах края были построены площадки для кормления индивидуального скота в весенне-летний период зеленой массой. Населению выделялись грубые и сочные корма. Так, в 1986 г. было продано 69 тыс. т сена, в 1987 г. — 84 тыс. т, в 1988 г. — 110 тыс. т, в 1989 г. — 120 тыс. т². Значительное внимание уделялось обеспечению сельских подворий молодняком скота и птицы. По сравнению с 11-й пятилеткой продажа молодняка птицы и поросят возросло в 1,3—1,4 раза, коров и телок — в два раза, овец и ягнят — в восемь раз. На 1 апреля 1990 г. продажа гражданам коров и телок составила 109 %, поросят — 120 %, молодняка птицы — 112 % от уровня 1989 г.³

Во многих хозяйствах крестьяне на личных подворьях выращивали свиней, бычков, птицу на договорных началах. Сельхозпредприятия закупали продукцию у населения и, реализуя ее государству, получали дополнительные денежные средства. В свою очередь сдатчики продукции приобретали концентрированные корма и сено по договорным ценам. Проведенная работа позволила приостановить спад численности поголовья скота и птицы в индивидуальном секторе, увеличить производство и объемы закупок излишков продукции у населения. На начало 1990 г. у населения Ставропольского края было закуплено 48 000 кг молока. В расчете на одну корову это составляло 411 кг, или на 31 кг больше, чем было закуплено в 1988 г.⁴

Вместе с тем в развитии ЛПХ оставалось немало проблем. В ряде районов края из-за недостаточного количества молодняка не выполнялись задания по продаже его на-

¹ Правда. 1987. 25 сент.

² Междудементальный архив Министерства сельского хозяйства и продовольствия Ставропольского края (МАМСХПСК). Ф. 2395. Оп. 1. Д. 1380. Л. 3233.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 35.

селению. Продолжала оставаться острой и проблема обеспечения крестьянских хозяйств кормами и выпасами. Поэтому на начало 1990 г. 36 % дворов колхозников, рабочих и служащих совхозов не имели никакого скота, 67 % дворов не имели коров, 64 % — свиней, 70 % — овец. На 100 сельских дворов в крае приходилось всего 46 голов КРС, 26 коров, 42 свињи и 224 голов овец. В связи с этим прирост производства животноводческой продукции в ЛПХ Ставропольского края за 12-ю пятилетку был незначительным. По сравнению с предыдущим пятилетием он составил по мясу 7 %, а по молоку — 4 %¹. Это не могло компенсировать сокращения производства продукции животноводства в общественном секторе в 1990—1991 гг.

Немало проблем было и в ЛПХ Краснодарского края. Здесь развитию личных хозяйств уделялось меньше внимания. Личные подворья не обеспечивались кормами, сенокосами и пастбищами, поэтому снижалось поголовье скота у населения. Если в 1986 г. в ЛПХ содержалось 188 тыс. голов КРС, то в 1990 г. — только 148 тыс. голов. Количество овец и коз снизилось с 89 до 80 тыс. голов, но несколько возросло поголовье свиней. В 1990 г. из 100 подворий в сельской местности не имели коров 91 двор, свиней — 76 дворов, овец — 97 дворов².

Далеко не в полной мере использовался потенциал крестьянских хозяйств и в Ростовской области, где в 1988 г. 37 % крестьянских подворий не имели никакого скота, 57 % — КРС, 66 % — коров, 57 % — свиней, 89 % — овец³. Вместе с тем за годы 12-й пятилетки здесь был зафиксирован рост поголовья скота на сельских подворьях. Так, количество КРС увеличилось с 228,7 до 240 тыс. голов, свиней — с 241,1 до 270 тыс. голов. В 1989 г. ЛПХ производили около 25 % объема валовой продукции сельского хозяйства области⁴.

В 1990 г. средний доход от ЛПХ семьи колхозников составил 1808 руб. (26 % совокупного дохода), семьи работников совхозов — 1208 руб. (17 %). По сравнению с 1985 г. доходы семей колхозников увеличились на 39 %, работников совхозов — на 40 %. Особенно значительным был рост доходов от продукции животноводства в ЛПХ колхозников. По сравнению с 1985 г. они возросли на 73 %⁵.

В 1991 г. в стране насчитывалось более 38 млн личных подсобных хозяйств населения, за которыми было закреплено 8,2 млн га земли, в том числе 6 млн га пашни. Кроме того, 12 млн семей рабочих и служащих имели коллективные сады на площади 808 тыс. га и 6,5 млн семей — коллективные огороды на площади 483 тыс. га. В ЛПХ населения в 1990 г. было произведено мяса (в убойной массе) 6,1 млн т (31 % от общего объема производства во всех категориях хозяйств), молока — 30 млн т (28 %), яиц — 22,2 млрд шт. (27 %), шерсти — 140 тыс. т (29 %), картофеля — 41,2 млн т (65 %), овощей — 8,7 млн т (33 %), плодов и ягод (включая цитрусовые) — 5,1 млн т (54 %), винограда — 1,2 млн т (21 %). В 1990 г. по сравнению

---

¹ МАМСХПСК. Л. 37.

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 1669. Д. 31. Л. 64.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 9. Оп. 101. Д. 415. Л. 53.

⁴ Там же. Д. 409. Л. 1.

⁵ АПК: экономика, управление. 1992. № 2. С. 66.

с 1985 г. в личном секторе аграрной экономики производство мяса увеличилось на 11 %, молока — на 7 %. В то же время сбор картофеля за указанный период снизился на 5 %, плодов и ягод (включая цитрусовые) — на 17 %¹.

Таким образом производство сельскохозяйственной продукции в ЛПХ в советский период в значительной степени пополняло продовольственные ресурсы страны. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что без поддержки со стороны общественного производства такой объем продукции получить было бы невозможно. И там, где такая помощь оказывалась, ЛПХ успешно развивались. Однако в личных подворьях в основном использовали ручной труд, и поэтому они не могли заменить механизированное общественное производство. И хотя мотивация труда в ЛПХ была выше, чем в общественном хозяйстве, использование преимущественно ручного труда не могло привести к существенному росту их продуктивности. В силу этого ЛПХ не могли решить проблему обеспечения населения продуктами питания, не опираясь на помощь со стороны колхозов и совхозов.

В период перехода к рыночным отношениям роль хозяйств населения значительно возросла. В условиях дефицита продовольствия в начале 1990-х гг. развитие индивидуального сектора получило дополнительный импульс. Численность граждан, имеющих земельные участки для ведения личного хозяйства, садоводства, огородничества, заметно повысилась. За 1992—1997 гг. площадь всех земель в личном пользовании граждан возросла на 4,9 млн га, доля хозяйств населения в площади сельскохозяйственных земель увеличилась за этот же период с 4 до 4,9 %. По состоянию на 1 января 1998 г. в собственности, владении и пользовании граждан находилось 11 млн га земли, из них для ведения личного хозяйства — 5,9 млн (16,4 млн семей), садоводства — 1,3 млн (15,1 млн семей), огородничества — 0,6 млн (6,1 млн семей), коллективного животноводства — 2,6 млн га (1,2 млн семей)².

При сокращении производства в сельхозпредприятиях объем продукции в хозяйствах населения вырос за этот период на 6,3 %. Их доля в производстве продукции сельского хозяйства увеличилась с 31,8 % в 1992 г. до 43,7 % в 1997 г.³

Так, в Ставропольском крае с 1992 по 1999 г. производство сельхозпродукции в значительной мере переместилось из общественного сектора в хозяйства населения. Особенно заметен этот процесс был в производстве продукции животноводства. Если в 1991 г. на сельских подворьях содержалось 15 % КРС, то в 1997 г. уже 24 %. Рост удельного веса ЛПХ произошел в значительной степени из-за обвального падения поголовья скота в общественном секторе. Но была и реальная прибавка поголовья сельскохозяйственных животных у населения. Так, численность КРС за этот период увеличилась на 54 тыс. В то же время значительно уменьшилось количество свиней и коз, что свидетельствовало о наличии у крестьянских подворий тех же проблем, что и в коллективных хозяйствах.

В 1990-е гг. индивидуальный сектор Ставрополя стал производить столько же мяса, молока и яиц, как и крупное производство. По мнению губернатора края

¹ АПК: экономика, управление. 1992. № 2. С.67.

² Там же. 1999. № 1. С. 15.

³ Там же. С. 13.

А. Л. Черногорова, хозяйства населения во многом могли бы решить проблему продовольственной безопасности края. Для этого необходимо было организовать закупку продукции у населения, оказать помощь крестьянам в заготовке кормов для скота. Решить эту проблему предлагалось через совместную заготовку кормов населением и сельхозпредприятиями, и организовать их продажу крестьянам в счет заработной платы, выдачу в виде натуроплаты за земельный пай¹.

Немало проблем было и у хозяев личных подворий в Ростовской области. Обследования ЛПХ области, проведенные в течение 1997—1998 гг. Всероссийским научно-исследовательским институтом экономики и нормативов, показали, что важным фактором, ограничивающим их расширение, являлся низкий уровень механизации работ. На 100 обследованных хозяйств трактор имело одно хозяйство, готовы приобрести и имели для этого средства два хозяйства, а 23 хотели бы приобрести, но не имели возможности. Столь низкая техническая оснащенность подсобных хозяйств граждан средствами механизации объясняется не только отсутствием необходимых средств у владельцев сельских подворий, но также и тем, что машиностроение России резко сократило производство техники, способной по своим техническим характеристикам выполнять работы на сравнительно небольших приусадебных участках.

К снижению выпуска малых средств механизации сельскохозяйственного труда добавилось и резкое сокращение выпуска минеральных удобрений в мелкой расфасовке. За 1991—1997 гг., по данным Госкомстата РФ, объем выпуска этого вида продукции предприятиями промышленности уменьшился в 78 раз. Из-за низкой технической оснащенности, большой трудоемкости возделываемых культур владельцы личных хозяйств стали отказываться от дополнительных полевых наделов. Так, в акционерном обществе им. Чапаева Радионово-Несветайского района в 1998 г. по сравнению с 1995 г. 50 работников отказались от полевых наделов. Такие случаи имели место и в других районах области [2, с. 42—44].

Характерной особенностью ведения хозяйства в рыночных условиях стало кардинальное изменение структуры каналов реализации продукции. Если в дореформенный период ее основу составляли сельхозпредприятия, потребительская кооперация и перерабатывающие организации, а вершину — неорганизованный рынок, то теперь наоборот — более половины хозяйств населения сбывали продукцию частным скупщикам, диктующим свои цены, значительная ее часть реализовалась на городских рынках. Упадок организованного рынка сбыта продукции привел к неполному использованию товарных возможностей этих хозяйств.

Одной из причин подобного положения дел являлось разрушение на селе потребительской кооперации. Это четко прослеживается на примере Ставрополья, где по существу обанкротилась заготовительная система потребкооперации. На базе кооперативной собственности в крае было образовано 65 акционерных обществ. Создание АО во многом способствовало развалу на Ставрополье потребительской кооперации как системы: некоторые АО полностью утратили с ней связь. Была разрушена система потребительской кооперации в Грачевском и Курском районах. В Минераловодском районе прекратили существование все потребительские общества, а капитал пайщиков оказался в руках аппарата работников этих обществ. В результате потребитель-

---

¹Черногоров А. О личных подсобных хозяйствах // Ставропольская правда. 1999. 11 янв.

ская кооперация Ставрополя, занимавшая до начала реформы пятое место в России в 1999 г., оказалась на 50-м месте¹.

Это привело к тому, что по сравнению с 1992 г. в 1999 г. потребкооперация заготавливала лишь 14 % мяса, немногим более 2 % яиц и 1 % молока. Взамен уничтоженной системы пришли перекупщики, в основном, из соседних республик, которые стали вывозить значительную часть сельхозпродукции за пределы края. В результате теряли доходы переработчики и бюджет Ставропольского края².

Повышению эффективности ЛПХ могла бы способствовать сельскохозяйственная кооперация, однако ее массового развития не наблюдалось. Отдельные примеры были в Ростовской области, где в Марининском районе в 1999 г. были созданы «товарищества по совместному ведению животноводства и огородничества», которые заключали с сельскими администрациями соответствующие договоры на аренду сельхозугодий сроком на 10 лет. В Семикаракорском районе образовались «кондоминиумы», объединяющие жителей конкретного поселка, которые заключали договоры на два года с сельскими администрациями на аренду сельхозугодий³.

Однако большинство крестьян предпочитали работать самостоятельно, надеясь только на свои возможности. Вместе с тем эти возможности далеко не безграничны. Как свидетельствуют социологические опросы, проводившиеся в Ростовской области, самоэксплуатация сельских семей достигла крайних пределов: если при опросах в 1997 г. на чрезмерную трудоемкость ведения ЛПХ указали 38 % владельцев сельских подворий, то в 1999 г. — 89 %⁴. Поэтому рассчитывать на дальнейший значительный рост производства в ЛПХ серьезных оснований не было. Об этом свидетельствуют опросы, проведенные среди владельцев личных подворий. Большая часть желающих расширить свои участки не преследовала цели значительного роста производства сельхозпродукции, а 7,9 % опрошенных даже были намерены сократить их площадь.

Нежелание расширить свои ЛПХ респонденты объясняли несколькими причинами. Главная из них — отсутствие материально-технической базы и финансовых ресурсов. Каждый третий-четвертый из числа опрошенных по Ростовской области считал, что сдерживающим фактором является отсутствие льготного кредита, а также доступности в получении (покупке) сельхозтехники и сельхозугодий для мелкого производства. Серьезным фактором являлось снижение материально-технической помощи со стороны сельхозпредприятий. Лишь 10—12 % респондентов были довольны той помощью, которую оказывали им общественные хозяйства, а подавляющее большинство ею были недовольны. Каждый пятый респондент считал необходимым развивать хозяйство исключительно для личного потребления производимой продукции⁵.

Вместе с тем, по нашему мнению, цивилизованные, партнерские отношения между крупными предприятиями и хозяйствами могли бы без крупных инвестиций зна-

¹ Берштейн А. Спасительный круг теории // Ставропольская правда. 1999. 11 янв.

² Черногоров А. О личных подсобных хозяйствах // Там же.

³ Дунаев В. Село сильно кооперацией // Экономика и жизнь — Юг. 1999. № 25. С. 4.

⁴ Там же.

⁵ Лысенко Е. Верят ли в ЛПХ их владельцы // Там же. № 29. С. 4.

чительно улучшить снабжение населения продукцией животноводства. Узкая специализация и получение важнейших ресурсов от крупного предприятия позволили бы существенно поднять производительность труда в сельском хозяйстве и решить проблему обеспечения населения продуктами питания. Для этого необходимо было создать правовую основу взаимодействия между личным хозяйством крестьян и крупным общественным производством. Это, на наш взгляд, должно было вывести из тени сложившиеся взаимоотношения между хозяйством граждан и крупными предприятиями, что позволило бы значительно увеличить эффективность сельскохозяйственного производства в стране.

Таким образом, в постсоветский период ЛПХ из категории подсобных превратились в товарную отрасль сельского хозяйства. Хозяйства населения, в отличие от сельскохозяйственных предприятий, не имели кредиторской задолженности и задержек с выплатой зарплаты. Не претендовали они и на высокие технологии, вполне обходясь простыми орудиями труда. При этом трудоемкость производства в ЛПХ была в несколько раз выше, чем в сельскохозяйственных предприятиях, при практически равных, а то и более низких ценах на производимую продукцию. За послереформенное десятилетие произошел рост удельного веса ЛПХ в производстве сельхозпродукции. Однако в условиях кризиса 1990-х гг. подсобные хозяйства граждан оказались не в состоянии восполнить спад производства в крупных сельхозпредприятиях. По данным социологических исследований, значительная часть владельцев подсобных хозяйств не ставила перед собой задачи наращивать производство сельхозпродукции. Главной причиной этого являлась слабая материально-техническая база и отсутствие необходимых финансовых ресурсов. Ресурсы для дальнейшего роста личных подворий в значительной степени были исчерпаны. Для существенного увеличения производства в ЛПХ была необходима серьезная финансовая и материально-техническая помощь как со стороны государства, так и крупных сельхозпредприятий. ЛПХ помогло выжить в условиях кризиса миллионам жителей села. Все это было сделано при отсутствии государственной поддержки. При изменении государственной политики в отношении аграрного сектора хозяйства населения смогут в полной мере проявить тот потенциал развития, который изначально заложен в труженике села. Это позволит не только решить проблемы сельской безработицы, но и значительно улучшить продовольственное снабжение страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюков В. В. Аграрные отношения развитого социализма и реализация Продовольственной программы / В. В. Дюков. — Казань, 1985. — С. 116.
2. Кузнецов В. В. Личные подсобные хозяйства населения в переходной экономике / В. В. Кузнецов, Е. К. Скрыпкина. — Ростов-на-Дону. 1999. — С. 42—44.

SUMMARY

Gorskii A. A.

VERV' AND POGOST (XI—XIII CENTURIES)

The article deals with the relation of terms verv' and pogost. The author came to conclusion that both meant the same — administrative district. The traditional version of verv' as rural community has no sufficient basis in sources.

Key words: *verv'; pogost; rural community; administrative district.*

Stepanova Y. V., Gavrilov P. V.

LOCALIZATION OF THE LANDOWNING OF THE TVER HALF OF THE BEZHETSKAYA PYATINA ACCORDING TO THE SCRIBE BOOK OF 1545

The article considers the results of the localization of the landowning of the Tver half of the Bezhetskaya pyatina of the Novgorod land according to the scribe book of 1545. The main attention is paid to the land ownership before the accession of the Novgorod land to the Moscow state.

Key words: *landowning; pyatina; parish; Novgorod land; Moscow State; scribe books.*

Khitrov D. A., Zhiborkina A. V.

THE LOCALIZATION OF THE POMESTIE ESTATES IN THE MOSCOW UEZD IN THE 1620S

The article discusses the localization of the pomestie landownings in the Moscow uezd at the beginning of the XVII century. Based on the analysis of the materials of the pizovye knigi of the 1620s and using methods of spatial analysis, the study shows that the local pomestie estates form compact areas, clearly separated from the areas of votchinas, monastic and Palace land ownership.

Key words: *pomestie, Moscow uezd, pizovye knigi, historical geography, historical cartography.*

Chechenkov P. V.

SECULAR LAND TENURE AND PEASANTS OF THE NIZHNY NOVGOROD UEZD OF THE 1620S IN THE LIGHT OF THE HIERARCHY OF THE LANDOWNER'S LOCAL CORPORATION

The article examines data on the state of the secular service land tenure of the Nizhny Novgorod uezd on the basis of comparing the data of the Pomestny and Razryadny chancelleries. The main indicators are set for different groups within the noble corporation.

Key words: *Russian agrarian history, the history of the nobility, social and economic history of Russia, service agriculture, nobility, Nizhny Novgorod uezd.*

Папков А. И.

**THE CHURCH LAND OWNERSHIP IN THE VORONEZH
UEZD IN THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY**

The article discusses the Church land ownership as one of the major sources for the Russian Orthodox church maintenance, and reveals the main stages of the State-Church interactions on the matters of the Church land ownership.

The author characterizes the Church land ownership in the Voronezh uezd according to cadastral records (land registries), describes the activities of the state in allocating land to churches and monasteries, and also examines the degree of exploitation of existing land holdings.

Key words: *Moscow State; South of Russia; Russian Orthodox Church; state; feudal estate; eparchy; Church; monastery.*

Sokolova N. V.

**RURAL “MIR” OF THE MONASTERY VOTCHINA IN DMITROVSKY Uezd
IN LATE XVII — EARLY XVIII CENTURY:
THE SETTLEMENT SYSTEM AND THE STRUCTURE OF THE COMMUNITY**

The article presents some of the results of a study of the archive materials of the Medvedeva monastery, focusing on the analysis of the relationship between the history of agricultural settlement in a particular area, changes in the settlement system, and the organization of the rural ‘mir’, the structure of the community.

Key words: *agrarian settlement, Dmitrovsky uezd, monastery, Medvedeva monastery, community, plot, monastery peasants.*

Chernikov S. V.

**FAMILY COMPOSITION OF THE LANDED NOBILITY IN THE REGIONS
OF EUROPEAN RUSSIA IN THE XVII AND EARLY XVIII CENTURIES**

The analysis allows to disagree with the widespread point of view that the Russian nobility has no “attachment” to their local regions and uyezds. The stability of the family composition of the landowners varied greatly from district to district, and in a certain regions, despite the mobilization of estates, it was very high.

Key words: *nobility; land ownership; family property; family composition.*

Komissarenko A. I.

**THE ROLE OF VJATKA REGION IN SUPPLY OF AGRARIAN PRODUCTION
TO ALL-RUSSIAN AND EUROPEAN MARKETS IN XVIII CENTURY**

The paper discusses the trade links of the Vyatka region and the port of Arkhangelsk and the impact of those links on the agricultural production.

Key words: *Vyantka region, trade, peasants, merchants, Noshula river port, grain trade, the port of Arkhangelsk, foreign merchants in Russia.*

Stepanova L. G.

**THE DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN TERRITORIES OF THE RUSSIAN
EMPIRE AT THE END OF THE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURIES:
THE FACTORS OF THE FORMATION SETTLEMENT STRUCTURE**

Based on the data of the Economic Notes to the General Survey, an analysis of the structurally forming factors of settlement is carried out, which played an important role in the development of the territory of Novorossiya and Crimea in the late XVIII — first half of the XIX centuries.

Key words: *Economic notes; General surveying of the Russian Empire; Novorossiya; Crimea; territory development.*

Chernenko D. A.

**LANDS OF THE CITIES OF THE KURSK PROVINCE IN THE
MATERIALS OF THE GENERAL LAND SURVEY**

The information of the Economic Notes to the General Land Survey on the size, types and owners of the urban lands of the Kursk province is discussed in this article. The conclusion about the relationship between the duration of the existence of the city and the structure of its suburban lands is the result of the study.

Key words: *Russian agrarian history, history of the nobility, social and economic history of Russia, historical geography, Kursk province.*

Zhirov N. A., Kanishchev V. V.

**THE IMPACT OF THE MIGRATIONS ON THE EVERYDAY
LIFE OF THE PEASANT POPULATION OF THE OREL AND
TAMBOV GUBERNIAS IN THE EARLY XX CENTURY**

The article is discusses the impact of the migration process on the daily life of the peasants in the early twentieth century in the Orel and Tambov gubernias. Special attention is paid to the demographic aspects of peasant migration and its impact on the development of agriculture in the region.

Key words: *migration; Orel gubernia; Tambov gubernia; peasantry; agrarian policy.*

Kovalev D. V.

**DYNAMICS OF LABOUR MIGRATIONS OF THE PEASANTRY OF
MOSCOW REGION DURING THE PERIOD OF STOLYPIN REFORM**

The article considers the trends of labour migrations of Moscow region peasantry in the conditions of Stolypin agrarian reform and the changes caused by them in the socio-economic situation of the rural population. The growth of long-term resettlement was revealed accompanied by the decrease in the total number of migrants. The differentiation of labour migrants and agricultural workers is evaluated.

Key words: *peasantry; community; seasonal work; migration; Stolypin reform; Moscow gubernia.*

Kniga M. D.

**AGRICULTURAL EDUCATION AND CHANGES
IN THE VORONEZH RURAL REGIONS
DURING THE STOLYPIN REFORM**

The article examines the impact of agricultural education on the Voronezh village in the years of the Stolypin reform. Dynamics of the number of agronomic personnel, agricultural societies, agricultural schools, the growth of funding for agrarian and educational activities, as well as the forms of dissemination of rational knowledge are considered.

Key words: Agricultural education, Stolypin reform, agronomic personnel.

Sidorenko T. N.

**AGRICULTURAL CREDIT COOPERATION OF THE KUBAN
COSSACKS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

The article examines the activities of agricultural credit cooperation in the Kuban at the beginning of the XX century, describes the main financial operations of cooperatives and shows their role in the economic life of the Kuban Cossacks.

Key words: Kuban Cossacks; rural credit cooperatives; savings and loan partnership; credit partnership; loan operations; deposit operations.

Budkina Yu. B.

**CREDIT COOPERATION IN THE RURAL REGIONS OF RUSSIA
BEFORE THE WORLD WAR I
(BASED ON THE MATERIALS OF THE PROVINCES
OF CENTRAL RUSSIA)**

The author of the article analyzes the core areas of credit cooperation by the beginning of the World War I. The research is based on the materials of the provinces of Central Russia. The author also singles out the regional features of cooperative credit development. The study reveals the ambiguous attitude of peasantry to credit cooperatives.

Key words: credit cooperation; Russian village; peasantry; central provinces of Russia; educational activity.

Zverkov E. A.

**REVOLUTION AND AGRARIAN VIOLENCE
IN THE VORONEZH GUBERNIA:
FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917**

The work discusses the participation of the peasants of Voronezh gubernia in the agrarian and political movement in the spring and summer of 1917. Social, economic and psychological aspects of the agrarian movement of 1917 are considered.

Key words: 1917, Voronezh, peasantry, February revolution.

Gallyamova A. G.

**SOCIAL PEACE IN THE SOVIET AND POST-SOVIET COUNTRYSIDE:
FROM OPEN CONFRONTATION TO HIDDEN FRONTAGE IN TATAR ASSR**

The article examines the evolution of the relationship between the rural world and the authorities during the Soviet period. Specifically, the author highlights the periods of open confrontation and hidden tension. The experience of the Tatar ASSR illustrates the transformation of the mentality of the peasant and rural community during the establishment of Soviet power, collectivization, development, and collapse of the collective farm system.

Key words: Soviet peasantry, collective farms, Soviet agrarian policy, Tatar ASSR.

Koznova I. E.

**“HARVEST FESTIVAL”: VILLAGE THEME IN THE
MAGAZINE “OGONYOK” (1923—1991)**

The “Ogonyok” magazine performed an important function of translating Soviet values into the mass consciousness. The article considers the forms and ways of presenting agricultural and peasant issues in the journal, referring to the revolutionary and / or national-Patriotic approach. The presentation of the village theme corresponded to the socialist realist heroic canon, was held under the sign of food abundance. Its mythologization reached a high degree in the “Ogonyok”.

Key words: peasantry, village, collective farms, history, culture, the “Ogonyok” magazine.

Bershadskaya O. V.

**SPECIFICS OF LAND USE AND LAND MANAGEMENT
IN THE BLACK SEA REGION IN THE 1920S**

The paper examines the problems of land use in the black sea village, the problems of land management policy implemented in the 1920s, methods of its implementation and results.

Key words: Black Sea region, forms of land use, land management of rural population.

Goncharova I. V., Chuvaridin G. S.

**EVOLUTION OF THE SOCIAL WORLD OF THE CHERNOZEM VILLAGE
IN THE PROCESS OF COLLECTIVIZATION (1930—1932)**

The article examines the relationships within rural society after collectivization. Problems and conflicts within the collective farm itself, between ordinary collective farmers and managers, as well as between collective farmers and individual farmers are analyzed. Using the example of the social world of the black earth village, the author examines the impact of the deficit economy on the behavior of peasants, the consequences of the policy of dekulakization and collectivization.

Key words: collectivization; rural society; collective farm; individual farmer; Central Chernozem region.

Babashkin V. V.

SOCIAL ASPECTS OF COLLECTIVIZATION IN THE 1930S AND THE “SECOND COLLECTIVIZATION” OF THE 1950S

It is argued that in the new socio-economic situation of the 1930s some adaptive actions were being carried out reciprocally by both the peasant community and the party and state leadership. The agrarian reforms in the years 1953—1964 were more bureaucratic in their nature, and it was harder for the villagers to adapt to them staying in the village.

Key words: *peasant community; the kulaks; personal subsidiary farm; the “unpromising” village; agro-town.*

Ilyinykh V. A.

STATISTICAL MONITORING OF SOWN AREAS IN SIBERIA IN THE 1930S

The article provides reconstruction of the system of statistical monitoring of sown areas in Siberia in 1930s. It is proven, that collectivization led to the collapse of agricultural statistics. It was possible to establish a reliable statistical system only in the second half of the decade.

Key words: *agriculture; agrarian policy; statistical monitoring; sown areas; Siberia.*

Argunov O. N.

THE FIGHT AGAINST HUNGER IN THE COLLECTIVE FARMS IN KURSK REGION IN 1946—1947

The analysis of the sources of the regional archives shows that the causes of the hunger of 1946—1947 in Kursk region were mainly natural, and the fight against the hunger had a systemic and multi-level character in which all levels of government were involved: from village councils to the Council of Ministers.

Key words: *Kursk region; drought; hunger; food assistance.*

Polkh P. P.

FORMATION OF RURAL SOCIETY IN THE EASTERN REGIONS OF THE KALININGRAD REGION IN THE LATE 1940S AND EARLY 1950S

The article examines the conditions under which the system of social relations between representatives of the rural population of the Kaliningrad region, who moved to this region after the end of world war II, mainly from the Central Russian regions, was formed. The Eastern regions of the Kaliningrad region are the most convenient for such analysis, since here the regeneration of former social ties was manifested in the most “pure” form.

Key words: *Rural population; agriculture; collective and state farms; rural society; Kaliningrad region; migration policy; post-World war II period.*

Temnikova E. E.

INFLUENCE OF THE “VIRGIN LAND CAMPAIGN” ON THE AGRICULTURAL TECHNOLOGIES OF TRADITIONAL AGRICULTURAL REGIONS OF THE USSR

The article is devoted to the analysis of the “virgin lands campaign” by N. S. Khrushchev and its influence on agricultural technologies in the old arable regions of the USSR.

Key words: agricultural policy; a campaign for the development of virgin and fallow lands; N. S. Khrushchev; agricultural technologies.

Tomilin V. N.

MACHINE OPERATION AS A FACTOR OF EFFICIENCY OF AGROTECHNOLOGY IN THE USSR (1960S — 1970S)

The article discusses the use of machines in agriculture in the USSR in the 1960s — 1970s, as well as the construction of a new production infrastructure for their maintenance.

Key words: agricultural policy of the Soviet state; collective farms; repair and technical stations; all-Union Association “Soyuzselkhoztekhnik”.

Shevelkov A. I.

THE STATE AND EFFICIENCY OF THE ECONOMY OF COLLECTIVE AND STATE FARMS IN THE NON-BLACK EARTH ZONE OF THE RSFSR IN THE 1960S

The article considers the state of the economy and the efficiency of agricultural production of collective and state farms in the non-Chernozem zone of the RSFSR in the 1960s.

Key words: agriculture; agrarian; economy; collective farms; state farms; Non-Chernozem zone of the RSFSR.

Serogodsky N. A.

PERSONAL SUBSIDIARY FARMS OF THE POPULATION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIOD IN THE SOUTH OF RUSSIA: PROBLEMS AND DEVELOPMENT TRENDS (1970—1990S)

The article analyzes the main trends in the development of personal subsidiary farms of rural residents in the 1970s — 1990s. It is concluded that these farms played an important role in supporting rural and urban population with food and also contributed to the solution of social problems in the countryside.

Key words: agriculture; personal subsidiary farming; food program; material and technical base; agricultural enterprises.

Научное издание

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
2020 год**

**Социальный мир деревни X—XXI вв.:
земельные собственники / землевладельцы и земледельцы**

Подписано в печать 28.12.2020. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 21,13. Тираж 100 экз. Заказ 287.

ООО Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел. +7 (473) 200-81-02, 200-81-04
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга».
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел. +7 (473) 220-57-15
<http://www.n-kniga.ru>. E-mail: typ@n-kniga.ru